

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

★

Л. П. ПОТАПОВ

★

ОЧЕРКИ
ПО
ИСТОРИИ
ШОРИИ

★

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ . XV

Л. П. ПОТАПОВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ

Ш О Р И И

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
М О С К В А 1 9 3 6 Л Е Н И Н Г Р А Д

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР

Непременный секретарь академик *Н. Горбунъв*

Апрель 1936 г.

Редактор издания П. И. В о р о б ь е в

Технический редактор Д. Б а б к и н. Ученый корректор В. А. Заветновский

Сдано в набор 4 января 1936 г. Подписано к печати 27 апреля 1936 г. Бум. 72X110 см. 16¹/₄ печ. листов+1 карта
19,52 уч.-авт. л. 48055 тип. зн. в л. Тираж 2200. Ленгорлит № 11669. АНИ № 1106. Зак. № 70

Типография Академии Наук СССР. Ленинград, В. О., 9 линия, 12.

ОТ АВТОРА

Работа „Очерки по истории Шории“ выполнена в плане моих специальных занятий по изучению истории народов (периода царской колонизации), обитающих в Саяно-Алтайском нагорье. Ближайшим поводом к литературному оформлению „Очерков“ послужил тот тесный контакт, который я установил во время своей работы с общественными и партийными организациями Горной Шории. В соответствии с их пожеланием я и принял настоящую попытку. Вместе с товарищами, работающими в Горной Шории на руководящей и практической работе, мне хотелось бы думать, что „Очерки“ окажутся полезными для работников и учащихся Шории. Кроме того, „Очерки“ предназначены заполнить пробел в области знания исторического прошлого Шории, который имеет место как в общей исторической литературе, так и в специальной, этнографической. Это тем более необходимо сделать, что в текущем году исполняется десять лет существования Горной Шории как самостоятельного национального района в составе Западносибирского края. Юбилейная дата дает повод подвести итоги десятилетней работы по осуществлению на практике Шории советской национальной политики. В данной связи большой интерес представляют подготавливаемые местными работниками публикации о современном хозяйственном и национально-культурном строительстве Шории. Достаточно указать, что Шория, еще накануне Октября представлявшая собой страну, основой хозяйственной деятельности которой являлась охота на зверя и первобытное мотыжное земледелие, уже в 1934 г. дала тысячи центнеров товарного хлеба и в данное время успешно развивает разработку мощных месторождений железа и строительство железной дороги.

Отлично сознавая многочисленные недостатки и недоработанность „Очерков“, я хотел бы указать, что в известной мере это нужно отнести за счет совершенного отсутствия специальных исследований по шорцам, где бы трактовались вопросы, поставленные в данной работе. Вместе с тем считаю, что „Очерки“ отражают также тот общий интерес историков, этнографов и археологов, который названные специалисты проявили за последние годы к проблеме первобытного коммунизма. Известно, что фашистская „наука“ ведет яростную атаку против этого важнейшего звена марксистского учения о социально-экономических формациях, отрицая существование первобытного коммунизма. Конкретные материалы

из истории шорцев лишний раз подчеркивают незыблемость положений Маркса — Энгельса по данному вопросу.

Мне остается еще указать на то, что значительная часть настоящей работы построена на этнографическом материале, собранном мною во время ряда специальных поездок в Горную Шорию в период 1927—1934 гг. Частично эти материалы были опубликованы в отдельных моих работах, посвященных населению Алтая.

В заключение, с чувством глубокой признательности отмечаю ценную помощь, которую оказали мне во время экспедиционной работы в Шории и по осуществлению настоящего издания секретарь Горно-Шорского райкома ВКП(б) И. В. Гладков, председатель Горно-Шорского райисполкома С. Ф. Борисенко и директор Государственного музея этнографии П. И. Воробьев.

Я благодарю также проф. С. Н. Быковского за предварительный просмотр рукописи и за сделанные им ценные указания.

Ленинград. Июль 1935.

ВВЕДЕНИЕ

Шорцы представляют собой тюркоязычную этнографическую группу, обитающую, главным образом, по системе р. Томи (среднее течение) и ее левых притоков — Мрассы и Кондомы.¹

Часть шорцев переселилась уже во времена русского господства в Абаканскую долину, по р. Таштыпу, Матуру, Сее. Незначительная часть шорцев проживает в Турочакском и Чойском аймаках Ойротской автономной области. Основная же масса шорцев выделена в 1925 г. в национальный Горно-Шорский район, входящий в состав Западносибирского края. В русских документах XVII и XVIII вв. шорцы чаще всего назывались „кузнецкие татары“ или же „мрасские и кондомские татары“.

По данным на 1 января 1931 г. численность шорцев, обитающих в пределах только Горной Шории, составляла почти 15 000 душ обоего пола.² В настоящее время эта цифра безусловно должна быть увеличена за счет более точного учета шорцев в пределах Шории и, кроме того, живущих в смежных районах. К сожалению, летом 1934 г., будучи в центре Горной Шории, мы никак не могли добиться в специальном отделе райисполкома (Отдел народно-хозяйственного учета) интересующих нас сведений.³

¹ Шорский язык входит в состав тюркских, в широком смысле слова, турецких языков. О языке шорцев см. следующую литературу: В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в южной Сибири и Джунгарской степи, т. I, СПб., 1866; В. Вербицкий. Словарь алтайского и аладагского наречия тюркского языка, Казань, 1884; Его же. Алтайские инородцы, Москва, 1893, стр. 26—42 и 206—208; Его же (рукопись хранится в Архиве Госуд. географ. общ. в Ленинграде); Грамматика алтайского языка, Казань, 1869, составлена миссионерами; А. Н. Самойлович. Некоторые дополнения к классификации турецких языков. Изд. Института жив. восг. языков, Пгр., 1922; П. Т. Иванов. Сибирские турки и их наречия, Томск, 1927; С. Е. Малов. Отчет о командировке в Томскую губернию. Известия русск. комитета для изучения Средн. и Вост. Азии, № 9, апрель 1909 г.; А. М. Сухотин. К проблеме национально-лингвистического районирования в южной Сибири. Культура и письменность Востока, кн. VII—VIII, М. 1931. На шорском языке напечатаны: Totşev. Şor tilinin, ч. I и II. Учебник шорского языка для начальной школы. Грамматика и правописание для 1—4 годов обучения, Novosibirsk, 1933; A. Kuzurgaşev. Şor tilinin (Грамматика и правописание для школ малограмотных), Novosibirsk, 1935. Перечисленные работы выполнены без учета нового учения о языке, созданного акад. Н. Я. Марром.

² Сибирская сов. энциклопедия, т. III, стр. 617.

³ Это свидетельствует об отношении данного отдела к задачам работ в нац. районе, если здесь нет даже сведений об общем количестве коренного населения района.

Шорцы становятся впервые известны только по русским казачьим донесениям и воеводским отпискам,¹ позднее по сибирским летописям.² Сведения западноевропейских писателей и путешественников (Плано Карпини, Марко Поло, Иван Штильберг, Матвей Меховский, Кампензе, Павел Новый, Герберштейн, Барберини, Гваньини) по Сибири до конца XVI в. не дают никаких данных о населении рр. Томи, Кондомы и Мрассы.³ Сибирские летописи XVII в. содержат упоминания о шорцах (называют их „кузнецами“), относящиеся к периоду позже основания Кузнецкого острога. На географическом атласе, составленном Семеном Ремезовым в 1701 г., шорские волости обозначены на карте как „волости ясашные“.⁴

Название „шорцы“ недавнего происхождения. Оно представляет собой название одного, хотя и самого многочисленного, рода, обитающего преимущественно в системе р. Кондомы и имеющего три подразделения: *kara şor*, *sarɣ şor* и *uzyt şor*. С легкой руки миссионеров, которые в половине XIX столетия образовали на территории Шории миссионерский стан (Кузедеево) и познакомились прежде всего с живущим по Кондоме родом „шор“, — это название вошло и в научную литературу. Радлов в I томе „*Aus Sibirien*“ (1883 г.) употребляет название „*şor*“ для населения, обитающего в „лесистых горах между Телецким озером и истоками р. Томь“, хотя оговаривается: „сами они не имеют для себя общего названия“.⁵ Однако следует иметь в виду, что название „*şor*“ применяли к указанному населению и их соседи. Так, например, живущие севернее по рр. Большому

¹ Упоминания о шорцах встречаются в исторических актах с начала XVII столетия. См. Акты исторические, изд. Археографической комиссией, т. IV, № 17, 21, 26, 45, 46; т. III, стр. 220—222, 374; Дополнения к актам историческим, т. VI, № 93—1—XII, 96; т. VII, № 72—I, II, III, IV, V; Русская историческая библиотека, т. 8, № XXXV; XXXVI; LI; LXV, LXVI; Грамота Михаила Федоровича от 11 сентября 1623 г., Сибирский вестник, изд. Гр. Спасским, СПб., 1819, VII, стр. 141; Миллер. Описание Сибирского царства, СПб., 1750, стр. 407, 417—421, 425—430, 433; Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1890, стр. 9 и др.; Памятники Сибирской истории XVIII в., СПб., 1885, кн. I. и II; Сборник кн. Хилкова. СПб., 1879.

² Сибирские летописи. Описание Сибири, изд. Археографической комиссии, СПб., 1907, стр. 382; Титов. А. Сибирь в XVIII в., Москва, 1890, стр. 79. Описание новые земли, сиречь Сибирского царства. По рукописи б. Румянцевского музея № ССХСIV, № 2; А. Попов. Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции, Москва, 1869, стр. 403.

³ Ф. Аделунг. Критико-литературное обозрение путешественников по России до 1700 г. и их сочинения, Библиотека иностранных писателей в России, СПб., 1836; А. Оксенов. Сибирь до эпохи Ермака, Томские губ. вед., 1889, № 2—13; М. П. Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и писателей, Иркутск, 1932; Путешествие Ивана Штильберга по Европе, Азии и Африке с 1394 по 1427 год. Записки Новороссийского университета, ч. 1, т. I, Одесса, 1867; Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам в XIII, XIV и XV ст. Перевод Языкова, СПб., 1825.

⁴ Чертежная книга Сибири, сост. Тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г., СПб., 1882. Лист „Кузнецкий город“.

⁵ *Aus Sibirien*, Bd. I, Leipzig, 1893, S. 213; Его же. *Ethnographische Übersicht der Türkstämme Sibiriens und der Mongolei*, Leipzig, 1883, S. 12.

и Малому Бочату телеуты называли шорцев „şor-kizi“ или „aba-kizi“. Точно так же до сего времени шелканцы и ойроты называют шорцев „şor-kizi“. А тубалары и кумандинцы — „şor-kizi“ или „aba-kizi“. Последнее название представляет большой интерес. „Aba-kizi“ — это „абинцы“, довольно хорошо описанные Гmeliным и Георги.¹ Нам кажется прав Радлов, когда он высказывает мысль о родстве современных шорцев с „кузнецкими татарами“ и в частности с „абинцами“.² По свидетельству Георги, „Абинские татары называют сами себя Абинцами: под названием же сим разумеется коренной народ: ибо слово Аба значит на татарском языке отец. В прежние времена жили они на Томи, около Кузнецка, почему они место сие и ныне еще называют «аба Тура» т. е. отечеством: но как телеуты из Белых гор перешли в нынешние их места, то слабейшие Абинцы не хотели быть вытеснены дале в северную сторону, но пошли по Томе в верх в вышние горы, в коих они живут еще и ныне при двух Томских реках, а именно Кондоме и Мразе. Они разделяются на несколько аймаков или колен, но все вообще платят подать только с небольшим за сто луков или душ. В рассуждении виду, душевных качеств, внутреннего своего устройства, нравов, языка, счисления времени и обрядов сходствуют Абинцы с Телеутами совершенно, и так же, как и они, держатся шаманского идолослужения, почему и надобно применять к ним то же самое, что сказано о телеутах“.³

Далее следует описание хозяйственной жизни абинцев. „Промыслы их состоят в скотоводстве, звериной ловле, плавлении железа и земледелии“ (162). „Звериная ловля есть — главное их дело, по тому наипаче, что всякая дичина полезна им в рассуждении как шкур, которыми они и подушный свой оклад очищают, так и мяса“⁴ (163). „Земледелие их не знатное, мало кто в оном упражняется, и пашни таковых земледельцев едва могут величиной сравняться с знатными огородами: и потому они вместо сохи употребляют заступы“ (162—163). „Скотоводство их во всем подобно телеутскому, но еще меньше оно, и следовательно недостаточнее“ (163).

Мы привели эти выписки для того, чтобы в ближайшей главе показать, что и современная нам хозяйственная деятельность шорцев до Октябрьской революции оставалась той же, что и у абинцев времен Георги. Связь

¹ Gmelin. Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743, Bd. I, Göttingen, 1751. Георги. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. 4 части, СПб., 1799 г. На нем. языке. Bemerkungen einer Reise im Russischen Reich im Jahre 1772, 1773 und 1774. St. Pet., 1775.

² Aus Sibirien, Bd. I, S. 213—214.

³ Описание народов, ч. II, стр. 162.

⁴ Несколько выше Георги замечает: „Домашний скarb их и ествы точно такие, как и у языческих телеутов, но еще скуднее. Кроме хищных зверей, едят они и падальщину. Хлеб и курмачь мелют в жерновах, которые не кругом вертят, но только из стороны в сторону качают“ (стр. 162).

абинцев с населением, называемым ныне шорцами, можно усмотреть еще и в том, что после покорения русскими у шорцев была образована „Абинская волость“, а мы знаем, что в основу административного деления „ясашных татар“ обычно полагался родовой принцип. Вполне понятно также и то обстоятельство, что Радлову, как и нам в поездку 1934 г., удалось зарегистрировать род „ава“ среди шорцев.¹

Все это заставляет нас считать абинцев времен Георги за родовое образование, родственное по языку и хозяйственной деятельности многим другим подобным родовым же образованиям, которые мы теперь в совокупности привыкли обозначать термином „шорцы“. Между прочим, подчеркнутое Георги большое сходство абинцев с телеутами подтверждается и при сравнении современных шорцев с бачатскими телеутами. Точно так же мы склонны рассматривать и „верхь томских татар“, про которых у Георги сказано, что они составляли колено (род) волости, имеющей особого башлыка, заключавшей в себе около 150 душ. „По примеру абинцев, — пишет Георги, — имеют они небольшое скотоводство, а питаются по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Земли же совсем не пашут и потому хлеба не едят. Подушный оклад платят в Кузнецк мягкой рухлядью“.²

Будучи в Шории в 1934 г., нам часто приходилось слышать от местных работников шорцев вопрос: когда и откуда пришли шорцы в места настоящего обитания. Мы полагаем, нет никаких данных, равно и необходимости, доказывать, что современные шорцы откуда-то пришли в Горную Шорию. Современные шорцы — потомки „кузнецких татар“, с которыми русские казаки столкнулись в начале XVII в. под Кузнецком и постепенно, покорив, обложив ясаком, оттеснили вверх по Кондоме и Мрассе. А относительно „кузнецких татар“ историк Миллер приводил в конце XVIII в. следующее свидетельство: „они всегда на одном месте обретаются. Живут они в тех местах, где реки Кондома и Мраза с Томью рекой соединяются. Сии татары были прозваны кузнецами, потому что они железную руду плавят, и из выплавленного железа делают всякую домашнюю посуду и принадлежащее к звериному промыслу орудие.“

„Тогда они не знали еще над собой никакой чужой власти, и жили в своей природной вольности, кроме что иногда киргизы, яко хищный народ, к их жилищам подъезжали, и тогда сии татары откупывались у них подарками, а именно давали им своей работы котлы, таганы, стрелы и прочее для освобождения себя от полону, или от горшего еще злоключения“.³ В настоящее время в местах обитания древних шорских кузнецов раскинулся мощный завод, гигант социалистической металлургии, и г. Сталинск.

¹ Миллер также указывает, что „аба“ — это род „кузнецких татар“ (стр. 424).

² Георги, ч. II, стр. 164.

³ Описание Сибирского царства, СПб., 1787, стр. 334—335; Фишер. Сибирская история, СПб., 1771, стр. 213.

„Кузнецкие татары“ принадлежали к аборигенам северной, таежной части Саяно-Алтайского нагорья. Представляя собой ряд родовых групп, выступавших в разное время в различных комбинациях и соединениях, объединенные общностью языка и хозяйственной деятельности, они не достигли той ступени развития, когда целые группы родов, объединяясь, принимают общее название, сохраняя, разумеется, и родовые наименования. Однако почти постоянная зависимость данных этнографических групп от более сильных соседей, выражавшаяся в обязанности вносить дань, порой настолько сближала подобные родовые группы, что они начинали осознавать свою общность, проявлявшуюся, кстати, и в возникновении единого общего названия; таково, например, название „тубалары“. По поводу данного названия мы склонны согласиться с Н. Кузьминым, который полагает, что оно произошло от названия тубинского княжества „енисейских киргизов“, известного по русским документам XVII в. Княжество располагалось на правой стороне Енисея с центром по р. Упса, впоследствии названной русскими Тубой. Сфера влияния тубинских князей простиралась и на таежную часть Алтая. Население алтайской тайги платило дань тубинским князьям. Вероятно поэтому это население соседи стали называть „тубалар“, т. е. люди Тубы или тубинские люди, и этот термин был усвоен и ими самими. Нам уже приходилось однажды указать, что приблизительно то же самое произошло с названием „ойрот“, объединившим мелкие этнографические группы Алтая.¹ Ряд родов, обитавших по р. Катунь, называли себя „ojrot kizi“, благодаря сохранившейся памяти о подданстве Ойротскому союзу — политическому объединению западомонгольских князей. После Октябрьской революции, в связи с выделением этнографических групп Алтая в автономную область (1922 г.), был принят термин „ойрот“ как общее самоназвание.

Шорцы с давних времен находились в вековой зависимости от своих более сильных соседей, которым они платили дань. Хотя Миллер и пишет, что до русского подданства „они не знали еще над собой чужой власти“, тем не менее, он сам же отмечает о необходимости „откупаться“ от киргизов котлами, таганами и стрелами. На деле же это была дань киргизам. Из китайских летописей известно, что население Алтая уже в половине VI в. добывало из руды железо и платило им дань жужаням. Из позднейших известий мы знаем, что население Мрассы и Кондомы до русского подданства должно было платить дань железом и пушниной киргизским князьям, владельцу северной Монголии — Алтын-хану и позднее джунгарскому владельцу Кан-тайши. Дальше мы увидим, что названные владельцы продолжали взимать дань с шорцев и после того, как русские казаки, „холопы московского государя“, по заданию томских воевод после длительных усилий привели шорцев „под высокую государеву руку“.

¹ Л. П. Потапов. Разложение родового строя у племен Северного Алтая. I. Материальное производство. Известия Гос. академии истории материальной культуры имени Н. Я. Марра, в. 128, М. — Л., 1935, стр. 12.

Обложение шорцев данью-ясаком со стороны томских воевод случилось в начале XVII в. Оно совершилось как отдельный акт общего процесса колониальной завоевательной политики московских государей, посылавших казачьи команды в Сибирь для завоевания „новых земель, людишек и животишек“. Особенно привлекала московских царей в Сибирь ценная пушнина. Главный доход царской казны составлялся из поступления ясака пушниной. Как сообщает Флетчер, в конце XVI в., в царствование Федора Ивановича, московский государь, кроме удовлетворения потребностей московской казны мехами, отправлял пушнины за границу на сумму 400 000—500 000 тогдашних рублей, что составляло треть всех доходов, поступавших в казну.¹ Среди источников пушных богатств Сибирь занимала виднейшее место. Историк Котошихин пишет: „а присылается из Сибири царская казна ежегодно: соболи, мехи соболя, куницы, лисицы черные и белые, горностаи, белка в розни и мехами, бобры, рыси, песцы черные и белые, и зайцы, и волки, бобры, барсы. А сколько числом тае казны придет в году, того описать не в память, а чаять тое казны приходу в год больша шти сот тысяч рублей“.² Свыше чем на 600 000 рублей поступало пушнины в казну из Сибири, той самой пушнины, которая собиралась путем ясака. Но разве это было все? Нужно учесть еще массовые крупные хищения ясачной казны сибирскими воеводами и их административным и служилым аппаратом до сборщика ясака включительно, а после них еще предоставлено было право действовать купцу. Именно за счет ценной пушнины, добытой трудом сибирского охотника, за счет ясака „покупались заморские вина и сласти, которыми отягощалась трапеза царей, и разноцветные кафтаны, которыми щеголяли при дворе. Груды золота и серебра, которые наполняли царскую казну и приводили в изумление иностранцев, приобретались на меха. Соболями и лисицами, между прочим, платил царь за монашеские молитвы о здоровье его и об упокоении его предков и за воинскую доблесть и безусловную покорность его холопов; наконец, этою казною Московская власть привлекала к себе византийскую и киевскую мудрость, которая так усердно ратовала против всяких действительных, а иногда и мнимых уклонений от православия“.³

Царь ревниво оберегал свою казну от конкуренции. В „инородческих“ землях не велено было никому, кроме ясачных, ловить зверей „тенетами и бить из луков и из пищалей и иным обычаем“.⁴ Воеводам и служилым людям то и дело летели строгие царские указы, чтобы царскую казну „не воровали бы“. Тем не менее они „имали ясак с прибавкою, не по госу-

¹ О государстве русском, изд. 2-е, СПб., 1905, стр. 47; Соловьев. История России, VII, стр. 398; Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, Казань, 1866, стр. 158.

² О России в царствование Алексея Михайловича, СПб., 1906, стр. 93.

³ Н. Фирсов. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве, стр. 159.

⁴ Котошихин, стр. 94; Полн. собр. зак., II.

дареву указу, и тем самым корыстовались, а воеводы того не берегли, и суда прямого им не давали, и сами продажи и убытки чинили, а посулы и поминки имали великия и ясаки имали воеводы без государева повеления, и в волости к ним для ясаков воеводы посылали толмачей и казаков и толмачи и казаки их продавали, имали посулы и поминки, и ясаки имали вдвое“—так говорится в наказе кузнецкому воеводе Голенищеву-Кутузову.¹

Но не только от воевод и служилого люда берег казну московский государь-купец. Не хотелось ему делиться пушным богатством и с назойливыми пронырливыми купцами. В упомянутом наказе воеводе Голенищеву-Кутузову читаем: „А которые торговые люди учнут приезжати с товары своими в Кузнецкий острог, и у тех торговых людей велети товары их переписывати на лицо, и торговати им своими товары до тех мест, покамест ясачные люди государев ясак заплатят весь сполна, не велеть, а как государев ясак ясачные люди заплатят, и торговым и всяким людям велети торговати на гостине дворе и в торгу... а опричь гостина двора и торгу, по волостям и татарским юртам и по деревням не ездити и торговати отнюдь нигде не велети“.² Этим приемом московский государь наносил чувствительный удар своим конкурентам. Кроме того, таким образом им трудно было ускользнуть от уплаты десятинной пошлины, которая взималась с купцов и промышленных людей, покупавших у ясачных пушнину в пользу царской казны. Помимо десятинной пошлины в тех случаях, когда торговцам разрешалось ездить в город, с них взималась еще „отъезжая пошлина“. Но разрешение переезжать из города в город с торговыми целями ограничивалось условием, „что б едучи дорогою от города до города по юртам и по волостям, теми своими товарами ни с кем не торговали“.³ Нарушившие данный указ подвергались конфискации товаров в государеву пользу, „битью батогами“ и недельной отсидке в тюрьме, а доносчикам на них выдавалось материальное вознаграждение — „тем людям (доносчикам. Л. П.) давати государево жалованье смотря по делу“. Этим же указом запрещалось торговать „мягкой рухлядью“ и воеводам. Таким путем московский царь обеспечивал себе право монопольной эксплуатации сибирского пушного богатства. И когда при всем этом спрос на пушнину усилился в связи с развитием российской торговли с границей при Петре I, последним изыскивается новый дополнительный способ получения мягкой рухляди путем продажи вина, пива на пушнину, в целях чего издается специальный указ, где проводится расценка вина и пива на пушнину и рекомендуется строительство кабаков, в том числе и в местности вверх по р. Томи.⁴

Полагаем, что приведенных вводных замечаний вполне достаточно для понимания последующего изложения.

¹ Акты исторические, собранные Археографической комиссией, СПб., 1842, т. III, стр. 219.

² Там же, стр. 220.

³ Там же.

⁴ Томские губ. вед., 1864, № 31.

Попытки обложить ясаком шорцев, которые в то время входили в понятие „кузнецкие татары“, впервые, судя по имеющимся историческим источникам, относятся к тому периоду, когда был основан русскими казаками город Томск (1604 г.). После построения г. Томска, по словам Миллера, „кузнецкие татары были ближайшим объектом, о включении которого в границы русского государства старались в Томске“.¹ Томские воеводы систематически посылали казаков для объясачивания живущих вверх по Томи „кузнецких татар“. Так, в 1607 г. несколько томских казаков пытались собрать с них ясак, но вернулись без результата. В 1609 г. казаки посылаются к шорцам за ясаком вновь и возвращаются с тем же успехом. В челобитной своей „царю Василию Ивановичу казаки Васька Волинский и Михалка Новосильцев“ указывают, что воевать „осенью и зимой кузнецких людей не можно, что живут государь в крепостях великих и болота обошли и зыбели великие и ржавицы, а зимой живут снега великие, и воевать государь их кроме лета в жары не можно“.²

Во время указанных походов казакам пришлось наткнуться не только на сопротивление шорцев, но и на вмешательство киргизов. Объединившись с киргизами, шорцы не только не дали ясак, но и пытались убить казаков. Однако благодаря заступничеству дальновидного абинского паштыка Базаяка казаки избежали от смерти. В следующем 1610 г. казачий атаман Иван Павлов с 40 казаками был послан к непокорным с инструкцией: по прибытии на место сначала укрепиться, а потом рассылать людей с требованием уплаты ясака и посланки в Томск князцов татарских для признания власти белого царя. Экспедиция Павлова также не увенчалась успехом. Некоторые князцы внесли небольшой ясак, но не дали того, что с них требовали. Кроме того, по существу вынудили казаков уйти обратно почти с пустыми руками и не силой, а измором, отказываясь давать и продавать что-либо съестное. В последующие три года казачьи экспедиции за ясаком к „кузнецким татарам“ не были удачнее, причем в 1611 г. казаки опять отсиживались под защитой того же Базаяка, который, очевидно, предвидя неизбежность покорения русскими, добровольно стал оказывать поддержку казакам в расчете на будущие блага от завоевателей. В 1615 г. Томский воевода стал действовать более решительно и послал две сотни казаков под предводительством стрелецкого сотника Пущина и казачьего атамана Константинова. Этой экспедиции вменялось в обязанность во что бы то ни стало объясачить непокорных. Пушин и Константинов решили применить силу. Они разбили своих людей на несколько отрядов, послали их в разные стороны и начали совершать военные операции. Казакам удалось взять несколько селений — улусов (Абинский, Сарачерский с паштыком Кузга). Шорцев били, убивали, брали в плен, собирали с них ясак, но в это время на

¹ Sammlung russischer Geschichte, т. VI, стр. 540.

² Миллер. Описание Сибирского царства, стр. 336.

помощь к ним подоспели киргизы и калмыки, которые считали „кузнецких татар“ своими „киштымами“ (данниками). Казаков окружило войско численностью около 5000 человек. Последнее обстоятельство вынудило казаков укрепиться. Отбиваясь в течение десяти недель от нападений, казаки, истощенные голодом, решились пойти на отчаянную вылазку, с целью пробиться сквозь неприятельские ряды, что им и удалось. Пробив окружившее их кольцо, казаки сумели даже захватить знатных пленных и ушли в Томск. Такой боевой прием произвел большое моральное действие на кузнецких татар и в следующем 1616 г., когда к ним явился для сбора ясака томский казак Ананьин, — они внесли ясак.¹ В 1616 г. в казачьих донесениях уже отмечается усердие „кузнецких татар“ при уплате ясака: „... и кузнецкие государь люди тебе государю шертовали (присягали. Л. П.) и ясак с себя дали, и тебе государю нынече кузнецкие люди служат и прямят, и ясак государю дают“. Правда, в другом донесении того же года казак Ивашка Теплинский, посланный „в Тюлеберскую, да в Абинскую, да в Сачаровскую, да в Чорскую, в Елескую, в Каргу, да в Ковы“ жалуется, что „кузнецкие государь, князьки и лутчие люди тебе, государь, ясак не дали и не шертовали, и меня, государь, холопа твоего ограбили и платье поснимали“.²

Для того чтобы закрепить за собой объясненных и учитывая, что „кузнецкие татары“ далеко находились от Томска, было решено в 1617 г. построить острог на правом берегу р. Томи против впадения в нее р. Кондомы. С этой целью из Томска был послан боярский сын Харламов, который отправился из Томска вверх по Томи в сентябре месяце, но не дошел до назначенного места и остановился зимовать. Томские воеводы Боборыкин и Хрипунов спешили. Поэтому, узнав о зимовке Харламова, они послали ему в помощь отряд служилых людей на лыжах под начальством татарского головы Кокарева и казачьего головы Лаврова. Отряд соединился с Харламовым в феврале 1618 г. и вскоре достиг намеченного пункта, где и был выстроен Кузнецкий острог, первым воеводою которого был назначен боярский сын Харламов, а Кокорев и Лавров возвратились в Томск. Таким образом, Кузнецкий острог был основан в 1618 г.³

По преданию шорцев, на месте Кузнецкого острога было укрепление абинцев (так называлось население северной Шории), которое русские, отчаявшись взять приступом, взяли подкопом. Название Кузнецк объясняется влиянием развитого кузнецкого дела в этой местности, отсюда же русское название для Шории „кузнецкие татары“. В местных преданиях и обыденной речи шорцев Кузнецк называется Аба-тура (Abatura), т. е. „город абинцев“.

¹ Миллер, стр. 424, 428, 429.

² Там же, стр. 429.

³ Миллер. Описание Сибирского царства, изд. 2-е, СПб., 1787, стр. 349, 351, 350; П. Словцов. Историческое обозрение Сибири, кн. II, СПб., 1886, стр. 67; Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв., Москва, 1928, стр. 159.

С основанием Кузнецка покорение шорцев еще не закончилось. Из отписки кузнецкого воеводы Голенищева-Кутузова царю Михаилу Федоровичу узнаем, что „Киченская земля“ (надо думать — местообитание рода „kesin“, в верховьях Мрассы) была объясачена в 1627 г. Здесь же говорится о мрасских „захребетниках“, не дававших ясак до 1627 г. Наконец, из этой же отписки можно заключить, что в данном году впервые был взят ясак с некоторых Кондомских волостей и сделана неудачная попытка объясачивания тубаларов („Чигатская земля“ — жили тубалары — род „sagat“; „Абери или Ибери и Тогусцы“ — тубаларские роды jeber и togus).¹

В отписке кузнецкого воеводы И. Волхонского читаем, что в 1629 г. кондомские шорцы „все отложились, а твоего государева ясаку на нынешний год не хотят дати“.² В том же году „тех государевых непослушных людей погромили, жон их и детей в полон побирали“.³ Это была обычная судьба восставших ясачных.

Основание Кузнецкого острога делало борьбу шорцев с русскими казаками особенно затруднительной и исход борьбы был неизменно на стороне казаков. Тем не менее овладение районами северного Алтая затянулось на целое столетие. Главными противниками русского продвижения в этот край были киргизские и калмыцкие князья феодалы, желавшие монопольно эксплуатировать население указанных районов путем взимания дани, которую они брали пушниной и военным и охотничьим снаряжением из железа. Благодаря этому данные районы являлись базой для снабжения железом кочевых феодалов. Вот почему кочевые владельцы так долго и упорно отстаивали их от русского господства при помощи вооруженного сопротивления.⁴

Первыми жителями Кузнецкого острога были служилые люди из Томска, литовские казаки и пашенные крестьяне из Верхотурья.

Положение служилых людей, казаков, здесь было незавидное, о чем свидетельствует изобилие казачьих челобитных московскому царю. Вот пример такой челобитной: „Мы, холопы твои государевы, пошодчи на твою царскую службу в «Кузнецы», одолжались великими долгами, давали

¹ Русская историческая библиотека, изд. Археографической комиссией, СПб. 1884, т. 8, стр. 472—476.

² Там же, стр. 596—599.

³ Там же, стр. 599—600.

⁴ О вооруженных выступлениях киргизов, калмыков и коренного населения сев. Алтая см.: Г. Миллер, Описание Сибирского царства, стр. 412—451; Акты исторические, т. III, стр. 379—380; т. IV, стр. 58—60, 148—149; т. V, стр. 165—167; Дополнения к Актам историческим, т. III, стр. 379—385; т. V, стр. 39—44, 82—83, 164—170; т. VII №№ 72, 172, также стр. 332—343; т. VIII, стр. 33—52; Русская историческая библиотека, т. 8, №№ XXXV, LI, LXV, LXVI; Сборник кн. Хилкова, стр. 193—194, 306; Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, №№ 1—3, 6, 10, 15, 19—21, 25, 26, 29, 32, 37, 39, 60; кн. II, № 77; Материалы для истории Сибири. Чтения в Обществе истории и древностей российских, 1866, кн. IV; 1867, кн. I; Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1897, в. 2, №№ 10—12, 14.

на себя кабалы, а имали в долг платье, и обуви, и харчи, и головы свои позакабалили, и животишков своих избыли, и в долгу, государь, погибли до конца, без твоего царского жалованья. Милосердный царь-государь и великий князь Михайло Федорович всея Руси, смилуйся, пожалуй нас, холопей своих, за наше службишко и работу своим царским жалованьем, вели нам его дати, что б нам холопам твоим, без твоего царского жалованья, на правеже в долгу в конец не погибнуть и твоей царской службы впредь не отбыть. Царь-государь, смилуйся, пожалуй“.¹

В 1622 г. Кузнецк был преобразован в город, который так же, как и в бытность свою острогом, управлялся воеводой. В 1656 г. Кузнецк получил герб с изображением волка. До этого момента, со времени основания здесь сменилось 14 воевод.² Воевода назначался в Москве в Казанском приказе и утверждался царем. Кузнецкие воеводы по существу управляли огромным краем, можно сказать, целой страной и имели полномочия на внешние сношения, которые в XVII в. ограничились киргизами, калмыками и саянскими мелкими племенами, зависимыми или от киргизских, или от калмыцких князей.³ Управление воеводы сосредоточивалось „в съезжей избе“, где производились и пытки. Из окладной книги 1655 г. можно заключить, что штат съезжей избы состоял из трех подъячих с окладом — одному 12 руб., а двум остальным по 10 руб. в год; сторожа съезжей избы с окладом 3 руб. в год; сторожа тюрьмы при съезжей избе с годовым окладом 3 руб. и палача с таким же окладом. В съезжей избе пытали и замучивали до смерти „ясашных татар“ с целью выпытать, не затевается ли заговора, в результате которого ясашное население должно напасть на Кузнецк (как это не редко бывало) или убежать в „киргизы“. Здесь же наказывали беглецов от ясака.

Кузнецк имел деревянные ворота с запором, у которых дежурил сторож, получавший оклад 2 руб. в год.

В 1655 г. в Кузнецке находилась следующая военная сила: детей боярских 3, с окладом в 13 и 12 руб. в год, казачий атаман 1 с окладом в 10 руб.; пятидесятников 2 с окладом 9 руб., конных казаков простых 71 с окладом по 7 руб. с четью, пеших казаков десятников 87 чел. с окладом по 5 руб., пушкарей 3 с окладом 6 руб. Любопытен отзыв одного из томских боярских сынов, который в 1683 г., находясь в Москве, характеризовал это войско: „В Кузнецком и Красноярском острогах людишки нужные и бедные, по два по три на одной лошади, а иной пеш всегда бродит и запас на себе таскает нартами, от того во время походов

¹ П. Небольсин. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул, СПб., 1850, стр. 130.

² Акты исторические, т. IV, стр. 246; о Кузнецке есть работа Н. Кострова „Историко-географическое описание Кузнецка“. Томские губ. вед., 1867, № 34. 20 марта 1804 г. Кузнецку был дан герб с изображением кузницы и ее приборов. См. Полн. собр. законов Росс. имп. Собр. 2-е, т. 28, стр. 220.

³ Акты исторические, т. IV, стр. 58, 59, 60, 148, 149; Дополнения к историческим актам, изд. Археографической комиссией, т. VI, стр. 313—323.

на киргиз они голодают и от того голоду разные люди всегда погибают от киргиз, что государевы разные люди голодны в их землю приходят и отходят на дороге погибают без хлебных запасов”.¹

Объясачивание населения Шории русскими не приостановило одновременное взимание с них дани другими владетельными соседями. Поэтому шорцы иногда называются в наших старинных исторических документах „двоеданцами“. Так, например, киргизские князья и Алтын-хан продолжали считать шорцев своими „киштымами“, т. е. данниками.² Когда в 1642 г., изнемогая под бременем русского ясака, „Мрасских и Кондомских волостей... ясачные люди (т. е. шорцы. Л. П.) сбежали в киргизы“, московский государь направил грамоту киргизским князьям Талаю и Томаку, в которой, во избежание царского гнева, рекомендовалось: „тех... кузнецких, мрасских и кондомских ясачных людей, сыскав у себя в улусах, всех с женами и с детьми отослать от себя в Кузнецкий уезд, в Мрасскую и в Кондомскую волость, на их старые кочевья... без всякого задержанья“. Киргизские князья ответили отказом, мотивируя тем, „что Мрасские и кондомские ясачные люди киштымы их киргизские, и пришли де к ним кормиться“.³

Джунгарский Кан-тайши также считал в числе своих данников, на ряду с другими племенами северного Алтая, и шорцев. Он систематически посылал из Урги посланцев для собирания дани или „албана“, как ее называли шорцы. Из „Розыскного дела о жестоких поступках с калмыками бывшего кузнецкого коменданта Бориса Синявина, по жалобе на него калмыцкого князя Байгорока Табунова“⁴ выясняется, что в период 1710—1714 гг. от джунгарского Кан-тайши неоднократно приезжали к шорцам сборщики Байгорок и Чай Шалов и требовали „албан“ (или alman). В 1713 г. с шорцев собирали алман уполномоченные джунгарского хана Манзу Бойдоев и Замсун, но они были прогнаны выступившим из Кузнецка с командой людей боярским сыном Федором Сорокиным. В следующем году от джунгарского хана к шорцам на р. Мрассу явился калмык Мергенъ Хашхи с требованием дани, но и он был прогнан по приказу кузнецкого коменданта Бориса Синявина сыном боярским Федором Козьминым. Двоеданство шорцев продолжается до момента разгрома китайцами Джунгарии, как можно заключить из более поздних исторических документов. Еще в рапорте от июня 1745 г. кузнецкого воеводы Шапошникова говорится: „На р. Мрасу приехал алманный сборщик Чахо для сбора алману и обратно с них собрать, и велел им заготовить алману за 2 года

¹ О положении служилых людей см.: Историческая библиотека, СПб., 1884, т. VII, стр. 471—472, 477—489, 533—535, 539—541; Акты исторические, т. V, стр. 98—100, 165—167.

² Слово „киштым“ мы разъясняем буквально как „мой соболяшник“ (от слова *kiş* — соболя), т. е. имеющий платить соболей.

³ Исторические акты XVII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1890, стр. 8—9.

⁴ Памятники Сибирской истории XVIII в., СПб., 1885, кн. II, стр. 295—350.

таганами и котлами. А с Кумандинских волостей алман уже собран Дюренем. С Чахо приехали 13 человек калмык, лошадей 50".¹

Проделав краткий исторический обзор покорения шорцев по доступным нам источникам, мы обратимся теперь к рассмотрению количества родов и их названий населения, обитающего в Горной Шории. Это возможно сделать только для последнего периода эпохи русской колонизации Шории, примерно с половины прошлого столетия. С этой целью мы используем и собственные полевые материалы, относящиеся к сборам 1927 и 1934 гг.

Академик Радлов во время своего путешествия (1860-е гг.) зарегистрировал у шорцев 21 род.² А. В. Адрианов, посетивший шорцев в 1881 г., приводит список родов в 15 названий.³ Во время наших поездок зарегистрировано также 15 родовых названий.

Во всех списках общими являются: 1) кьзaj (или кьзыl-gaja); 2) tajaş;⁴ 3) кьj; 4) kara-şor; 5) sarıg-şor; 6) karga; 7) celei; 8) sebi;⁵ 9) кобыj; 10) aba. Радлов, кроме перечисленных, дает еще следующие названия: коңь, коьь, cedebeş tartkыn, usta, aba, tagan, kereş, bar-sojat, şalkal, şaragaş.

Мы считаем, что радловский список явно преувеличен в той его части, которую мы привели дополнительно. Так, например, Радлов приводит роды коj и кьj как два различных рода. На деле же это различное название одного и того же рода. Далее; он указывает роды: bar-sojat, şaragas, beş bojak. Здесь явное недоразумение. Это официальные русские названия волостей: Барсоятская волость, она же обычно называлась Осиновская (по шорски tagtagъ al сонь), Итиберско-Шерогашева (по шорски Kalar сонь) и Бежбоякова (Кондомская и Мрасская) волость (по шорски Sugtagъ al сонь). Вместо родового названия Радлову, очевидно, сообщили официальное название волостей, которые включали в себя определенные роды. Например, Итиберско-Шерогашева волость включала в себя роды settiber и kalar; оба названия у Радлова не фигурируют. Род cedibeş в основном обитает между Катунью и Телецким озером, и его следует считать осколком тубаларского рода „cedibaş“ (по Радлову) и „Педебаш“ (по Швецову). Впрочем, это родовое название Радлов встретил у сагайцев и у кизильцев. Во всяком случае членов рода „cedebeş“ в Шории после Радлова ни Адрианов, ни мы не нашли. Затем Радлов приводит как шорский род şalkal, это, конечно, — „şelkan“, т. е. шелканцы, главное место обитания которых находится в Ойротии (Турочакский аймак). Не имея окончательных данных, чтобы высказаться об остальных родах радловского списка, укажем, что список этот без искажения действительности может быть сокращен, во всяком случае, до 15—16 названий.

¹ Чтения... 1877, кн. 4, стр. 88.

² Aus Sibirien, I, S. 214.

³ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Записки ИРГО по общ. географии т. XI, СПб., 1888.

⁴ У Радлова „tajas“.

⁵ У Радлова „sebe“.

Нами, кроме родов, вошедших выше в общий список, зарегистрированы в Горной Шории следующие многочисленные роды: *cettiber*, *kalar* и, очевидно, подразделение рода „*şor*“ „*uzyt şor*“. Эти роды отмечены и А. Адриановым.¹ Кроме того, мы зарегистрировали род *kecin*, не отмеченный Адриановым, и отметили два, по нашему мнению, кумандинские рода *tonar* и *tastar*, обитающие в Шории по Кондоме. Наш список совпадает с адриановским почти целиком. Разница в том, что у Адрианова зарегистрирован род „кыйбык“, который у нас вызывает сомнение (не подразделение ли это рода *kyj*?). Вместо рода „*kecin*“, числящегося в нашем списке и отсутствующего у Адрианова, в адриановском списке имеется род *kereş* (отмеченный и Радловым), который отсутствует в нашем списке.

Расселение названных родов по поздним данным представляется в следующем виде.² Род „*celei*“ — в верхнем течении р. Мрассы, по р. Кондоме, ее притоку Антропу. Род „*şor*“ с подразделениями: *sarǵ-şor*, *kaǵ-şor*, *uzyt-şor* обитал преимущественно по р. Кондоме и составлял Карачерскую волость (искаженное название „кара-шорская“). *Uzyt-şor* — жил в верховьях Кондомы, в системе р. Пызаса (Чегорал) и в улусе Кузесеево. Род „*karga*“ (ворона) занимал места по р. Мрассе выше порога, особенно около Анзаса, и частично по Кондоме и Антропу (например, селения Оролугол, Адагол, Карасу — по Антропу). Род *tajaş*, входивший в состав Мрасско-Изушерской волости, обитал по р. Пызасе и его притоку Узасу. Род „*cettiber*“ расселен был по рр. Кондоме, Антропу, Мундубашу, Андыбашу и по степи близ с. Солтонского. Частично „*cettiber*“ встречались в низовьях Мрассы и по р. Томи выше впадения в р. Мрассу. „*Sebi*“ — по р. Кондоме ниже Тельбеса и по Антропу частично. Род „*kalar*“ занимал долину Мундубаша, правого притока Кондомы, ниже устья Тельбеса. Указанный Адриановым и Радловым род „*kereş*“ оседло жил по р. Кинерке (левый приток Кондомы). Род „*karan*“ жил оседло в улусах Кузедеево и Подкатунском на р. Кондоме, а род „*kyjbik*“, отмеченный Адриановым как особый род в улусе Часовниковском, недалеко от Кондомы, на левом берегу. В верховьях р. Мрассы находились роды: *kobyj* — по р. Кобырзу (составляли Кивийскую волость); *kyzyl-gaja* или *kyzaj* по р. Мрассе около устья Пызаса и близ Кобырзы (составляли Кызыльскую волость); *kyj* обитали главным образом по р. Кыйзасу, притоку верхнего течения Мрассы, и составляли самостоятельную волость. Роды *tonar* и *tostar*, отмеченные нами как кумандинские, обитали в пределах Горной Шории, первый — по р. Антропу, второй — по р. Антропу и речкам Кобыя, Неня, Сози, впадающим в Бию. Главная же масса их находится по р. Бие вместе с другими кумандинскими родами.

¹ Потанин, очерки северо-западной Монголии, т. IV, стр. 936—940.

² При указании местопребывания того или иного рода мы руководствуемся нашими опросными сведениями и сведениями, собранными опросным же путем А. В. Адриановым, проверенными В. Вербицким и помещенными в Очерках северо-западной Монголии Потанина, т. IV, стр. 936—941.

ОЧЕРК I

1. ОХОТА

Охота на зверя в Горной Шории являлась ведущей отраслью производства с древнейших времен; так говорят нам доступные литературные источники. Уже из сибирских летописей и различных воеводских и казачьих отписок мы узнаем, что в начале XVII в., когда происходило объяснение шорцев, и позже, зверовый промысел являлся, очевидно, преобладающим видом производства.¹ Об этом единодушно свидетельствуют все путешественники и исследователи. Из них наиболее ранние сведения из Шории сообщает Георги, который пишет о шорском населении рр. Мрассы и Кондомы и верховья Томи, называя его „абинцами“ и „верхь-томскими татарами“. „Звериная ловля, — сообщает об абинцах Георги, — есть главное их дело, потому наипаче, что всякая дичина полезна им в рассуждении как шкур, которыми они и подушный свой оклад очищают, так и мяса“.² Про верхтомских татар он пишет: „Питаются по большей части от звериного промыслу и дикими растениями. Земли же совсем не пахут и потому хлеба не едят“.³ Знаменитый Паллас фиксирует зверовый промысел как главное занятие для родов „карга“ и „кобий“.⁴ Такие же сведения сообщают все позднейшие путешественники и исследователи.⁵

¹ Миллер. Описание Сибирского царства, СПб., 1787; Исторические акты XVIII столетия. Материалы для истории Сибири, Томск, 1890; Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 11, СПб., 1885; Материалы для истории Сибири. Чтения в императорском Обществе истории и древностей российских, 1866, кн. 4; Акты исторические, собранные Археографической комиссией, т. III и IV, и т. д.

² Описание . . . народов, ч. II, стр. 163.

³ Там же, стр. 164.

⁴ Путешествие по разным местам Росс. государства, ч. III, стр. 508 и 514.

⁵ В. Вербицкий. Алтайские инородцы, Москва, 1893, стр. 17—23; W. Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, 1893, S. 343—359; Его же. Этнографический обзор тюркских племен южной Сибири и Джунгарии, Томск, 1887, стр. 8; Кузнецкие инородцы, Томские губ. вед. 1858, № 9; См. также Журнал мин. внутр. дел, 1858, кн. V; А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г. Зап. ИРГО по общ. географии, т. XI, СПб., 1888; Его же. Путешествие на Алтай и за Саяны в 1883 г. Зап. Западносиб. ИРГО, кн. VIII, в. II, Омск, 1886; Н. М. Ядринцев. Об алтайцах и черневых татарах. Известия ИРГО, 1881, т. XVII, СПб., 1887; Выписка из Журнала миссионера Кузнец. отдел. алт. дух. мисс. В. Вербицкого за 1839 г. Христианское чтение, 1862, ч. I, № 4, стр. 553.

Экономическое обследование шорских хозяйств даже в 1900 г. дало следующие результаты: на р. Мрассе оказалось занятыми зверовым промыслом 90⁰/₀ хозяйств, а на р. Кондоме 80⁰/₀¹. Поэтому можно признать, что в полном соответствии с данными экономического обследования А. Аравийский еще недавно утверждал: „Пушной промысел основное в жизни шорца, обуславливающее экономическое состояние семьи, быт шорца и т. д.“² Древность данного занятия для Шории не может вызывать сомнения, ибо охота на зверя является древнейшим типом производства вообще в Саяно-Алтайском нагорье, куда относится и Горная Шория. О древности охоты здесь говорят прежде всего археологические памятники.³ Так, например, раскопки в Минусинской котловине⁴ близ горы Афанасьевой, у села Батеней показали, что уже примерно около 4000 лет тому назад население данной территории занималось охотой. Здесь было найдено значительное количество охотничьих орудий, изготовленных из камня и кости. Каменные орудия сделаны отжимной техникой и отполированы. Из костей диких животных обнаружены кости изюбра и дикого быка. В эту эпоху охотничье производство преобладает, хотя известны и домашние животные (лошадь, бык, овца). Археологический материал из более поздних погребений (погребение близ дер. Андроновой в б. Ачинском округе, погребения на р. Карасу и особенно погребения Минусинской котловины) также убеждает нас в существенном значении охоты в хозяйственной жизни человека, о чем красноречиво свидетельствуют находки орудий охоты и кости диких животных. Особенно ярко это подчеркивают скальные изображения в Минусинской котловине.⁵ Охота продолжает играть весьма существенную роль в жизни населения Саяно-Алтайского нагорья и в более поздние времена, сохраняясь в горно-таежных районах до наших дней включительно.

Еще недавно густая тайга покрывала не только хребты северного Алтая, но ею были покрыты и предгорные степи. По р. Бие вплоть до ее

¹ Горный Алтай и его население, т. IV. Черневые инородцы Кузнецк. уезда, в. I. Экономические таблицы. Барнаул, 1903; К. Миротворцев. Южная часть Кузнецкого имения. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 25.

² Шория и шорцы. Труды Томского краевого музея, т. I, Томск, 1927, стр. 124.

³ См. Саяно-Алтайскую выставку в Гос. музее этнографии (б. Этнограф. отдел Русск. музея); кроме того: С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае. Матер. по этнографии. Изд. Этнограф. отд. Гос. русск. музея, т. III, в. 2, 1927; Его же статьи в Сибирской сов. энциклопедии: „Афанасьевская культура“, „Андроновская культура“, „Карасукская культура“, „Курганы“ (т. I и II).

⁴ Под именем „Минусинская котловина“ известна обширная впадина сбросового происхождения, расположенная между горными системами Кузнецкого Алтая, Зап. и Восточн. Саян. Котловина вытянута с Ю на С вдоль р. Енисея. См. Сибирская сов. энциклопедия, т. III, стр. 457—462.

⁵ См. Писаницы на Саяно-Алтайской выставке. Большой материал по этому вопросу опубликован Савенковым И. Т. в работе: „О древних памятниках изобразительного искусства на Енисее“, Москва, 1910.

слияния с Катунью и еще ниже по р. Оби, также простирался густой лес, где водился олень, лось, соболь, выдра, бобр и другие звери. Как ни мало было произведено археологических раскопок на Алтае, особенно в его северной части, все же обнаруженных материалов достаточно, чтобы установить древность „охотничьего производства“ и для данного района. Погребения Андроновского типа известны по раскопкам в предгорьях Алтая, в б. Бийском округе.¹ Материалы погребений позволяют заключить, что охота в это время являлась преимущественным занятием населения этого района, хотя уже в то время были известны домашние животные (собака, лошадь, корова, овца). Об этом говорят находки близ с. Фоминского (б. Бийский округ) и близ с. Большереченского на р. Оби. На постоянство охотничьего производства указывают как орудия охоты (из камня, кости и бронзы), так и обилие костных остатков диких животных. Среди последних определены кости: лося, оленя, косули, волка, лисицы, соболя, зайца, выдры, бобра. Многие из перечисленных животных в этих местах уже давно вывелись (лось, олень, косуля, соболь, бобр).² О большом значении охоты на Алтае свидетельствуют не только археологические памятники эпохи бронзы, но также и памятники эпохи железа (раскопки В. Радлова на рр. Берели и Катанде; Адрианова по р. Бухтарме, экспедиции Гос. русск. музея в 1925 г. на р. Катанде).³ Опубликованный археологический материал позволяет утверждать древность и непрерывность охотничьего производства в горах Алтая и его предгорьях. Непрерывность данного занятия от древнейших времен (с эпохи первобытного коммунизма) до нашего столетия способствовала преемственности и сохранности первобытных форм этой отрасли производства, под влиянием определенных социально-экономических условий, вызывавших застойность в области охотничьего производства. Разъяснение этих условий последует ниже. Вспомним также, что Енисейско-орхонские памятники VI—VIII вв. нашей эры⁴ рисуют нам тюркоязычные племена Саяно-Алтайского нагорья как

¹ Археологические коллекции Гос. этнограф. музея, № 4263, 1924.

² М. П. Грязнов. Доисторическое прошлое Алтая. Природа, 1926, № 9—10; Его же. Древние культуры Алтая. Матер. по изуч. Сибири, в. 2, Новосибирск, 1930. Кроме того коллекции №№ 4405, 4615, 4448, хранящиеся в Гос. музее этнографии. А. Kuznesova. *Altertümer aus dem Tal der mittleren Inja. Eurasia Septentrionalis Antiqua V.*

³ А. В. Адрианов. К археологии западн. Алтая. Изв. Археол. комиссии, в. 62, 1916; W. Radloff. *Aus Sibirien*, Bd. II; А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Труды Гос. истор. музея, I, 1926.

⁴ Енисейско-орхонские памятники представляют собой обнаруженные по рр. Орхону (Зап. Монголия) и Енисею каменные плиты, покрытые письменами, которые удалось расшифровать. Надписи эти передают древне-тюркский язык и относятся к VI—VIII вв. См. В. В. Радлов и П. М. Мелиоранский. I. Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдаме, СПб., 1897; П. Мелиоранский. Об Орхонских Енисейских надгробных памятниках с надписями ЖМНП, 1898, июнь; Его же. Памятник Кюль-Тегина. Зап. и Вост. отд. Арх. о-ва, т. XII, вв. II и III, 1899; Бартольд. Новые исследования об Орхонских надписях. ЖМНП, 1899. Библиография, хотя и неполная, есть у Н. Козьмина в статье „Классовое лицо «атасы»-йоллыг Тегина“. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга. Изд. Акад. Наук, 1934.

„йыш кизи“, т. е. „лесные люди“, ¹ „черневые люди“. Бильге-каган называет в надписях свой народ „народом Утукенской черни“. „Черные соболи“ и „голубые белки“ занимают слишком большое место в Орхонских памятниках, чтобы не отвести им большого места в хозяйстве народа Утукенской черни. Очевидно, охота занимала одно из главных мест в хозяйстве населения Алтая, верхнего Енисея и Прибайкалья... Это и понятно. Ведь на черных соболей и голубых белок „голубые“ турки Орхона выменивали и „сладкие напитки, и более необходимые для их хозяйства предметы“. ² Несомненно, это так. Более того, не только охота вообще, но именно охота на пушного зверя, очевидно, существовала на Алтае в I—II вв. нашей эры. По крайней мере в погребениях этой эпохи встречаются и импортные (преимущественно китайские) изделия, которые могли обмениваться, приобретаться, вероятнее всего, на пушнину, так как это был почти единственный ценный продукт, который могла дать тайга.

О древности охоты у шорцев говорят и религиозные воззрения. По меткому замечанию Поля Лафарга — религия подчас является богатейшим музеем древних обычаев. „Человек создает свою религию, — пишет он, — под влиянием окружающих его фактов. Но с течением времени эти факты меняются и исчезают. Религиозные же формы, бывшие их отражением в человеческом уме, сохраняются“. ³ Именно с охотой у шорцев связано большое количество поверий и примет. Именно в связи с охотой и на охоте существовали и выполнялись некоторые ритуальные действия, чего нельзя сказать про другие отрасли хозяйственной деятельности. Все многочисленные духи гор, рек, тайги, почитаемые шорцами, — прежде всего охотничьи духи, почитание которых имело целью „обеспечить“ в первую очередь удачу на промысле. В дальнейшем изложении это станет совершенно очевидно при рассмотрении конкретного материала.

Наконец, о древности охотничьего производства в Шории весьма ярко говорит фольклор, который насыщен отображением охотничьего образа жизни шорцев. Герои сказок — охотники, промышляющие зверя при помощи лука и самострелов. Шорские предания повествуют в сущности о том, что в старину охота на зверя была основным занятием. В одном предании говорится, что шорец „Куюк“, живший на горе близ Кыйзаса, существовал исключительно охотой на крупного зверя. Куюк ходил в тайгу всегда пешком, вооруженный луком и железными стрелами. Его сопровождали только злые собаки, на которых он, при возвращении с промысла, вьючил добычу, так как он не имел деревянных ручных нарт. Здесь еще весьма любопытна подробность о вьючных собаках. Про Куюка рассказывают еще, что кроме диких зверей, он ел змей и насе-

¹ Так до сих пор называют себя тубалары Ойротской автономной области (jыз kizi).

² Н. Козьмин. Хозяйство и народность. Сибирская жив. старина, VII, 1928, Иркутск, стр. 6.

³ Очерки первобытной культуры.

комых. В легенде об Унзас-кая-бажы (скала, с которой берет начало речка Унзас в Шории) богатырь Алдан живет зверовым промыслом, промысля зверя при помощи лука и цепных собак.¹

В недалеком прошлом, воспоминания о котором еще сохранились у шорцев не только в преданиях, но и в рассказах отживающих очевидцев, вся семья шорца принимала участие в промысле, бродя по тайге в поисках зверя. В улусе Калары (Шория) 80-летняя Татьяна Ошкычакова рассказывала: „Жить было трудно и голодно. Зверя в ясак отдавали, за долги торговцам, есть нечего было. Ячменя сеяли мало, тайга мешала, скота не держали, все больше промысляли. Женщины помогали мужчинам добывать зверя. Зимой уходили семьями в тайгу и там жили в деревянных шалашах (агъс). Летом жили по речкам и занимались рыбной ловлей. Женщины так же, как и мужчины, промысляли зверя, на лыжах“. В предании, записанном И. Д. Старынкевич у шорцев улуса Кечин, говорится, как кам (шаман) послал своих трех снох в тайгу промыслять, и как они настреляли из луков много зверей, убивали даже оленей и сохатых. В настоящее время женщины ставят капканы на мелких зверков вблизи жилья.

Таким образом совершенно очевидно, что ведущей отраслью производства у шорцев с незапамятных времен являлась охота, и что основные экономические отношения складывались и развивались в связи с охотой на зверя. Охота сохраняла ведущее значение в хозяйстве шорцев вплоть до Октябрьской революции. В период русской колонизации охота у шорцев стала быстро переходить на товарные рельсы под влиянием усиленного спроса на пушнину со стороны государства („ясак“ — пушниной) и рынка. Шорцы северного Алтая раньше своих соседей скотоводов сделались объектом колониальной эксплуатации и усиленно работали не только на помещика — царя, но и на рынок, сбывая ценную продукцию в руки хищных скупщиков. На основе звероловческого хозяйства развилась и окрепла торговая и ростовщическая эксплуатация шорцев, которая выжала из их хозяйства все жизненные соки, доводя его до предела полного упадка и разорения. Именно на этой основе производилась эксплуатация шорца охотника русскими торговцами и своими баями, которая имела результатом полное обнищание производителя. Не случайно киргизские князья, джунгарские ханы и московские цари столетиями вели между собой настойчивую борьбу за право монопольного обладания звероловческими племенами Саяно-Алтайской области, ибо обложение их данью несло огромное обогащение.

Установив древность и значение в хозяйстве шорцев охоты на зверя, будет уместно перейти к рассмотрению приемов и способов охоты на различных зверей, орудий производства, коснуться вопроса охотничьего быта и т. д. Здесь важно также остановить внимание на архаических элементах данного производства, которых оно так много несет в себе. Эти архаизмы,

¹ Вербицкий, стр. 134.

пережитки, являются весьма ценным материалом для суждения о древнейших этапах охоты на зверя у шорцев и общественной организации охотничьего производства. Данную задачу мы предполагаем выполнить преимущественно на этнографическом материале, собранном нами во время неоднократных поездок в различные районы Горной Шории. К этому вынуждает нас и почти полное отсутствие этнографической литературы вообще о шорцах и в частности по поводу затронутых вопросов. Само собой разумеется при этом, что мы не думаем пренебречь теми немногими, чаще случайными, замечаниями, которые разбросаны в литературе.

В описании указанных вопросов мы будем пользоваться материалом, относящимся преимущественно к последнему времени, включительно до 1927 г. Поездка в Шорию летом 1934 г. показала нам, как неузнаваемо изменилась жизнь шорцев. Многие из того, что мы лично наблюдали в 1927 г., например религиозные церемонии охотников, исчезло совершенно. Другие явления, как, например, употребление некоторых охотничьих орудий и приемов охоты, превратились в крайне редкие пережитки.

Зверовый промысел у шорцев в техническом отношении может быть отнесен к пешему типу. Шорцы — пешие охотники. Большую часть охотничьего сезона, связанного преимущественно с зимним периодом, они проводили на лыжах, а в летнее и осеннее время уходили на охоту пешком. Правда, за последние десятилетия в их пешем быту стала приобретать значение лошадь как средство передвижения. Например, с осени на лошадях увозили в тайгу запасы продовольствия. Запасы эти складывали в особые хранилища и возвращались обратно, чтобы с первым снегом встать на привычные лыжи и выйти на промысел. Тем не менее нельзя говорить о массовом использовании лошади при охоте. Особенно это относится к шорцам, обитавшим в верховьях рр. Кондомы и Мрассы. Лошадь многим охотникам была недоступна по экономическому положению хозяйства.

Свою трудную охотничью жизнь шорцы начинали рано. С 16 лет подросток уже наравне со взрослыми совершал по тайге трудные переходы на лыжах, участвовал в облавах и при разделе добычи получал полный пай. Ясаком полным раньше облагались шорцы с 18 лет. В эти годы юноша считался вполне зрелым охотником. Однако, уже 12—14-летние мальчишки десятками верст ходили на лыжах позади отцов. „Для тепла в ноги класть берем“ поясняли шорцы. На деле же это была суровая школа будущего охотника. В тайге во время промысла эти мальчишки несли нелегкую работу по присмотру за станом, заготовке топлива и воды. Старик Софрон Тепчегешев, живущий в верховьях р. Мрассы (Колзасский с/совет), рассказывал, что он начал брать на промысел своего сына Ивана с 7 лет, хотя тот еще сосал грудь матери.¹ Иван шел с отцом на собствен-

¹ Долгое пользование материнской грудью у шорцев не редкое явление.

ных маленьких лыжах. В тайге мальчик сидел в шалаше, присматривая за станом. Когда отец приходил на ночлег, он учил сына целиться из ружья. Однако стрелять Иван не мог, так как у него рука не могла дотянуться до курка. По приходе домой, говорил со смехом Софрон, его „помощник“ первым делом бросался к матери и просил грудь.

Охотничий сезон („соруг“) начинался с осени, с середины октября, кончался в половине ноября. Зимний сезон начинался непосредственно за осенним. Отдохнув немного и подготовившись, шорцы соединялись в артели и выходили на самый трудный и утомительный промысел, отбиваясь от дома от 50 до 200 километров. Артели составлялись преимущественно из родственников. При родовой собственности на охотничьи угодья (о чем подробно ниже) иначе не могло быть. В преимуществе родственного принципа при составлении охотничьих артелей у шорцев нам пришлось убедиться неоднократно. Даже при промысле пушного зверя, охота на которого велась по существу в индивидуальном порядке, шорцы объединялись в небольшие артели. Количественный состав артели коле-

Фиг. 1 Охотники шорцы.

бался от 2 до 6 человек. В возрастном отношении артель была также разнообразна. В нее входили и старики, не принимавшие иногда непосредственного участия в охоте, и подростки, которые еще учились стрелять. При разделе добычи все наделялись равным паем. Продукты и огнестрельные припасы заготавливались заранее. Огнестрельные припасы в некоторых артелях покупались сообща и составляли достояние всей артели. Остатки их после охоты делились поровну. У шорцев, живущих в бассейне р. Кондомы, продукты питания каждый приобретал самостоятельно. Посуда и котелок для еды у каждого были свои. Объясняли это поверьем, якобы „охотничье счастье“ (ьгъс) каждого охотника находится в котелке. Поэтому в целях безраздельного обладания „счастьем“ каждый должен был пользоваться только своим котлом и только отец и сын, не находящиеся в разделе, могли иметь один котелок. По существу же данное поверье отражало материальную обособленность производителей, которые объединялись в артели лишь на короткий срок, а на деле вели индивидуальное мелкое хозяйство. На ряду с этим у шорцев верховьев р. Мрассы мы имели возможность зафиксировать общность питания охотников на промысле. Из одного котла питались по два и по три охотника.

В подавляющем большинстве случаев объединение родственных артелей у шорцев происходило по отцовской линии. Артели составлялись из наиболее близких родственников по отцу.

Необходимо иметь в виду, что за последнее время родственный принцип составления артели не есть исключаящий другие. Многие шорцы бассейна р. Кондомы, объединяясь в артель, руководствовались, главным образом, личными качествами охотника.

Сборы на промысел производились довольно тщательно. Чинили, а иногда шили новую обувь и одежду. Каждый имел свое ружье, несколько капканов, котелок, чашки, топор и съестные припасы. Все это шорцы складывали на деревянные нарты (şanak), которые тянули за собой, идя на лыжах. У шорцев мы встречали, очевидно, более древнее средство для передвижения охотничьего запаса. Мы имеем в виду волокушу (syrtke), представляющую кусок конской кожи с шерстью, куда завертывается запас, зашнуровывается и волочится на лямке (suknag) по снегу сзади охотника. Часто охотник не имел ни нарточек, ни волокуши. В таких случаях он привязывал охотничью ношу на плечи. Заплечная ноша у шорцев известна под названием „eçmen sukrag“.

Боевые припасы состояли из пороха и свинца. Припасы чаще приобретались артелью сообща, из расчета по 2—2½ фунта пороху и по 5—6 фунтов свинца на охотника. Из съестных припасов брали на 1 месяц на 1 человека: крупы пшеничной поджаренной — 1 пуд, ячменного толокна (talkan) ½ пуда, солода („ьbrak“) для приготовления сытной возбуждающей браги „abyrtkь“ по 5 фунтов, мяса конского 1—1½ пуда, чаю, если был, ¼ кирпича. Брали еще и измельченную сушеную рыбу, из которой варили похлебку с шариками из теста, называемую „tutpaş“.

Таким образом вес охотничьей ноши, волочащейся сзади, достигал 4—4½ пудов. Не имевшие „syrtke“ взваливали ношу за плечи и уменьшали ее вес, за счет сокращения съестного, до 2½—2 пудов.

И так, покачиваясь из стороны в сторону, пробежали на лыжах с таким грузом от 20 до 30 километров в день. В руках каждого лыжника — лопатка для торможения и урегулирования бега с горы, на подобие руля. Лопатка у шорцев называется „курсек“. Этой лопаткой в пути, пересекая застывшую речку, утомленный шорец пробивал лед, зачерпывал воды, насыпал туда талкана (ячменное толокно) и подкреплял свои силы. Она ему служила ложкой и чашкой одновременно. Костюм шорца-охотника состоял из грубой, короткой холодной куртки „şabur“, даже не всегда подбитой кошмой и не имевшей воротника. Куртка запахивалась пола на полу и стягивалась холщевой же опояской, к которой прицеплялся нож. Таких курток надевалось две или три, у кого было. Штанов надевали две пары — те и другие холщевые. На ногах были кожаные бутки „edyk“, с холщевыми голенищами, стянутые под коленом. Вместо чулок служила трава, род осоки (*Carex pediformis*), называемой по шорски „uzat“ и „ozagat“. Голову шорца прикрывала легкая шапка из холста, подбитая разным тряпьем.

Меховую одежду у шорцев имел редкий и брал в тайгу, чтобы „ночью теплее было“. Не раз приходилось удивляться, глядя, как спали в шалаше у костра шорцы, подставив теплу обнаженные спины и набросив на ноги и грудь скудную одежду. Порой кто-нибудь из них, не вытерпев мороза, поднимался полуголый и разогревал оставшийся суп. Поев наскоро горячего, снова сжимался в клубок и засыпал.

На груди у каждого охотника висел набор охотничьих принадлежностей: пороховница, мешечек для пуль, пистонница. Описание и название этих предметов будет дано дальше.

Охотничье производство у шорцев было насыщено религиозными элементами. Религиозное наполнение зверового промысла было настолько обильным, что сам промысел представлялся чем-то священным. В отношении его не допускали насмешек, хвастовства, вранья. Отправиться на промысел нужно было чистым. Накануне нельзя было иметь полового сношения. К орудиям промысла и к одежде охотника отношение было весьма почтительное. Ни ружье, ни ловушку, ни соболью сетку никогда не бросали, а вешали или клали осторожно и хранили вместе с охотничьей одеждой в амбаре, не занося в дом.

Уже с моментом выхода шорца-охотника из дома, еще недавно,¹ связывались различные приметы и поверья. Перед уходом на промысел нельзя было сидеть в той стороне избы, где стояла печка. Выйдя из дома, охотники не ворочались назад, как бы необходимо это ни было. Не отвечали

¹ Излагаемый материал получен нами зимой 1927 г. путем личных наблюдений. С целью изучения всех сторон промысла мы приняли участие в промысле, примкнув к охотничьей артели шорцев.

на вопрос „куда идете?“. Встречая кого-нибудь, считали лучше повернуться спиной к встречному. Никому не разрешалось пересекать охотникам дорогу. Если это случалось, охотники возвращались и отправлялись снова только на следующий день. Шли на промысел тихо, стараясь сохранять благопристойность и серьезность. Если из дома выйдешь и пошутишь, то „доброго не ожидай“, говорили охотники. Шли один за другим гуськом, по одному следу, таща за собой нарточки или волокушу (syrtke). По дороге охотники останавливались около высоких, чем-либо выдающихся гор, и брызгали „абырткой“ (брагой из солода), со словами:¹

Purungu ababis cyrgen	В старину отцы наши ходили, теперь
Em pis saş yren kaldıbbis	мы, молодое поколение, остались,
Ajlandıbbis saş olganar	Мы молодые парни обращаемся,
Ajlanganda arıyman odur	Когда мы обращаемся (к Вам), не утом-
	ляйтесь (нашими просьбами)
Ajlandıbra terlep cyrgen	Кружась (везде ходя), потели
Kızıge aң, narıñıñ pirigine	Человеку из твоей дичи хотя бы одну
körgyzen	ты покажи-ка...
Alkış perebis	Благодарение воздадим.

Переваливая за хребет, охотники ограждали себя пихтовыми ветками и тут же их бросали и, обращаясь к taglar, suglar (горам и рекам), просили последних о благополучии.²

При длительных переходах в дороге устраивали ночлеги. Для этого разгребали снег под деревом, наскоро сооружали навес из веток и ночевали у костра. Некоторые брали с собой складные берестовые покрышки, которыми покрывали быстро сооруженный балаган. Рано утром, подкрепив свои силы, шли дальше. По приходе в тайгу, выбрав место для стана, охотники прежде всего принимались за устройство охотничьего шалаша. Для этого выбирали толстое, густоветвистое дерево (рај-парак) — кедр или пихту, под которым и сооружали шалаш. Старший из охотников обычно чествовал „рај-парак“ кроплением талкана, размешанного в воде, или „абырткой“:

Raj torum salbodur	Богатый шишками, расти,
Parak paştın raj kuzuk	С мохнатой вершиной богатый кедр,
Pis cakş taban	Мы хорошо добудем (заработаем).

Затем старший в артели замешивал снова абыртки и угощал „хозяина горы“ — tag ezi, брызгая ему:

Amır cyrerge neme tabarga	С миром ходить, что-нибудь добыть,
Tiin adarga	Белку подстрелить.

¹ Перевод текстов уточнен с помощью аспиранта (шорца) Института народов Севера Г. Ф. Бабушкина, которому мы выражаем здесь свою благодарность.

² Сообщено Н. Дыренковой.

Некоторые еще говорили:

Разьна kuş koңзып
tozine pis koңар

На вершине птицы пусть ночуют,
У основания (у корней) мы ночуем.

Охотники из рода „калар“ обращались к дереву, чествовали его талканом, восклицая:

Sok, baj barak!

Шок, богатое, ветвистое!

Затем устраивали шалаш. Предварительно разрывали до земли снег, глубина которого в Шории иногда бывает до 5—6 метров. Материалом для шалаша служили срубленные, колотые, сухостойные деревья. Доски ставились стоймя наклонно, верхним концом упираясь в ствол дерева. Посредине шалаша раскладывали огонь, который не угасал во все время промысла. Стены шалаша обкладывали ветками и забрасывали снегом. Дым поднимался в отверстие, образуемое стволом дерева и приставленными концами досок. Этот тип шалаша был наиболее распространен в северном Алтае. В Шории он известен под названием „агьс“. Кроме того, шорцы иногда сооружали другой тип шалаша, называемый „odag“. Под термином „odag“ у шорцев и теперь известен охотничий шалаш более легкого и временного типа. На устройство его требуется не больше часа времени. К большому раскидистому дереву ставят наклонно в круг молодые пихточки с ветвями; последние с внутренней стороны шалаша обрубаются. Бока такого шалаша заваливают ветками. Из него выгребается снег, земля оттаивается, вырывается топорами, просушивается огнем и густо устилается пихтовыми ветками. Шорский охотничий „odag“ легко доступен воде, стекающей с дерева во время оттепели.

Размеры охотничьего шалаша определялись количеством помещающихся в нем охотников, приблизительно из расчета 2—3 кв. метра на человека. Высота шалаша достигала $2\frac{1}{2}$ —3 метров. Вблизи шалаша устраивался настил или сруб на четырех высоких ножках, „tastak“, для хранения съестных припасов от когтистых воров, особенно росомахи. Места в шалаше между охотниками тотчас же строго распределялись, и уже впоследствии никто из них никогда не занимал чужого места, хотя бы оно и было свободным. О порядке распределения мест в охотничьем шалаше можно составить себе представление по схематическому рисунку на стр. 31, изображающему план охотничьего шалаша. Порядок размещения охотников связан с теми функциями, которые выполнял каждый охотник во время пребывания на стане. Он отражает определенное разделение труда охотников, в котором немалую роль играл возрастной момент. Охотники располагались по обе стороны костра. Лучшие места принадлежали старшим. Охотник развешивал на своем месте одежду и оружие. Для этого каждый имел свой „şarсып“, т. е. вешалку, представляющую собой невысокое деревцо с коротко обрубленными сучками. По устройстве стана охотники запасали дрова и осматривали ближайшие окрестности, стараясь определить при-

близительно, по следам, количество зверя. Со следующего утра все расходились в различных направлениях, отбиваясь от стана километров на 15—20. Накануне вечером охотники обращались с жертвой к огню. В огонь бросали кусочки пищи. Особенно „огонь любил сало“. Однако шорцы не приносили в жертву огню коровье, овечье и свиное сало. По их мнению „огонь его не любил“. При приношении жертвы огню называли его:

Otus paštu ot ene
Altyn tondu ot ene

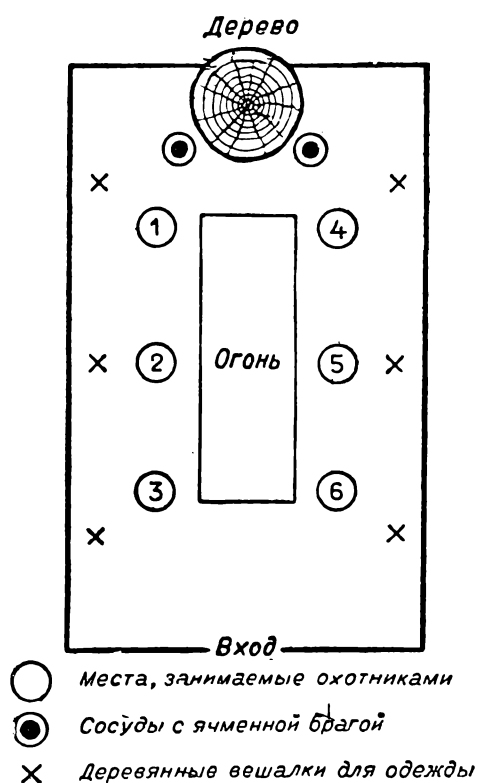
тридцатиголовая мать-огонь
в золотой шубе мать-огонь.

Охотники рода „kalār“ объясняли обыкновение приносить огню жертву вечером тем, что если угостить огонь утром, то он не будет заинтересован в добыче охотника и не окажет помощи в охоте. Поэтому каларцы зорко следили утром, чтобы не перекипел на огне котел с пищей и равнодушно относились к этому вечером. Иногда они „сердились“ на огонь, если долго не было добычи, и ничего ему не давали. Однако, когда зверь начинал попадаться, добрые отношения с огнем восстанавливались, и огонь по вечерам получал жирный навар из супа. Обращения к огню состояли в просьбе дать удачу в охоте на зверя, при этом огню указывалось — каких зверей желательно получить. Огонь считался посредником между человеком и духами „хозяевами тайги“. По религиозным воззрениям шорцев считалось, что звери находились в распоряжении „хозяев“ тайги, от воли которых зависела удача охотников. Надо сказать, шорцы-охотники как бы до реальности чувствовали присутствие „хозяина“ горы или тайги в лесу около себя. „Ночью он (ēzi) ходит около охотничьего балагана, иногда стучит, иногда говорит, — но охотнику нельзя выйти на его стук из балагана. Ночью в тайге вдруг слышатся песни, словно играет кто-то, — это хозяева тайги развеселились. Или пугает около балагана, ревет кто-то, кричит по имени три раза. Надо промолчать — иначе душу возьмет, тогда, по возвращении домой, придется камлать и просить душу назад. Если ходит хозяин тайги около балагана и скажет: «мне приятно угощение ваше утреннее и вечернее, я буду вами доволен, и вы мной» — значит охота будет удачна. Если же хозяин чем-то рассержен, то скажет только: «ходите в тайге» («tajgada corkyla»)¹. „Тогда из этой тайги ничего не промыслишь, сколько бы ни мучился“ — говорили шорцы. Если охотник видел во сне на промысле, что бьет его кто-то, или толкнет, — непременно заболит, это значило, что „хозяин“ тайги сердится. Если снилось, что унес кто-то топор или ружье, охотник устраивал жертвоприношение, так как считал, что „хозяин“ тайги забрал его душу. Если ветер и зверь разрушал балаган, то уезжали на некоторое время домой, полагая, что все равно удачи не будет.¹

Уходя утром из стана, охотник брал с собой ружье, топор и собаку, если последняя имелась. Из съестного брал несколько горстей талкана.

¹ Сообщено Н. Дыренковой.

Надо заметить, что удача промысла в значительной степени зависит от погоды. Как правило, шорец-охотник находит зверя не случайно, а по следу. Поэтому, если в тайге долгое время стоит мороз и нет свежего снега, охотники днями сидят на стане, дожидаясь благоприятной погоды, так как по старому снегу разыскивать след зверя трудно. И только те охотники, которые имеют хорошую собаку, идут в такую погоду. Но и не

1. Место старшего руководителя охотничьей артели. Одновременно он является старшим и по левой стороне шалаша. Его обязанностью является изготовление и распределение ячменной браги для спутников, поселившихся на левой стороне шалаша. Старшему подчинены все охотники данной артели. 2. — Помощник старшего по левой стороне. На его обязанности лежит приготовление продуктов для пищи. Ему непосредственно подчинен младший по стороне. 3. — Младший по левой стороне. На его обязанности лежит, во время пребывания в шалаше, заготовка дров, воды и варка пищи. 4. — Старший по правой стороне. Подчинен непосредственно старшему по артели. 5. — Помощник старшего по правой стороне. Выполняет те же функции, что и его коллега на противоположной стороне. 6. — Младший по правой стороне. Обязанности те же, что и у младшего по левой стороне. Охотники каждой стороны имеют общий котел.

каждый снег является благоприятным для охоты. Порой выпадает снег сухой, крупинками (*ōs kar*) — этот снег затрудняет передвижение на лыжах и утомляет охотника. Для охотника хорош пушистый снег (*kok pytan kar*), по такому снегу отчетливо виден след зверя и легко скользят лыжи. Поскольку шорцы отлично сознавали зависимость промысла от погоды, они раньше имели некоторые особые приемы, которыми и пытались воздействовать на погоду. Приемы эти были магические. Так, например, охотник, находясь во время промысла в балагане, снимая шапку, клал ее на пол, а не вешал на „*šarsyp*“ (вешалку), желая избавиться от мороза.

Порой, при помощи магических приемов пытались вызвать благоприятную для охоты погоду, т. е. снег. С этой целью старший охотник брал топор, тыкал им несколько раз в горящую колодину и выбрасывал из балагана. Так делал три раза.

Возвращались на стан все вечером, с наступлением сумерок, если кто-нибудь не запаздывал, напавши на след оленя или соболя, в таком случае нередко охотник ночевал где-нибудь под деревом один, чтобы с наступлением утра продолжать охоту. Возвратившись на стан, кондомские шорцы обычно извлекали дневную добычу и клали ее сначала у входа в шалаш и уже потом убирали во внутрь. Убивший ценного зверя обычно ничего об этом не говорил своим товарищам. Однако все знали, в чем дело. Счастливцев держал себя подчеркнуто спокойно, обычно ничего не делал, а лежал у костра. Все оживлялись, варили обильную лучшую пищу, и во время еды ценную добычу убивший отдавал старшему охотнику незаметно от других. Последний прятал ее. Шкурка с ценного зверя снималась только накануне ухода домой. Вечер охотники проводили в беспрерывной еде, разговорах о зверях, называя их при этом условными именами. Надо заметить, что у шорцев очевидно существовал профессиональный язык охотников. Нам удалось записать из него некоторые слова.

Наименование слова	Русский перевод	Это же слово на промысле	Русский перевод
Azyg	медведь	aba	прадед
		ulda ¹	дядя по отцу
		tajъ ²	дядя по матери
		uldam	мой дядя по отцу
		adalъk	почтенный
		ulug kizi ³	великий человек
Ak-kiik	олень	abъbyak	старик
		taş tujaktъg	каменно-копытный
		alaş ⁴	дятел
Kiş	sobоль	ak alъş	белая добыча
		albaga	доход
		alabuga ⁵	окунь
		aң	зверь
		askыр aң	самец-зверь
tiin	белка	ēş aң	самка-зверь
		kara cugurtъg	черный бегущий
		sarbak ⁶	палец
		şarbaktъg	когтистая
		agaş kurtu	лесной червяк
		agaş şbъskanak	лесная мышь
		seok paş	костяная голова

¹ См. также Вербицкий. Словарь, стр. 401; ² Есть и у Вербицкого. Словарь, стр. 326; ³ Есть и у Вербицкого, стр. 175; ⁴ Вербицкий. Словарь, стр. 17; ⁵ Словарь, стр. 16; ⁶ Словарь, стр. 445.

Наименование слова	Русский перевод	Это же слово на промысле	Русский перевод
Rylan, plan	сохатый (лось)	uzun azak ak tizek	длинноногий с белыми коленями
Saras	колонок	kolonak kulunak ¹ kunucak ² korsaktыg	колонок ” россомаха клыкастый
Agas, ag-aldы ³	горноста́й	kara-kuzruk	чернохвостый
pyry	волк	uzun kuzruk	длиннохвостый
şarлак	хорек	kojajыm ⁴	купец
Kozan	заяц	jirik	—
Kiik	козуля	aң	зверь
Koj	овца	marsaş ⁵ şagыр karak	блеющая пучеглазая
At	лошадь	tpru	звукоподража- тельно
		tyktyg kabak	с мохнатыми бровями
Inek	корова	сьзь purun	ноздрястая
şoşka	свинья	cer pyrkyş къзьр tyncuk ⁶ tyrtkyş ⁷	землеройка крючконосая —
Multыk	ружье	kyze	зять
Cazal	палочка поправлять дрова в костре	kyze	”
Şeden	загородка, изгородь	keciğ	брод, переправа
Araka	вино	kara-su	ключевая вода
Ok	пуля (для медведя)	kolamсь	подарок жениха невесте
Altыn	золото	сьльтыр	блестеть
Kebe	лодка	işti kol agaş ⁸	пустое внутри дерево
Kазьm//hазьm	дом-юрта	tөrt toloktug	четырехугольная
Kebege, kebee	труба дымоходная	izig	горячая, жар
Kazak	русский	tulaj tumaj ⁹	угрюмый мрачный, молчаливый.

¹ Словарь, 150; ² Словарь, 151; ³ Словарь, 3; ⁴ Словарь, 139; ⁵ Словарь, 200;
⁶ Словарь, 374; ⁷ Словарь, 385; ⁸ Словарь, 63; ⁹ Словарь, 373.

Вечером на охотничьем стане царило оживление. Горел яркий костер. Утомленные охотники протягивали к огню разутые ноги. У входа в шалаш грелись близ костра собаки. Вечером пища варилась обильная и по возможности жирная. Ночью спать теплее. После ужина доставали убитых за день зверков, оттаивали у огня и снимали шкурки. Снимали белку быстро, как и других зверков. Один надрез ножом, а дальше действовали руками и зубами. Через минуту шкурка вешалась на сучек или клалась в берестяную коробку (ерсеҕ). Беличьи тушки ели вареными и коптили для угощения родных.¹ Потом устраивали постели. На костер клали два-три толстых сухих дерева, которые ярко вспыхивали. Разговоры стихали, все сидели развалившись у огня. В руках у каждого была „Cazal“ — палочка для поправления костра и сгребания углей. Палочка делалась обычно из черемухи (иногда и из тальника). Охотники рода „кый“ держали палочку определенным образом: „головой“ палочки (вершиной) кыйцы поправляли огонь, а охотники рода „кесин“, наоборот, при поправлении огня в руках держали „голову“ (вершину). Кыйцы говорят, что по этой палочке, оставленной в пустом балагане, они безошибочно определяли — „кый“ или „кесин“ промышляли в данном районе, настолько это был устойчивый признак для каждого рода. Нельзя было на промысле делать длинную палочку для поправления огня. Верили, что если сделать ее длинной, то белка будет высоко сидеть, а колонок будет далеко убегать.

Кто-нибудь начинал говорить сказку. Слушали внимательно. Сказка про зверей, удалых охотников. Нередко для рассказывания сказок на промысле брали специально сказочника.

Сказки на охоте говорили специально для „хозяев“ тайги, которые „награждали“ за это сказочников зверями. Не только сказки любили слушать горные „хозяева“, еще больше им нравилась игра на дудке (şoor) из сухого дягиля или борщевичка. По этому поводу нам рассказали следующую легенду. Однажды три охотника промышляли в тайге. Вечером, когда они собрались на ночевку в балаган, один из них вырезал „şoor“, лег на спину и стал свистеть на ней, извлекая нежные звуки. Второй охотник взял „кај камъзь“ (деревянную бандурку с волосяными струнами) и под аккомпанемент ее стал говорить сказку. Третий охотник был „кәсмәксі“ (ясновидец), он сидел у костра и слушал игру своих товарищей. Вдруг он увидел как к „şoorсь“, играющему на дудке, подошли два горных „хозяина“ в образе голых девиц. Одна из них села на переносицу к şoorсь, спустив ноги под нос, другая уселась на плечи. Поза горных „хозяев“ рассмешила ясновидца и он громко рассмеялся. Горные „хозяева“ быстро исчезли. Уходя, они сказали: „У нас есть лошадь со стертой спиной, нужно отдать ее „şoorсь“. Шоорчы, полагая, что ясновидец смеется над ним, перестал играть. Утром в его петлю попался сохатый. В другом варианте легенды говорится об охотнике из рода karga, охотившемся в тайге

¹ О. Троицкая. Вверх по Томи и Мрассу. Просвещение Сибири, 1927, № 2.

по р. Кемчику, который не имел удачи. „Опечаленный, он сделал из кедра кобыз (балалайку. Л. П.) и играл на нем. Тогда к нему пришла с гор одна девица (демон), слушала его игру и сказала ему: „Завтра иди на эту гору, там много моего скота“. Утром охотник пошел туда и убил много дорогих зверей. К другому охотнику шорцу, когда он вечером в лесном балагане играл на кобызе, приехал рыжий человек и слушал сказки. Уходя он сказал: „Завтра снова приду“. Пришел и сказал: „Мы с моей матерью долго о тебе говорили: ты пушнины не можешь добыть и потому печалишься: завтра утром возьми палку ожог (речь идет о палочке *cazal*. Л. П.), поднимись на хребет и подойди к двери горы: через те двери будут выходить соболи, ты их бей палкой, сколько хочешь“. Охотник сделал так и разбогател.¹

Рассказывание сказок затягивалось за полночь.

Перед сном охотники еще раз сытно ели, чтобы „спать теплее“. Обычно шорцы на промысле варили суп из белок. Внутренности белки варили вместе, за исключением прямой кишки. Желудок белки вместе с содержимым пекли на углях и ели как лакомство. Часто варили „*tutpaş*“ — для этого брали мелко истолченную сушеную рыбу (рыба мелкая сушилась и толкалась вместе с костями и внутренностями) с кусочками конского сала и это заправляли шариками из теста. Важным подспорьем в питании охотники считали „абырткы“. Для приготовления ее в берестяной туяс (сосуд цилиндрической формы) наливали воды, засыпали солод, плотно обертывали в тряпки или кошемку и ставили близ костра к теплу. Это делали с утра. Вечером охотники, возвратясь в стан, находили „абырткы“ готовой: солод к этому времени закисал и бродил. Получалась приятная на вкус, сладковатая брага, слегка даже опьяняющая. Ее наливали в чашки, прибавляли туда талкана и пили. Охотники-шорцы и теперь пьют „абырткы“ и уверяют, что она придает крепость и неутомимость.

Птиц: рябчиков, тетеревов и т. п. шорцы варили, но дятла черного всегда жарили на углях.

В зависимости от времени года характер пищи охотников изменялся. Находясь в тайге поздней весной или летом, шорцы много употребляли пищи растительной. Черемша или „калба“ (*Allium ursinum*), слизун — „рагыр“ (*Allium nutens*), кандык — „mes“ (*Erythronium dens S. p.*) и многие другие растения, как и ягоды, до некоторой степени умножали пищу охотника. Следует сказать еще об одном довольно оригинальном кушании „*tokсок*“. Оно состояло из толченых кедровых орехов и талкана. Из этой серой смеси, приятной на вкус, делали колобки.

За отсутствием настоящего чая, пили бадан („*kalsap*“) (*Bergenia crassifolia* (L.)), сердцевину сухой березы или белоголовник — *şajulь* — („сын чая“.)

¹ Д. К. Зеленин. Религиозно-магическая функция фольклорных сказок. Сборник к 50-летию научно-обществ. деятельности С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934, стр. 225.

Довольно часто во время промысла охотники голодали. Запаса, взятого из дома, не хватало, тогда ели мясо всех без различия попадавшихся зверков. Если не было и такого мяса, то, как видно из личного опыта старика Софрона Тепчегешева, варили даже кожаные мешки для талкана, которые были сшиты из сыромятной кожи, снятой с головы лошади (Ат разь табак сigen).

В то время, как мужчины охотились, даже дома женщины и все оставшиеся должны были соблюдать известные правила: нельзя было ни веселиться, ни играть, ни ругаться, ни громко смеяться, боялись, что белка не придет к охотнику. На р. Кобырсу две семьи поссорились из-за того, что молодежь одной из них пришла с балалайкой в юрту другой, в то время как хозяева ее были на промысле.¹

По окончании охоты шорцы-охотники благодарили „хозяина тайги“ и огонь. Совершалось обычное брызгание хозяину тайги со словами:

Ababis oşkaş Ak taskyl purunaң ala	Как отцы наши исстари белые вершины (снеговые) прежде переходили,
pere cyrgen ababis ebire	Сюда ходили отцы наши, окружая
urgynur naңыр odurgan	И, радуясь, (домой) возвращались;
pis keldibis edek urgundyrdyң,	Мы пришли, также ты порадовал нас,
Kudaj saga algъş perzin	Бог тебе благословение даст.

Домашний огонь (хозяин его ot icezi) ярким вспыхиванием и треском „извещал“ домашних о скором возвращении охотников. Войдя в юрту, охотник давал жертву огню.

Самый момент прихода с промысла у шорцев имел ряд особенностей. Например, охотник сразу не заносил добычу в дом и сам туда не заходил, пока „пот не высохнет“. В это время нельзя было разговаривать с женщиной. Женщине нельзя было встречать своего мужа.

В зафиксированных религиозных воззрениях шорцев является весьма характерным то обстоятельство, что большинство почитаемых ими духов — охотничьи духи. Это относится к мелким духам, которые почитались только отдельными родами, и к духам более позднего происхождения, духам территориальным, почитавшимся целыми группами родов. Последняя категория духов была чаще антропоморфизирована, но связь ее с „охотничьими духами“ долго сохранялась, как видно из обращений охотников, просящих об удаче на охоте. Эта связь прослеживается и во внешних изображениях духов, имеющих в качестве неперменного атрибута шкурку зверя или ее отдельные части. Охотники рода „Челей“ каждую осень устраивали камлание „хозяину двери“ — ezik-ēzi, который считался сыном Ульгения и хранителем человеческого жилища. Ему приносили

¹ Сообщено Н. Дыренковой.

в жертву туяс с ячменной брагой „ortko“. Моление совершал шаман. Вот отрывок из обращения шамана к ezik-ēzi, характеризующий этого покровителя:

Sarь şapкьп tajaкtu
Peli cok peldiniş
Sarь tiin sagalu
Ak Ylgeni cargalyg.¹

С посохом из желтой акации,
С тонкой вихляющей поясницей,
С бородой из желтой белки,
Имеющий решение светлого Уль-
гения...

Ezik-ēzi имел изображение из бересты, которое висело в переднем углу жилища. Непочитание ezik-ēzi влекло за собой дурные последствия: охотник или болел и не мог выйти на промысел, или во время охоты его преследовали неудачи. Охотники рода „калар“ осенью перед промыслом камлали „Рајпа“. „Рајпа“ раньше был человеком. Почитавшие его охотники получали во время охоты его личную помощь. Не чтившие — терпели неудачи. Камлание совершал шаман. В жертву приносили „şekteş“ — брагу из просеянного толокна и солода. Она замешивалась в количестве 7—9 ведер в берестяном туясе (kuspak). Во время камлания „куспак“ ставили в избе, в передний угол. К нему привязывали березку и сеть для ловли соболя. Большая часть камлания происходила утром. Заканчивалось моление в тот же день вечером.

У каларцев же мы нашли почитание в прошлом „tər kizi (буквально — „человек переднего угла“). По преданию tər kizi раньше был старухой. Изображение его делали из бересты в виде человеческого лица с глазами из свинцовых бляшек, деревянным носом, с бородой и усами из беличьего хвоста. Хранили изображение в амбаре. При обращении к „tər kizi“ — его изображение приносили в жилище и помещали в передний угол. Перед ним ставили „kuspak“ с „абырткы“ вместимостью в два ведра. Кроме того, угощали кашицей из талкана. Моление производил шаман, после чего жертвенная брага и кашница уничтожались присутствующими. Охотники обращались к этому духу с целью получить „kastak“ — „пользу“ в охоте.

У шорцев в низовьях реки Кондомы покровителем охоты был „Saras“ или „kolunak“. Изображение его состояло из белой холщевой тряпочки, заменявшей шкурку колонка. Хранилось это изображение вместе с другими домашними духами и угощалось при отправлении на охоту. Верили, что „колунак“ шел вместе с охотником и мешал ему выслеживать зверя, перебегая дорогу. Перед охотой его надо было „задобрить“, чтобы он „шел тихо, помогая загонять зверя“. Обычно изображение колонка хранилось где-нибудь в амбаре или под крышей в юрте. Перед отправлением на охоту ее вносили в избу или юрту, вешали на матицу или втыкали прут, на котором была привязана шкурка, на скамейку. „Хозяину“ колонка

¹ Записано по р. Кондоме.

брызгали „аракь“ (вином). Если во время брызгания шкурка шевелилась, были убеждены, что удачи на охоте не будет. Иногда шкурка эта оставлялась висеть в жилище на все время, пока хозяин охотится. Перед самым выходом из юрты охотник брызгал огню вином и „угощал“ его кусками сала, говоря:

Өмнүң elere tajkaga pazap odur
Аң cok cerdeң saba tartыр odur
Аң bar cerge orta pazap odur.¹

Хозяева дома, ведите нас в тайгу,
На место, где нет зверя, не веди,
На место, где есть зверь, прямо веди.

В качестве примера обращения к колонку может служить и следующий отрывок:

Sarь saras cargalyg
Къзыl saras attыg
Kara kundus cakalyg

Желтый колонок, имеющий решение,
Красный колонок, имеющий лошадь,
Имеющий воротник из черного
бобра,

Talaj kаn ūly!

Морского царя сын!

По среднему течению реки Мрассы, а также в верховьях реки Томи почитался охотничий дух „Kannatьg“ — („крылатый“). Изображение его представляло две вилообразных ветки березы с тряпочкой посередине. К тряпочке были пришиты два пера глухаря. Его также „угощали“ перед охотой. За непочтение „Kannatьg“ насылал болезни „живота и мешал охотникам прицеливаться в зверя, мелькая перед глазами“.

По сведениям, полученным от Н. Дыренковой, в низовьях р. Мрассы изображение, подобное „Kannatьg“, называли „Usugat-kаn“. Его почитали охотники и торговцы. Usugat-kan'-а угощали маслом и кашей без соли. Его изображения хранили в доме. За непочтение он „наказывал“ болезнями глаз и ушей. В верховьях же р. Мрассы и в западной части Минусинского округа, населенной шорцами, охотничьим духом являлся tajgam. Изображение tajgam вырезалось из дерева и имело лицо с глазами из медных пуговиц. Его характерная особенность — это две головы, размещенные на разных концах общего туловища. В „Словаре“ Вербицкого про „тайгам“ сказано: „деревянный идол, с двумя головами, разделенный перехватом, и с пуговицами вместо глаз“ (стр. 327). Подобные изображения были известны шелканцам, кумандинцам (капым) и тубаларам. Любопытно, что у тубаларов такое изображение, называемое „eki baštu“ (двухголовый), сделалось атрибутом шаманского бубна и представляло собой рукоятку бубна, которая осмыслялась как хозяин бубна (ēzi), причем одна голова считалась головой бубна, вторая — головой шамана. Здесь опять хорошо подчеркнута связь шаманского бубна с охотничьим производ-

¹ Сообщено Н. Дыренковой.

ством.¹ По сообщению И. Д. Старынкевич, шорцы рода „kesin“ перед охотой камлали „тайгам“. „На стену в избе вешали ружье. Шаман брызгал на него абырткой.“

У шорцев среднего течения р. Кондомы охотники почитали перед промыслом „Şalьg“. Изображение его делали из дерева, оно имело оловянные глаза и бороду из беличьего хвоста.

По легенде Şalьg раньше был человеком отчаянным и бесстыдным. Он никого не признавал и ходил даже к Эрлику, у которого сломал три двери. Эрлик решил его наказать. Он поставил заряженный самострел. Şalьg попался в эту ловушку. Стрела ему ранила ногу и язык. Оттого он теперь не может хорошо говорить и хромает. Храбрость Şalьg простиралась до того, что он однажды пробрался к светлому Ульгеню, живущему на последнем небе, куда не могут проникнуть даже шаманы. Şalьg украл у Ульгеня дочь. Разгневанный Ульгень бросился в погоню и спустился на землю. Şalьg пробил землю и вместе с женой оказался под землей, куда не мог проникнуть Ульгень. Ульгень положил большой камень на то место, где Şalьg спустился под землю. Долгое время Şalьg вынужден был жить под землей, где у него родилось 6 сыновей и одна дочь. Последнего сына звали Кадырган. Он обладал богатырской силой, отодвинул камень, закрывавший выход на землю. Таким образом Şalьg со всей семьей выбрался из-под земли. Şalьg часто мучает охотников болезнью — ломотой костей. Ему приносят в жертву „salamat“ (кашицу). Вот пример обращения к нему при совершавшемся молении:

Sarьganь, ось ulь
Sarь şarkьn tajaktьg
Sarь sagalu
Kozak kestyg
Kan Şalьg
Askak puttу, kan torгуş

Сын Сары Ханы
С палкой из желтой акации,
С желтой бородой и
С выпуклыми глазами,
Хан Шалыг,
Хромой хан Торгуш.

У шорцев рода Челей (по р. Кондоме) Шалыга называли Састь Şalьg. Внешность его рисовалась с бородой из желтой белки, с костылем из желтой акации, с тонкой вихляющей поясницей, без ляжек ковыляющий, и т. д. По сведениям А. В. Анохина, у кондомских шорцев, живущих близ г. Кузнецка, изображение Şalьg „делалось в двух экземплярах: одно изображение считалось мужем, другое — женой. При этом у идольчика, изображающего мужа, не замечалось короткой ноги“.²

Охотники рода şor, живущие по р. Кондоме, рассказали нам о почитании „ene kizi“ или „ereken“ (старушки) такую легенду. Раньше эта ста-

¹ См. Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. Сов. этнография, № 3, 1934 г.

² Этнографические сборы А. В. Анохина. Труды Томского о-ва изуч. Сибири. Томск, 1915, стр. 106—107.

руха была сильной шаманкой. Однажды она решила принести жертву Ульгеню. Известно, что женщины-шаманки не могли камлать Ульгеню. Ульгень разгневался на нее и в наказание послал ее жить под землю. Однако, „ereken“ — старушка сумела выбраться из-под земли через море вместе с сыном talaj-хана (морской царь) и поселилась среди телеутов по рр. Большой и Малый Бочаты. Оттуда она проникала и в другие места и, в частности, к шорцам. Она проникала через замужество, торговцев и т. д. Словом, достаточно было поехать за чем-нибудь к бочатским телеутам или бочатскому телеуту приехать к шорцам, как епа kizi появлялась среди шорцев и начинала вмешиваться в жизнь охотников. Ей делали изображение из материи, набитой куделью и сшитой на подобие куколки, с глазами из черных бисеринок. Хранили изображение в количестве 2—4 кукол в берестяной коробке в амбаре вместе со шкуркой колонка. Когда ей камлали — куколок ставили в передний угол жилища на лавку, а рядом клали шкурку колонка и „угощали“ епе kizi кашицей из талкана и молока. Желательно было эту кашицу, называемую „salamat“, сдабривать маслом. „Угощали“ епе kizi раз в год, иногда и раз в три года. Кроме кашицы, ей преподносили раз в 6—9 лет „абырткы“. Брага замешивалась в количестве 6—8 ведер в большом берестяном туясе (Kuspak). К нему привязывалась шкурка колонка, петля на глухаря. Если моление устраивал рыбац, он привязывал к туясу длинную сеть-рукав (para) и прутья молодого тальника (из которого плетут снаряды для рыбной ловли).

Как видно из изложенного, мелкие и более крупные многочисленные духи, почитавшиеся в прошлом шорцами, обнаруживают между собой близкое сходство и имеют общее происхождение. Представление о таких духах могло вырасти в обществе, где ведущей отраслью производства являлась охота, где все общественные отношения развивались на базе охотничьего промысла, сначала, как увидим дальше, коллективного, впоследствии все более и более индивидуализировавшегося. Вполне понятно, поэтому, что охотничьи духи-хозяева в представлении охотников так же промышляли зверя, как и люди, и стреляли из ружей. Религиозные представления отразили и общественное устройство шорцев, разделявшихся на мелкие роды и промышлявшие в определенных родовых тайгах, о чем также подробнее ниже.

Таким образом, в охотничьих верованиях, существовавших раньше у шорцев, мы находим совершенно определенные указания на зверовый промысел, как наиболее древнюю хозяйственную отрасль.

В шорских запретах, правда, действовавших не повсеместно, по которым нельзя было брать на охоту мясо лошади, коровы, овечки, свиньи, или нельзя было приносить в жертву огню сало перечисленных животных, а требовалось непременно сало зверей, кроется убедительное указание, что все шорцы раньше придерживались этого просто потому, что этих животных не имели, не разводили, т. е. не были скотоводами. Напротив, у скотоводов лошадиное сало и коровье масло считались одним из

излюбленных продуктов огня. Алтайцы, брызгая в огонь лошадиное сало и наблюдая вслед за этим яркое вспыхивание огня, говорили, что „огонь его шибко любит“. Любопытно, что шорцы на промысле называли домашний скот условными описательными терминами: лошадь — „tpu“ вместо настоящего имени „at“, овечку „şagyr karak“ (выпуклоглазая) вместо „koj“, корову „sъзь purun“ (голоносая), свинью „ser purkyş“ (землю роющая) или „kazyр tuncuk“ (крючконосая).

Сопоставим с этим некоторые факты из области обычного права. Так, например, важность и значение охотничьего ружья в хозяйстве шорца выражались раньше в запрещении брать его в долг и из имущества должника по решению родового суда.

На важное значение охоты шорцев указывают и некоторые хозяйственные названия месяцев. Таков месяц декабрь „aң ајь“ (месяц зверя), апрель — keryk ајь“ (бурундучий месяц).

Следует также отметить значение продуктов охоты для шорцев в их повседневной жизни. В древнейшее время охота была основным источником питания. Позднее шкурки зверя были главным предметом уплаты дани и эквивалентом при меновых, натуральных отношениях со скотоводческими племенами Саяно-Алтайского нагорья. Вплоть до Октябрьской революции шорцы-охотники употребляли в пищу мясо почти всех добываемых зверей. Местами ели даже хорьков и колонков, удалив предварительно мускусную железу („sāzu“). Шкуры маралов выделялись и повсеместно служили, как служат иногда и теперь, материалом для штанов, курток. Шкуры козули шли на дохи. Шкурки мелких пушных зверков употреблялись на оторочку шуб и шапок. Сухожилия оленей и маралов давали с примесью конопляного волокна прочные нитки, рога — пороховницы, рукоятки к ножам. Кожа с ног оленя шла на шитье меховой обуви и обивку лыж. Печень и легкие крупных зверей употреблялись для выделки шкур. В шаманском ритуале, в одежде шамана, в бубне (который обтягивался кожей дикого оленя или марала) — делали ли изображение духопокровителю, устраивали ли моление, платили ли калым, подносили ли подарок, — везде шкурки зверей были необходимы. Различные части отдельных зверей имели большое применение в эмпирических и магических способах местного врачевания (сало барсука, сушеный маралий рог, сало, желчь и мозг медведя, амулеты из лап, когтей, волос, экскремента и т. д.).

Перейдем к описанию приемов охоты на различных зверей.¹

ОХОТА НА МАРАЛА

Марал (*Cervus canadensis asiaticus* Se v.), по-шорски — sъьп. За последнее время маралья охота разделялась на два сезона: весеннюю и осеннюю. В эти времена года она имела специальный характер. Начнем с описания первого.

¹ Описанные ниже приемы охоты на зверей и орудия охоты относятся преимущественно к XIX и началу XX столетий.

Уже с мая месяца, когда появлялась первая зелень, когда шкура марала еще не представляла какой-либо ценности, а мясо его было жестко и не жирно, шорцы, не взирая на это, деятельно приготавливались к охоте, проявляя к ней совершенно исключительный интерес. Этот интерес находит объяснение в физиологическом процессе, который в это время происходит в организме марала. Процесс этот — нарастание и набухание свежих рогов, покрытых мягкой шерстью и наполненных своеобразным органическим веществом жидкой консистенции. Рога, срезанные у марала до начала окостевания, приготовленные особым образом, сушатся, и в таком виде представляют большую ценность в виду усиленного спроса на них за границу, в Монголию, Китай. Между прочим, есть литературное указание, что столетие тому назад маральи рога тоже во множестве покупались в Хиву, Бухару, Ташкент и Коканд.¹

Таким образом, весною главная цель маральей охоты состояла в том, чтобы добыть столь ценные рога. Лучшим временем для охоты этого сезона шорцы считали июнь (ot ajь).

Охота происходила по хребтам высоких гор, на болотах и озерах, которые охотно посещаются маралами. Там, где чаще всего водились маралы, охотники устраивали „солонцы“ (sorug). При устройстве солонца в озеро засыпали килограммов восемь соли. Определив при помощи дыма, куда дует ветер, с подветренной стороны охотники делали караулку „tastak“ в виде настила на дереве и садились в нее на ночь с заряженным ружьем. Если марал приходил в эту ночь — смерть его была неизбежна. Охота на солонцах протекала и в одиночку. Весной же охотники подкарауливали маралов перед восходом солнца, когда маралы шли к ручьям или снегам отдыхать на день.

Убив марала-рогача, немедленно отрубали ему голову и снимали рога, подвешивая вниз концами, и замазывали серой пихты, лиственницы, чтобы не вытекла ценная жидкость. Потом снимали шкуру, разрубали мясо. После этого рога варили в подсоленном чае. Варка рогов требовала большого опыта. Их все время нужно было обмакивать в кипящий состав различными частями, держа в нем каждую не больше 2—3 минут, проделывая это в течение получаса. Сваренные рога сушили, повесив под дерево. Сохли они один или два дня. Вес сушеных рогов колебался, в зависимости от размера, от 2 до 12 килограмм. Ставили на маралов также и самострелы, которые теперь запрещены. В летнее время группы охотников устраивали поперек маральных троп длинные загородки, длиной до 0.5 км. В загородке (şeden) оставляли пустоты для прохода маралов или оленей и около них настораживали самострелы (aja tutkan). Маралы, натываясь на загородку, шли вдоль нее и, заметив пустоту, проходили в отверстие, задевали передней ногой тонкую нитку, соединенную с курком самострела,

¹ Т. Н. Ананьин. О торговле маральими рогами, преимущественно отправляемыми в Китай. Томские губ. вед., 1859, № 5.

и падали убитыми от удара стрелы с железным острым наконечником. Коллективные охоты с загородами были широко распространены у шорцев до начала нашего столетия.

Перейдем к описанию осеннего периода охоты на маралов. Отдохнувшие за лето на привольном корме маралы испытывают потребность в оплодотворении, и этот месяц характерен „маральими гонками“. Охотники выходили в это время на перевалы, подражая при помощи особой дудки крику маралух. Возбужденные самцы бегут на этот зов и становятся добычей охотника.

Дудка для подманивания маралов „ръргъ“ сделана из кедра. Она состоит из двух выдолбленных половинок. Половинки эти складываются. На них натягивают кишку (барана или телянка), скрепляют деревянными кольцами, высушивают. Не трудно видеть, насколько это орудие примитивно и, вероятно, весьма древне. Охотники, выходя на высоты, выбирали удобное место, где пробегали звери, и кричали в эту дудку. Узкий конец ее вставлялся в угол губ и для получения звука воздух втягивался в себя. Иногда с „ръргъ“ охотились весной.

Глубокой осенью коллективы охотников подкарауливали маралов на высоких горных хребтах, когда маралы шли на зимовки в малоснежные места. Караулили их по берегам больших рек, которые маралам приходилось переплывать на своем пути. В местах маральных бродов также устраивали загороды (şeden) и здесь поджидали животных. Об устройстве этих загородей будет сказано в описании охоты на козлов, так как, в виду истребления маралов, такие загородки в настоящем столетии строились только на козлов. Осенняя охота на маралов доставляла прочную шкуру с прекрасной, густой шерстью и сочное жирное мясо.

Остается сказать еще об одном способе охоты, протекавшем зимой, это гонка по насту или глубокому снегу.

Охотники гнали маралов на лыжах и загоняли их до такой степени, что маралы падали от утомления, уткнувшись головой в снег, и становились добычей охотников. Хищническое истребление маралов повело к их быстрой убыли. В настоящее время они запрещены для охоты.

ОЛЕНЬ СЕВЕРНЫЙ

Олень северный — *Rangifer tarandus* (Ak-kiik). Встречается в Шории и в восточном Алтае. Этот вид животного в настоящее время здесь довольно редок. Охота на него в настоящем столетии имела характер, скорее всего, случайный. Впрочем в местах, где охотниками было замечено присутствие этого животного, ставили петли (tuzak). Этот прием охоты на оленя особенно часто фигурирует в сказках, которые иногда начинаются: „Охотник жил, на оленей петли ставил“ и т. д. Любопытно охотились за оленем зимой. Увидев на снегу следы оленя, охотник сбрасывал с себя лишнюю одежду, иногда оставлял даже ружье, и с палкой, на лыжах, преследовал оленя по следу. Нередко бывало, что такой удалец загонял

олень до полного изнеможения и убивал ножом. Растопив еще в теплой шкуре оленя снег, охотник утолял свою жажду, затем брал с собой часть мяса, остальное прятал на дереве и возвращался к товарищам. На следующий день они подбирали эту добычу. Между прочим шорцы говорят, что при подкрадывании к оленю нужно было все время держаться направления головы оленя, так чтобы приходиться ему „между глаз“. Зверь тогда не видел охотника и подпускал близко, если к нему приближались с подветренной стороны. На оленей охотились и коллективно с загородами.

Олень являлся весьма желанной добычей для охотника. Его шкура, рога, мясо и сухожилия находили применение в хозяйстве.

ЛОСЬ

Лось („pulan“, „рылан“, „plan“). Представлен в Сибири несколькими формами рода *Alces*. Это животное в Шории и таежной части Алтая теперь встречается еще реже, чем олень. Встретить сохатого в настоящее время — большое счастье и редкая случайность. Однако еще в конце прошлого века сохатый встречался довольно часто. Охотились на него летом и зимой. Ставили петли, самострелы, устраивали коллективные охоты с загородами, на подобие описанных выше. Еще не так давно охота на сохатого была обычным явлением. Вербицкий пишет: „Хозяин нашей юрты много лет ловит лосей зимой, делая для них загороди с воротами, в которых наставлены самострелы, а летом петлями, которые ставятся вблизи озер, куда лоси любят скрываться от комаров в воде, и с удовольствием питаются здесь сочными корнями кувшинника (*Nymphala alba*)“. Подобные сведения можно приобрести и из рассказов охотников. Последние, отмечая опасность охоты на сохатого, передают интересную подробность. Когда сохатый, загнанный охотниками-лыжниками, устает, он останавливается и начинает активно обороняться, бросаясь на неосторожно приблизившихся. Орудия самозащиты у сохатого обычно — рога и копыта. Кроме того, он больно плюется кусками льда, которые образуются у него во рту при хватании снега на бегу. Будто бы были случаи, когда такая „пуля“ попадала охотнику в глаз и делала его кривым.

КОЗУЛЯ

Козуля (*Capreolus pygargus* Pall.), неправильно называемая в Шории „козлом“ или „дикой козой“, является самым малым из снабженных рогами представителей семейства оленей (*Cervidae*). Охота на этого зверя протекала круглый год. Лучшей порой охоты считали осень, когда шкура козули отличается прекрасными качествами — прочностью, мягкостью шерсти, а мясо бывает сочным и жирным. По своим некоторым приемам охота на козуль одинакова с охотой на маралов.

Наиболее употребительным приемом была и является еще и теперь коллективная охота при помощи деревянных загородей. Например, осенью,

во время перехода козуль на зимовки в вершины Абакана, где глубина снега не так значительна, как в тайге, шорцы устраивают на пути на правом берегу Мрассы большие загороди из жердей, называемые „şeden“ и „таң“, с помощью которых и охотятся на козуль. Загороди устраиваются летом, чтобы постройка не выделялась резко своим новым видом среди окружающей обстановки. Устройство их довольно просто. Нам известны два типа. Начнем с описания первого. На некотором расстоянии от берега, параллельно течению, на протяжении свыше километра строится высокая (выше человеческого роста) загородь. К этой основной загороди пристраивается ряд перпендикулярных перегородок такой же высоты, имеющих проходы, куда ставят петли из конопляной бечевы. Получается подобие просторных пригонов из трех стен, с открытым выходом к реке. По краям этого сооружения, вверху и внизу, по течению ставятся охотничьи избушки-шалаша. Охотники поселяются в них заранее и живут, дожидаясь хода козуль, неделями, постоянно имея караулы и соблюдая всяческую осторожность, чтобы не выдать своего присутствия.

Козули, идущие с левого берега Мрассы, переплывают реку и выходят на берег. В этот момент охотники выходят из засады и открывают стрельбу. Часть животных сразу же падает, сраженная пулями, большинство их в безумном страхе бросается вперед, наталкивается на изгородь, мечется в диком испуге и несется в боковые проходы и застревает в петлях. Немногие из переплывшего стада уходят живыми.

Второй тип загороди проще и применяется в последнее время преимущественно охотниками одиночками. Загородь устанавливается также параллельно течению, несколько отступая от берега (20—30 метров). Длина ее 75—100—125 метров. Устраивается она против того места, где козули нашли брод через Мрассу. Загородь эта сплошная, проходов и петель не имеет. Один конец ее спускается к воде, на другом конце охотничья караулка, замаскированная, где сидит с заряженным ружьем охотник. При этом типе загороди значительное внимание уделяется и устройству левого берега Мрассы. Это выражается в том, что на расстоянии метров 100—150 от загороди выше по течению и на такое же расстояние и ниже, берег делают неудобным для спуска в воду. Это достигается главным образом нагромождением срубленных деревьев и кустарника. Свободным для спуска к реке оставляется место против загородки. Рано утром, еще до восхода солнца, козули идут по следу ранее прошедших групп и переплывают или переходят вброд Мрассу, выходя на правый берег в огороженное место, где охотник успевает убить 2—3 козули; остальные в конце концов бросаются назад в воду и исчезают. Охота загородами, особенно первого типа, является хищническим способом, требует большой затраты труда, но результаты ее бывают обильны.

На козулю охотились и при помощи солонца „sorug“. Солонец устраивали в озерах, куда засыпали с полпуда соли. Вблизи у солонца с подветренной стороны устраивали караулку „tastak“ в виде настила на

дереве, где помещался замаскированный ветками охотник. Исключительно на козулей солонцы ставили в тех местах, где преимущественно они водятся. Обычно же на таком солонце подкарауливали и оленей, сохатых и даже медведей, которые приходили, почуяв соль. Этот тип охоты носил более всего индивидуальный характер. Иногда шли караулить козулей вдвоем.

Следует упомянуть еще об интересном и весьма первобытном приеме, применявшемся весною, в мае месяце. В это время у козуль появляются детеныши. Охотники бродили по тайге и при помощи берестяной пискульки (ediski) подражали крику детенышей козули, подманивая самок. Зимой на козуль охотились „гоном“. Охотник, заметив след козули, гнался за ней до тех пор, пока глубокий таежный снег окончательно не выбивал ее из сил. Обессиленное животное в изнеможении падало на снег, и охотник убивал его палкой для управления лыжами. Шкура козули в местной жизни имела большое значение. Из нее шили шубы-дохи, штаны, меховые сапоги, рукавицы. На шубу шло 6—7 штук крупных шкур и 8—9 более мелких.

МЕДВЕДЬ

Медведь (azyg). Наиболее подходящим месяцем охоты на медведя считался декабрь — время окончательного перехода его в сонное состояние. Еще в ноябре, когда шорец охотился на белку, он старался замечать медвежьи берлоги, руководствуясь при этом своеобразной приметой. Медведь выбирает себе берлогу с осени, обычно пещеру, и отмечает это место надламыванием близ стоящих мелких деревьев. Подобные медвежьи отметки и искал охотник. Каждую найденную берлогу охотник отмечал своим особым знаком на близ стоящих деревьях, и берлога становилась его собственностью. Возвращаясь в селение, охотник объявлял „azyg ujazь ebir saldym“, буквально: „медвежью берлогу я окружил“, т. е. обошел кругом на лыжах. Через некоторое время, когда выпадал более глубокий снег и наступала подходящая погода, данный охотник приглашал спутников и они отправлялись поднимать медведя.

Зимняя охота на медведя всегда носила коллективный характер. Несколько охотников, объединившись, шли к берлоге, соблюдая при этом ряд правил, вытекавших из религиозных воззрений. Шли тихо, избегая лишних разговоров и не называя медведя по имени, так как, по их представлению, медведь был наделен свойством понимать человеческий разговор, причем считали, что медведь зимой слышит еще лучше, чем летом, ибо в это время в тайге шуму меньше, нет комаров и оводов. Особенно опасно считалось дурно отозваться о медведе или похвастаться в отношении охоты. Медведь всегда имел случай жестоко „отплатить“ такому человеку. Охотник Игнатий Ошкычаков, из рода „kalar“, рассказывал, как зимой 1926 г. медведь задрал его брата, весьма опытного охотника, вероятно потому, что его брат когда-нибудь „худо про него сказал“. Шорцы рода „celei“ (р. Кондома), отправляясь на охоту на медведя, по дороге не убивали никаких зверей, опасаясь, что иначе охота на медведя не будет удачной.

Подойдя к берлоге, немного отдохнув, охотники рубили жерди и загораживали выход из нее. Срубленную жердь вставляли толстым концом в устье берлоги, а тонкий конец отводили в сторону и укрепляли за близстоящее дерево. Крышу берлоги также заваливали на тот случай, если медведь вздумает выбраться из логовища через крышу. Когда находили, что сделанное заграждение достаточно прочно, один из охотников брал длинную жердь и начинал будить медведя. Остальные, укрепившись на своих местах, стояли с ружьями наготове. Если при помощи жерди не удавалось разбудить зверя, тогда его будили дымом. Встревоженный и разъяренный обитатель берлоги разламывал преграду и в это же время падал, сраженный выстрелами. Его обматывали веревками, вытаскивали, потрошили и, еще сравнительно недавно, при этом совершали над ним религиозный обряд, вытекающий, вероятно, из тотемистических представлений. Убитому медведю первым долгом выбивали зубы со словами: „*pes aṇa tajnar siin*“ „(зубы, которыми) всех зверей ешь“. Потом снимали шкуру и тушу стегали прутьями. Затем отрезали голову и насаживали ее на рябиновую палку. Один из охотников палил ее на огне до-черна, а двое других били в это время зверя шомполами, приговаривая:

Kobrakť cerde corup
Kolamcъ aldyṇ-dep, ajt.
Paltъrganъg cerde corup,
разъя tala attъrdъm-dep, ajt
kър polban karam kiciș
oldin-dep, ajt.
pokșъș kyjban kiciș polup
eldin-dep, ajt.

Ходивши по земле с дудками (стебли
зонтичных растений)
Подарок (пулю) взял-де, скажи.
Ходивши по земле с пучками,
Голову размножил-де, скажи.
Видеть не мог, глаза маленькие,
(от этого) умер-де, скажи.
Испражняться не мог аpus маленький,
(оттого) умер, скажи.

После этого кол с опаленной головой втыкали в землю, обращая мордой на восток, и все охотники стреляли в нее по одному разу. Это делали и проходившие мимо промышленники.

У рода Celei убитому медведю также выбивали зубы. Одновременно доставали сердце и внимательно его осматривали, ища на нем человеческий волос или по крайней мере след от такого волоса. Это верный признак того, что такой медведь когда-либо задрал человека. В таком случае мясо, голову и шкуру сжигали. Если ничего не находили, голову насаживали на рябиновую палку, били по ней шомполами, говоря:

Cerbit cerbiten, dep az eldin,
cilek cigen-dep, kajadan, az eldin,
Cojgu cidim-dep az eldin,
Karat cidim-dep sastaṇ, saska
padъp — eldin!

За черемухой лазил-де, свалившись,
умер.
Ягоду ел-де, с утеса свалившись, умер.
Рябиновые ягоды ел-де, свалившись,
умер.
Смородину ел-де, в болоте утонул, умер!

Голову челейцы нередко брали с собой домой вместе со шкурой. Охотники из рода „kalar“ голову медведя отрубали топором, били ее обухом топора, выбивали зубы и, повесив на дереве, расстреливали.

У убитого медведя выбивали глаза. Охотники проглатывали их, не раскусывая. Верили, что впоследствии на такого охотника никогда не нападет медведь, так как он будет видеть свои глаза. Охотники, живущие по системе р. Мрассы, убив медведя, доставали из него внутреннее сало, подвешивали его на *şarşın* (вешалку) и рыча, ворча, сосали его со словами:

Kobraktǵ tagda kocrada pas cǵr
Maltǵrganǵ tagda macrada pas cǵr
Cajǵda somnǵ keze cǵr
Kǵşǵkǵda kyryndigine pas cǵrei

По горе с сухими дудками, хрустя,
ходи;
По горе с „пучками“ (*Heracleum*),
хрустя, ходи;
Летом сзади меня пересекай (мою
дорогу);
Зимой пусть я буду ходить по твоему
предберложью.

Кроме того, мрасские охотники, убив медведя, вынимали у него язык, чтобы не пожаловался „на том свете“, а когда снимали шкуру, имитировали рыдания, показывая этим самым притворное сожаление, иногда говорили: „родственник умер“. Кости медведя никогда не бросали в огонь, иначе медведь больше не попадется.

По возвращении с медвежьей охоты, шорцы рода „celeı“ клали позади себя на лыжный след крестообразно палки или чертили круги. Таким образом думали избавиться от преследования и мести медвежьей души „moǵajnǵ karazǵ“, которая, по их религиозным воззрениям, обладает особенностью, как и человеческая душа, бродить после смерти по тайге в течение нескольких дней, пугать и даже душить людей. Когда приближалась „медвежья душа“, огонь в охотничьем шалаше гас, а собаки тревожно лаяли. Перегораживая след, челейцы говорили:

Pistinǵ solǵ kelibe
Aǵaştnǵ az ǵldın-dep aǵt

По нашей дороге не ходи.
С дерева свалившись, „умер“, скажи.

Любопытен здесь был и подход к понятию души: душа не может преодолеть материальную преграду — палку, или, попав в круг, начерченный на снегу, не в состоянии из него выйти.

Каларцы, по возвращении с медвежьей охоты на стан, сверх всего еще стреляли из ружей по тому направлению, откуда только что пришли, с целью напугать медвежью душу, со словами: „kolamǵ ber carǵn“, т. е. подарок возьми¹.

¹ Kolamǵ — подарок жениха невесте. Этим же термином на промысле называют и пулю медведю.

Помимо описанного приема охоты на медведя с загораживанием берлоги, был другой вариант. Если устье берлоги достаточно узко, в нее вставляли обрубленное дерево, вырванное бурей вместе с корнями. Ствол проталкивали в берлогу, а корневую часть оставляли снаружи. Разбуженный медведь, наткнувшись на препятствие, начинал тянуть этот обрубок к себе, но никогда не толкал в обратную сторону. Корневая часть обрубка весьма прочна, поэтому втащить обрубок в берлогу ему не удавалось. Выждав, когда медведь утомится, охотники разгораживали вход и убивали медведя. Иногда случалось, что медведь быстро выбирался из своего логовища, и раны, нанесенные ему, не были смертельными. В эти моменты он становился очень опасным. Охотники бежали от него, обязательно в гору, на ходу перезаряжая ружья и отстреливаясь.

В отношении индивидуальной охоты можно сказать немного. Зимой она производилась чрезвычайно редко и была присуща исключительно выдающимся охотникам. Но в весенние и летние месяцы индивидуальная охота находила свое применение несравненно чаще. Медведя искали в лесу или подкарауливали на пасеке, куда он имел обыкновение ходить. В последнем случае устраивали лабаз на 4 ножках (*tastak*), и охотник помещался на нем с ружьем с вечера, оставаясь всю ночь до утра. В тех случаях, если посещения медведем пасеки были довольно постоянны, ему устраивали на дорожке, по которой он обычно шел, петли и ставили заряженный самострел. Мясо медведя ели и заготавливали в сушеном виде. Мозг медведя высушивали и употребляли как присыпку при глубоких порезах, в качестве кровоостанавливающего и заживляющего средства.

Различные части медведя нередко применялись у шорцев в качестве средств магического врачевания, в качестве амулетов, талисманов. У шорцев нередко можно было встретить медвежий коготь или лапу, подвешенными над дверью. Они „оберегали“ от проникновения в жилище „злого духа“ (*ajna*). Каларцы уносили домой из берлоги найденный экскремент, перезимовавший во внутренностях медведя и достигший твердости дерева — „*abaıññı zıgız*“. Дома они его клали над дверью и полагали, что это „предохраняет“ от кашля. Во время болезни коров и телят им на шею привязывали медвежий коготь. Челейцы ставили на кол в пасеке медвежью голову и поворачивали ее мордой по направлению к чужой пасеке. После этого пчелы начинали летать туда воровать мед. Иногда с этой же целью употребляли только медвежьи зубы, подвешивавшиеся под колодки-ульи.

СОБОЛЬ

Соболь (*Kış*). Еще в настоящее время водится в глухих местах Горной Шории, например, в районе группы гор во главе с Мустагом. По качеству шорский или „кузнецкий“ соболь уступает алтайскому. По этому поводу писал в свое время и Паллас.¹

¹ Паллас, ч. II, стр. 296.

Сезон охоты на соболя был непродолжителен. Его началом надо считать выпадение первого снега, концом — январь месяц.

Любимым местообитанием соболя являются каменные россыпи („korum“). Нередко он находит себе убежище в дуплах деревьев, под корнями. Несмотря на то, что промысел соболя протекал только зимой, он делился на два периода. Первый период можно считать до декабря включительно, и ему присущ коллективный вид охоты. Второй период — январь, время соболиной „гонки“. Здесь охота носила характер индивидуальный. Коллективная охота производилась прежде всего при самом тщательном соблюдении особых правил охотничьего поведения, вытекавшего как из религиозных воззрений, так и из знания жизни и привычек зверя, — это было „необходимым“ условием охотничьего успеха, а ценность соболиной шкурки делала этот успех сугубо привлекательным. Дождавшись выпадения первого снега достаточной глубины, артель охотников в 3—4 человека отправлялась на лыжах в поиски соболя. Нельзя было брать с собой сухари, иначе „aңa соль kuru polor“ — „дорога зверя (соболя) будет сухой“, т. е. не будет замечен след. Кроме обычного снаряжения, охотники имели еще сеть (aңак) длиной около 120 метров, шириною в 2 метра. Охотников сопровождали собаки. Придя в район местообитания соболя, где у охотников всегда имелись заранее устроенные прочные балаганы, охотники разыскивали их и устраивали стан. Подойдя к балагану, сходили с лыж, но не поднимали их, а палку для управления лыжами (koçok) втыкали в снег рядом с лыжами и входили в балаган. Если балаган оказывался кем-либо занятым, то вновь пришедшие спрашивали, на какой стороне балагана можно было расположиться. Устроившись на указанном месте, начинали готовить пищу. Пищу должен был готовить обязательно один человек на всех, остальные не прикасались к этому делу. Готовящий тщательно избегал стукнуть котелком обо что-нибудь — иначе счастья не будет в охоте на соболя. У каждой артели охотников обязательно был собственный деревянный таган (askı). Задеть своим таганом чужой также нельзя было. Нельзя было перешагивать через огонь и подавать что-либо через огонь. Если шли рубить дрова, то соблюдали всяческую тишину, а предназначенное к рубке сухое дерево сваливали только на западную сторону. Дрова в огонь клали только определенным образом, именно, в огонь помещали вершину дерева. Особенно широко при этом употреблялся условный язык, записи из которого приведены выше. Все эти поверья имели целью способствовать удаче охоты.

На утро приступали к охоте. Напав где-нибудь в россыпи на след соболя и убедившись, что соболю не вышел из россыпи, охотники окружали россыпь сетью. Сеть устанавливалась на палках. Нижний край ее придавливался камнями и засыпался снегом. Сеть иногда снабжалась в различных местах колокольчиками. Днем соболя обычно не видно, он прячется под снегом в камнях. Чтобы выгнать его из убежища, внутри круга, образуемого сетью, разводили несколько небольших

костров. Соболь, не вынося дыма, вскоре выбегал. Он метался по кругу, всюду натыкался на сеть, старался пробить себе выход и в конце концов запутывался. Его вынимали и умерщвляли удушением, положив голову на лыжу под левую пятку. В это время нельзя было смотреть на умирающего зверя. Случалось, что охотники, выследив соболя поздно вечером, окружали его сетью. В таком случае, в сумерках предпочитали не выгонять его из убежища, ибо за ним тогда трудно было бы следить, он мог прогрызть сеть и убежать. Охотники дожидались утра, всю ночь не смыкая глаз сидели с ружьем наготове. Вот здесь-то особенно полезными были колокольчики и собаки. Если ночью соболь пытался удалиться с обложенного места, он неминуемо натыкался на сеть, о чем сигнализировали колокольчики. Охотники, предварительно разбившись на дежурство по разным участкам, по звуку определяли то место, где соболь пытался пробраться через сеть. Они в тот же момент спешили туда с собаками.

В январе эта охота имела иной характер: промышленники расходились на промысел в одиночку. Придя к россыпям, они подолгу бродили вокруг них, внимательно изучая следы. След соболя был теперь значительно глубже и отчетливее, так как во время „гонки“ соболи бегают друг за другом по одному следу. На таких следах охотник расставлял несколько капканов, особенно на поворотах следов. Поставить хорошо капкан — дело довольно сложное. Для этого охотник отходит в сторону от следа аршина на два, предварительно воткнув около следа палку. Снег в январе бывает весьма глубок, свыше трех аршин, благодаря чему охотник получает возможность подвести под след подкоп. Прорыв узкую лазейку под снегом до того места, где воткнута палка, охотник здесь осторожно разрывал снег кверху и проделывал это до тех пор, пока не замечал просвечивание следа. После этого в образовавшейся пустоте под следом ставил капкан и выползал обратно. Заваливал лазейку и уходил, заматавая свою лыжную дорогу веткой или палкой.

Здесь особенно ярко выявлялась та кропотливая осторожность и трудность в приемах охоты, которые были свойственны лишь опытным таежным звероловам, отстаивавшим таким образом право своего существования.

Остается сказать еще об одном способе охоты на соболя.

Нередко, напав на след, охотник гнал соболя с собакой. Соболь искал спасения на дереве. Охотник огораживал это дерево и стрелял в зверька из ружья.

В хозяйстве для натурального потребления шкурка соболя редко употреблялась. Главное ее назначение было — продажа. Убив одного или, реже, двух соболей в год, охотник увеличивал в $1\frac{1}{2}$ —2 раза свой доходный бюджет.

С убитым соболем также был связан целый церемониал и ряд поверий. Убитого соболя нельзя было никому показывать. Каларцы отрезали у него кончик носа и уносили домой, где хранили для „счастья“ при буду-

щих охотах на этого зверя. Нос отрезали потому, что полагали его вместилищем для души и, таким образом, как бы овладевали душой. Кондомские шорцы мясо соболя не ели. Шкурку на промысле не снимали, делали это по приходе домой, объясняя такое обыкновение тем, что если снять шкурку в тайге, мясо пришлось бы выбросить. Это неудобно по отношению к такому ценному зверю, да и „хозяин тайги“ может рассердиться. Шорцы рода „Кый“ (верховья Мрассы) снимали шкурку с убитого соболя накануне ухода с промысла домой. Мясо его они ели, а кости хоронили на особом лабазе, тщательно закрыв их ветками. Кроме того, мрасские охотники, убив соболя, размахивали им на том месте, где убили и говорили, обращаясь к хозяину горы:

Alabisa pis keldibis
rõnu perdiң, ababis oşkaş

Ak taskyl

per uş yleş

Kudaj saga perip turzun

С отцами нашими мы пришли

Эту же (добычу) дал ты нам, как

отец наш, Белая гора

Дай три части (доли)

Бог тебе пусть дает.

По сообщению Д. Ярославцева, шорцы „при добыче соболя шкурку сдирают, а тушку уродуют, переплетая и запутывая лапки и прячут куда-нибудь под колодину“.¹ Это объясняется существовавшим поверьем, что „хозяин тайги“ даст убитому соболю новую шкурку, оживит, и тогда такому соболю трудно будет уйти от охотника. Из прочих поверий отметим запрет на умывание во время охоты на соболя.

ВЫДРА

Выдра („Кампа“). До последних дней этот зверь, шкура которого представляет большую ценность в любое время года, водится по речушкам в глухих уголках Шории. Выдра отличается особенной осторожностью, и охота на нее сопряжена с значительными трудностями. Охотились на нее несколькими способами. Осенью с собаками бродили по берегам речушек. Некоторые собаки особенно умело определяли местонахождение выдры.² В таком случае речку перегораживали частоколом, воздвигавшимся над водой приблизительно на 1 метр, два раза. Одна перегородка ставилась выше (по течению) предполагаемого убежища выдры. Это перегородка — сплошная. Вторая — ниже, и имела в том месте, куда с большей силой било течение, отверстие, в которое вставлялась сеть на подобие рукава, называемая у шорцев „рага“. Таким образом выдра оказывалась в плену. Охота на нее производилась 3—4 охотниками и протекала очень оживленно. Как только перегородки были поставлены, один охотник занимал место около сети, один с ружьем у верхней перегородки, а двое шли

¹ По Горной Шории. Сибирские огни, 1926, № 3.

² Между прочим, некоторые шорцы говорят, если месяц (луна) новый, выдра в верховья реки идет, если старый — опускается в устье.

с собаками по разным берегам и с помощью палок производили в воде шум, вспугивая выдру. Она стремительно бросалась вниз по течению, наталкивалась на перегородку, искала прохода и обычно попадала в сеть, после чего сеть немедленно извлекалась. Если же выдра бросалась вверх по течению, она натыкалась на верхнюю перегородку, и показывалась на поверхности воды, где погибала от пули. Случалось, что выдра выбегала на берег, в таком случае ее настигали собаки. Шорцы часто делали обе перегородки сплошными. Тогда у каждой из них стоял охотник с ружьем. Стоило выдре показать голову из-под воды, как она гибла от меткого выстрела.

Зимой охотники подкарауливали выдр около прорубей в лунные ночи, во время „гонки“, и стреляли из ружей. На больших реках по следам ставили самострелы. Выдра считалась одним из самых „хитрых“ зверей. Хитрость выдры распространяли даже на ее биологическое свойство не линять. Эту биологическую особенность шорцы объясняли следующим образом. Процесс линьки зверей они рассматривали как уплату дани горному или лесному „хозяину“. Выдра, как известно, живет в воде и на суше. Так вот, когда она на суше находилась, говорила, что уплатила дань „водяному хозяину“, а когда в воде жила, говорила „горному хозяину уплатила“, потому выдра и не линяет.

По сравнению с соболем выдра чаще употреблялась в местном быту. Шкурка ее служила опушкой на дорогих шапках и шубах у богачей, но все же главное назначение ее была продажа. Легенды передают, что в старину выдрой подбивали лыжи.

РОССОМАХА

Россомаха („Кунҗек“). Охота начиналась с выпадением первого снега. Напавши на след росомахи, охотник-шорец гнался за ней на лыжах с одной палкой и, замучив, убивал. Любопытный факт передают про нее охотники. Спасаясь от преследования, росомаха от поры до времени ложится на спину и пускает в наступающего охотника струю мочи. Моча ее ядовита. Попавши на кожу человека, она вызывает болезненное воспаление пораженного участка. Россомаху охотники не любят за ее воровство съестных продуктов. В отношении росомахи существовало такое поверье. Если во время преследования росомаха шла на дерево, значит преследующему ее охотнику пророчили „долго жить будет“.

РЫСЬ

Рысь („ūs“). Наиболее подходящим временем для охоты считалось выпадение первого снега. Охота на рысь почти всегда была одиночной, основанной на преследовании и загонке рыси на дерево, где ее и стреляли. Шорцы убивали ее, как и росомаху, простой дубинкой ударом в нос. Рысь обычно гоняли с собакой. Собак брали испытанных и опытных, иначе охотник легко мог лишиться своего незаменимого спутника.

Кроме этого, по следу зверя раскидывали мясо (белки или зайца и др.) и вблизи расставляли капканы или подвешивали петли. Устраивали в таких местах и караулки. Шкура рыси обычно продавалась, но, наряду с этим, употреблялась и для себя.

ЛИСИЦА

Лисица („tölky“). Охотились зимой. Гоняли на лыжах по глубокому пушистому снегу. Искали по следу с собаками, ставили различные капканы с приманкой из мяса. Шкурку почти всегда продавали. Мясо многие шорцы употребляли в пищу.

КОЛОНОК

Колонок — *Kolonocus sibiricus* Pall. („saras“). Колонок живет под корнями, в дуплах. Гнездо выстилает мхом. Охота на него производилась всю зиму и являлась одной из самых доходных за последнее время. Ловили его собакой, ловили деревянными капканами, кулемкой, стреляли, когда он забирался на деревья. Спасаясь от охотника, колонок забегал на высокие деревья и прятался в дупло. Такое дерево охотник срубал и к выходу из дупла ставил капкан, а потом выгонял из него колонка. Этот прием считался наиболее верным. Убив колонка, отрезали у него кончик носа и уносили домой „на счастье“, чтобы еще убивать колонков, а сняв шкуру в тайге ударяли ножом по тушке колонка от 1 до 3 раз. Верили, что такой колонок впоследствии „не сможет убежать от охотника“. Последнее поверье основывалось на представлении о том, что если оставлять в тайге тушки зверей, „хозяин“ горы их „оживит“ и оденет в новый мех.

БЕЛКА

Белка (tiin). Белку били из малопульных винтовок, ловили капканами в продолжение всей зимы. Охотники передают интересную подробность из образа ее жизни. Она имеет по несколько гнезд. Каждое гнездо мягко выстлано мхом. В течение зимы белка то и дело меняет гнезда по той причине, что в моховых стенках заводятся блохи. Белка в таких случаях покидает гнездо, сменив его на другое, и вымораживает блох. Мясо белки служило существенным подспорьем в пище охотника на промысле. Оно нежно и обладает приятным вкусом, напоминающим мясо кролика.

БАРСУК

Барсук („porsuk“). Охотились на барсука осенью. С помощью собаки отыскивали его норы и разрывали их. В одной норе иногда живет до 15 барсуков, хотя детенышей у барсуков не бывает больше двух. Барсуков душили собаки, поэтому редко приходилось обращаться к помощи ружья. Для собаки барсук — соперник довольно опасный. Нередко собаки лишаются своей охотничьей профессии именно потому, что барсук носил искусал. Барсука употребляли в пищу. Вообще же добывался он, главным образом, ради шкуры и сала.

ЗАЯЦ

Заяц („kazan“). Охотились зимой, чаще всего с петлями, иногда и с капканами. Шкурки шли на шапки. Мясо ели.

БУРУНДУК

Бурундук („kyrek“). Охотой на бурундука преимущественно занимались подростки. Весной в апреле (kyrek ајь — бурундучий месяц), когда бурундуки „гуляют“, подростки выходили за селение в лес, садились у дерева и подманивали свистом бурундуков. На приблизившегося зверка они надевали волосяную петлю, насаженную на длинную палку. Шкурки бурундука продавали, шили из них шапки, а мясо ели. Ловили этих зверков и небольшими капканами, стреляли из луков деревянными стрелами.

ГОРНОСТАЙ

Горностай („Agas“). Промышляли самодельным деревянным капканом (şergei), который ставили к входному отверстию дупла, где был обнаружен горностай. Меха его ценился довольно дорого. Мясо раньше ели, шкурку продавали. Нос убитому горностаю отрезали „для счастья“.

ОХОТНИЧЬЯ СОБАКА

Охотничья собака (eger; it) имела значение в шорской охоте только во второй половине зимы, когда глубокий таежный снег, плотно слежавшись, выносил тяжесть собаки.

По мнению некоторых знатоков, в Шории до эпохи русской колонизации был распространен тип лайки, который превратился в лайкоида под влиянием смешения лайки с различными породами русских собак, завезенных русскими колонистами. „Вопрос о происхождении лайки и ее расах остается неизученным. Имеются сторонники мнения о происхождении различных видов лайки от волка, лисицы, песца, дикой остроухой собаки“.¹ Лайки очень выносливы и обладают острым зрением, слухом и обонянием.

Тип алтайской лайки характеризуется следующими признаками: лобастость, стоячие округленные уши, длинная острая форма морды, косо поставленные глаза, развитая клыкастость, длинноноготь. Цвет шерсти однообразный с мягкими оттенками перехода основного тона. Рост 10—12 вершков. Пушистый свернутый калачиком хвост. Ее поведение на охоте имеет одну очень важную особенность, которая на 75% определяет ее ценность. Настоящая лайка, выследив зверя, не пугает его громким лаем и не кидается на дерево, где он находится, а садится вблизи и легким потягиванием дает знать об этом хозяину.

Признаки, определяющие лайкоида, вкратце сводятся к следующему: менее выраженная лобастость, прямо торчащие уши (признак, характери-

¹ См. Сибирская сов. энциклопедия, т. III. Лайка.

зующий стойкость вида лайки), но уже слегка заостренные, коротконогость, что делает их мало пригодными для охоты зимой, так как они тонут в снегу и быстро утомляются. Цвет шерсти почти всегда пестрый, сообразительность средняя и ниже средней, рост весьма разнообразный. Для охоты лайкоиды вообще пригодны. В шорских преданиях богатыри и вообще охотники промышляют с сильными злыми собаками, которых водят на железной цепи.¹ В легенде о шорце Куюке говорится также о цепных собаках, с которыми он не только охотился, но еще выючил на них добычу.

Первое поле для молодой собаки было, когда ей исполнялось девять месяцев. Обыкновенно осенью ее брали в тайгу. Здесь охотник натравливал ее на дичь и мелких зверков. Если она начинала их гонять, охотник намеренно прятался от нее, в то же время не выпускал ее из под своего наблюдения. Заметив, что, загнав зверка на дерево, собака не убегает, а стережет его, подавая хозяину лай, охотник убивал этого зверка и первую добычу обязательно отдавал своему кудластому ученику. После такой дрессировки, ее уже брали на настоящую охоту, где она училась выслеживать зверя с опытной собакой. К этому собственно и сводилась вся дрессировка.

Кормили собаку на промысле хорошо. Остатки своей пищи — суп или кашу смешивали с толокном и давали ей из своей же чашки. Зато в неохотничье время шорцы мало заботились о своих четвероногих помощниках. Кормили редко и случайно, отчего те всегда были голодными. Каждое утро они убегали в лес, где самостоятельно находили пищу.

Собаке избегали давать соленой пищи, полагая, что от этого у ней теряется чутье. Для восстановления чутья в нос собаки лили желчь колонка и это иногда давало прекрасные результаты.

У шорцев до последнего времени существовала традиция, запрещающая продавать охотничьих собак. Это указывает на известное значение собаки в охотничьем промысле. Приобрести хорошую собаку можно было только щенком. Челейцы (род в Шории) считали, что у хорошего щенка на носу есть крест. Если такого щенка потрогать за хвост, он моментально выгнет спину и завилает хвостом. О ценности охотничьей собаки можно судить из следующей нормы обычного права, существовавшего до революции у шорцев рода „челей“ (на Кондоме). За убийство охотничьей собаки считалось необходимым возмещение убытка потерпевшему в размере лошади или коровы.

Охотничьим собакам шорцы давали клички преимущественно описательные. Вот записанные нами примеры их: *mojnak* (белошейка); *ak-teş* (белогрудка); *tert-krak* (четыреглазая — имеются в виду два черных пятна под глазами); *alaput* (пестролапка); *karakulak* (черноухая); *kektyr*, и т. д.

¹ Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 134. Предание об Унзаская-бажы.

Орудия охоты у шорцев отличались крайней примитивностью. Ружье проникло к шорцам в XVII в., после русского завоевания. Однако распространение в Шории получило оно значительно позже, в конце XVIII и XIX вв. Ружью у шорцев предшествовал лук, который являлся в Саяно-Алтайском нагорье одним из древнейших и основных орудий производства.¹

В шорских сказках постоянно фигурирует лук как главное орудие богатырей. В верховьях Кондомы сказочные луки (kostak или ortakşyn) наделены свойствами ходить, разговаривать, поражать врагов. В древних могилах Алтая часты находки стрел, точнее, наконечников стрел различной формы. Эти наконечники „имеют тонкие черенки, вставляющиеся в древко, при некоторых из них встречаются полые, костяные шарики с прорезами, издающие при полете стрелы свистящий звук“.² „Поющими стрелами“ славилась древние „ту-гю“ китайских летописей, обитавшие на Алтае. Подобную стрелу Радлову показали телеуты в 70-х годах прошлого столетия. Он пишет: „На одной из стрел между древком и наконечником был укреплен пустой роговой шарик с несколькими отверстиями“.³ При полете такая стрела давала гудение и могла употребляться при военных операциях, имея целью оказать влияние на моральное состояние противника, как это думает Н. Козьмин.⁴ Однако не менее вероятно употребление „поющих стрел“ и при охоте на зверя. Так, например, в сказках тубаларов мы встречаем стрелу „kəsty ok“ (буквально: с глазами, с дырочками). По объяснению тубаларов такие стрелы в старину употребляли при охоте на марала. Когда марал уходил от охотника, последний выпускал ему вслед свистящую стрелу, и это будто бы задерживало марала, который останавливался и прислушивался к свисту, озираясь по сторонам. У шорцев низовьев Мрассы нам рассказывали, что у них также охотились с поющими стрелами, которые назывались „окса съгьрткьş“. Наконечник этой стрелы делался из рога, имел три отверстия, которые издавали при полете стрелы звук, и окрашивался в красный цвет. Еще совсем недавно такая старинная стрела имелась в улусе Тетенсу и только года два тому назад была продана сотруднику Томского краеведческого музея.

Внешний вид шорского лука хорошо помнят жители нижнего течения р. Мрассы. По их рассказам — это был сложный охотничий лук, который делался из нескольких пород дерева и имел роговую обкладку. Назывался

¹ Об этом специально см. Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев. Сов. этнография, 1934, № 3.

² С. И. Руденко и А. Н. Глухов. Могильник Кудургэ на Алтае, стр. 45. Материалы по Этнографии Гос. русск. музея, т. III, в. 2, 1927.

³ Aus Sibirien, I, S. 336.

⁴ Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 19.

такой лук „mys sасак“.¹ Надо сказать, что лук, хотя и в иной форме, сохранился кое-где у шорцев до наших дней и употребляется на охоте. Будучи в Шории в 1934 г., мы лично могли отметить в глухих местах употребление лука при охоте на бурундука. Лук этот называется „окса“. Он сделан из дерева. Имеет на концах зарубки (şыrtыg), на которые подтягивается тетива по мере ослабления упругости лука. Тетива сделана из толстой конопляной бичевки. Стрела (sogon) имеет на конце утолщение в виде деревянного набалдашника (sogon boзь). Такая стрела не портит шкурки зверя. Любопытно, что в могильнике Кудурге, в восточном Алтае, датируемом VII в., при раскопках была найдена связка стрел, без металлических наконечников, утолщенных и заостренных на конце.

При помощи описываемого лука шорцы стреляют рыбу. С этой целью употребляется лишь иная стрела. Эта стрела имеет деревянный наконечник в форме острой лопаточки (kalagaş) или же снабжена железным наконечником (atыs).² Охоту с луком у шорцев отметил посетивший их в 1881 г. А. В. Адрианов, который писал по этому поводу: „бурундука, а также рыбу стреляют из небольшого лучка, окча; стрелы цоган (Sogan? Л. П.) представляют нетолстую круглую палочку, конец которой делается в виде набалдашника“.³ О широком употреблении лука у шорцев свидетельствует и обилие названий для него: ja, окса, jan, nan, alar, saadak, kosta, ortakşыn, şam.

Весьма возможно, что в старину у шорцев лук и стрела являлись мерилom натурального обмена, выполняющим функцию денег. У шорцев „окса“ означает 'лук', 'стрела'. Мелкая монета носит термин „ок-окса“,⁴ т. е. 'стрела' + 'лук'.

Наконец, огромное значение лука в хозяйственной жизни шорцев нашло отражение в шаманском культе. Как мы показали в своей работе,⁵ лук и стрела у алтайцев, в том числе и у шорцев, являлись в древности культовым орудием, предшествующим шаманскому бубну. Более того, шаманский бубен, как показывает анализ его названия, первоначально назывался как 'лук' по культовой функции лука, которого он заместил как орудие культового действия. Культовое значение лука у шорцев сохранилось почти до наших дней. Еще в 1927 г. можно было заснять камлание шорского шамана с лучком „telge“, а к колыбели новорожденного мальчика прикрепляли лук и стрелу как оберег, как принадлежность покровительницы детей Umaј или тај — епе, весьма древнего женского божества.

¹ Костяной старинный шорский лук имеется в коллекциях Музея антропологии и этнографии Академии Наук СССР. Колл. 5072—27.

² Лук и все разновидности стрел приобретены мною для Гос. этнографического музея в Ленинграде, где зарегистрированы в составе коллекции № 5668.

³ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 319.

⁴ Вербицкий. Словарь, стр. 12.

⁵ Лук и стрела в шаманстве у алтайцев.

ства, известного еще по енисейско-орхонским надгробным памятникам (напр., памятник Кюль Тегина).¹

На основании изучения роли лука и стрелы мы высказали предположение об одном конкретном пути образования шаманов у алтайцев, в том числе, разумеется, и у шорцев, которое мы намерены здесь привести полностью.

Фиг. 2. Моление с луком.

Показав на конкретном материале, что большинство терминов 'гадатель', 'колдун', 'шаман', теснейшим образом связано с луком, восходит

¹ П. Мелиоранский. Об орхонских и енисейских надгробных памятниках с надписями, ЖМНП, 1898, июнь, стр. 266; Его же. Памятник Кюль-Тегина. Зап. Вост. отд. археол. о-ва, т. XII, в. II—III, 1899. Акад. А. Н. Самойлович в „Известиях“ № 292, от 15/XII 1934 г., сообщает, что из долины Налайха, по р. Тола (где женой Д. А. Клеменца была найдена известная надпись Тоньюкука), доставлен обломок черепицы с орхонским письмом эпохи Тоньюкука (VII—VIII вв.). На обломке черепицы находим начальные слова четырех строк, полностью мною прочитанных: 1) Кегмен — название Саянского хребта или гор Танну-Ола; 2) „Ыдук йер суб“ шаманское божество („священная земля-вода“); 3) Кан-тенгри — божество („хан — небо“); 4) „Умай катун“ — богиня плодородия („царица Умай“). Рядом с надписью имеются стилизованные изображения козлов.

Возможно, что надпись имеет отношение к походу Тоньюкука против киргизов, живших к северу от Саянского хребта.

к термину 'лук' или до сих пор еще сохраняет смысл „лучника“, т. е. человека, пользующегося луком, мы ставим прежде всего вопрос: под влиянием каких причин и при каких общественных условиях лук и стрела у племен Алтая приобрели значение культовых орудий? Мы уже имели случай высказать предположение о наделении культовыми функциями этих орудий в эпоху материнского рода. Огромное хозяйственное значение изобретения лука и стрелы, „благодаря чему дичь стала постоянным средством питания, а охота — одной из нормальных отраслей труда“ (Энгельс), не могло не отразиться в идеологии родового общества. При этом нужно иметь в виду и то обстоятельство, что человек на этой стадии общественного развития мог объяснять способность лука и стрелы поражать зверя не физическими законами, а скорее всего истолковывать магически. Приведенные соображения вполне разъясняют роль лука и стрелы как магических культовых орудий.¹ Естественно, что и обладатели этими орудиями рассматривались как носители, распорядители магической силы, заключенной в этих орудиях и обеспечивающей успех в охоте. Отсюда позволительно наметить один из конкретных путей происхождения шаманов применительно к Алтаю, который схематически может быть представлен в следующем виде. С изобретением лука и стрелы разделение труда в охотничьем обществе весьма продвинулось вперед. В коллективных облавных охотах четко разграничиваются функции загонщиков и стрелков, вооруженных луками. Бурятские предания о древних облавных охотах прекрасно это подтверждают. Стрелки-лучники вскоре становятся руководителями облавных охот, так как этому способствовала их производственная роль в процессе коллективной охоты на зверя. Владеющие таким сложным орудием, каким является лук, орудием, требующим значительной выучки в обращении с ним, стрелки становятся не только во главе руководства облавными охотами, но они являются руководителями в военных операциях и, очевидно, вскоре же сосредоточивают в своих руках и функции магического воздействия на производственный процесс, чему способствовало и представление о магических свойствах лука и стрелы, находящихся в руках распорядителей облавных охот. Магические функции являлись в то время составной частью производственного процесса и считались такими же производительными функциями, как, например, технический процесс охоты на того или иного зверя.

Наши суждения подкрепляются на бурятском материале, относящемся к стадии разложения родового общества. По преданиям бурят, руководителями древних облавных охот являлись шаманы, которые объединяли в своем лице функции руководителей охоты, руководителей военных операций и жрецов. Участники коллективных охот делились на три категории. Высшей категорией являлись шаманы-начальники, простые шаманы и дети высших шаманов. Они ездили на лошадях и были вооружены луками.

¹ См. Л. П. Потапов. Лук и стрела в шаманстве у алтайцев.

Следующую категорию составляли облавщики и низшую — военнопленные рабы, выполнявшие наиболее тяжелую и черную работу. Перед началом и после охоты главный шаман устраивал моление охотничьим духам, держа в руках стрелу. Главный шаман руководил дележом добычи, из которой часть поступала в общественный фонд (han), находившийся в заведывании главного шамана. Из этого фонда часть мяса предназначалась для жертвоприношения. Лучшая же часть мяса и шкура зверей при дележе отклады-

Фиг. 3. Лук для охоты на бурундуков.

вались для шаманов-начальников. Худшее мясо и внутренности отдавали рабам. Некоторые шаманы пытались узурпировать всю власть и общественный фонд. На этой почве между ними постоянно возникала вражда, что весьма отражалось на организации облав.

С развитием у бурят скотоводства пала власть шаманов. На первое место выдвинулся главный родоначальник „ўнши-ноёк“. Шаманы потеряли политическое значение.¹

По мере разложения родового общества постепенно шаманы отрывались от общественного производства и сосредоточивали свою деятельность исключительно на магических функциях, которые долгое время являлись обязательной частью производственного процесса. В классовом обществе шаманы превращались в служителей интересам господствующей, эксплуататорской верхушки. Однако в идеологии производителей-охотников даже в классовом обществе магические приемы еще долгое время

¹ Д. А. Клеменц и М. Н. Хангалов. Общественные охоты у северных бурят. Материалы по этнографии России, т. I.

продолжают рассматриваться необходимыми и производительным элементом производственного процесса. Артели охотников алтайцев, тубаларов, кумандинцев, шорцев до последнего времени брали с собой на промысел зверя стариков-сказочников, специальное назначение которых заключалось в том, чтобы они вечером во время промысла в тайге рассказывали сказки для услаждения горных и лесных духов-хозяев, которые за это развлечение посылают охотникам обильную добычу. Выполнение этой, по существу магической, функции считалось производительной работой и при дележе добычи артель охотников наделяла стариков-сказочников полным и равным паем.

Показав древность лука для шорцев и позднее ознакомление с ружьем, остановимся на беглом рассмотрении охотничьего шорского ружья.

Почти до последнего времени здесь преобладал шомпольный тип ружья, делившийся на две категории: 1) более древнее — кремневки (*multyk taş*). Зажигание пороха в этом ружье производилось при помощи кремня, вставленного в курок. При спуске курок ударял в специальную стальную пластинку и давал искру, которая воспламеняла порох, насыпанный на полку, приделанную с правой стороны запаянного казенника. Полка с насыпанным порохом сообщалась через тонкое отверстие с казенником, где был засыпан заряд пороха, забитый пулей без пыжа. 2) Более позднее ружье — пистонное. Среди этих ружей большинство мелкокалиберные, с продольным нарезом (*kyrlu multyk*). Шорцы разделяют свои ружья по характеру боя. По этому признаку они (на р. Кондоме) различают: „*syrekty multyk*“ (с сердцем ружье) и „*syrekty сок multyk*“ (без сердца ружье). Первое ружье — хорошее ружье, бьющее зверя наповал. Второе ружье пронизывает пулей зверя навылет, но зверь с такой раной все же уходит. В низовьях р. Мрассы подобные ружья называют соответственно: „*kan tutpas multyk*“ (не задерживающее кровь ружье) и „*kan tutas multyk*“ (держашее кровь). В связи с этим шорцы, чтобы усилить убойность дальнебойного ружья, промывают его ствол крепким раствором сулемы.

На крупного зверя употребляли крупно-калиберное пистонное ружье „*kyzei multyk*“. Пуля для него была чугунная, вводилась в канал ствола без шомпола, просто закатывалась, следовательно, такое ружье легко разряжалось. Кроме того, большое неудобство оно представляло в том отношении, что из него нельзя было стрелять под гору, пуля выкатывалась.

Старинные шорские ружья отличались тяжелым весом и некоторые из них снабжались подставками — рогатками (р. Томь).

Ружье одевалось в чехол, сшитый из шкуры барсука, мехом наружу. Ружейные принадлежности состояли из дробницы, сшитой из кожи в виде маленького мешочка пороховницы, сделанной из рога марала или также сшитой мешочком из кожи, в верхней части которого находилось деревянное или костяное горлышко, служившее меркой пороха для заряда. Пистонницы делали преимущественно из рога, иногда из дерева. Шомпол

(şomtır) вырезался из жимолости. Принадлежности ружья носились охотником на груди на ремне, надеваемом на шею.

Несмотря на наличие ружья, у шорцев до последнего времени большое значение на охоте имели самодельные деревянные капканы (şergei) и деревянный самострел.

Характерной и общей чертой для ловушек-капканов является то обстоятельство, что они все деревянные, однотипные по форме и механизму. Все они спускового устройства. В каждом из них основной частью механизма является небольшой лук, на силе упругости которого и основано все устройство и значение капкана. Этот тип капкана был распространен не только по всему Алтаю, но и у качинцев, бельтиров, сагайцев, карагасов, сойотов, бурят, тунгусов, якутов и во многих других местах северо-восточной Азии. То же самое следует сказать и про самострел, на основании нашего ознакомления с музейными коллекциями по сибирским народам в Музее антропологии и этнографии Академии Наук и в Государственном музее этнографии в Ленинграде.

Краткое описание этих орудий может быть представлено в следующем виде.

САМОСТРЕЛ (aja)

Основные части его: лук „ja“ и основа. Эти части изготовлены из дерева, наиболее отвечающего главным требованиям — крепости и способности не рассыхаться. Тетива „kiriş“ делается из конопли, а курок из березы.

„Ja“, определяющий размеры самострела, получают путем откалывания от дерева палки нужных размеров. Главная работа по изготовлению лука — сгибание. Это делалось просто, но все же требовало некоторого умения. Один из концов палки, предназначенной для лука, втыкался в землю, к другому подвешивался груз. Груз постепенно увеличивался и сгибал палку. Подобная процедура требовала двух-трех месяцев, когда лук окончательно высыхал, после чего уже натягивалась тетива.

Длина описываемого лука свыше 2 метров, ширина 4—6 см, толщина 2—3 см.

Основа представляет собою деревянную палку, толщиной 3—4 см, шириной 5—6 см и длиной немного более 1 метра. Основа эта снабжена тремя зарубками, которыми измеряется сила упругости лука. Первую неделю охоты самострелом тетиву натягивали до первой зарубки, затем, по мере ослабления, она передвигалась по этим зарубкам (şırtıg).

К принадлежностям самострела относится еще курок из березового дерева. Длина его 25—30 см, толщина 2—3 см в толстом конце и 0.3 см в тонком.

Стрела самострела „Sogon“ имеет 70 см длины и 1 см толщины. Она 4-хгранной формы с отточенным железным наконечником в виде треугольника. Размеры наконечника: длина 5 см, ширина основания 2 см.

Шорцы обычно одновременно ставили два самострела. Они ставились в перпендикулярном направлении к тропинке, по которой проходил зверь, и с разных сторон тропы. Для установки каждого самострела в землю вбивалось три кола: два из них имели рогатки и ставились на одной линии, на расстоянии одного метра, третий вбивался позади них на середине. Колья с рогатками возвышались над землей на 60—80 см, они служили для опоры лука, третий кол поддерживал основу. Натянутая тетива держалась на курке. Взведенное состояние курка поддерживала петля из шнурка, охватывающая одновременно основу лука и курок. Стрела клалась на основу и прижималась к тетиве. Курок спускался самим зверем, проходящим по тропе, через которую была протянута тонкая суровая нитка (ьзыт), привязанная к петлям, удерживающим курки обоих самострелов.

Удар стрелами для зверя с двух сторон почти всегда был смертельным, так как приходился под переднюю лопатку, так как зверь задевал нитку передней ногой.

За последнее время „аја“ вышел из употребления. Он был вытеснен ружьем. С другой стороны, этому способствовало распоряжение краевых органов Советской власти в Сибири, заносящее самострел в разряд запрещенных орудий охоты. Тем не менее, окончательно вышедшим из употребления самострел нельзя было признать до 1927 г. включительно.

КАПКАНЫ

Капканы для мелких зверков изготовлялись почти каждым охотником. Они были весьма однотипны и разнились самыми незначительными деталями. Прежде всего, это одна и та же форма с маленькими вариантами, основанная на одном и том же принципе спускового устройства. Здесь так же, как и в вышеописанном самостреле, источником потенциальной энергии является сила упругости дерева. Все эти капканы сделаны из дерева, преимущественно из лиственницы и березы, иногда из черемухи. Размеры их довольно постоянны.

Два или три вида этих капканов всюду распространены среди алтайцев и имеют одно общее название „сегей“ (алт.), „şergei“ (шорцы). Капкан представляет собою перевернутый лук, применялся для ловли колонков. Он состоит из основы „şergei“, сделанной из черемухового прута, длиной 1 м, толщиной в 2 см, постепенно суживающегося к концу. Перегнутый в трех местах, этот прут и составляет основу. К основе прикреплен лук „окса“ с тетивой, причем тетива пропущена через отверстие, пробитое в конце деревянной стрелы, снабженной на конце тупым перпендикулярно насаженным прижимом „Sogon“. Стрела плотно прижимается тетивой к основе капкана. В момент заряжания капкана натягивается тетива, она тянет за собой стрелу и удерживается курком, который при помощи „attagaş“ — деревянной вилки с зарубкой — зацепляется за дугу, приделанную к основе, и остается во взведенном состоянии. Между стрелой

и остовом образуется проход, загороженный лишь тонкой вилкой. В таком настороженном виде капкан подставляется к отверстию норы колонка с таким расчетом, чтобы зверек не мог выйти из норы иначе, как через проход капкана: пролезая в единственный выход, он неминуемо задевает вилку и моментально зажимается стрелой.

НАРТЫ

Нарты охотничьи (şanak) служили для волочения за собой охотничьего снаряжения. Они делались из тальника или черемухи. Описываемые нарты имеют длину загнутого полоза 1.55 м, ширина между полозьями (tamyş) составляет 0.36 м. Каждый полоз имеет пару копыльев (azak). Высота передних копыльев — 0.42 м, задних — 0.38 м. На уровне верхних копыльев протянуты два параллельных прута (şybьk), образующих верхний край нарт. Прутья прикреплены к копыльям и к загнутым концам полозьев. Между прутьями, посередине, на высоте копыльев, на поперечных связках (tireş) положены две дощечки длиной 1.33 м и шириной 0.13 м, образующие дно нарт, на которое кладется груз. По каждой стороне нарт имеется сетка из бичевы (koryg), натянутой между дном и верхним прутком. Она предохраняет груз от выпадения. Для большей прочности от верхнего загнутого вверх конца нарт идет рама из прутьев (тыгак), привязанная вторым концом к поперечине передней пары копыльев. Охотник тянет за собой нарт на холщевой лямке (сурек), надеваемой петлями на каждое плечо. Лямка прикреплена к нартам к передней паре копыльев за поперечные скрепы. Чтобы при спуске с горы нарт не наезжали на охотника, сделано приспособление в виде тонкой деревянной оглобли (oglobe), которую охотник держит в левой руке. При помощи оглобли он тормозит и останавливает нарт. Оглобля прикреплена к нарте петлей, сделанной из сухожилий марала (tarьm). Способ укрепления оглобли тот же самый, что и у русских саней.

Среди орудий труда в охотничьем производстве у шорцев необходимо выделить для специального рассмотрения лыжи (şana).

Лыжи шорцы делали и делают до сего времени из березы, из черемухи и из тальника. Лучшими считаются черемуховые. Как правило, длина лыж должна доходить до подбородка их хозяину. В среднем размеры колеблются около 1.5 м, ширина лыжи 12—16 см. К переднему концу лыжа постепенно суживается, и носок ее загибается вверх. Для удобства хождения по снегу лыжи подбиваются маральей, оленьей и конской шкурой, снятой с ног этих животных. Шкура с шерстью крепко обтягивает лыжу и прикрепляется к ней гвоздиками. Гораздо примитивнее и древнее другой способ, имеющий и теперь широкое применение: лыжа кладется в скроенный и сшитый кусок шкуры, предназначенный для обтяжки, и прочно зашнуровывается. Шов шнуровки, разумеется, делается на той стороне лыжи, которая при ходьбе не скользит по снегу. Шерсть подбивается всегда ворсом в одну сторону, чтобы легко можно было дви-

гаться вперед и не скользить назад. Собственно, только благодаря такому устройству лыж, охотники без затруднения поднимаются на высокие и крутые горы. В этом нельзя не видеть настоящего изобретения, громадного достижения в охотничьей технике шорцев.

Такой тип лыж свойственен не одним только шорцам. Он широко распространен по всей Сибири, особенно в северо-восточной части. Шкура, идущая на обивку лыж, называется у шорцев „рьсак“. Вследствие того, что горы Шории отличаются крутизной склонов и лесистостью, шорцы-лыжники управляют своим бегом специальной палкой, которая имеет форму лопатки. Эту палку или лопатку держат на подобие кормового весла. Она называется „кучсек“ и „көзек“, делается из березы. Спускаясь с крутого ската, лыжник откидывается назад, переносит тяжесть тела на эту опору и при помощи ее тормозит бег, а также ловко извивается между деревьями.

Для ходьбы по насту весной употребляются другие лыжи. Они сделаны из сосны и не подбиты шкурой, так называемые голицы — „kalbrak“. Лыжи не только у шорцев, но и у всех племен северного Алтая нужно рассматривать как важнейшее техническое изобретение, результатом которого явилось сильное поднятие производительности труда зверолова. Вероятно, появление лыж в свое время означало настоящую техническую революцию примитивного звероловческого таежного хозяйства. Иначе и не могло быть. По существу только лыжи могли обеспечить зимнюю таежную охоту. Изобретение лыж позволило освоить глубокоснежную тайгу зимой и сделать возможной охоту в тайге в течение круглого года. Освоение огромных лесных массивов при помощи лыж в зимнее время дало резкое увеличение добычи продукции и чрезвычайно усилило значение охоты в таежных горных районах с длительной зимой. Развитие охоты на лыжах сделало возможной добычу крупного копытного зверя (лось, олень, марал, козел) зимой. Лыжи экономили силы первобытного охотника, удлинili время пребывания его на промысле, расширили во много раз территорию охоты. В условиях глубокоснежной тайги изобретение лыж, так же как и изобретение лука, сделало мясо зверей предметом постоянного питания, а охоту — ведущей отраслью труда этих горно-таежных районов.

Возникает вопрос, когда, в какую эпоху, были изобретены лыжи в северном Алтае? Ответить на него чрезвычайно трудно за отсутствием достаточных данных. В этом отношении ничего не дает и археологический материал, так как лыжи не могут долго сохраняться в земле. В нашем распоряжении имеется только один факт, который в состоянии пролить некоторый свет в этой области. У шорцев и у тубаларов существуют предания о том, что в отдаленные времена лыжи подбивались мехом выдры. В тубаларской легенде о роде „sargaıсь јуз“ (саранщиках юзах) говорится, что родоначальник юзов — собирателей сараны, был прекрасным ходоком на лыжах и состязался, однажды, в беге с шорцем. Лыжи шорца легенда

описывает сделанными из особого „живого дерева“ (ṭyṇdu agaṣ — буквально дерева с душой) и подбиты они были мехом выдры. Этими лыжами шорец управлял посредством ремней, привязанных к загибающимся концам, словно поводом.¹ Лыжи эти были настолько быстроходны, что родоначальник „sargaṣь juz“ должен был пуститься на хитрость, которая и помогла ему несколько опередить в беге шорца. А. Новиков записал предание, по которому у кумандинцев раньше лыжи подбивались также выдрой. Однако после того как неведомая сила затянула одного из охотников на таких лыжах в реку, лыжи стали подбивать шкурой, снятой с конских ног. Предания о лыжах, подбитых мехом выдры, подкрепляются воспоминаниями тубаларов о том, что еще несколько поколений тому назад ясак сдавали в Кузнецк, доставляя его на лыжах. Лыжи эти были в каждой волости „общественные“, т. е. приобретенные за счет волости, и они также были подбиты мехом выдры.

Из этих рассказов, записанных в разных местах, становится несомненным одно положение: лыжи появились в период, когда пушной зверь еще не имел товарного значения, не имел меновой стоимости, так как такой ценный мех, как мех выдры, шел на подбивку лыж.

Когда это было? Нам представляется — это было в эпоху материнского рода, когда в охоте преобладал промысел на крупного мясного зверя, в целях обеспечения рода прежде всего мясом, когда зверь добывался с потребительской целью. Позднее, когда в связи с ростом производительных сил, в связи с разделением труда, возникла охота на пушного зверя ради пушнины, которую требовал развивающийся обмен и данническое положение племен северного Алтая, материнский род стал быстро разлагаться. Новое разделение труда, выразившееся в возникновении пушной охоты, помогло превратиться охоте на зверя в ведущую отрасль производства и тем самым переместило центр тяжести общественного труда в область мужского производства. В этом процессе развития производительных сил, показателем более высокого уровня которых явилось новое разделение труда (возникновение пушной охоты), лыжи сыграли заметную роль, как это было уже подчеркнуто выше. Подняв экономическое значение охоты, усилив значение роли мужского производства, лыжи, как и лук, способствовали дальнейшему разложению первобытного коллективного производства. Названные орудия производства обеспечивали техническую возможность индивидуального производства. Придавая большое значение лыжам в развитии первобытной экономики охотников-шорцев, мы отнюдь не утверждаем, что именно изобретение лыж разложило материнский род и превратило его в отцовский. Разложение это было вызвано ростом производительных сил, выразившимся в новом разделении труда, повлекшим за собой и рост техники охотничьего произ-

¹ Ср. известие Рашид-ад-дина о лесных урянхитах, которые делали к лыжам „возжи из ремня“. Введение в историю монголов, стр. 91.

водства. Более того, самое изобретение лыж, как и всякое техническое изобретение, стало возможным лишь на известном уровне развития производительных сил. Однако об этом нам придется еще говорить в специальной связи, в главах, посвященных разложению рода у шорцев, где затронутый вопрос будет рассмотрен глубже и подробнее.

2. МОТЫЖНОЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И СОБИРАНИЕ КОРНЕЙ

В хозяйственной жизни шорцев вплоть до Октябрьской революции имело существенное значение мотыжное, лесное земледелие и собирание съедобных корней растений. Не имея самостоятельного экономического значения, земледелие и собирание корней служили значительным подспорьем при охоте на зверя. Роль этих занятий в первобытной экономике шорцев возросла с того момента, когда охота на мясного зверя (эпоха материнского рода) под влиянием ряда причин, о которых речь пойдет дальше, уступила свое место охоте на пушного зверя (эпоха отцовского рода), добываемого преимущественно ради шкурки. Однако все же мотыжное земледелие, хотя и приспособленное к суровым условиям горной тайги, не могло полностью обеспечить потребности даже привыкшего к частым голодовкам зверолова-шорца. Ограниченность размеров данного типа земледелия зависела, главным образом, от низкого уровня развития производительных сил у шорцев и от слабой технической вооруженности хозяйства. Это не позволяло преодолевать огромные трудности, выдвигаемые на каждом шагу суровой шорской природой. Отсутствие настоящего топора (до эпохи русской колонизации) затрудняло расчистку горной тайги под возделываемые участки. Ручная обработка поля при коротком посевном периоде также ставила препятствие к расширению посевной площади. Поэтому поля шорцев могли только в лучшем случае „величиною сравняться с знатными огородами“, как в свое время выразился путешественник Георги (XVIII в.).

Почти столетие спустя, миссионер Вербицкий также писал про томских и мрасских шорцев: „Хлебопашеством занимаются весьма мало по недостаточности удобной земли. Главные их занятия: зверопромышленность, рыболовство“.¹ Об ограниченности шорского земледелия ясно говорят данные экономического обследования. Даже к 1900 г. в бассейне Мрассы 27.8 % шорских хозяйств совершенно не имели посевов. А в системе р. Кондомы не имели посева 31.9 % хозяйств. И если на Кондоме, где в конце XIX столетия, в связи с усиленной русской колонизацией, стало развиваться земледелие, каждое хозяйство в среднем засевало 1.2 га, то еще меньше средний размер посева был в бассейне Мрассы. Здесь хозяйство засевало в среднем 0.35 га.²

¹ Выписка из журнала миссионера Кузн. отдел. алт. дух. миссии за 1859. Христианское чтение, 1862, ч. I, № 4, стр. 553.

² Горный Алтай и его население, т. IV, в. I, Экономические таблицы. Барнаул, 1903.

Мотыжное земледелие шорцев имеет в себе много архаических черт и представляет собой как бы законсервированную древнейшую отрасль человеческого труда.

Надо заметить, что вообще для Саяно-Алтайского нагорья древность мотыжного земледелия известна по археологическим памятникам. Первые следы земледелия мы находим еще более чем за 1000 лет до н. э. Погребение так называемого „андроновского типа“¹ содержит в себе зерна, которые, очевидно, клались с покойником в качестве погребальной пищи.

Более яркие и несомненные следы земледелия дают нам археологические памятники и писаницы Минусинской котловины, датируемые 800—1000 лет до н. э. На писаницах этого периода встречаются человеческие фигуры с мотыгой в руках.² В собраниях Минусинского музея имени Мартянова хорошо представлены наконечники мотыг и корнекопалок, собранные преимущественно в качестве подъемного материала.³ Археологические находки вполне согласуются с более поздними историческими известиями. Известный синолог Иакинф Бичурин на основании китайских летописей мог сообщить, что в VIII в. н. э. в Урянхайском крае кыргызы сеяли ячмень, просо, пшеницу. Созревшие колосья выдергивали руками и солому обжигали на огне. Эту же технику, связанную с мотыжным земледелием, мы можем проследить как преобладающую у шорцев до Октябрьской революции. Более того, в глухих углах северного Алтая эта техника местами сохранилась как пережиток включительно до 1934 г., как мы в этом лично убедились. Шорцы расчищали небольшие участки тайги ручным способом. Тайга выжигалась, выкорчевывались пни, и поле обрабатывали для посева мотыгой. Мотыга сохранилась до наших дней. Она называется „абы“. Она состоит из железной лопатки, круглой или треугольной формы, насаженной на согнутый под углом черень. У шелканцев она именуется „ōl“. Впрочем, последний термин встречается в том же значении и у шорцев, как это вытекает из сообщения Радлова.⁴ Племена северного Алтая выделяли, в эпоху железа, абылы сами. Очевидно северный Саяно-Алтай с давних времен был центром производства различных железных орудий труда, среди которых производство абыла имело большое значение. Об этом, по крайней мере, можно судить хотя бы по тому, что население южного Алтая ездило „в яшашные ея императорского величества Кондомские волости, для смены тулупов и войлоков на котлы и железные абылы, чем землю копают“.⁵ Абылы занимали видное место в натуральном обмене еще в первой половине XVIII в.

¹ Андроновский тип получил название от деревни Андроновой (б. Ачинский округ), близ которой было обнаружено впервые погребение этого типа.

² См. Саяно-Алтайскую выставку в Гос. музее этнографии в Ленинграде.

³ См. также Н. Ядринцев. Начало оседлости. Литерат. сборник, СПб., 1885; Aspelin. Die Steppengräber am Jenissei.

⁴ Aus Sibirien, I, S. 351.

⁵ Чтения в импер. О-ве истории и древности российских при Москов. университете, 1866, кн. 4, стр. 85.

Абыл широко был распространен в горных лесных районах. У шорцев абыл применялся в местностях, покрытых густой тайгой. Производительность труда абылом крайне низкая. Участок земли в 1 га обрабатывался семьей в 2—3 ч. около месяца. Все же в условиях слабого развития производительных сил у племен северного Алтая абыл в свое время сыграл большую роль и долгое время был важнейшим орудием производства. Важность абыла в хозяйстве шорца в старое время выразилась в запрещении

Фиг. 4. Вспахивание пашни „абылом“.

брать его за долг из имущества должника (по решению родового суда), и, кроме того, абыл являлся необходимой принадлежностью приданого каждой шорской девушки (в верховьях р. Мрассы). Между прочим, абыл передавался в наследство по женской линии.¹ Последнее обстоятельство убедительно говорит о женском характере шорского мотыжного земледелия. Несмотря на то, что за последнее время, в связи с упадком зверового промысла, мужчина все чаще и чаще стал принимать участие в земледелии (прилагая свой труд преимущественно к расчистке тайги под пашню) абыл все же, как и „озуп“ (ozur) — корнекопалка, считается женским орудием.

¹ Дыренкова и Потапов. Абыл и озуп — хозяйственные орудия шорцев. Культура и письменность Востока, кн. III, Баку, 1928, стр. 116.

В низовьях рек северного Алтая, где долины широки и безлесны, а население экономически более зажиточно и разводит рабочий скот, абыл сменился примитивной сохой. Процесс этой замены для Саяно-Алтайского нагорья зарегистрирован исследователями на протяжении прошлого и начала нынешнего столетия.¹

Деревянная соха сохранилась у шорцев и известна под названием „salda“. Позднейшее, по сравнению с абылом, происхождение сохи отразилось в названии месяцев у шорцев. Месяц май имеет несколько названий:

Фиг. 5. Жатва.

kra şabyň aý (месяц битья пашни), kra-syerge aý (месяц волочения пашни: от глагола *syg* — тянуть, волочить), *res aý* (месяц растения кандыка — *Erythronium Dens. can. L.*). Эти названия отражают периоды обработки пашни

¹ Гр. Спасский. Сибирский вестник, 1818, стр. 23; Н. Костров. Бельтиры Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. о-ва, кн. IV, 1857; Ядринцев. Отчет о поездке в 1880 г. в Алтай. Записки Зап.-Сиб. отд. геогр. о-ва, IV, 1882, стр. 28; Дыренкова и Потапов, стр. 113—116. Во время печатания настоящей книги вышла интересная работа В. Н. Кашина „Крестьянская железоделательная промышленность Кузнецкого края XVII—XVIII вв.“. (Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 7—10.) Автор, не приводя достаточных доказательств, считает мотыжное земледелие шорцев явившимся на смену плужному в результате деградации хозяйства, в связи с русской колонизацией края. Это противоречит фактам. До русского завоевания население верхнего течения Томи, рр. Луоссы и Кондомы не знало плужного земледелия, как не знало и скотоводства. Среди орудий, выделявавшихся шорцами в начале XVII в., сошники не упоминаются. Упоминаются, позже, только „абылы“ (мотыги). Плужное было известно хакасам (с IX в.) в Минусинской котловине, но не в Кузнецком Алатау.

мотыгой и примитивной сохой и указывают также на значение заготовки корней диких растений. Наиболее древние названия „res aјъ“ и „kra řabyň aјъ“ последовательно отражают периоды, когда собирание корней, имевшее существенное значение в жизни шорцев, сменилось периодом регулярной обработки пашни при помощи мотыги (отсюда месяц „битья пашни“). Обработка пашни описанными орудиями представляла крайне трудную и тяжелую работу. Это особенно относится к очистке тайги под пашню, поэтому каждый расчищенный участок ценился весьма дорого и находился в частном владении обработавшего его. Однако при отсутствии удобрения расчищенная пашня давала урожай 3—4 года, затем истощалась и нужно было выбирать и очищать новый участок. Эта система земледелия способствовала быстрому уничтожению лесов у шорцев, что весьма сократило районы охотничьих промыслов и кроме того далеко отодвинуло их вглубь горных хребтов. Отступление тайги, а вместе с ней и зверя, определили необходимость периодического переселения хотя бы тех же шорцев, причем переселение это шло к вершинам таежных и горных рек.

На обработку пашни выезжали обычно всей семьей. Шорцы на это время покидали улусы, забирая свой скудный скот и охотничьих собак. В течение месяца семья была занята обработкой пашни. Жили в шалашах или балаганах, покрытых берестой. Женщины, вскапывая поле, вешали на ближайшее от себя дерево колыбель грудного ребенка. Подобные переко-кочевки на пашню совершались и на время прополки и уборки хлеба. Разумеется, описанный способ обработки пашни относится к маломощной и бедняцкой части населения, которая вынуждена была ютиться по вершинам рек. Их богатые соплеменники, расположившие свои хозяйства в широких и открытых долинах, занимались земледелием, которое мало отличалось от русского, кулацкого земледелия. Они строили свое хозяйство, главным образом, на посреднических операциях по скупке пушнины и кедрового ореха. Размеры посева бедняцкого хозяйства у шорцев составляли 0.2—0.4 га. Сеяли преимущественно ячмень. Пашню заборонивали суком или ветвями сухого дерева. На ряду с этим заборонивали деревянными ручными граблями и деревянной бороной (tarbař). Посев на старую пашню производился без предварительного вскапывания. Зерна разбрасывались и заборонивались абылом. Архаическими элементами были насыщены и приемы уборки пашни.

У шорцев, в бедняцких хозяйствах на юге Шории, почти до последнего времени можно было наблюдать выдергивание колосьев руками вместо жатвы. Выдернутые колосья очищались от земли, складывались в маленькие пучки, перевязывались. Корни отрубали топором и пучки вешали парами на длинные жерди, укрепленные на козлах, для просушки на солнце. На ряду с выдергиванием существовала и жатва, причем более ранней ступенью ее следует считать употребление вместо серпа ножа, сначала обыкновенного, потом более специального, которым резали созревший хлеб и траву для скота. Во времена рус-

ской колонизации края в самом конце XIX столетия получил некоторое распространение и настоящий серп. Особенности перечисленных приемов жатвы отразились в терминологии шорцев, которые имеют для обозначения жатвы два термина: „аш кезерге“ и „аш оарга“. Первый в смысле резания стеблей — (хлеб резать), второй, более древний, в смысле „вырывать хлеб“.¹ То же самое наблюдаем и в названии месяцев. Жители нижнего течения Кондомы называют август аҗ ke-
sen ајь, т. е. ‘месяц срезывания хлеба’. Такой же смысл имеет название августа у родов „шор“, „челей“ — kra keskin ајь. У рода же калар (Шория) сохранилось более древнее название августа: „orak ајь“ — ‘месяц дергания’ (хлеба).

Обратимся к молотье. Здесь та же картина. Древнейшие приемы молотьи были выражены в обжигании колосьев на огне. Названия сентября месяца: ertep ајь, urtyп ајь, в других местах октября (в низовьях Кондомы), означают „месяц обжигания“ и свидетельствуют о распространении в прошлом этого приема у шорцев. Обожженные на огне колосья молотили короткими деревянными палками, утолщенными в конце (topak).

Производительность труда при таком способе молотьи была также низка. Один человек в день мог обмолотить менее 0.1 га урожая. Веяние производили при помощи ручных корбушек (syrğaş) из бересты.

Они представляют собой как бы разрезанный пополам круглый шаманский бубен. Дно в деревянных веяльницах прикрепляется к стенке при помощи деревянных гвоздей или кожаных ремешков. Веют на них не только зерно, но и кедровый орех. Подбрасывая зерно на ручной корбушке, взрослый работник мог с трудом провеять в день около 1.5 центнера зерна.

Обмолоченный хлеб шорцы засыпали в большие берестяные сосуды цилиндрической формы (ulan) и оставляли их на деревянных помостах (tastak) на пашне.

Фиг. 6. Обжигание колосьев на огне.

¹ Дыренкова и Потапов, стр. 119—120. Вербицкий. Словарь „ОР“ (в. 6.) жать, стр. 221, ор. — телеут. резать.

Такой же примитивностью техники отличались и приемы превращения зерна в муку. До наших дней шорцы сохранили три вида приборов для размельчения зерна. Наиболее древним из них, очевидно, следует признать каменную зернотерку „raspak“. Она представляет собой две каменные плитки длиной 45—55 см, шириной 20—25 см. Производительность труда на такой мельнице не превышает 2—2.5 кг в день, и работа на ней требует большого физического напряжения. В настоящее время „raspak“ местами употребляется, главным образом, для растирания соли. Самым же распространенным видом мельницы до сего времени нужно признать ручную каменную мельницу „terben“, имеющуюся в каждой семье и изготовляемую шорцами самими из специального камня. Устройство „terben“ чрезвычайно примитивно. Она состоит из двух жерновов круглой формы, наложенных друг на друга и укрепленных на четырехугольной деревянной подставке, похожей на столик. Диаметр жерновов около 0.5 метра. Толщина жернова 6—8—10 см. Посредине жерновов круглое отверстие, которым оба жернова насажены на неподвижный стержень. Нижний жернов также неподвижен, верхний вращается. Зерно сыпят по одной горсти в средину отверстия жерновов и приводят в движение верхний жернов посредством вращения его рукой. Для этой цели служит специальная рукоятка. Она представляет собой простую деревянную палку, один конец которой вставляется в специальное углубление, сделанное на верхнем желобе, а другой, верхний конец, вставляется в отверстие, сделанное в потолке. Работа на такой мельнице так же тяжела, а результаты ничтожны. В день на terben можно смолоть до 8 кг зерна. Наконец, для размельчения зерна существует еще деревянная ступа с пестом, вырубленная из отрубка осины, иногда кедра или березы. Называется она „sak“. Работа на описанных снарядах для размельчения зерна лежит на обязанности женщины.

Описанные приемы заставляют признать, что мы имеем дело с хорошо сохранившимися остатками мотыжного земледелия, выступавшего здесь в соединении с охотой.

Поразительная сохранность древнейших отраслей человеческого труда, относящихся к эпохе хозяйствования в условиях первобытно-коммунистического, бесклассового общества у шорцев, как и вообще на северном Алтае, может быть продемонстрирована и на другом материале.

Выше уже указывалось на большое значение в охотничьем хозяйстве шорцев съестных корней диких растений. Рассмотрим этот вопрос подробнее. Надо сказать, что и в этом смысле шорское хозяйство не представляет собой чего-либо особенного, оригинального. Важность собирания корней для лесных племен Саяно-Алтайского нагорья, помимо археологических памятников, засвидетельствована древнейшими историками. Более того, корни диких растений занимали большое место и у скотоводческих племен Саяно-Алтая, которые выменивали их у лесников на молочные продукты, а иногда принимали в уплату дани.

Уже знаменитый персидский историк Рашид-ад-дин в своем труде „Сборник летописей“, законченном в начале XIV в., говорит об употреблении в пищу диких корней урянхайцами и сообщает, что из них бедняки платили корнями сараны калым.¹

Фиг. 7. Веяние ячменя.

Сообщая сведения о народе „Дубо“, Иакинф приводит свидетельства древних китайских историков об употреблении этим народом в пищу съедобных корней сараны.² Важно отметить, что название этого народа в произношении „tuba“ „tuva“ сохранилось сейчас у тубаларов Алтая и танну-тувинцев.

Позднее путешествовавший по Сибири Георги отметил обилие употребляемых в пищу корней у „саянских татар“, кочевавших по р. Абакану и у „верхь-томских татар“.³ Паллас это отметил для

¹ Рашид-ад-дин. История монголов. Введение о турецких и монгольских племенах. Труды Вост. отд. Археол. общ., ч. 5, СПб., 1858.

² Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии, ч. I, стр. 444.

³ Георги, стр. 164, 167.

сайотов.¹ По сообщению же Ю. Клапрота, урянхайцы, кочующие между Халхой и Джунгарией, платили в Улясутай дань, состоящую из пушнины и корней сараны (*Lilium Bulbiferum*), *Polygonum viviparum* и других растений, употреблявшихся у них в пищу.²

Значение диких корней усугублялось весной, когда истощались зимние запасы и наступал обычный весенний голод. У шорцев Кузнецкой тайги голод этот являлся хроническим, имеющим свою историю. Так, в грамоте царя Михаила Федоровича томским воеводам говорится о побеге ясачных „Мрасских и Кондомских волостей“, т. е. шорцев, „в киргизы“ и в качестве причины побега приводится ответ кыргызских князей, что эти люди „пришли де к ним кормиться“.³ О голодовках же повествуют многочисленные предания, начинающиеся так: „был голод, люди бежали в степь“. Об этом же пишут миссионеры: „У многих инородцев к весне не остается ни муки, ни ячменя, и они питаются тогда единственно только корнями полевых лилий: кандыка и сараны“.⁴ „О кореньях, в еду употребляемых, кои живущие по Енисею и по Кузнецким горам порознь скудные татары собирают на зиму, имея их сверх промысла, первейшим себе пропитанием“, свидетельствует Паллас. Он же пишет, что „самые крупные и хорошие коренья добывают татары, на Мрасе и Кондоме живущие, и отправляют даже до Абакана“.

Вспомним, что месяц май — время копания кандыка, так и называется у шорцев „рес ајь“ — „месяц кандыка“.

О важнейшем значении корнекопания для населения лесных районов Саяно-Алтайского нагорья свидетельствуют находки копалок для сараны среди инвентаря надземных погребений, именно в гробах женщин у бельтиров и бирюсов, кочевавших по р. Таштыпу.⁵ Корнекопалка же представляет собой одно из самых древнейших орудий человеческого труда. Она широко распространена среди многих племен Саяно-Алтайской области под названием „озур“ в наречиях шорском, алтайском, сагайском, качинском; „ozuh“ у карагасов; „озьк“ у сойотов.⁶ Приведем описание одного из озупов, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Академии Наук СССР: изогнутая деревянная палка длиной в 60 см, округлая в верхнем своем конце (окружность 8.5 см) и четырехгранная в средней части (ширина 6 см) с насаженным железным лезвием в виде узкой лопатки (дл. 19 см, ширина

¹ Паллас. Путешествие по разным местам Российского государства, СПб., 1786, ч. III, стр. 489 и ч. I, стр. 529.

² Asia Polyglotta. Paris. 1823, стр. 147—148.

³ Историч. акты XVII столетия, изд. Кузнецовым. Томск, 1890, стр. 8—9.

⁴ Вербицкий. Записки миссионера Кузн. отд. алт. мисс. за 1863 г. Прав. Обзор. 1864; Алтайские инородцы, стр. 15; Записки мисс. о-ва... т. I, в. IV, стр. 231 и др. О заготовке шорцами кандыка и употреблении его в пищу в сыром и вареном виде упоминает Г. Щуровский. Геологическое путешествие по Алтаю. Москва, 1846, стр. 168.

⁵ Дыренкова и Потапов, стр. 107.

⁶ Там же.

в верхней части 6 см и наибольшая 7 см) с поперечной перекладиной (дл. 33 см), на которую ставится нога для нажима в землю.

Корни кандыка, для копания которых озуп главным образом употребляется, находятся очень глубоко в земле, и выкапывать их довольно трудно. Луковица сараны легко выкапывается также озупом, — представля-

Фиг. 8. Ручная мельница.

ющим собой плоско заостренную палку (длина 73 см, ширина 5 см). Ныне этот тип употребляется у карагасов для копания луковиц сараны, причем, на ряду с нею, имеется и озуп с железной лопаткой. Эта палка указывает нам примитивную форму озупа. Такой палкой копали корни все эти племена до знакомства с железом.

Добывание корней, имеющее место до сего времени, является делом исключительно женским. У шорцев, как и у тубаларов, шелканцев, верхних кумандинцев, женщины и девушки весной прикрепляют к поясу берестяные кузовки (panda), берут озуп и отправляются в тайгу выкапывать корни кандыка. Целый день, почти не разгибая спины, они выкапывают корни

и к вечеру возвращаются с наполненными кузовками. В многочисленных легендах и рассказах шорцев, тубаларов, женщина обязательно ходит копать кандык, собирать корни, мужчина — промысляет зверя. У шорцев женщина заготавливает за весенний период до 1 центнера кандыка.

О женском характере корнекопания свидетельствует сравнительный материал. „У сойотов, — пишет Яковлев, — особенно женщины отбывают прямо-таки страду, с озупом в руках выкапывая сарану, кандык, черемшу, ища мышинные норы и расхищая их магазины с теми же кореньями“.¹ О копании корней кандыка Паллас отмечает: „У сагайцев и у племен, обитающих в Кузнецких горах, бабы, кои наиболее в сем упражняются, копают его в мае месяце“.²

Вот почему озуп мы находим в женских надземных погребениях у бельтиров и у бирюсов в юго-западной части б. Енисейской губернии. У шорцев раньше во время камлания, при проводах души умершей женщины в загробный мир, шаман должен был держать в руках озуп.³

Из всех корней наибольшее значение у шорцев, как и у других племен Саяно-Алтайского нагорья, имели корни кандыка (*Erythronium Dens canis* L.) из семейства лилейных. Корень кандыка представляет собой продолговатую, почти цилиндрическую луковицу до 6 см длины и 12 мм толщины, на вкус сладковато-слизистую. Уже указывалось, что у ряда племен северного Алтая название месяца мая означает название кандыка.

Корни кандыка едят, разваривая в воде или молоке, иногда грызут и сырыми. Наиболее лакомое блюдо — кандык, смешанный с медом. Корни, предназначенные для запаса на зиму, лишь слегка развариваются и затем с помощью деревянной иглы нанизываются на тонкую полоску древесины, образуя ожерелье белых корней, по форме напоминающих клыки.⁴ Полученные таким образом связки с кандыком шорцы до недавнего времени обменивали сагайцам и качинцам на молочные продукты, преимущественно на сыр. У шорцев бассейна р. Кондомы из кандыка готовят опьяняющую брагу „абырткы“.⁵

Весьма распространенным является также и соби́рание корней сараны (*sargaj* — *Lilium martagon*).⁶ Луковицы сараны выкапывают в июне месяце, перед цветением, или же осенью, и обычно сразу же съедают печеными в золе или сваренными в молоке. Сарану на зиму запасают редко.

Массовым является и сбор черемши или колбы (*Allium victorialis* L.), растения весьма популярного у русского крестьянства предгорий Алтая. Колба растет в тайге целыми зарослями. Едят сырым мясистый круглый

¹ Этнографич. обзор инородн. населения долины южного Енисея. Минусинск, 1900, стр. 42.

² Паллас, ч. III, стр. 489.

³ Дыренкова и Потапов, стр. 108.

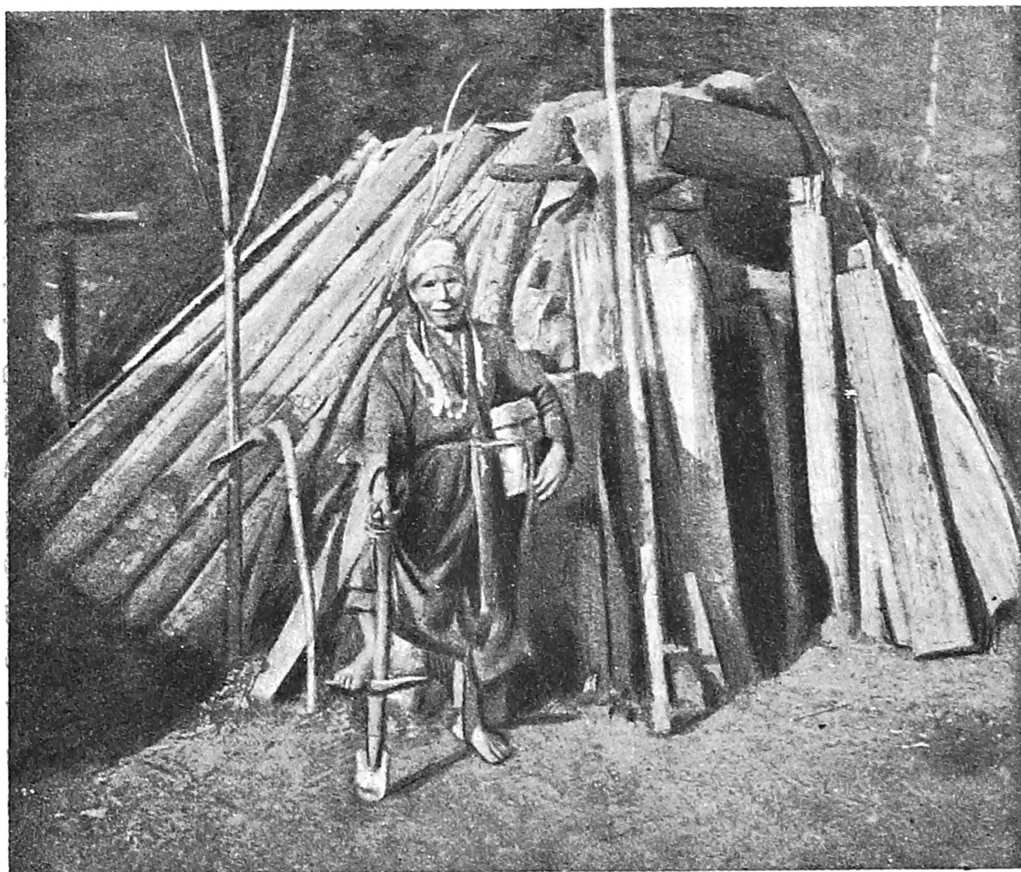
⁴ Гр. Спасский называет кандык собачьим зубом. Сибирский вестник, 1818, ч. I, стр. 182.

⁵ Aus Sibirien, I, S. 355.

⁶ У шорцев есть еще название для сараны — кайта, кайтка. Вербицкий. Словарь, 118.

стебель, вкусом напоминающий чеснок, кладут его и в похлебку. Во время сезона собирания колбы почти все население целыми днями жует ее стебли, угощая друг друга.

У шорцев сбор колбы имеет характер постоянного промысла. За колбой едут на лошадях, объединяясь в артели, мужчины, женщины и подростки. Живут в тайге по несколько дней и возвращаются с туго набитыми кожаными и холщевыми сумами, навьюченными на лошадей. Многие везут колбу в „степь“, где выменивают на нее у русских крестьян хлеб. Крестьяне

Фиг. 9. Шорка с корнекопалкой.

весьма охотно покупают ее и заготавливают на зиму в соленом виде. Ценят ее противоцинготные свойства.

Из других растений в пищу употребляют: „kəbirgen“ — *Allium Schoenoprasum*; слизун — „моңыр“ — *Allium nutens*; вшивик — *Allium clathratum*; дикий лук, чеснок — „uskum“, „taş uskum“; овечий слизун „koı moңыр“; дягиль „elik maltьrgan“ или „elik palтьrgan“ — *Angelica silvestris*; борщевник — „mokaı maltьrgan“, „tyktyg maltьrgan“, „mokaı kobragь“ — *Heracleum sibiricum*. Стебли молодых растений едят сырыми. Борщевник же предварительно варят, иначе он имеет горький вкус. Кроме перечисленных идут в пищу стручки „at kabарь“ (горох журавлиный — *Vicia sativa*); полевой хвощ — „kunaş kuzrugu өлөң“, его едят в сыром виде. Также сырыми едят и ревень (*Reum Rhaponticum* L.) и стебли золотарника или золотой розги. Последнее растение шорцы называют „aş enezi“ т. е. 'мать хлеба,' так как еще довольно свежее предание указывает, что до ознакомления шорцев с хлебом золотарник широко употреблялся в пищу.

Еще необходимо упомянуть о корнях *Paeonia anomala* (марьин корень, или пион), которые у шорцев по р. Кондоме называются *şeine bazь*, у шорцев низовьев Мрассы „*şende bazь*“.¹ У хакасов это растение называют „*кьзыл şyberек*“ или „*теңгі көгрезі*“ в смысле „небесный гром“. Последнее название для пиона известно и шорцам верхнего течения Мрассу под термином „*теңере тарслагь*“, т. е. „треск неба“. Это название объясняют магическим свойством пиона вызывать гром. Шорцы бассейна р. Кондомы обращали наше внимание на то, что во время грозы корни „*şeine bazь*“ приобретают особый сладковатый вкус.

Корни пиона собирали весной до цветения, пока они еще не имели горького привкуса. Их высушивали, растирали на ручной каменной мельнице и делали из них лепешки или кашу. В настоящее время корни пиона вышли из употребления, но о них часто упоминается в легендах. Из легенд следует, что во время голодовок выживали те шорцы, которые заготавливали на зиму корни пиона, зарывая его в землю в целях сохранности. Шорцы же, которые заготавливали на зиму стебли зонтичных растений (дягиля, борщевника) и зарывали их в землю, — умирали от голода, так как стебли этих растений в земле гнивали.

В растительной пище северных алтайцев значительную долю составляли ягоды. У тубаларов подразделение рода „*koңдоş*“ носит название „*pañan koңдоş*“, т. е. калинчики, конгдоши. Паллас писал о ягодах „чумурт“: „Любимое кушание у татар суть ягоды дикой вишни чумурит (черемухи. Л. П.), которую они истолокши с косточкой едят после стола“.²

Листья малины и смородины выполняли роль чая. Кроме того заваривали растение белоголовник (*Spiraea ulmaria*), который называли „сын чая“ (*şaj ūlь*), гнилую древесину березы (*şanda*) и заболонь (*сылгына* у шорцев). „Да сказывали мне, — пишет тот же Паллас, — будто бедные горные татары, в случае голода нередко за пихторовую кору принимают, они ее называют кареншу“.³ О питании корой свидетельствуют в настоящее время лишь единичные шорские легенды, вспоминающие о временах голода в тайге. Рассказывают, что ели березовую заболонь, называя ее „*казыпнь сагь*“ — „березовое сало“. На ряду с этим большим подспорьем в пище весной служил березовый сок, называемый „*казыпнь сье*“.⁴

Рашид-ад-дин указывает, что лесные урянхиты также употребляли сок березы в пищу, и сравнивает его со сладким молоком (Введение в историю монголов, стр. 91).

Наши материалы, подтверждающие значение собирательства, мы закончим указаниями на собирание кедрового ореха и меда диких пчел.

¹ Вербицкий приводит еще название „кайнын“ — марьин корень, Словарь, стр. 113.

² Паллас, ч. III, стр. 31.

³ Его же, т. III, ч. II, стр. 494. Кареншу, вероятно, от глагола „кыр“ скоблить.

⁴ В словаре Вербицкого: кайың сугу (н. к.) березовый сок, березовица: кайын јулугу — сгущенный сок под корою. Сгущенный сок, превратившийся в гриб, употребляемый вместо чая. Кайын шаны (н. к.) стр. 118.

Собирание этих даров тайги у всех племен северного Алтая получило значительное развитие, которое в эпоху русской колонизации, под влиянием развивающихся товарных отношений, приняло форму специального промысла. О промыслах этих речь пойдет впереди, в данной же связи хотелось бы отметить исключительно потребительское значение их еще в недавнее время. Так у шорцев, по преданиям, кедровый орех собирали раньше исключительно для еды. Орех толкли вместе со скорлупой, прибавляли в него талкана (ячменного толокна), иногда еще и меда и приготавливали из этой массы колобки (tokсок), которые составляли лакомство. Орех собирали поздней осенью, когда созревшие ореховые шишки отваливались сами при первом же ветре.

О занятии собиранием кедрового ореха говорят и некоторые рисунки, попадающиеся на старинных шаманских бубнах у шорцев. Так, например, на верхней части шорского бубна, конфискованного в 80-х годах полицией близ г. Кузнецка, нанесено изображение решета, которым просеивали орех от шелухи.¹ Это решето делалось из бересты и называлось „elek“.

Мед диких пчел разыскивали в тайге в дуплах деревьев и извлекали. При этом губили пчел. Собираение меда известно в Алтае давно. Возможно, возникло оно в связи с охотой. Известно, что некоторые звери, например, колонок, разыскивают и лакомятся медом диких пчел. По следам колонка мог натолкнуться на мед и древний охотник.

На ряду с копанием диких корней, собиранием стеблей диких съедобных растений, шорцы собирают ранней весной яйца птиц: гусей, уток, глухарей, рябчиков и др. и едят их вареными.

К пережиткам собирательства следует отнести и указания на неразборчивость в прошлом шорцев в пище. Мы приведем в подтверждение сказанного ряд ссылок на прежних исследователей. Например, про обитающих по верховьям р. Томи Георги пишет: „Питаются по большей части от звериного промысла и дикими растениями. Земли же совсем не пахут и потому хлеба не едят“.² Далее сообщает он о живущих на рр. Мрассе и Кондоме: „Кроме хищных зверей, едят они и падальщицу“.³ Про „кузнецких инородцев“ (шорцев) читаем: „в пище не разборчивы, хлеба употребляют мало и довольствуются летом рыбой, а зимой звериным и лошадиным мясом, не гнушаются и падалью. Питаются также и кореньями травы, называемой „кандык““.⁴

Лично нам удалось зарегистрировать следующих пушных зверей, мясо которых шорцы рода „калар“ еще недавно (1927 г.) употребляли в пищу: белка, бурундук, ласка, хорек, выдра, колонок (выбрасывают мускусную железу), горностаи. Мясо барсука также ели. Такая же неприхотливость существовала в отношении мяса птиц.

1 Г. Н. Потанин. Очерки Сев.-Зап. Монголии, т. IV, стр. 46.

2 Описание народов, ч. II, стр. 164.

3 Указ. соч., стр. 162.

4 Кузнецкие инородцы, Журн. мин. внутр. дел, 1858, № 5, стр. 4.

Вот почему в одной из насмешек (soguş), которыми награждают друг друга шорские роды, говорится:

Karga et cigen kara-şor	Мясо вороны ел черный шор,
Sanyskan et cigen sarıg-şor	Мясо сороки ел желтый шор.

А вот еще одна насмешка, указывающая на то, что шорцы нередко сидели на одной воде:

kara şor kava sug kainadър	Черные шор, ключевую воду вскипятив,
kajmagьп cigen	Ели сметану или сливки (т. е. пену на воде).

Слабое развитие труда, условия суровой тайги, тяжелая эксплуатация при царизме, и отсюда вечно полуголодное существование жителей Шории, естественно, не делало их особенно разборчивыми в выборе пищи.

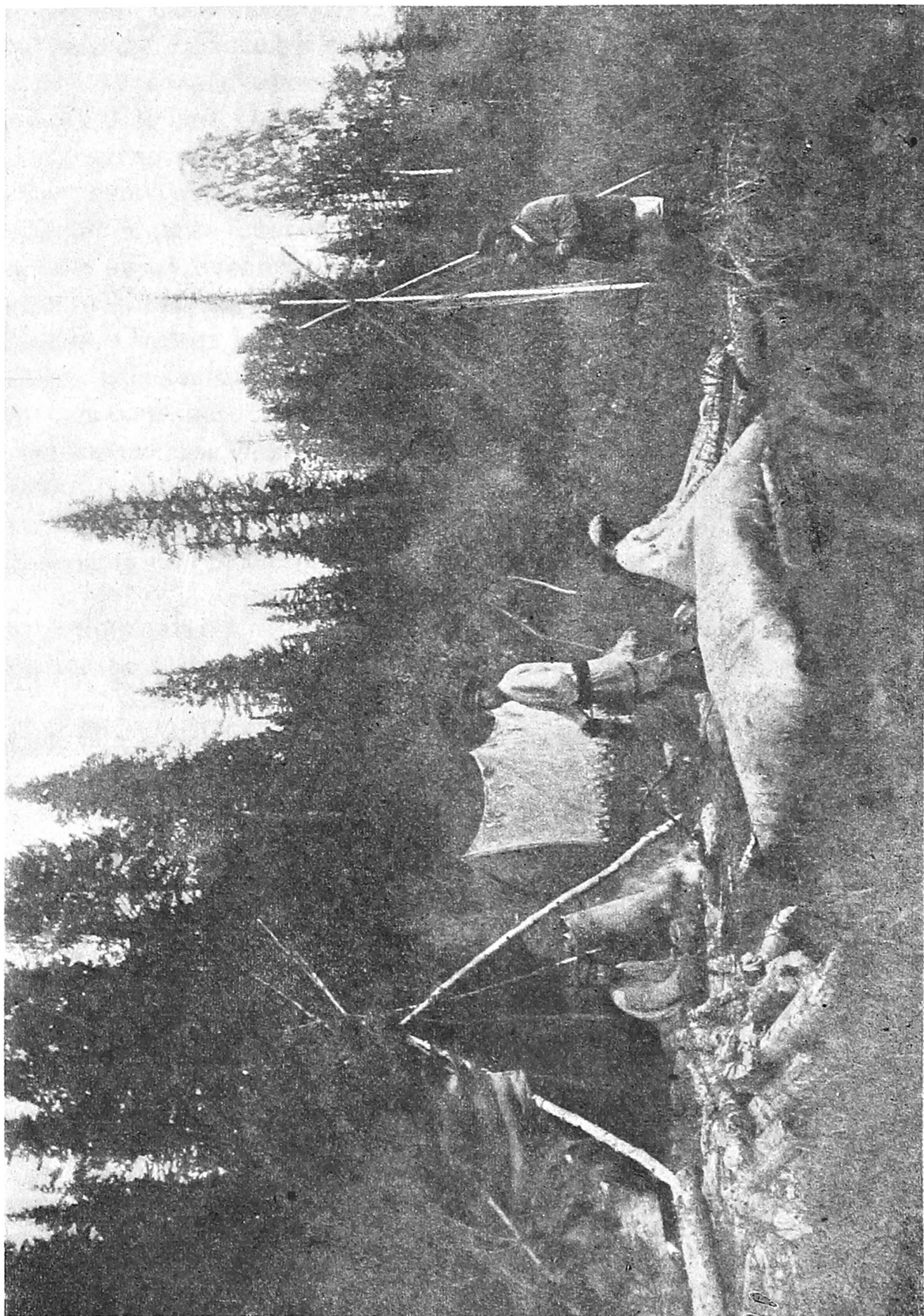
3. РЫБОЛОВСТВО ¹

• В хозяйстве шорцев, с древнейших времен до наших дней включительно, имело распространение и рыболовство, носившее также подсобный характер при охоте. Правда, в отдельных местах, в низовьях Мрассы, Кондомы и по р. Томи, рыболовство в последнее время выступало как самостоятельная отрасль хозяйства. Так, про население, обитающее в низовьях р. Мрассы, Радлов для второй половины XIX столетия сообщает такие сведения: „Главным занятием является рыболовство, которое здесь якобы очень прибыльно. Женщины и дети плетут сети и продают их в Кузнецк. Эти сети пользуются большим спросом, так что отсюда вывозятся тысячи сотен сетей. Сети необычайно дешевы, сажень сети в 5 футов шириной стоит 2 копейки“.² Более поздние сведения экономического обследования 1900 г. показали, что на Мрассе рыбным промыслом было занято 71.5% шорских хозяйств, а на Кондоме 38.7%. Главным видом добываемой рыбы являлись: щука, хариус, таймень, налим, язь и мелкая рыбешка. Однако при всем этом рыболовство шорцев не могло обеспечить устойчивости и развития хозяйства. Это было ясным и для Радлова, который все же писал: „Рыболовство же является не выгодным занятием, что по всему здесь ясно видно, дохода от рыболовства едва хватает, чтобы прокормиться и одеться. Летом жизнь у них еще сравнительно сносная, но с приходом зимы начинается тяжелое время, тот, кто в течение лета не приобрел на свою рыбу достаточно муки, должен терпеть нужду и голод и многие умирают от недостатка пищи“.³ Рыболовство по таежным рекам Шории, существовавшее рядом с охотой, имело, главным образом, потребительский характер, оно усиливало питание охотников.

¹ Не оговоренные сносками материалы по рыболовству собраны нами преимущественно в 1927 г. в бассейне р. Кондомы и в 1934 г. в бассейне р. Мрассы.

² Aus Sibirien, I, S. 346.

³ Aus Sibirien, I, S. 349.

Фиг. 10. Стан рыболовов.

Таежное рыболовство, вследствие ограниченности его размеров, не могло сделаться основой для хозяйственной деятельности. Тем не менее оно являлось здесь древнейшим видом занятия, о чем свидетельствует прежде всего археологический материал, относящийся к северному Алтаю. Археологические памятники дают ясные указания на существование рыболовства на ряду с охотой в самые отдаленные времена.¹ В нашем распоряжении нет археологических памятников, относящихся непосредственно к территории Шории. Однако материал из раскопок в северных предгорьях Алтая, датируемый концом неолита (новокаменного века) и началом металлического периода, показывает нам существование рыболовства на ряду с охотой и даже скотоводством.² Рыболовство в северных предгорьях Алтая в эпоху неолита, вероятно, имело широкое распространение и продолжало иметь значение во все последующие эпохи вплоть до нашего времени. Отсюда мы вправе сделать предположение, что северная часть Шории, населенная с очень раннего периода, не являлась в этом отношении исключением. Шорский фольклор также отразил существование и хозяйственное значение рыболовства. В шорских легендах богатыри занимаются рыболовством, строят в реке загородки для рыбы, вколачивая колья в реку при помощи толстых деревянных колотушек.³ Про шорцев, обитающих по среднему течению р. Томи, говорят смеясь:

Togus kora talazыр	О девяти хайрузах спорили
Tom turaga ты́скен, tomtagal	(увлекшись) до Томска спустились жители Томи.
Artыk saja algыjыk	Для каждого порога (реки) имеют котелок,
Kynи saja kedeштик	Для каждого плеса имеют глиняный сосуд,
Tos kebe tom tagal	С лодками из бересты жители Томи. ⁴

Наконец, доказательством давней известности для шорцев рыболовства может служить разнообразие технических приемов и наличие развитой терминологии, связанных с данным занятием.

Рыболовство у шорцев также несет на себе отпечаток тех же древних и „детских“ форм труда, которыми отличались рассмотренные выше

¹ Саяно-Алтайская выставка в Гос. этнографическом музее; С. А. Теплоухов. Древние погребения в Минусинском крае; М. П. Грязнов. Древние культуры Алтая.

² М. Грязнов. Древние культуры Алтая.

³ Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 130.

⁴ Т. е. на каждом пороге останавливаются рыбачить. Ср. образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым, часть IX, переведены и собраны Н. Ф. Катановым, СПб., 1907, стр. 591: „Вы, люди колена Том, разогреваете свои котлы на каждом переборе (реки), разогреваете горшки на каждой косе, но никогда не насыщаетесь! Вы, люди колена Том, жуete (вечно) мерзлые нечистоты»; люди колена Том, знимаясь ловлей рыбы, на каждом месте ставят свои котлы (с пищей) и едят“.

охота, мотыжное земледелие и собирание корней диких растений. В рыболовстве шорцев большое значение имел лов мелкой рыбы „ylen; odra“, величиной 3—4 см. Способ лова такой рыбы граничил с собирательством. Женщины и дети целыми днями бродили по отмелям, по мелким речушкам, в последних ошаривали руками ямки под камнями и извлекали оттуда мелкую рыбу. Самая мелкая рыба добывается на отмелях. Ее ловят нередко и теперь при помощи сачка, сплетенного из ниток конопли. Опустив сачок на дно, женщина долго стоит, склонившись над ним, подымая

Фиг. 11. Починка сети.

легкую муть большим пальцем ноги. Муть привлекает целые стайки самой мелкой рыбы. Как только над сачком скопится большое количество рыбы, женщина подымает сачек и вытряхивает из него рыбу в берестяную коробку, которая плавает рядом с ней, будучи привязана бичевой к поясу. Иногда сачек заменяют снятой с себя рубахой или решетом. На Кондоме самый мелкий вид рыбы ловят при помощи сети „para“. Названная сеть представляет собой узкий длинный мешок конической формы. Длина „para“ достигает иногда 5—6 м, ставят их по мелким речкам, осенью. Для установки „para“ делают специальное сооружение из плетеных прутьев, называемое „sökuş“. Оно представляет собой загородку, образующую острый угол, с широким входом-основанием. В вершине угла оставляется отверстие, куда и вставляется „para“. В течение одного или двух дней рыбная мелюзга наполняет „para“. Добытую таким путем рыбку сушат на солнце, заготавливают впрок. Сушеная она служит обязательной приправой к похлебке tutpaş, представляющей собой вареные в воде шарики из пресного теста. Из других древних приемов рыболовства отме-

тим в первую очередь еще сохранившееся в крайне редких случаях употребление лука. Из лука шорцы стреляли деревянными стрелами, снабженными иногда и железными широкими наконечниками (kalagaş и с железным наконечником — atьs). Стреляли из лука мелких щук, которых ловили также и силком, в виде волосяной, легко затягивающейся петли, насаженной на длинную палку. На более крупную рыбу: тайменя, хариуса, щуку широко применяли и применяют до сих пор сеть (eңme) и невод (şуun) из ниток и холщевый syske. Нитки, идущие на плетение неводов и сетей,

Фиг. 12. Плетение „морды“.

приготавливаются из волокон конопли. Сети у шорцев имеют большое разнообразие в зависимости от отдельных видов рыбы и ее размеров. Интересно отметить два типа. Комбинированная сеть. Описываемая сеть представляет собой сеть длиной 9 м, шириной 1 м. Благодаря особому устройству ее может быть использована для ловли различных видов и размеров рыбы. От верхней части ее от поплавков (kalьtka) идут крупные ячейки (сыlba kalagазь), рассчитанные для ловли крупной рыбы; следующие ряды ячеек, меньшего размера, предназначены для крупного хайруза (kora kalagазь), дальше идут еще более мелкие ячейки для мелкого хайруза (kicig kora kalagазь) и, наконец, еще мельче, для всякой мелкой рыбы (azak kalagазь — буквально 'ноги сети'). Здесь любопытно отметить одну интересную деталь. Термин „kalagaş“ означает звено сети определенного размера, однако буквальное значение его 'стрела для рыбы'.¹ Отсюда можно

¹ Ср. Вербицкий. Словарь, стр. 121: „Калагаш (алад.) деревянная лопаточка, мешалка: (мат.) железный наконечник томара (стрелы), которым стреляют рыбу“.

думать, что термин стрелы для рыбы перешел по функции на соответствующие части сети, когда появление сети стало вытеснять стрельбу рыбы из лука. Явление это широко известно всем, кто читал работы академика Н. Я. Марра, который обратил внимание на перенесение старого названия для обозначения нового содержания и объяснил данное явление.¹ Нижняя часть сети снабжена грузилами (taş — буквально камень). Грузила представляют обыкновенные речные гальки, привязанные к сети корнем кедра (şugum); обращаем внимание на этот способ и материал крепления грузил как, очевидно, весьма древний способ. Второй тип сети — это так называемая „агъşра“. Представляет собой длинную сеть без грузил. Вместо поплавков идет длинная жердь, к которой и привязан верхний конец сети. При помощи „агъşра“ рыбачат ночью. Сеть пускают по течению поперек реки, по бокам едут на двух лодках, держась рукой за конец жерди. Попадающаяся рыба дергает сеть, и ее в ту же минуту достают. Невод, как уже указывалось, имеет два типа в зависимости от характера материала, из которого он приготовлен. Ловля рыбы неводом у шорцев известна, повидимому, давно, ибо на старых шаманских бубнах есть изображение невода под названием səzyrbe. Из других способов рыболовства отметим употребление специальных рыболовных снарядов. Таковы, например, „sygen“ и „aşpar“. Первый представляет собой обыкновенную „морду“ (по-сибирски) или вершу, сплетенную из прутьев тальника, которая ставится в лодку точно так же как и „рага“, только на более крупную рыбу. Вторым снаряд — „aşpar“ (по р. Кондоме) представляет ящик из жердей, скрепленный прутьями. Размеры виденного нами aşpar'a (в 1927 г.) составляли: длина 3 м., ширина 1.2, высота 0.5 м. Ловят рыбу им осенью, когда с деревьев падает лист, и рыба с верховьев таежных рек скатывается вниз. Речку перегораживают изгородью, сплетенную из ивовых (тальниковых) прутьев. Высота загородки над уровнем воды около одного метра. Обычно по середине загородка имеет выемку, высота которой над уровнем воды составляет около 0.5 м. Выемка делается узкой и служит для стока воды перегороженной реки. В течение нескольких осенних дней плывущие листья забивают отверстия плетеной изгороди и уровень воды в реке начинает повышаться. Достигнув уровня выемки загородки, вода падает через загородку. В это время под образовавшуюся плотину ставят „ашпар“ с таким расчетом, чтобы падающая вода, а вместе с ней и стремящаяся на зимовку (в низовья реки) рыба попадала бы в ашпар, который ставится перпендикулярно к плотине. Нижний по течению конец его приподнят на козлах и имеет наклон к плотине. Вода из „ашпара“ свободно вытекает через многочисленные щели, а рыба остается. Уловы „ашпаром“

¹ Закон перенесения старого слова для обозначения нового явления впервые был открыт Марксом (см. Капитал, т. I, стр. 165, где Маркс высмеивает полковника Торренса). См. Энгельс. Происхождение семьи..., изд. IV, стр. 106. Н. Я. Марр снова открыл этот закон. См. об этом С. Н. Быковский. Н. Я. Марр и его теория. К 45-летию научной деятельности. Л., 1933, стр. 57—66.

бывают весьма обильны, однако хищнический характер данного лова довольно быстро дает себя чувствовать в смысле истребления рыбы.

На юге шорцы, в верховьях р. Мрассы, рыболовный снаряд, похожий на ашпар, но сделанный из прутьев, называют „kölbe“, а в низовьях Мрассы его называют „taştalba“. На рр. Мрассе и Кондоме бьют рыбу и железной острой „азырга“. С этой целью ночью выезжают на реку на лодках в тихие и глубокие плёсы. На носу лодки разводится костер, который освещает стоящую на глубине крупную рыбу. Этот способ требует большого опыта и ловкости удара ловца, вооруженного острой.

Фиг. 13. Приезд на место сбора кедрового ореха.

4. ПРОМЫСЕЛ КЕДРОВОГО ОРЕХА

Промысел кедрового ореха у племен северного Алтая возник как промысел в эпоху русской колонизации в первой половине XIX в. Его возникновение и развитие было обязано торговым операциям русских купцов, организовавших выкачивание этого ценного продукта горной тайги Алтая. Если раньше в хозяйстве шорцев собирание кедрового ореха имело небольшое и чисто потребительское значение, то иначе дело стало обстоять, когда на кедровый орех появился спрос со стороны торговцев. Под влиянием рыночного спроса шорцы стали заниматься собиранием кедрового ореха. По данным обследования 1900 г. по р. Мрассе сбором кедрового ореха было занято 31.5% шорских хозяйств, а по р. Кондоме 28.2% хозяйств. На сбор кедрового ореха выезжали обычно в сентябре в тайгу целыми семьями и жили там около месяца. Приез-

жая в намеченный район, ставили временные жилища, и вся семья занималась собиранием ореха. Технические приемы этого промысла отличались крайней примитивностью. Все несложные операции по сбору и первичной обработке ореха производили при помощи крайне простых и незатейливых деревянных орудий, изготавливаемых на месте, по прибытии в тайгу, и бросаемых в тайге по окончании работы. Мужчины сбивали кедровые шишки, ударяя по стволу дерева большой деревянной колотушкой (торак), насаженной на длинный черень. В других случаях промышленники лазали по кедром и сбивали шишки при помощи длинного шеста, позволяющего доставать и рядом стоящие деревья. Женщины и дети собирали сбитые шишки и носили их в берестяных коробках за плечами к стану, где сваливали в кучу. В таком скученном виде шишки лежали несколько дней, затем подвергались обработке. Первоначально их терли на деревянных терках (расрак), представляющих собой деревянные короткие доски, покрытые зазубринами. При помощи терок орех извлекали из шишки, а затем отвеивали, ссыпали в мешки и везли домой.¹

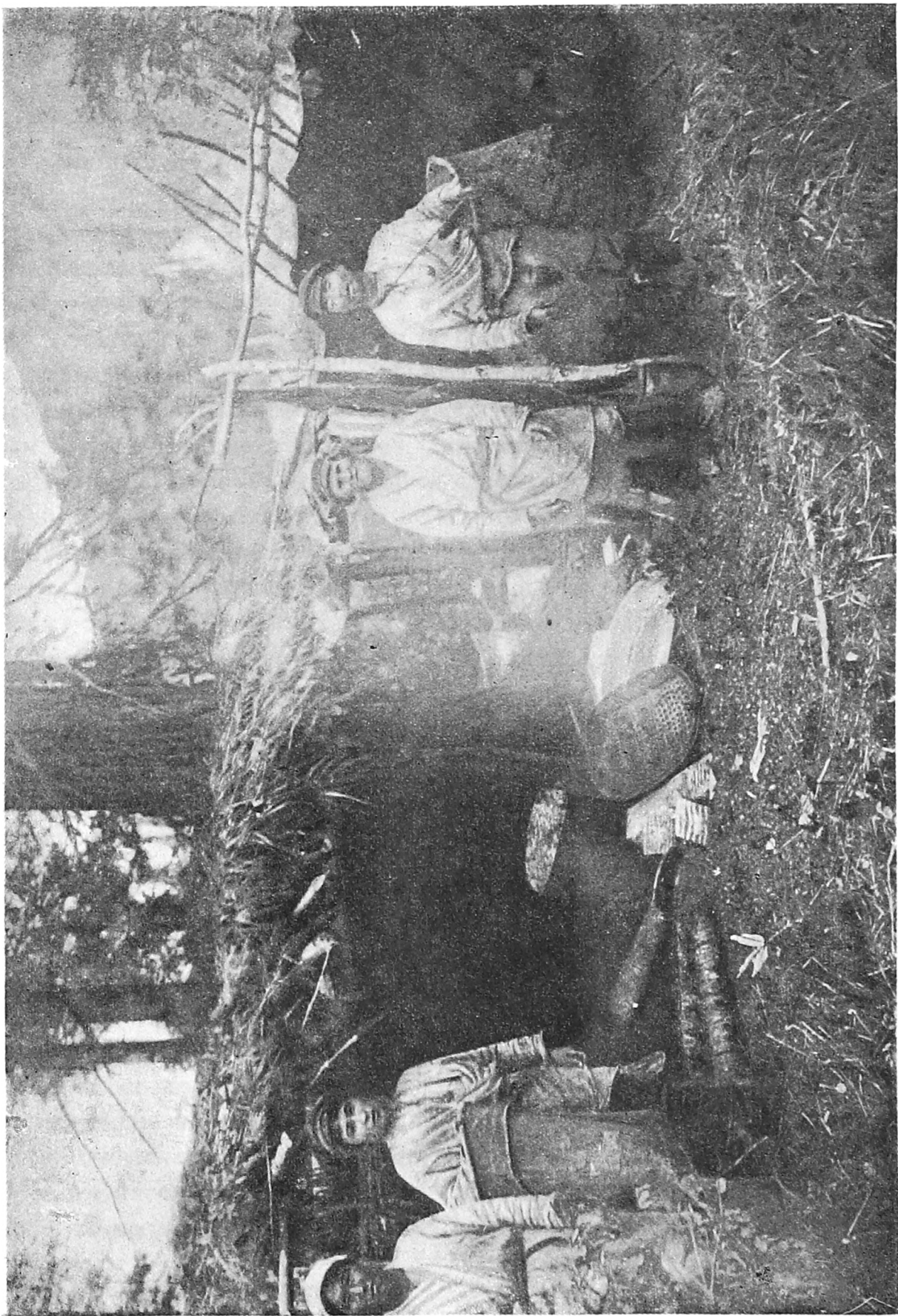
5. ПЧЕЛОВАНИЕ И ПЧЕЛОВОДСТВО

Собирание меда диких пчел было известно шорцам до периода русской колонизации. В связи с русской колонизацией края и рыночным спросом на мед, в связи с разведением пасек русскими займочниками, при разыскивании дупел с дикими пчелами шорцы перестали уничтожать пчел, как это делали раньше, а даже стали охотиться за роями диких пчел и продавать их пчеловодам. Об этом, например, сообщает В. Радлов: „Рои диких пчел вынимают вместе с медом и продают русским купцам. Цена одного роя равняется рублю“.² О пчеловании северных алтайцев сообщают вкратце и другие авторы.³ При разыскивании диких пчел применяли весьма любопытный прием. За медом диких пчел охотились при помощи солонца. Ранней весной шорцы выезжали в тайгу, выбирали открытое место близ гарей и ставили солонец. Для этого промышленник сдирает с пихты кору (şube какразь) и расстилал ее на лужайке. На эту кору ставил берестяную коробку (terbiş) с мохом (torbas), который пропитывали мочей (sidik). Все это вместе взятое и носило название солонца (kucur). Около солонца промышленник разводил огонь и клал в него для дыма гнилушки. Пчелы летели сначала на дым и потом сразу же садились на солонец и, напившись мочи, летели в свое дупло. Промышленник прослеживал их путь (ağь col) и находил дерево, где жили пчелы. Найденное

¹ Кроме ореха промысловое значение в XIX в. имела заготовка кедрового леса, который шорцы сплавляли летом в Кузнецк на продажу. См. Щуровский. Геологическое путешествие по Алтаю, стр. 143.

² Aus Sibirien, Bd. I, S. 368.

³ Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 24; Адрианов. Путешествие на Алтай, стр. 323.

Фиг. 14. Стан шорцев, собирающих орех.

дерево он отмечал своей тамгой — отметкой и дерево считалось его, другой не имел права срубить его осенью. Мед брали осенью, одна колода иногда содержала в себе до 2—3 пудов меда. Промысел этот назывался по шорски „arǵtiler pararga“. Охотились с помощью солонца до половины июля. Иногда это занятие оказывалось довольно прибыльным. По этому поводу Вербицкий сообщает: „Кому посчастливится в течение весны, тот находит колодок до 20 этих блуждающих пчел“.¹ Надо заметить, что Вербицкий, а вслед за ним и Адрианов, полагали, что дикие пчелы в северном Алтае произошли от одичания домашних пчел, завезенных в Алтай русским населением, и таким образом нужно было бы признать, что промысел пчеловодства возник совсем недавно.² Однако с этим трудно согласиться. Прежде всего такое мнение опровергается тем, что шорцы имеют для пчелы весьма древний турецкий термин „arǵ“. То же самое и для меда „pal“. Занимавшийся изучением данного промысла у алтайцев А. Новиков также приходит к выводу о древности этого занятия у алтайцев, известного им до знакомства с русским населением.³ Следует оговориться, что мы, как очевидно и Новиков, думаем о древности пчеловодства с целью добычи меда, а не пчел, которых стали брать только с возникновением пасечного пчеловодства, т. е. уже в эпоху русской колонизации. Данных о времени возникновения у шорцев пчеловодства у нас не имеется. Пасечное пчеловодство стало известно северным алтайцам после появления русских пасечников, и оно получило большое распространение по всему северному таежному Алтаю, где природные условия чрезвычайно благоприятствуют развитию этого занятия. Особенное развитие пасечное пчеловодство получило у шорцев по рр. Кондоме, Мрассе, Антропу (приток Кондомы) и у шелканцев по р. Лебедь (приток Бии). Местами, как например, по рр. Антропу или Кондоме, Вербицкий в шестидесятых годах прошлого столетия мог отметить у зажиточных шорцев наличие крупных пасек, содержащих до 1000 ульев.⁴ Но и на этой отрасли хозяйства племен северного Алтая лежала печать слабости общего уровня развития производительных сил. На пасеках стояли ульи, дуплянки или колодки, выдолбленные из обрубка дерева. Иногда промышленник, найдя дерево с дикими пчелами, срубал его таким образом, что получалась готовая колодка, к которой только прибавлялось дно и несколько расширялось дупло. Таковую колодку промышленник перевозил к себе и ставил на пасеке. Приемы ухода за пчелами были крайне небрежны и примитивны.

Экономическое обследование шорцев в 1900 г. показало, что по р. Мрассе пасечным пчеловодством занималось 16.9% шорских хозяйств, а по р. Кондоме 44.9% хозяйств.

¹ Алтайские инородцы, стр. 24.

² Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 24; Адрианов. Путешествие на Алтай, стр. 323.

³ О способе выслеживания лесных пчел у алтайцев с помощью „солонца“. Этнографический исследователь, № 2—3, 1928 г., Л.

⁴ Алтайские инородцы, стр. 24.

6. СКОТОВОДСТВО

Скотоводство у шорцев было наименее развитой отраслью хозяйства. Возникновение его следует относить к эпохе русской колонизации. Утверждая недавнее происхождение скотоводства в Шории, мы имеем в виду разведение лошадей, коров, овец. Это не исключает возможности предположения, что во времена, задолго предшествующие русской колонизации, некоторые роды, обитавшие в Шории, имели одомашненных оленей. На такую мысль наводят некоторые косвенные данные.

Так, например, нам удалось видеть на одном из шорских шаманских бубнов рисунок, изображающий оленя, запряженного в нарту. В рассказе, записанном нами в верховьях Мрассы в Усть-Узасе от старика Тепчегешева Сафрона (88 лет, из рода *şor*), говорится о том, как шорец-охотник догнал зимой сохатого, сел на него верхом и ездил по тайге, оставив ружье, лыжи и топор там, где он настиг сохатого. Финал рассказа: охотник заблудился, вынужден был убить и съесть сохатого и наконец нашел свои лыжи и ружье. Любопытно, что шорские шаманы представляли свой бубен ездовым оленем, на котором они яко бы совершали свои путешествия во владения духов, но не лошадью. Более того, главный помощник — дух шорского шамана *tag-buḡa*, с которым тесно связана жизнь шамана — имел образ марала (вид благородного оленя). Группа изображений на шаманских бубнах у шорцев, называемых *puḡa* → *buḡa*, осмысляемые как „небесные кони“, на которых ездят некоторые духи, при помощи анализа термина разъясняются как „олени“.¹

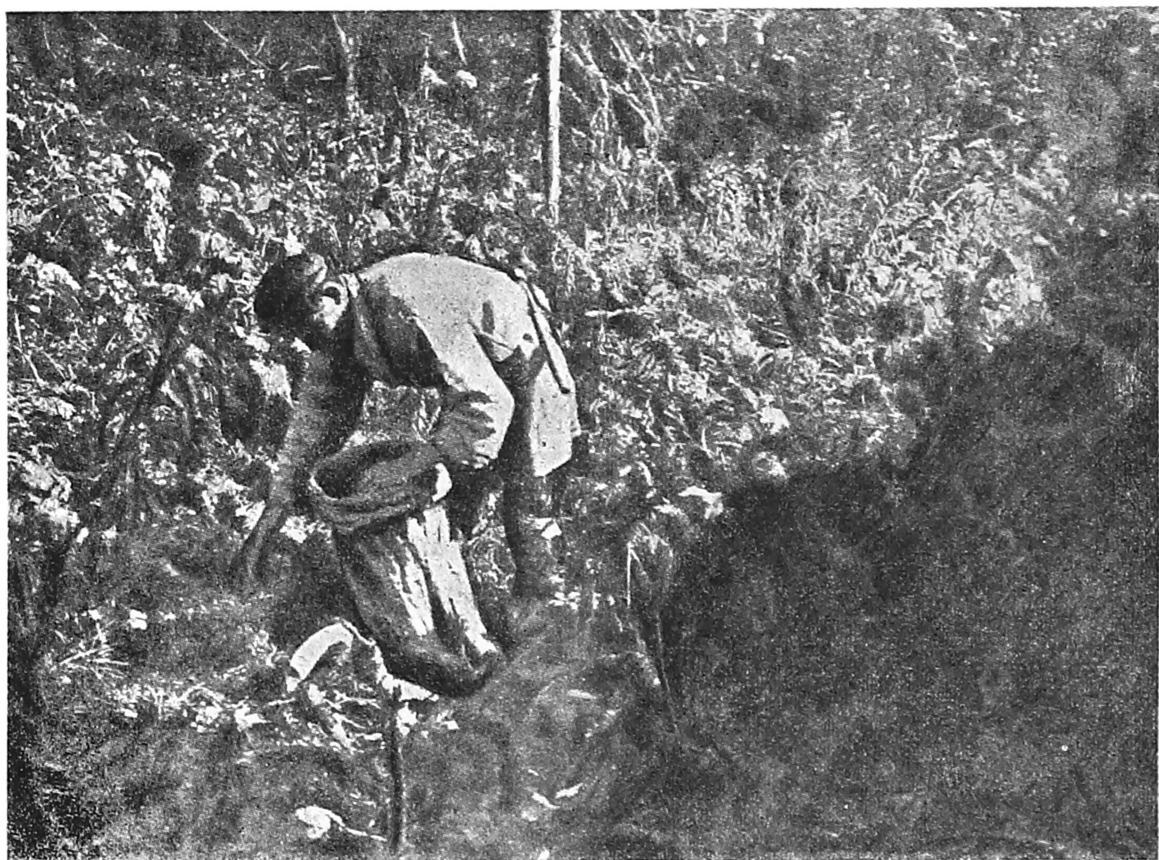
В нашем предположении нет ничего неправдоподобного, ибо верховое оленеводство известно с давних пор и почти до последних дней сойотам (танну-тувинцам), с которыми у шорцев часто было общение во время охотничьего промысла. Кстати сказать, что и сойотские шаманы также представляли бубен ездовым маралом. У других соседей шорцев — жителей восточного Алтая, — очевидно, во времена, предшествующие нашему летоисчислению, также было верховое оленеводство. Ездового оленя затем сменила лошадь, как на это указывает знаменитое Пазарыкское погребение, где одна из захороненных верховых лошадей была замаскирована под оленя, имела оленного типа седло без стремян, без деревянного остова, набитое оленьим волосом.² Погребение датируется вторым веком до нашей эры.

В отношении же развития лошадей и крупного рогатого скота мы имеем довольно точные сведения о его недавнем происхождении. Еще в начале шестидесятых годов прошлого столетия миссионер Вербицкий

¹ См. Л. П. Потапов. Следы тотемистических представлений у алтайцев. Сов. этнография, 1935, № 3.

² М. Р. Griaznov. The Pazirik burial of Altai, American Journal of Archeology, v. XXVII, 1933, № 1.

заявил вообще про всех „черневых“, т. е. северных алтайцев, в том числе и про шорцев: „Скотоводство и птицеводство в жалком состоянии“.¹ В другом месте он указывает, что из домашних животных северные алтайцы держат только лошадей и то в ограниченном количестве. Радлов пишет о слабом развитии скотоводства у шорцев, отмечая, с каким трудом ему удавалось доставать молоко во время путешествия.² В долине р. Мрассы целые селения не имели ни одной коровы. Об этом же пишет

Фиг. 15. Собираение сбитых шишек кедрового ореха.

Адрианов: „Я встречал по Кондоме и в системе Мрассы большие улусы, в которых не было ни одной коровы, и дети росли, никогда не видя молока“.³ По данным 1900 г. в системе Мрассы 13.6% шорских хозяйств не имели совершенно скота, а 37.3% не имели крупного рогатого скота. По долине р. Кобырсу некоторые жители, особенно дети, включительно до наших дней не знали вкуса молока. В междуродовых насмешках шорцев нередко отмечается неудачливость того или иного рода в деле разведения скота; например, про род челей (расселены по р. Кондоме и ее притокам Ындралу и Кылдашу) говорят:

Celtirek cerde kar cukpas
Celeige mal cukpas

На мысу снег не держится,
У челеев скот не ведется.

¹ Записки миссионера за 1861 г.

² Aus Sibirien, I. О мизерности шорского скотоводства Радлов пишет также в „Archiv für wissenschaftliche Kunde v. Russland, B. XXIII, H. 2, S. 41.

³ Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 306.

Род „калар“, обитающий по р. Мундубашу, дразнят:

Kabyrga serge kar cukpas
Kalarga mal cukpas

На косогоре снег не держится,
У каларов скот не ведется.

Скотоводство шорцев имело своеобразный характер. Оно резко отличалось от кочевого или полукочевого скотоводства их соседей — алтайцев, сагайцев и качинцев. Вместо полукочевого скотоводства с развитым молочным хозяйством и обилием продуктов этого хозяйства, у шорцев мы находим скотоводство оседлое, русского крестьянского типа, только меньше по размерам и гораздо примитивнее по технике. Называя скот турецкими терминами, шорцы не выделяют молочных продуктов, типичных для алтайского скотоводства, и не имеют даже названий этих продуктов. Кобылиц шорцы не доят. Кумыс, чегень или айрак, равно как молочную водку и сыр, не выделяют. Охотнее разводят лошадей, которых расценивают как средство передвижения в летнее время, ибо в условиях глубокоснежной шорской зимы и бездорожья зимой лошадь не может быть использована полностью в хозяйстве. Надо думать, первоначально лошадь была оценена прежде всего как мясной запас. Еще в начале XVII в. „алтайские калмыки“ пригоняли к шорцам скот в обмен на железные изделия.¹ Веком позже алтайцы так же спорадически доставляли шорцам лошадей в порядке „натурального обмена.“² Позднее скот поступал от русских. Сами шорцы сохранили об этом память. В разговоре не только со стариками, но и с пожилыми людьми, мы встречали людей, помнящих, как у них зарождалось скотоводство. Дорогу ему прокладывала лошадь, за ней шла корова. Отцы современных стариков говорили, что раньше даже в северной Шории скотоводства не было. На их памяти только появлялся скот, и первым видом скота была лошадь. В улусе Акколе была всего 1 пегая кобыла на весь улус, в улусе Полбынь — был табун лошадей в 6—7 голов. При этом нам подчеркивалось, что лошадей начинали разводить наиболее зажиточные люди северной Шории, занимавшиеся, главным образом, торгово-ростовщическими операциями. Это вполне понятно. Местными шорскими баями — торговцами лошадь сразу же была оценена как средство для транспортировки товаров и закупленной продукции. Позднее лошадь проникла и в южную Шорию. Но шорцы не освоили лошадь в достаточной степени. Седла, служащие предметом постоянных забот и внимания кочевников-скотоводов, у шорцев — простые деревяшки, сплошь и рядом без мягкой подушки и с одной подпругой из веревки, заседываемые чуть не на голую спину лошади. Ни украшений, ни прочности, ни приспособленности — ничего нет. Одним словом, не

¹ Грамота царя Михаила Федоровича от 11 сентября 1623 г. приведена у Гр. Спаского в „Сибирском вестнике“ за 1819 г., ч. VII, стр. 141.

² Материалы для истории Сибири. Чтения..., 1866, кн. 4, стр. 73.

седло, а недоразумение. Между прочим это нашло отражение в междо-
вых насмешках. В насмешке про род „кы“ говорится:

Ezelerniñ kazь sok

У седел нет деревянного остова.¹

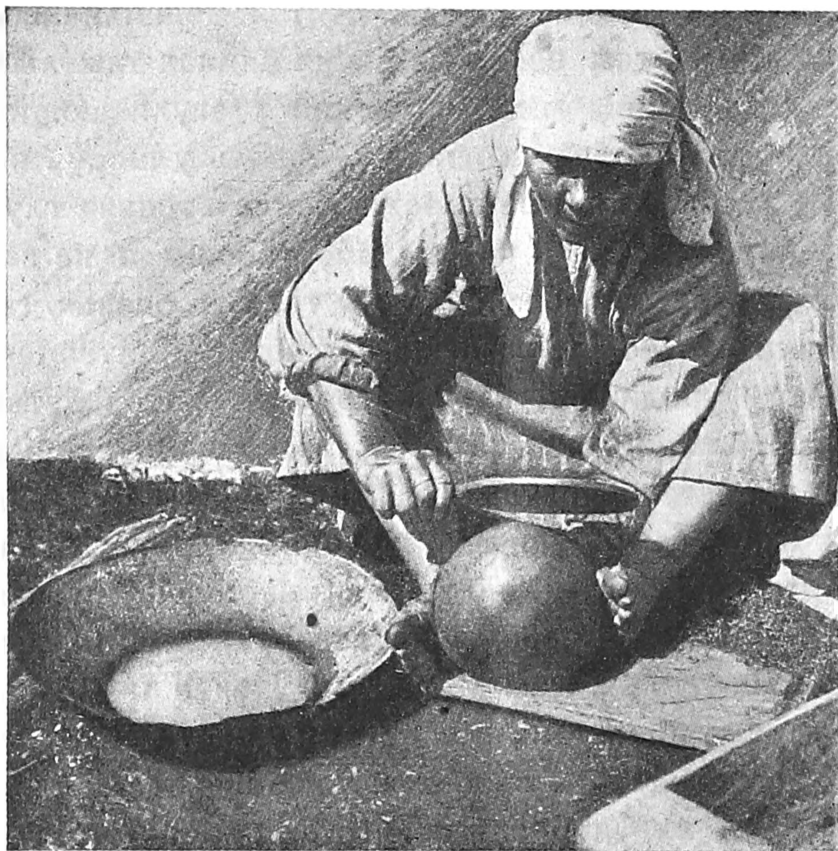
Шорец как бы неохотно обращался к услугам лошади. Ловить ее, заседлывать — слишком много возни. Лучше пройти километр или два пешком, в противоположность южному алтайцу, который если имел лошадь, то даже за пол километра ехал на лошади, считая неприличным итти пешком. Шорские женщины летом несли на своих спинах тяжелые вязанки дров, а иногда целые колодины мимо свободно разгуливающих лошадей, не изъявляя претензии на свободу лошади. Лошадь у шорца не использовалась почти круглый год. Зимой ее передвижение стеснял глубокий снег. Весной и летом, шорец, если он не был обрусевшим и не занимался земледелием, тоже редко пользовался ею и только осенью он увозил на ней в тайгу охотничий запас. Побывавшему у южных алтайцев, шорское скотоводство кажется уродливой карикатурой. В скотоводстве у шорцев до Октябрьской революции, как и в других рассмотренных отраслях труда, мы должны констатировать отражение низкого уровня развития производительных сил. Так, например, усвоив заготовку сена, шорцы все же круглый год держали скот под открытым небом, подпуская его прямо к стогу. Скот жил у стогов в небольших загородках, и не выгонялся оттуда даже на водопой, утоляя жажду снегом. Почти половина сена при таком способе кормления пропадала под ногами у скота. Кое-где, например по р. Мондыбашу, заготовленное сено метали на низкие деревья и подпускали к ним скот. Весной на удобренных местах зимних стоянок скота сеяли коноплю. Скотоводство у шорцев до Октябрьской революции не получило, да и не могло получить развития. При той низкой ступени развития труда, на какой шорцы находились до Октября, природные условия повелительно заставляли приспособляться к ним. В условиях горной заболоченной тайги, покрытой зимой глубоким снегом, иногда достигающим 4 м толщины, летом заросшей малопригодными для корма скота сорными травами, заваленной колодником и непригодной для сенокошения, шорцы, естественно не могли развить скотоводства при том уровне развития производительных сил. И только преимущественно в низовьях Кондомы и Мрассы, где долины более широки, где тайга отступила, скотоводство получило некоторое развитие, и то совсем в недавнее время, не сделавшись, однако, ведущей отраслью хозяйства. Было бы неправильным говорить о неспособности шорцев к освоению скотоводства. Разумеется, это не так. Шорцы не могли освоить скотоводства в условиях колониального царского режима, который тормозил развитие производительных сил

¹ Такой тип седла напоминает оленье седло, у которого отсутствует деревянный остов.

в Шории. Иначе обстоит дело в условиях соцстроительства. Шорцы имеют все перспективы развивать эту отрасль хозяйства в размерах, потребных для Шории.

7. ДОМАШНЯЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Наиболее существенной особенностью производства у шорцев до Октябрьской революции было слабое развитие промышленности, носившей домашний характер.

Фиг. 16. Изготовление горшка из глины.

„Домашнею промышленностью мы называем переработку сырых материалов в том самом хозяйстве..., которое их добывает. Домашние промыслы составляют необходимую принадлежность натурального хозяйства“...¹

Домашняя промышленность у шорцев выступала в соединении с охотой, подсобным ее мотыжным земледелием и рыболовством. Она была представлена ткачеством, обработкой кожи и шкур зверей и некогда весьма распространенным кузнечным

ремеслом. Домашняя промышленность шорцев, за исключением кузнечества, сосредоточивалась в руках женщин. Не получило развития гончарное производство, которое по поздним этнографическим данным было отмечено у шорцев, живущих по р. Томи, близ впадения Мрассы. Здесь лепили горшки при помощи круга и нескольких деревянных, крайне прими-

¹ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, стр. 254, изд. 3-е. Ср. К. Маркс. Капитал, т. I, стр. 36. Гиз, 1930, „патриархальная промышленность крестьянской семьи... пр изводит для собственного потребления хлеб, скот, пряжу, холст, предметы одежды и т. д. Эти различные вещи представляют для этой семьи различные продукты ее семейного труда, но они не представляют друг для друга товаров. Различные работы, создающие эти продукты: обработка пашни, уход за скотом, прядение, ткачество, портняжество и т. д. являются общественными функциями в своей натуральной форме, потому что это функции семьи, которая обладает, подобно товарному производству, своим собственным естественно выросшим разделением труда. Различия пола и возраста, также изменяющиеся со сменой времени года природные условия труда регулируют распределение труда между членами семьи и рабочее время каждого отдельного члена“.

тивных орудий. Последние представляют собой деревянные обручи „şyjk“, деревянный нож „keskiş“ и маленькие деревянные лопатки „саркыş“.¹ Перейдем к рассмотрению отдельных отраслей домашней промышленности.

Фиг. 17. Орудия для изготовления глиняной посуды.

ТКАЧЕСТВО

Сохранилось в оригинальных чертах до наших дней, поэтому облегчается возможность дать его описание. До эпохи русского завоевания сырьем для ткацкого дела у шорцев служили волокна дикой конопли, (kendir) и крапивы. Позднее, в эпоху русской колонизации, коноплю стали сеять.

Из волокна крапивы вязали рыболовные сети. Ткань для одежды изготавливали из волокон конопли. Еще несколько лет тому назад нам удалось наблюдать обработку волокна и изготовление ткани. Созревшую коноплю вырывали с корнем, вязали в пучки, сушили и обмолачивали. Семена, предварительно поджаренные на огне и смешанные с талканом, шли в пищу. Стебель или дудку конопли не мочили и не мяли, а разламывали пополам и при помощи рук и зубов сдирали волокно и соединяли его в пучки (tudam), которые клали в берестяные коробки (ulan kendir), пересыпая шелухой ячменя, чтобы пучки не спутались. Процесс сдираания волокна называется „kendir sojyrga“. Содранные

¹ Горшки и некоторые незатейливые орудия их изготовления есть в районном краеведческом музее в старом г. Кузнецке.

волокна сращивали в одну нитку, наматывали на палочку. Этот процесс называется „kendir ulaksa“ (соединение конопли). Затем приступали к пряже ниток (kendir irce), ручным способом при помощи веретена, имеющего каменное пряслице. Пряжа хранилась на веретене, пока не поступала в основу весьма примитивного ткацкого станка. Станок этот, в виду первобытности его устройства, представляет значительный интерес. Мы имели возможность описать его даже в 1934.

С веретена нитка сматывалась в основу, называемую „kendir cuscursa“ или „osum sibe“ (в верховьях Мрассы). Основа, состоящая из конопляных ниток, укреплялась на кольях в земляном или дощатом полу, а иногда на улице в земле или снегу. Окружность основы около 6 м. Основу сначала белили. Для этого ее клали в котел с березовой или осиновой золой и кипятили в воде с золой 2—3 дня, затем хорошо прополаскивали на реке. Ткали обыкновенно весной, зимой же производили подготовку кроснов и мотков для челнока. Станок назывался „kendir tybege“. Он имел две ниченки (kuzuk sibe). Одна из них была неподвижной. Станок состоял из 2 колеи (yrgen), между которыми натягивалась основа (osum sibe). Подвижная ниченка укреплялась на палочке (kuzuk agazy), поддерживаемой двумя вилообразными ножками (tajak). Основу разделял прибор „otra“, представляющий собой две параллельные деревянные дощечки (длиной до 0.5, шириной 0.1 м.), скрепленные двумя колышками, удерживающими дощечки на расстоянии 12—15 см одну от другой. Имелся перекрест (tanmak), также разделяющий основу, покрытый мелкими поперечными зарубками (tanmak tizi), в которые вкладывались по одной все нитки основы. Палочка „paskyş“ служила для образования второго ряда основы. Челнок представлял собой круглую палочку (salkyş). Для набивания ниток (берда) служил деревянный нож „kylyş“ (букв. сабля, меч).

Из вытканного холста шили халаты (kendir), рубашки (kəbnek), штаны (ştan), шапки (pəryk) мужские, женские, детские, праздничные и будничные, ритуальные и обыкновенные.

Здесь же отметим, что для шитья на ряду с нитками из дикой крапивы или конопли широко употребляли нитки, сделанные из сухожилий марала или оленя. Помимо ниток умели делать веревки, бичевы. Материалом для них служило лыко лесной акации „Caragana arborescens Lam.“ (по шорски „kastyk“ и „şarkyn“). Между прочим, есть известие Георги, что телеуты бачатские делали из лык горохового дерева рогожи, которыми покрывали свои летние жилища.¹

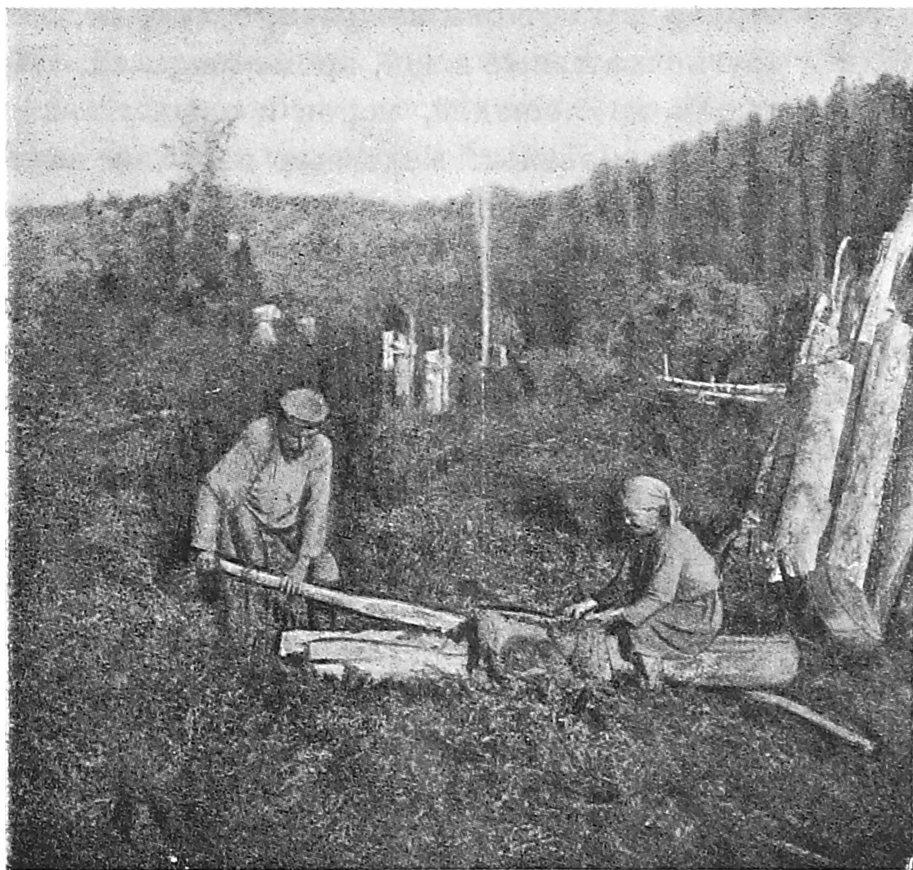
ВЫДЕЛКА КОЖИ

Выделка кожи производилась следующим образом. Вымоченную в воде (иногда в воду засыпали осиновую золу) лошадиную или бычью кожу брили острым ножом, натирали порошком пихтового угля и отваром

¹ Описание народов, ч. II, стр. 158

костей, после чего кожа становилась черной. Затем в течение месяца держали на воздухе, проветривали, потом смазывали салом, мяли в особой колоде с зазубринами (*talbg*), дымили в земляных печках и снова мяли. Выделанная таким способом кожа не боялась ни жара ни мороза, но не выносила сырости.

Шкуры диких животных выделывали при помощи натирания их вареной печенью и солью.

Фиг. 18. Кожемялка.

КУЗНЕЧНОЕ ДЕЛО.

Ко времени русского завоевания (к началу XVII в.) кузнечество, соединенное с умением получать железо из руды, было у шорцев весьма и весьма распространено. Отсюда и произошло русское название „Кузнецкие татары“. Занимались им роды, обитающие по Томи близ Кузнецка и живущие в нижнем течении Мрассы и по Кондоме.¹ Кузнечество, несмотря на широкое распространение его у ряда родов (особенно у абинцев), имело также *домашний характер*. Кузнецы не имели даже специальных помещений и работали в жилой юрте. Приемы работы были довольно первобыт-

¹ По рукописному описанию Плаутина, относящемуся к 1745 г., кузнечным делом занимались не только шорцы, живущие по всему течению Кондомы, но также обитающие и по притокам Кондомы. Ссылка из Землеведения Азии К. Риттера. Дополнения. Алтайская и Саянская горные системы, стр. 486.

ные.¹ Кузнечество не составляло единственного и главного занятия: хотя бы тех же самых абинцев. Напротив, главным занятием у них была охота на зверя.

Шорцы, или „Кузнецкие татары“ старинных русских документов, славились выделкой котлов-таганов, которыми они платили дань Джунгарам еще в XVIII в. и выделкой абылов, которые, как мы видели в главе о земледелии, они обменивали южным алтайцам. В одном из старинных русских документов первой четверти XVII в. говорится про шорцев: „Из того железа делают они панцыри, бехтерды, шеломы, копы, рогатины, сабли и другие железные вещи, кроме пищалей. Панцыри и бехтерды меняют калмыкам на лошадей, коров и овец, так же иные и ясак платят.“² О выделке разнообразных железных изделий на Алтае свидетельствуют и археологические раскопки. Важно отметить, что кузнечное ремесло развивалось здесь на собственной сырьевой базе. Шорцам еще задолго до прихода русских были известны приемы и способы добывания железа из руды. Со временем в эпоху русской колонизации, обработка руды у шорцев прекратилась. Причиной этому послужил тот колониальный гнет царской политики, не только тормозивший ход развития производительных сил Шории, но и разрушавший их. Конечно, следует иметь в виду что этому способствовали и набеги за данью, которые так часто совершали киргизские и калмыцкие феодалы. Домашний характер железоделательной промышленности шорцев также не позволял ей быть устойчивой против разрушительного действия указанных причин.

Выделка железа в северном Алтае имеет свою довольно долгую историю.

Ряд источников с несомненностью свидетельствует о давнем его употреблении. Археологические раскопки могильников VI—VIII вв. изобилуют находками железных изделий (наконечники стрел, копий, ножи, котлы, стремяна, удила и т. д.). Несомненно, что железо добывалось и обрабатывалось на Алтае, так как рудное дело здесь было известно более ранним насельникам, чем современникам железа. Стоит вспомнить так называемые „чудские копи“ или „чудские ямы“, широко распространенные в Алтае и его окрестностях. Именно на такие ямы наткнулись русские зверопромышленники на р. Белой близ горы Синюхи и доставили образцы уральскому горнозаводчику Акинфию Демидову, который вскоре же на основании проб, взятых из этих руд, построил в Алтае

¹ В. Н. Кашин, в упомянутой выше работе, преувеличивает степень развития кузнечного дела в этом крае, не учитывая, что внутри населения этих районов оно не выделилось в самостоятельную отрасль хозяйства, а носило домашний характер, будучи соединенным с охотой и мотыжным, лесным земледелием. И только в силу широкого распространения, а не по причине высокого технического развития, кузнечная домашняя промышленность шорцев имела существенное значение для таких потребителей, какими являлись кочевники киргизы и калмыки, с экстенсивным скотоводческим хозяйством.

² Сиб. вестник, изд. Гр. Спасским, 1819 г., ч. VII, стр. 141, СПб., 1810.

в 1727 г. Колыванский медноплавильный завод.¹ Так было положено начало горнозаводской промышленности в Алтайском крае.

По свидетельству Шангина, все Колыванские рудники были открыты по следам древних. Он пишет: „Мы не можем сказать, чтоб который-нибудь из всех Колывановских рудников был найден непосредственно, помощью наших знаний и старания; ибо все они открыты по россыпям, оставшимся после разработки Чуди. Да ежели и ныне вновь делаются какие либо открытия, единственно по показанию сих насыпей“. У Шангина же даются некоторые указания и на технику рудного дела в Алтае.

„Достоин замечания то, что все в Сибири находящиеся Чудския работы простираются в глубь на весьма малое расстояние, сказать вообще: от 1 до 5 сажен, а иногда немного и более“. „Вероятно можно заключить, что они не имели орудий, необходимо к сему нужных, и следовательно работали токмо на такое расстояние в глубину пока продолжались мягкие сланцевые или сыпучие породы“. „Заключение сие совершенно подтверждается по сих пор еще находимыми в копиях их инструментами, которые обыкновенно состоят из медных небольших керочек и молотков различной величины из какой нибудь твердой породы, чрезвычайно худо отделанных“.² В 1751 г. по древним „чудским“ копиям в Бийском округе был открыт золотушенский медный рудник, где были найдены медные кайлы, остатки глиняных сосудов и другие орудия „Чудского производства“.³ Китайские источники указывают, что жуан-жуаны, выдвинувшиеся на политическую арену в Азии после Гуннов, называли турков „Тукю“, обитавших на Алтае „своими кузнецами“. В знаменитом ответе жуан-жуанского хана, который он дал хану турок Тукю Тумыну, когда последний, ободренный победой над ойхорами, попросил у жуан-жуанского хана руки его дочери, говорится „ты, мой плавильщик, как осмелился сделать такое предложение?“.⁴ Стало быть в половине VI в. в горах Алтая добывали руду и плавил железо. Более вероятно, что этим занималось не большинство населения тукю, которое по тем же источникам выступает как скотоводы, кочевники, а мелкие племена, жившие в лесистых горах Алтая и входившие в состав Тукю, например, шорцы, издавна населяющие отроги северного Алтая, или тубалары окрестностей Телецкого озера, которые до последних дней сохранили древние приемы добытия и плавки железной руды. Еще Сибирские летописи называют население верховьев Томи, затем рек Мрассы и Кондомы „Кузнецами“, поясняя, что „Кузнецы же слынут потому, что ясачные люди государские там... берут и жгут и плавят железо и куют вместо наковален на

¹ Рукопись шихтмейстера Ивана Бурнашева „Методическое описание Колывано-воскресенским заводам и рудникам о состоянии оных с первоначального открытия руд и по нынешней 1799 год“. Хранилась в Барнаульском архиве.

² А. Шангин. Описание Колывано-воскресенских рудников. Москва, 1808, стр. 2—3.

³ Голубев. Алтай, стр. 8.

⁴ Иакинф Бичурин. Сведения о народах Средн. Азии, ч. I, стр. 266—267.

камни..., а железо то кузнечное и уклад велми добр, лутче свейского железа, и мяго железа, аки свинец. Соболями, железом в казну ясак платят“.¹ В другом месте летописи говорится „а вверх по Томи же реки острог Кузнечкой, тамо варят железо, железо же земли тая добро“.² Поэтому в воеводских отписках и царских указах XVII и XVIII вв. ясачное население бассейнов указанных рек фигурирует под названием „Кузнечские татары“. В грамоте царя Михаила Федоровича от 11 сентября 1623 г. даже приводится довольно подробное описание добычи и плавки руды у шорцев. Приведем полностью это интересное место: „около Кузнечка (города) на Кондоме и Мрассе реках, горы великие каменные, в тех горах емлют. Кузнечские ясашные, камни, кои разжигают на дровах, разбивают молотами и раздробив сеют решетом, а просеяв сыплут понемногу в горн, где сливается железо. Из того железа делают они панцыри, бехтерды, шеломы, копья, рогатины, сабли и другие железные вещи, кроме пищалей. Панцыри и бехтерды меняют калмыкам на лошадей, коров и овец, так же иные и ясак платят“.³

Более поздние источники XVIII в., — известия путешественников, свидетельствуют о плавлении железа и кузнечном деле как о еще довольно распространенном занятии лесных племен Саяно-Алтайской области. Такие сведения мы имеем о сойонах, кочевавших в то время по р. Абакану, о бельтирах, также кочующих при Абакане, у которых „издревле ведутся кузнецы, которые плавят и куят железо“, об абинцах, т. е. населении Северной Шории, плавящих „железные руды, которые находят они в поверхности гор слоями или в болотах своих под дерном и т. п.“.⁴ Георги же дает подробные указания о технике плавки иковки железа у населения Северной Шории: „Плавильное их заведение — пишет он, — едва ли может быть проще. Плавильная печь делается в зимней хижине и состоит в гемисферическом на пядень углубления глинистого пола в избе, у которого находится на одной стороне для действия двумя мехами небольшое отверстие. Яма покрывается круглою горбатою вьюшкою из глины, у которой в самом верху есть отверстие

¹ Сибирские летописи. Описание Сибири. Изд. Археографической комиссии, СПб., 1907, стр. 382, у Титова А. Сибирь в XVIII в., М., 1890, стр. 79. Описание новые земли, сиречь Сиб. царства. По рукописи б. Румянц. музея № ССХСIV. О выделке железных изделий населением Кондомы и других мест говорится в рукописи Ю. Крижанича, составленной в шестидесятых годах XVII в. См. „Русское государство в половине XVII в.“ Издал П. Безсонов. М., 1859, ч. I, стр. 60.

² Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. А. Попов. Москва, 1869, стр. 403.

³ О чудских копиях в Сибири. Сиб. вестник Гр. Спасского. СПб., 1819, ч. VII, стр. 141; приводится также и Н. Фирсовым в работе „Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве“, Казань, 1866, стр. 44.

⁴ Георги. Описание народов, ч. II, стр. 163, 167, 168. О многих мрасских и кондомских „татарах“, добывающих железо из руды, пишет Гмелин в *Reise durch Sibirien*, Bd. I, S. 286.

пространством дюйма в два. Когда плавят, то наполняют печь такими мелкими угольями, какое только сквозь отверстие проходить могут, и оные поджигают. А как они совсем разгорятся, то при безпрестанном раздувании мехами бросают по перемененно сквозь отверстие в печь то уголье, то по небольшому количеству изтолченной мелко руды. Часа в полтора выходит руды около трех фунтов. Вскрывши печь, очищают они переплавленную руду от огарков биением оной деревянными поленьями. Из выплавленного таким образом железа куют они на каменных наковальнях железными молотами железцы (наконечники. Л. П.) к стрелам и заступы (мотыги. Л. П.); больше же продают невыделанного железа Российским Кузнецам¹. Здесь снова чрезвычайно ярко выступает общая для всего шорского производств черта — первобытность технических приемов, отражающая низкую ступень развития труда. Несмотря на все несовершенство рудного и кузнечного дела, оно сохранялось у шорцев до начала XIX в. Еще в конце XVIII в. „киргизы разорили рудные заведения при Каштаке, находящиеся по всей вероятности, в ветви хребта Кузнецкого, по р. Мрассе“².

Добывание железа у шорцев было настолько распространенным занятием, что они платили дань своим владельцам железом. Известно, что киргизы минусинских степей получали эту дань в поделках из железа преимущественно в котлах. Позднее Джунгарский хан — тайши и русский царь брали дань с шорцев Алтая также железом, именно: котлами, таганами, наконечниками для стрел, удилами и т. д.³

Кузнечное дело нашло свое отражение и в фольклоре. В легенде об утесе Ак-гая (лев. берег Кондомы) говорится о богатыре, который „ковал раскаленное железо одними своими руками, употребляя пальцы вместо щипцов, а кулак вместо молота“⁴.

ОБРАБОТКА ДЕРЕВА

Несмотря на то, что шорцы славились умением изготавливать из железа котлы и прочую утварь, которой они платили дань своим владельцам, все же включительно до революции в их домашней жизни большое место занимала обработка дерева и бересты. Со времени русской колонизации, в связи с упадком кузнечной домашней промышленности, дерево и береста выступили на первый план. При отсутствии гончарства деревянные и берестяные изделия в домашней утвари являлись пре-

¹ Описание народов... ч. I, стр. 163. Описание печи и процесса плавки руды на р. Кондоме см. у Гмелина, *Reise...*, I, S. 280—283.

² Слобцов. Историческое обозрение Сибири. Кн. 2-я, стр. 73. Слобцов очевидно ошибается, ибо Каштакские рудники и острог находились не по Мрассе, а по р. Юсу. См. Дополнения к актам историческим, т., X, № 77—X, XI (1697—1698 гг.).

³ Подробно об этом будет изложено в главе об ясаке.

⁴ Записки миссионера Кузнец. отд. Алт. дух. миссии В. Вербицкого за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 17.

обладающими. Посетивший Сибирь в XVII в. Лоренц Лянг пишет о шорцах р. Томи, что вся их утварь состоит из железного котла да сплетенных из бересты сосудов.¹ Радлов для половины XIX столетия следующим образом характеризует домашний быт шорцев верховьев Мрассы: „Хижины внутри почти пусты, так как эти татары (т. е. шорцы. Л. П.) не имеют обыкновения обладать чем-либо, кроме одежды, одетой на тело. Их кухонная посуда состоит из одного плоского котла для поджаривания ячменя и одного обыкновенного котла для варки пищи. Миски, чашки, посуда для питья им неизвестны: согнутый кусок бересты заменяет всю эту излишнюю утварь.“²

Наиболее распространенным материалом для деревянных изделий являлись береза и осина. Не случайно поэтому названные деревья, особенно первое, нашли огромное отражение в культе и считаются священными. Общеизвестно, что береза является предметом культового поклонения на Алтае и составляет основной материал при изготовлении жертвенников.³

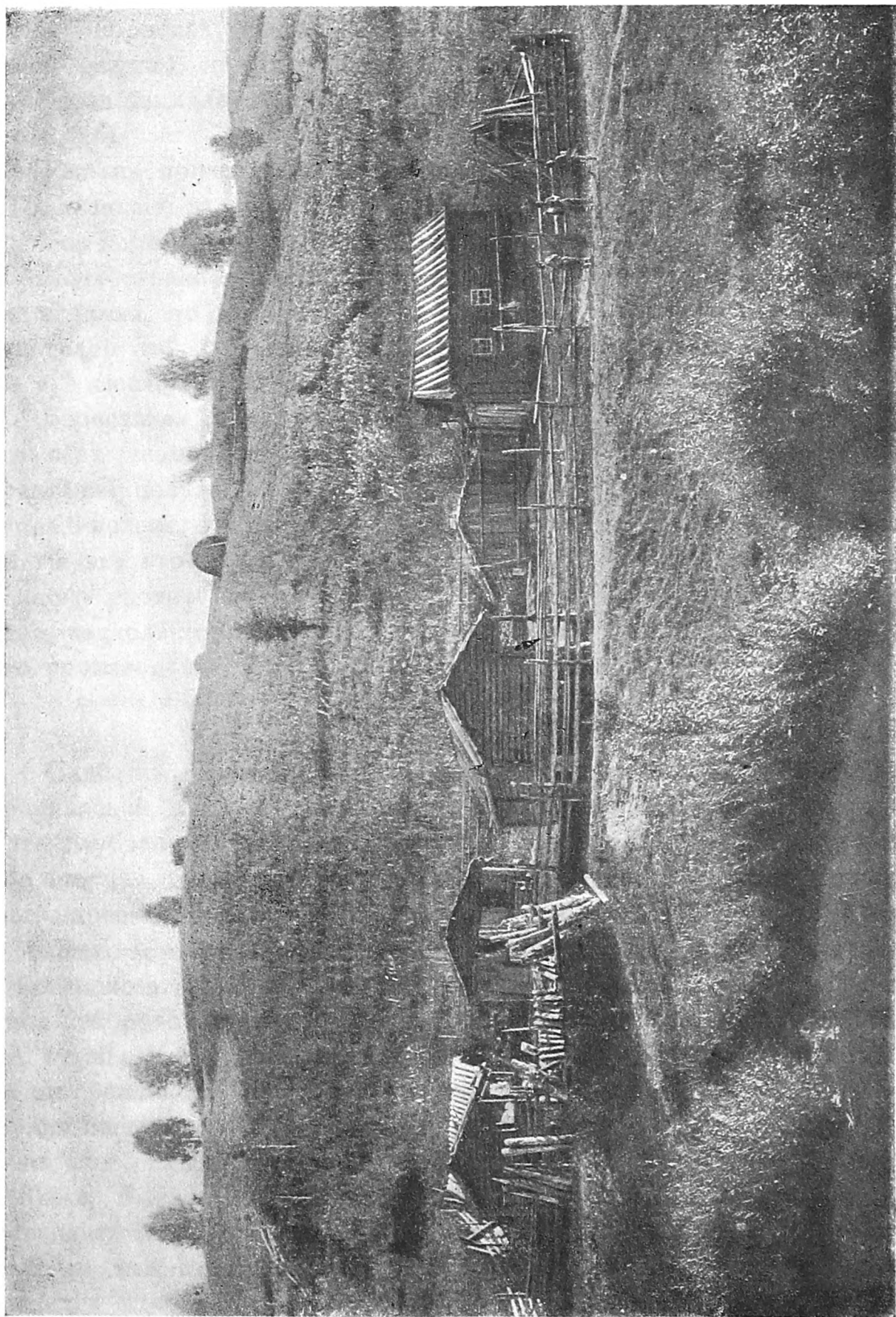
Относительно осины миссионер Вербицкий сделал для шорцев следующую заметку в своем дневнике: „Осина, сказали мне, деревьям башлык (голова), а потому на аскыш (таган. Л. П.), кузей (исправляющий должность кочерги) и на понукание коней никогда не употребляется“.⁴ Необходимо, для уяснения важности деревянных изделий в быту у шорцев, остановиться на кратком описании некоторых из них. Нужно заметить, что изготовлялись они домашним способом и каждым по мере необходимости. Из них наиболее крупные предметы выделялись путем долбления при помощи незатейливых долотец, ножа и позднее топора. Так, например, для того, чтобы сделать лодку (kebe), брали осиновый обрубок, длиною около 3 метров и долбили его. Чтобы получить при долблении дно равномерной толщины, через каждые 25—30 см. дно пробивали насквозь. Впоследствии эти контрольные отверстия забивали колышками. Выдолбленную лодку распаривали и бока ее разводили для большей устойчивости. Так же долбили колоду (talǵ), которая служила кожемялкой или ступу (sak) для толчения зерна. Из мелких обрубков, при помощи одного ножа вырезали чашки, миски, блюда, (terşi), поварешки (kalak) ложки (kaşyk). Из дерева же делали лыжи (şana), охотничьи нарты (şanak), луки для самострелов (aја) и мелкие ловушки (şergej). В большом употреблении, как материал для изготовления утвари и посуды, была береста. Почти вся посуда делалась из бересты, начиная от маленькой чашки (tozajak)

¹ Известия Л. Лянга о Сибири, цит. по Н. Катанову. Ежегодн. Tobольск. музея, 1904, в. XIV, стр. 5.

² Aus Sibirien, I, S. 352.

³ Между прочим, у некоторой части населения северного Алтая (р. Майма) при молениях особому охотничьему духу „Kudan bij“ жертвенник делают исключительно из осины.

⁴ Записки Вербицкого за 1862 г. Прав. обозр., 1863, февраль, стр. 146.

Фиг. 19. Шорское селение с угодьями.

и кончая огромным бураком (kuspak) емкостью 9—12 ведер жидкости, или коробом для хранения зерна (ulan), вмещающим до 25 пудов зерна. Мелкие сосуды из бересты, цилиндрической формы с деревянным дном и крышкой, для хранения жидкостей имели плетеный шов. В берестяных же коробках (panda, ерсеş, ерсек) и крупных бураках шов прошит ниткой (şugum), представляющей собой расщепленный кедровый корень. Такой шов называется kosten (этим же термином обозначают и вышивку на одежде).

Уже из приведенной выше насмешки про шорцев, обитающих по р. Томи, можно заключить, что из бересты шили также и лодки:

Tos kebe, tomtagal. С лодками из бересты жители Томи.

Хозяйственное значение бересты, идущей не только на перечисленные изделия, но и служащей основным покрытием жилища, отразилось у жителей тайги Саяно-Алтайской области в названии месяца июня „toz aj“ (месяц бересты, когда обычно заготавливают бересту).¹

Берестяная посуда долго сохранялась, особенно в области культа. При всех шаманских молениях употреблялась почти исключительно берестяная посуда. В значительной мере это связано с культом березы, который возник, очевидно, в силу огромного значения березы в хозяйственной жизни; это лишний раз указывает, что вещи, вышедшие из повседневного употребления, нередко сохраняются в культе. Из сказанного видно, насколько примитивна и несовершенна была и эта отрасль домашнего производства.

ПРОИЗВОДСТВО ЖИЛИЩА

Слабость развития общего уровня производительных сил у шорцев отразилась и в области производства жилища. Здесь мы встретим те же черты глубокого архаизма, какими изобилует все материальное производство шорцев. Здесь мы найдем древнейшие способы постройки жилища и его древнейшие, первобытные формы. Достаточно указать, что почти до нашего столетия в Шории существовала землянка. Под землянкой нужно понимать такое жилище, у которого часть сруба опущена в землю и пол которого значительно ниже уровня земли. Н. М. Ядринцеву в конце XIX в. видимо удалось лично видеть землянки у „Кузнецких татар“, так как он сравнивает их с остяцким типом землянки, называемой „карамо“.² Гмелин пишет о жилищах, стоящих наполовину в земле, которые он видел лично под самым Кузнецком.³ О них, как о бытовавших у абинцев на р. Томи, Кондоме и Мрассе, писал и Георги: „хижины самые бедные, бревенчатые... Они стоят до половины в земле, и свет проходит в них большим дымным отверстием в покрытом землею жердчатом потолке“⁴

¹ Вербицкий. Словарь, стр. 365.

² Сибирские инородцы, стр. 115.

³ Reise durch Sibirien, Bd. I, S. 278. Göttingen, 1751.

⁴ Описание... народов, ч. II, стр. 162.

За последнее время, включительно до наших дней, у шорцев все еще можно наблюдать сохранность форм древнего жилища. Таким, в первую очередь, является шорский „odag“ (ot ag || ot ugu || ot ug), название которого при помощи лингвистического анализа разъясняется как 'жилище с огнем' (ot ug). Шорский odag сохранился как охотничий шалаш, наскоро сооружаемый охотниками в тайге (см. раздел об охоте). Одновременно мы встречаем его довольно часто в верховьях Мрассы, как лет-

Фиг. 20. Жилище „odag“.

нее жилище. Впрочем, еще недавно шорская беднота жила в „odag“ и зимой. С этой целью местами (напр. по р. Колзас) „odag“ утеплялся — бока его забрасывались землей. „Odag“ — строят на подобие конического шалаша. Материалом для него служат толстые, круглые и короткие жерди. Посредине — неугасимый огонь, разводимый прямо на земле. Древность „odag“, по сравнению с другими существующими формами шорского жилища, помимо его общей технической примитивности и факта сохранения в таежном охотничьем быту, нашла отражение в названии свадебного, ритуального жилища. Свадебное жилище, сооружавшееся еще 6—8 лет тому назад, в большинстве случаев называлось „odag“.¹ Оно пред-

¹ В верховьях Мрассы у рода кы свадебный шалаш называют рикраг || рикра. Это название нам представляется описательным из соединения двух слов рук + раг. Рук — сгибать, гнуть, отсюда „ругулыс“ — гнуться вместе, склоняться друг к другу, как верхушки деревьев. (Вербицкий. Словарь, стр. 273) и раг || баг — 'веревка'.

ставляло собой конический шалаш из 7—9 березок, верхние концы которых были сведены вместе. Покрытием ему служила береста, обвязанная веревками. Посредине его на земле раскладывался огонь.

В этом шалаше жених и невеста проводили некоторое время перед тем, как окончательно поселиться вместе в настоящем жилище. Известно, что свадебный обряд является консервативным элементом культуры и в нем, как в музее древностей, долго сохраняются пережитки наиболее ранних явлений материального производства и идеологии.

Фиг. 21. Летняя юрта.

Не менее показательно также и то обстоятельство, что термин *odag* был перенесен на другой, более поздний тип жилища. Мы еще теперь можем встретить его в верховьях Мрассы в применении к срубному зимнему жилищу, называемому русским населением „юртой“, „юрточкой“. Данный тип жилища имеет в различных местах бассейна р. Мрассы различные названия: *ot ūgʹ* || *ot ūgu* || *ot ūg* || *kaz ūgʹ* || *kaz ʹm* || *kas ʹm*. По существу это различное произношение двух основных названий *ot ug* — ‘жилище с огнем’ и *kaz ʹm* — ‘жилище с берестой’. Это жилище имеет четырехугольный сруб из бревен в 4—5 рядов и двухскатную крышу, покрытую берестой и сверху землей. Здесь очажная ямка находится у стены, налево от входа. Над ней возвышается очаг особого устройства. Он состоит из двух обмазанных глиной досок, поставленных вертикально к стене, и снабжен трубой, сплетенной из прутьев, называемой „*sygen*“ (букв. ‘снаряд для ловли рыбы’ — верша). Возможно, первоначально труба

представляла собой именно „sygen“, обмазанный глиной, поэтому за трубой и сохранилось это название. Не менее любопытно, что такой очаг в целом называют „kebe || kebee || kebege. Термин *kebe* означает также и 'лодку'. Возможно, что название это произошло от того, что общий вид очага напоминает по форме лодку. Наиболее распространенным названием для очага этого типа служит термин *şal* (букв. светить), для очаженной ямки *kylei oĵmazь* — 'ямка с пеплом'. Иногда очаг, особенно в „*odag*“'е летнего типа, называется просто *ot* — 'огонь'.

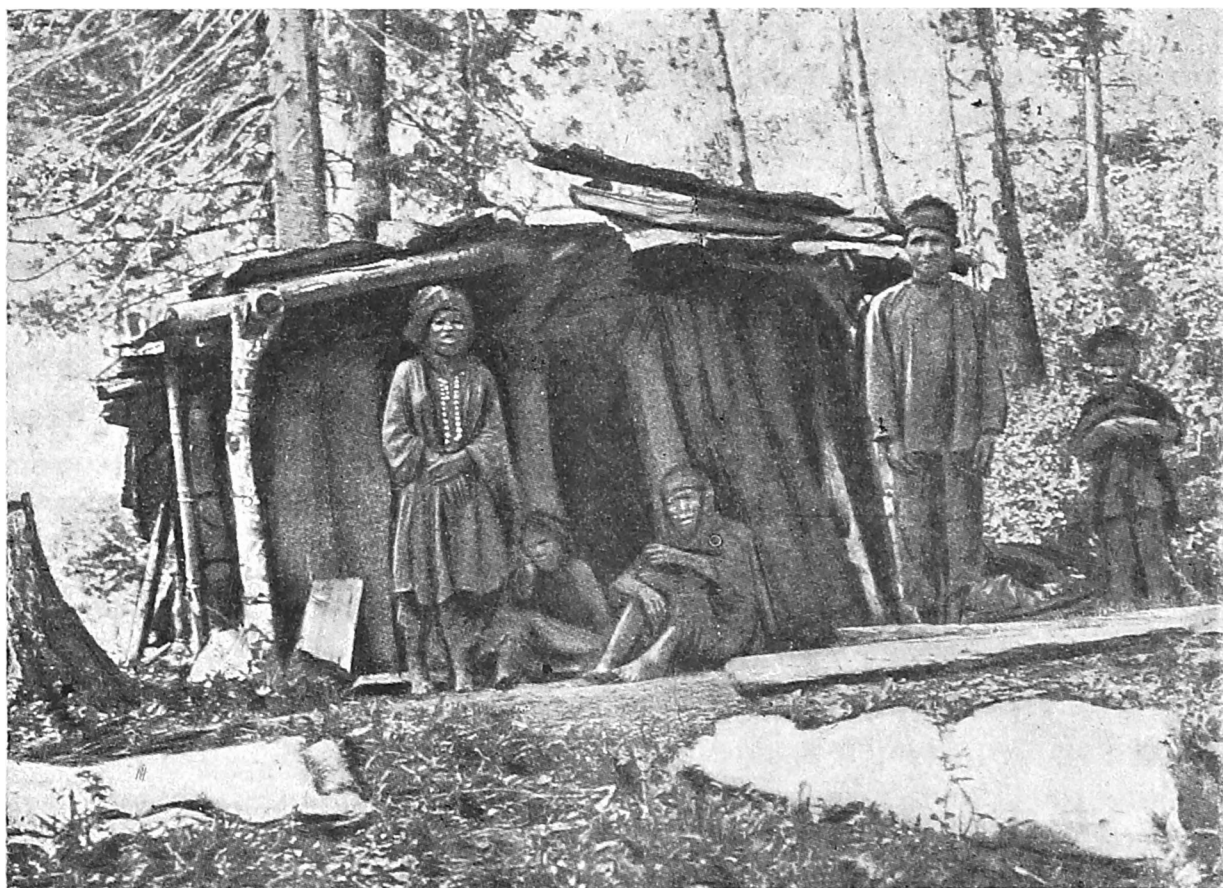
В бассейне р. Кондомы, по рассказам стариков, „*odag*“ назывался термином *ot u* или просто „*u*“. Он строился также из круглых толстых жердей, поставленных стоймя, и имел квадратную или трапециевидную форму. Покрывался плоской односкатной крышей из бересты. Как крыша, так и стены утеплялись дерном. Очаг горел посередине. Дым выходил через дымоход в потолке. В потолке устраивалось также отверстие для света, которое зимой покрывалось ежедневно меняемой льдиной.

На ряду с этим, в северной части Шории преобладающим типом жилища к концу XIX и в начале XX вв. стала русская четырехстенная изба, а богачи шорцы строили сплошь и рядом двухэтажные просторные дома с железной крышей.

Избы, которые Вербицкий называет „домами“, были распространены, в 60-х годах прошлого столетия, только по течению главных рек: Томи, Мрассы и Кондомы. По их притокам население жило сплошь в юртах. Приведем сведения о численности и типах жилых построек по Вербицкому: „По р. Томи 299 домов, по р. Мрассе 238 домов, 240 юрт; по ее притокам 238 юрт; по р. Пызасу 98 юрт, по р. Кобырзу 20 юрт; по р. Кондоме 208 домов, 144 юрты, по притокам: Мундумашу 31 юрта, Антропу 30 юрт, по р. Сары-Чумышу 36 домов, итого 781 дом 563 юрты, всего 1344“.¹ Еще важно отметить, что до периода русской колонизации шорцы не знали хозяйственных построек, если не считать только „*tastak*“. Тастак — это небольшой деревянный сруб — ящик, закрепленный на четырех высоких ножках. Назначение его — хранить мясо. Тастак — хозяйственная постройка охотничьего быта. Он строился, да еще и до сих пор строится, охотниками в тайге, рядом с охотничьим станом, как хранилище съестных припасов, которые необходимо прятать от хищных зверей. Другая разновидность его не имеет формы ящика и представляет собой невысокий, на четырех ножках помост, на который ставят на зиму на пашне большие берестяные сосуды (*ulan*) с зерном.

В период русской колонизации получил большое распространение „*anpaġ*“ (от русс. „амбар“). На юге Шории амбар представлял собой низенькое, квадратной формы строение на 4 или 6 столбах, вкопанных в землю, возвышающихся над поверхностью ее на 1 метр.

¹ Записки миссионера Вербицкого за 1869 г. Душеполезное чтение, 1871, № 6, стр. 61.

Фиг. 22. Жилище бедняка.

Фиг. 23. Дом шорца торговца.

Крыша (сараг) амбара делалась двухскатной и состояла из колотых деревянных пластин (сајѣѣ), которые покрывались берестой и поверх последней придавливались еще рядом досок. На ряду с этим, шорские баи — торговцы строили огромные двух и даже трехэтажные амбары русского, купеческого типа.

8. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Рассмотрение и анализ отдельных элементов материального производства позволяет нам сделать ряд обобщений и выводов, которые послужат основой для понимания и освещения хода исторического процесса у шорцев, что составляет предмет нашего дальнейшего исследования.

Самый первый общий вывод мы должны сделать о преобладании элементов натуральности в шорском хозяйстве до Октябрьской революции. Все рассмотренные отрасли хозяйства у шорцев в основном носили натуральный характер, за исключением охоты на пушного зверя и сбора кедрового ореха (с половины прошлого столетия). Последние отрасли хозяйства, особенно охота на пушного зверя, в период русской колонизации получили товарное значение под влиянием русской торговли. Непосредственный производитель — охотник-шорец в конечном счете работал на рынок. Будучи вечным должником торговца-ростовщика, шорец добывал для него пушнину, последний же превращал ее в товар путем продажи. С необходимой полнотой это будет освещено в главе о торгово-ростовщической эксплуатации.

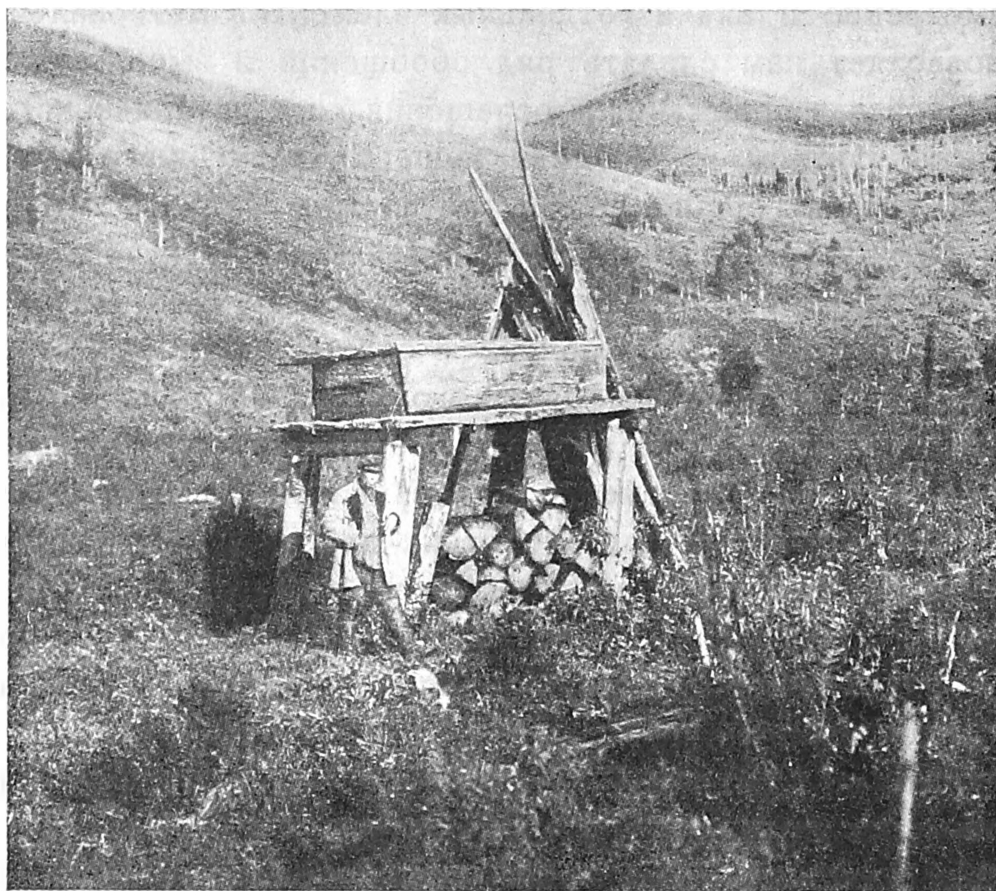
В основном вся производственная деятельность шорца-производителя была направлена на удовлетворение собственных потребностей хозяйства и добываемый продукт преимущественно потреблялся внутри хозяйства, за исключением пушнины и, частично, кедрового ореха, добыча которых насильственным путем (благодаря торгово-ростовщической эксплуатации) была ориентирована на скупщика. Скупщик же здесь паразитировал на основе натурального хозяйства, разлагая его и высасывая из него жизненные соки.

Основной ведущей отраслью шорского производства в прошлом следует признать охоту на зверя. Таежная пешая охота у шорцев есть реликтовая форма древнейшей охотничьей культуры, распространенной в таежной части Саяно-Алтайского погорья, подобно тому, как липа, сохранившаяся в Шории, является реликтовой формой растительности третичного периода.

Коллективная охота, местами пешая, ловля загорадами, гонка зверя по насту и просто по снегу, нередко с палкой вместо ружья, подстораживание зверя на тропах, подманивание деревянной дудкой, свистком из бересты, наконец, еще неизгладившиеся воспоминания о применении ям указывают на то, что здесь сохранились весьма первобытные приемы, вынесенные человеком из глубокой древности и существующие у самых

первобытных из охотничьих племен. То же самое можно сказать про орудия промысла: недавно исчезнувший лук, самострел и многочисленные деревянные капканы спускного устройства, нарты, лыжи, подбитые шкурой, и волокуши (syrtke), как нельзя лучше свидетельствуют об их глубокой архаичности. Все эти элементы материального производства широко распространены у отсталых племен северо-восточной Азии.

Наиболее распространенными подсобными занятиями, сосуществовав-

Фиг. 24. Сруб для хранения мяса и других продуктов.

шими охоте, являлись: мотыжное земледелие с собиранием корней и рыболовство. Данное обстоятельство довольно ярко характеризует ступень общественно-экономического развития шорцев почти вплоть до Октябрьской революции, ибо исследования К. Маркса в этом направлении привели его к следующему выводу: „Народы, занимающиеся исключительно охотой и рыболовством, лежат за пределами того пункта, где начинается действительное развитие“.¹ (Подчеркнуто нами. Л. П.)

Маркс подчеркивает крайне низкий уровень развития производительных сил у охотничьих и рыболовческих народов, благодаря чему здесь природа господствует над человеком.

¹ К. Маркс. К критике политической экономии. Изд. 1-е, Гиз, 1929, стр. 44. В упомянутой выше работе В. Н. Кашина, опять же бездоказательно, говорится о сложности общественного строя „кузнецких людей“ в XVI в., об оседлом земледелии (Проблемы истории докапиталистических обществ, 1934, № 9-10, стр. 82).

Следующий важный вывод, который мы обязаны сделать — это констатировать соединение таежного, охотничьего хозяйства с домашней промышленностью. Базисом для производства у шорцев, как мы видели выше, служила охота на зверя с подсобным ей мотыжным земледелием и рыболовством в соединении с домашней промышленностью; как ведущая отрасль производства (охота на зверя), так и подсобные характеризовались тем, что они были тесно соединены с промышленностью, носившей домашний характер. Это вполне закономерное явление, ибо, как

Фиг. 25. Амбар.

показали исследования Маркса, „первоначально земледельческий труд и промышленный труд не отделены один от другого; второй примыкает к первому. Прибавочный труд и прибавочный продукт земледельческого племени, домовой общины, или семьи заключает в себе как земледельческий, так и промышленный труд. Тот и другой идут рука об руку. Охота, рыболовство, земледелие невозможны без соответствующих орудий. Ткачество, прядение и т. д. сначала ведутся как подсобные при земледелии“.¹ (Подчеркнуто нами. Л. П.)

Приведенный вывод Маркса целиком относится и к шорскому производству. Последнее, будь то охота, рыболовство, мотыжное земледелие и т. д., требовало изготовления определенных орудий труда и хотя бы первичной обработки некоторой продукции (напр. выделки шкур), которые

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Гиз, 1932, стр. 454.

производились, как правило, для данного хозяйства в его собственных рамках. Ткачество и прядение у шорцев также были подсобными при том первобытном хозяйстве, каким они долгое время располагали. Надо указать, что у шорцев к этой особенности, неразрывности таежного хозяйства с домашней промышленностью, присоединялась еще форма родовой общины, организованной по признаку счета родства по отцовской линии, однако покоящейся не только на узах родства, но и на общем владении определенными охотничьими территориями. Однако об этом подробно дальше. Напомним, что такое, подобное шорскому, „мелкое родовое сельское хозяйство (с которым связана домашняя индустрия)“ Маркс считал „детской формой труда“, которая не годилась для того „чтобы развить труд, как общественный труд, и производительность общественного труда“¹ (подчеркнуто Марксом). Мы имеем теперь возможность подойти едва ли не к самому существенному выводу, задачу которого мы видим в определении уровня развития производительных сил, которого достигли шорцы в эпоху русской колонизации.

О слабом развитии производительных сил у шорцев свидетельствуют не только многочисленные архаизмы материального производства, которые мы везде подчеркивали, не только рутинность мелкого хозяйства, не утратившего черты первобытности, о слабости развития производительных сил здесь свидетельствует низкий уровень развития труда, ограниченность продуктов этого труда. Отсюда вытекала и ограниченность богатства данного общества. В чем состояло богатство шорцев, за исключением небольшой группы торговцев, ростовщиков, баев? Это богатство состояло из примитивного жилища, типа „odag“, грубой холщевой одежды собственного изготовления, немногочисленных и примитивных орудий труда для добывания и приготовления пищи, например: кремневого ружья, деревянного самострела или капкана, долбленной лодки, мотыги, каменной ручной мельницы. Все это дополнялось скудной утварью из дерева и бересты. Несомненно, мы имеем полное основание утверждать, что уровень производительных сил шорцев был чрезвычайно низок. Что представляли собой здесь средства производства? Основным средством производства являлись охотничьи угодья, т. е. естественное произведение природы. Здесь мало еще „произведенных средств производства“ (Маркс). „Природа непосредственно доставляет здесь средства существования, их не приходится производить“.² Правда, в данных условиях шорец уже в эпоху возникновения общественной жизни имел возможность затрачивать труд не только в таких размерах, которые потребны были для получения средств существования в виде готовых даров природы (каковым, например, у шорцев являлся труд простого собирательства), но и затрачивать время „на превращение других продуктов природы в средства про-

¹ К. Маркс. Теория прибавочной стоимости, т. III, Партиздат, 1932, стр. 308.

² К. Маркс. Капитал, т. III, Гиз, 1932, стр. 612, изд. 8-е.

изводства“,¹ каковыми, например, являлись лук, лодка, каменная мельница и т. п.

Прибавочный труд, затрачиваемый шорцем, дал возможность создать упомянутые орудия труда. Условия же для существования прибавочного труда были и в суровой Шории, ибо „естественная производительность земледельческого труда (причем сюда относится в данной связи труд простого собирания, охоты, рыболовства, скотоводства) является базисом всякого прибавочного труда, так как весь труд сначала, при первом своем проявлении, направлен на присвоение и производство пищи. (Но животные доставляют в то же время шкуры для защиты от холода в холодном климате; кроме того пещерные жилища и т. д.)“² У шорцев прибавочный труд не создал сколь либо развитых средств производства и скудость таких „произведенных средств производства“ не подлежит сомнению, как показало предыдущее изложение, что опять-таки является свидетельством низкой ступени развития труда. Правда, шорцы в этом отношении обязаны, главным образом, царскому правительству, политика которого тормозила развитие шорцев. На протяжении трех столетий оно выкачивало методами колониальной политики не только прибавочный труд, но и труд, необходимый для физического существования шорца при всей его неприхотливости и простоте потребностей.

На основании вышеизложенного мы можем говорить о чрезвычайно низком уровне развития производительных сил у шорцев. Это весьма существенный вывод, ибо данному уровню развития производительных сил соответствуют и определенные производственные отношения, являющиеся формой развития производительных сил. Вот почему весьма важно не ограничиться только одним указанием на слабость развития производительных сил у шорцев, а попытаться определить этот уровень. Однако для того, чтобы определить уровень производительных сил, мы должны прибегнуть к помощи надежного измерителя. Таким измерителем, как неоспоримо установили исследования К. Маркса и Ф. Энгельса, является степень развития разделения труда. Маркс и Энгельс довольно подробно развили в своих работах учение о разделении труда, нам придется здесь напомнить в основных чертах это учение.

Разделение труда — это „закрепление определенных трудовых функций за определенными группами лиц“.³ Маркс и Энгельс считали разделение труда законом в развитии общества.⁴ Они писали: „труд и разделение труда всегда существовали в той или иной форме“.⁵ Значение роли разделения труда, как показателя уровня развития производительных сил, было

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, стр. 612; см. также Капитал, т. II, Гиз, 1930, стр. 318.

² Там же, т. III, стр. 454.

³ Программа и устав Коминтерна, III раздел, Л., 1933, стр. 59, цитировано С. Н. Быковским в статье „Доклассовое общество как социально-экономическая формация“. Сов. этнография, 1934, № 1—2, стр. 23.

⁴ Письма Маркса к Кугельману, Гиз, 1928, стр. 49.

⁵ Маркс и Энгельс. Монтескье, LVI. Сочинения, т. VII, стр. 152.

с исчерпывающей ясностью изложено основоположниками марксизма уже в ранней работе „Немецкая идеология“ (1845 г.), где совершенно ясно сказано: „Каков уровень развития производительных сил нации, всего нагляднее обнаруживается в том, в какой степени развито у нее разделение труда. Всякая новая производительная сила — поскольку она не просто количественное расширение известных уже до того производительных сил (например, возделывание новых земель) — влечет за собой дальнейшее развитие разделения труда“.¹ В разделении труда нужно различать естественное разделение и общественное разделение труда. Естественное разделение труда „вначале было лишь разделением труда в половом акте, а потом разделением труда, совершавшимся само собой, «естественно возникшим», благодаря природным задаткам (например, физической силе), потребностям, случайностям и т. д.“² Естественное разделение труда соответствовало неразвитой стадии производства: охоте, рыболовству и скотоводству.³ Здесь имеет большое значение разделение труда между общинами, внутри которых разделение труда носит естественный характер. „Различные общины находят различные средства производства и различные средства существования среди окружающей их природы. Они различаются поэтому между собой по способу производства, образу жизни и производимым продуктам. Это — те естественно выросшие различия, которые при соприкосновении общин вызывают взаимный обмен продуктами, а следовательно, постепенное превращение этих продуктов в товары. Обмен не создает различия между сферами производства, но устанавливает связь между сферами, уже различными, и превращает их в более или менее зависимые друг от друга отрасли совокупного общественного производства. Здесь общественное разделение труда возникает путем обмена (разрядка наша Л. П.) между первоначально различными, но независимыми друг от друга сферами производства. Там, где исходный пункт образует физиологическое разделение труда, особые органы непосредственно связанного целого разъединяются, причем главный толчок этому разложению дает обмен товарами с чужими общинами, — и становятся самостоятельными, сохраняя между собой лишь ту связь, которая устанавливается между отдельными работами путем отмена их продуктов в качестве товаров“.⁴ И так „благодаря увеличению производительности, росту потребностей и лежащему в основе того и другого росту населения... развивается и разделение труда“.⁵

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 11, Партиздат, 1933.

² Маркс и Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, IV, стр. 21; Маркс. Капитал, т. I, стр. 264: „естественное разделение труда возникает вследствие половых и возрастных различий, т. е. на чисто физиологической почве...“ Ср. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, М., 1932. Стр. 65 и стр. 160.

³ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. IV, стр. 12.

⁴ Маркс. Капитал, т. I, стр. 264, Гиз, 1930; см. также Энгельс. Конспект первого тома „Капитала“, Партиздат, 1932, стр. 44.

⁵ Маркс и Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. IV, Партиздат, М., 1933, стр. 21.

В результате, под влиянием развивающегося обмена, разделение труда теряет черты естественного порядка и принимает форму общественного разделения труда.

Формой общественного разделения труда было „первое крупное общественное разделение труда“ (подчеркнуто Энгельсом), в результате которого пастушеские племена выделились из остальной массы варваров.¹ „Из первого крупного общественного разделения труда возникло и первое крупное разделение общества на два класса — господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых“.² Второе крупное общественное разделение труда состояло в том, что „ремесло отделилось от земледелия“... „появляется различие между богатыми и бедными — обусловленное новым разделением труда, новое разделение общества на классы“.³ Наконец, заканчивается разложение доклассового общества, оформляется общество классовое, порождающее государство. У Энгельса этот период назван периодом *цивилизации*, которая начинается новым шагом в разделении труда. Цивилизация упрочивает существующие виды разделения труда «и присоединяет к ним» третье, свойственное ей, весьма важное разделение труда: она создает класс, который занимается уже не производством, а только обменом продуктов, создает класс купцов“.⁴ Цивилизация означала, что „Родовое устройство отжило. Оно было разрушено разделением труда и его последствием — разделением общества на классы. Его заменило *государство*“⁵ (курсив Энгельса).

Изложенное достаточно убедительно показывает, какое огромное значение Маркс и Энгельс придавали разделению труда. Совершенно понятен поэтому их вывод: „Различные ступени в развитии труда суть вместе с тем и различные формы собственности, т. е. каждая степень разделения труда определяет также и взаимоотношения индивидов в связи с материалом, орудием и продуктом труда“.⁶ (Подчеркнуто нами. Л. П.)

Теперь, пользуясь детально разработанным учением о разделении труда, попытаемся определить, какие же формы разделения труда были развиты у шорцев.

Мы уже знаем, как существенную черту шорского производства, его комплексность. Такие занятия как, например, земледелие, рыболовство, скотоводство, пчеловодство, кедровый промысел не выделились в самостоятельные отрасли производства внутри шорского общества. Эти отрасли хозяйства постоянно выступают во всевозможных комбинациях соединения с охотой, которая являлась все же ведущей отраслью про-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, М., 1932, стр. 160.

² Там же, стр. 162.

³ Там же, стр. 164, 165.

⁴ Там же, стр. 166—167.

⁵ Там же, стр. 170.

⁶ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. IV, Партиздат, М., 1933, стр. 12.

изводства. Шорец-зверолов являлся в то же время и немножко земледельцем, поскольку он обрабатывал небольшой клочек тайги мотыгой и сеял ячмень. Он являлся также в некоторой степени и рыболовом, так как летом добывал для своих нужд рыбу. В такой же степени он поддерживал существование своего хозяйства сбором кедрового ореха, примитивным пчеловодством. Вот эта комплексность хозяйства шорца, когда каждый занимался всем — есть выражение слабости развития труда, признак естественного разделения труда. „У первобытных народов — писали Маркс и Энгельс — каждый сам строил себе хижину, сам делал себе одежду из звериных шкур, сам собирал себе плоды для еды“.¹

Естественное разделение труда у шорцев носило резко выраженный характер разделения труда между полами. Об этом писали почти все исследователи, так или иначе соприкасавшиеся с шорцами. О разделении труда между мужчинами и женщинами писал миссионер В. Вербицкий.² А. В. Адрианов, сообщая о „черневых татарах“, к которым в первую очередь относил шорцев, сообщает: „Занятия черневых татар можно подразделить на занятия собственно домашние, которые производятся почти исключительно женщинами, и земледелие и промыслы ореховый, звериный и пчеловодство. Домашние занятия заключаются в уходе за скотом, добыче и приготовлении материала для одежды и обуви и шитье последних, в выделке посуды и множестве разных мелких работ по хозяйству. Все эти многосложные занятия целиком лежат на плечах женщин, которые с раннего утра и до поздней ночи, не покладая рук, находятся за работой. Мужья по дому почти ничего не делают, кроме построек; он не наколет дров, не принесет воды, предпочитая сидеть с трубкой в зубах или ездить по гостям, принимать их у себя, беспечно пить водку, которую должна насидеть также жена“.³

Даже в 1934 г., будучи у шорцев, нам пришлось наблюдать сцену, когда однажды рано утром, проснувшись от холода, хозяин, у которого мы ночевали (улус Карасу по р. Мрассе), набросился с громкой руганью на жену, так как он не обнаружил дров. Несмотря на то, что за дровами нужно было только выйти из юрты, наш хозяин разбудил жену и послал ее, громко мотивируя свой поступок словами „pis er kiziler pis“ — „Мы мужчины“. Только впоследствии, в эпоху русской колонизации, под влиянием колониальной царской политики, развития торгово-ростовщических операций и товарных отношений, у шорцев происходит то, в общем ходе процесса развития человеческого общества, третье по счету, крупное общественное разделение труда, которое в XIX в. создало в Шории класс купцов, занимавшийся „уже не производством, а только обменом

¹ Маркс и Энгельс. Сочинения, т. VII, Гиз, 1930, стр. 152.

² В. Вербицкий. Алтайские инородцы. Москва, 1890, стр. 25; его же. Записки миссионера за 1862 г. Правосл. обозрение, 1863 г., февраль.

³ А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 311—312.

продуктов..., который, не принимая никакого участия в производстве, захватывает в общем и целом руководство производством..."¹ Появились шорские торговцы-баи — порождение русских купцов. Но это уже означало для шорцев конец истории доклассового периода, быстрому разложению которого чрезвычайно способствовала русская колонизация.

Таким образом, рассмотрение вопроса о формах разделения труда у шорцев показывает нам чрезвычайно низкий уровень развития производительных сил, соответствующий той ступени производства, которая находится за пределами „действительного развития“ (Маркс). А раз это так, то мы для уяснения действительного хода конкретного исторического развития шорцев должны уделить много внимания вопросам отношений родства, семьи, родовых связей, так как „согласно материалистическому пониманию, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно бывает двоякого рода. С одной стороны — *производство средств существования*, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — *производство самого человека*, продолжение вида. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими родами производства: степенью развития с одной стороны *труда*, с другой — *семьи*. Чем *меньше* развит еще труд, чем *ограниченнее* сумма его продуктов, а следовательно и богатство общества, тем *более* господствующее влияние на общественный строй оказывает родовой союз“² (курсив наш. Л. П.). Освещению этих вопросов мы и посвящаем дальнейшие страницы.

9. ПЕРЕЖИТКИ ПЕРВОБЫТНОГО КОММУНИЗМА

Исследованиями Маркса и Энгельса неопровержимо установлено существование в истории развития общества особой эпохи первобытного коммунизма, характеризующейся отсутствием общественных классов, частной собственности, государства и т. д. В позднейших работах Маркса

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи ... Партиздат, Москва, 1932, стр. 166—167. Это не значит, что шорцы не пережили первого и второго общественного разделения труда, мы не можем рассматривать развитие общественной жизни у шорцев изолированно от соседних племен. А при учете данного обстоятельства, следует сказать, что в общем процессе разделения общественного труда, который происходил среди населения Саяно-Алтайского нагорья, когда сначала произошло разделение этих племен на охотничьи и скотоводческие, шорцы принимали участие. Шорцы остались охотниками и развили также домашнюю железоделательную промышленность. Но внутри шорского общества общественное разделение труда не прошло своих первоначальных стадий.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи ..., Партиздат, 1932, стр. 6. В данном издании благодаря неправильности перевода заключительная часть последней фразы гласит: „тем более господствующее влияние на общественный строй оказывают отношения родства“. Мы же пользуемся более точным переводом. См. И. Н. Винников. Тщательно издавать классиков марксизма. Сов. этнография, 1932, № 4, стр. 144.

эта эпоха доклассового общества называется архаической формацией.¹ В основе архаической формации лежал первобытно-коммунистический способ производства.

Основными признаками первобытного коммунизма, согласно исследованиям основоположников марксизма, является: коллективное производство, коллективная собственность на основные средства производства и коллективное, коммунистическое распределение продуктов производства. Маркс указывал, что коллективный характер производства неизбежно должен был существовать на ранней стадии развития того или иного человеческого общества, так как уровень развития производительных сил на заре истории образования человеческих обществ был настолько низок и слаб, что коллективное производство становилось закономерной исторической необходимостью.

Каждый производитель, взятый в отдельности, был слишком слаб и ничтожен, чтобы самостоятельно обеспечить себе возможность существования. Только путем объединения в коллективы мог существовать первобытный охотник древне-каменного века, охотясь на крупных зверей, обеспечивая таким образом свое существование. Простейшие каменные орудия в руках одиночного охотника не могли обеспечить ему добычу крупного зверя, например, мамонта. Однако объединение первобытных охотников в производственные коллективы делало возможным успешный исход охоты на того же мамонта, с теми же каменными орудиями, что удавалось только благодаря коллективному характеру производственной деятельности. „Эти древние общественно-производственные организмы, — пишет Маркс, ... покоятся или на незрелости индивидуального человека, еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условия их существования — низкая ступень развития производительных сил труда“² (подчеркнуто нами. Л. П.).

Однако, сама первобытная кооперация являлась „результатом слабости обособленной личности, а не обобществления средств производства“.³ Таким образом, коллективное производство, или первобытная кооперация, в эпоху первобытного коммунизма являлись условием существования человеческого общества. Находясь в процессе материального производства в постоянной тесной связи, члены первобытного коллектива находились в одинаковом отношении к основным средствам производства. Поэтому основной формой производственных отношений первобытно-коммунистического общества являлась коллективная собственность на основные средства производства, которая с самого начала выступает как форма развития производительных сил этого общества до тех пор, пока более высокий уровень развития производительных сил не превратит ее в оковы

¹ См. письма Маркса к Вере Засулич. Архив Маркса и Энгельса, т. I, Москва, 1928.

² К. Маркс. Капитал, т. I, Гиз, 1930, стр. 37.

³ Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. I, стр. 272.

для их развития, пока противоречие между производительными силами и производственными отношениями в своем развитии не превращается в антагонизм, означающий гибель доклассового общества.¹ Коллективная собственность на основные средства производства была первой формой собственности: „Первая форма собственности — это племенная собственность, — указывали Маркс и Энгельс. Она соответствует неразвитой стадии производства, на которой народ живет охотой и рыболовством, скотоводством или, в лучшем случае, земледелием. В последнем случае она предполагает огромную массу еще неосвоенной земли“.² Взаимоотношение же между общей коллективной собственностью и коллективным производством сформулировано Марксом в следующем отрывке: „Те формы кооперации, господство которых в процессе труда мы находим на первых ступенях человеческой культуры, например, у охотничьих народов... покоятся, с одной стороны, на общем владении условиями производства, с другой стороны, на том, что отдельный индивидуум не порвал еще пуповины, связывающей его с племенем или общиной, и спаян с ним столь же тесно, как отдельная пчела с пчелиным ульем“.³ Коллективная собственность на основные средства производства — самый яркий, самый существенный признак архаической формации.

Из коллективного характера первобытно-коммунистического производства вытекал и коммунистический характер распределения, так как исследованиями Маркса установлено, что распределение определяется системой производства.⁴ Поэтому Маркс, касаясь вопроса о древних архаических общинах, пишет: „работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления“.⁵ Об этом весьма определенно высказался и Энгельс в „Анти-Дюринге“.⁶

Вот, в основном, наиболее яркие и существенные признаки первобытного коммунизма. Мы не останавливаемся здесь на рассмотрении стадий, которые проходила в своем развитии архаическая формация, не затронули и вопроса о характере основного, ведущего противоречия этой формации. Для выяснения вопроса о существовании у шорцев, еще в сравнительно недавнее время, первобытного коммунизма вполне достаточно подчеркнуть только основные признаки первобытного коммунизма,

¹ О качественном различии противоречия и антагонизма см. Ленинский сборник, т. XI, стр. 383.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Немецкая идеология. Сочинения, т. IV, стр. 12; К. Маркс. К критике политической экономии, Гиз, 1929, стр. 20, Энгельс. Анти-Дюринг. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XIV, Партиздат, 1931, стр. 150, 178, 463. Общая земельная собственность родовых общин как исходный пункт истории.

³ Капитал, т. I, Гиз, 1930, стр. 250; Энгельс. Конспект первого тома „Капитала“ Маркса, Партиздат, 1932, стр. 41.

⁴ См. К критике политической экономии; К. Маркс. Капитал, I, Гиз, 1930, стр. 36.

⁵ Архив Маркса и Энгельса, т. I, стр. 284.

⁶ См. главу „Распределение“.

как наиболее ранней социально-экономической формации, которую прошли в своем развитии все народы земного шара. К вопросам о стадии первобытного коммунизма у шорцев и характере ведущего противоречия нам придется обратиться в другой связи, именно, когда мы подойдем к рассмотрению процесса разложения первобытного коммунизма в Горной Шории на конкретном материале. Теперь же, установив главные признаки первобытного коммунизма, обратимся к конкретному шорскому материалу.

а) КОЛЛЕКТИВНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Несомненно, в прошлом у шорцев господствующей являлась коллективная форма производства. Наиболее яркие остатки ее сохранились в охотничьем производстве. Последнее обстоятельство вполне естественно, так как охота у шорцев является древнейшей отраслью производства; более того, в эпоху первобытного коммунизма у шорцев охота являлась ведущей отраслью производства. В условиях того времени охота была основным источником питания и носила резко выраженный потребительский характер. Это вполне понятно. В условиях доклассового общества, при отсутствии товарных отношений, охотились на зверя преимущественно ради мяса и шкуры, которые немедленно же потреблялись внутри данного коллектива. Отсюда специфическое направление охотничьего производства, выражающееся главным образом в охоте на крупных мясных зверей (сохатый, олень, марал, козел, медведь), доставляющих много мяса и дающих большие шкуры. Однако охота на крупных, быстроногих и чутких зверей могла производиться шорцами по необходимости только в коллективной форме. Эта необходимость вытекала из того крайне низкого уровня производительных сил, из той слабой технической вооруженности охотничьего хозяйства, о которых говорилось в главе, характеризующей производство у шорцев. Слабость развития производительных сил компенсировалась объединением охотников в коллективы, и только это давало возможность шорцам существовать, делая возможной охоту и на крупных зверей. Сказанное выше разъясняет и то обстоятельство, что наиболее яркие остатки коллективного производства у шорцев сохранились в охоте на крупных зверей, добываемых преимущественно ради мяса.

Наиболее древним остатком коллективного производства у шорцев следует считать, очевидно, облавные охоты. Нам не удалось записать таких подробных и ярких преданий об облавных охотах, как это сделано, например, Хангаловым для северных бурят.¹ Однако некоторые предания и уцелевшие пережитки некогда обширных облав, сопровождающихся последующим уравнительным распределением добычи между участниками, дают право говорить о существовании в прошлом у шорцев облавных

¹ Клеменц Д. и Хангалов М. Общественные охоты у северных бурят. Материалы по этнографии России, т. I, СПб., 1910, изд. Этнографич. отдела Русс. музея.

охот с вытекающим отсюда общим потреблением продукта. По рассказам охотников, живущих по р. Кондоме, в старину (т. е. в XIX в.) устраивали облавы на сохатых, маралов, оленей, козлов, причем облавы эти сопровождались иногда устройствами, куда старались загнать зверя. Бытующими остатками облав следует признать облавные охоты на медведя. Особенно широко практиковали шорцы коллективные охоты при помощи больших деревянных сооружений — загородей — (şeden на Мрассе; таң — на Кондоме) и засек (kes). Миссионер Вербицкий сообщает: „Для лося, оленя и марала делают городьбу, которая бывает версты на три, кое-где оставляя пустоту. Внутри городьбы наставляют от 200 до 300 луков“.¹ Вербицкий имеет в виду сторожевые луки-самострелы. Нам удалось беседовать еще с живыми участниками коллективных охот на крупных копытных зверей: лося, марала, оленя, козла.² Со слов стариков, участников коллективной охоты, последняя существовала у шорцев до недавнего времени. Она производилась осенью, когда лоси, олени, маралы и косули идут из Шории на зимовку в верховья р. Абакана. На пути этим животным приходится переплывать, а чаще переходить в брод р. Мрассу. В сентябре месяце шорские охотники уже начинали искать места переправы — „броды“ (kesig) животных. Нашедший такое место обычно ехал в свое селение и извещал об этом своих сородичей, в первую очередь ближайших родственников по отцу. Немедленно же образовывалась артель из 6—8 человек и отправлялась к месту брода устраивать городьбу (şeden). Городьба шла параллельно течению реки на расстоянии 40—60 метров от берега, общим протяжением около километра, с таким расчетом, чтобы выше брода по течению городьба имела протяжение около четверти километра и ниже брода несколько больше половины километра. Загородка концами делала поворот к реке и примыкала вплотную к берегу. На обоих концах ее ставились замаскированные шалаши-караулки, где помещались стрелки-охотники. На противоположном берегу выше и ниже брода наваливался валежник, срубались деревья с той целью, чтобы животные охотнее шли избранным бродом и искусственные заграждения препятствовали бы возможности изменить место брода на данном участке. Городьба имела узкие проходы, куда вставлялись петли (кы), сплетенные из волокон кендыря.

Построив загородку, часть охотников (нашедший брод и еще кто-нибудь один) оставалась караулить зверя, а остальные возвращались в селение и обязаны были вести работы по хозяйству не только у себя, но и в хозяйствах оставшихся на промысле товарищей. В это время обыкновенно происходила уборка посевов ячменя (жали, сушили снопы, молотили и т. п.). Работа в хозяйстве товарищей выполнялась в порядке обя-

¹ Алтайские инородцы, стр. 20.

² Старики: Садучаков Дмитрий, Адьяков Захар из рода Кызыл-Гая (улусы Уш-кайбук и Усть-пызас-Кобырзинского с/совета; Шулбаев из рода Кобый (верховья р. Кобырзу).

зательной помощи. Таким образом, работа охотников, объединившихся в артель, становилась общей не только на промысле в тайге, но и в хозяйстве, в селении. Тем временем оставшиеся караулить животных делали свое дело. Стоило только стаду оленей или козюль переплыть реку и выйти на берег, как из обеих караулок раздавались выстрелы. Перепуганные животные бросались вперед, натыкались на загородь, устремлялись в проходы и застревали в петлях. Все почти из них становилось добычей охотников. Вслед за этим посылалось извещение о добыче в селение, и участники устройства городьбы выезжали в тайгу, забирали добычу и все вместе возвращались в селение, где производился дележ добычи по принципу „orta relyş“, поровну, на равные паи. При этом дележе никому не давалось привилегии, даже нашедший брод, считавшийся „хозяином“ брода, получал такую же равную долю.¹ Его преимущество перед другими состояло в том, что он мог по своему усмотрению комплектовать артель. Однако и здесь он был ограничен существующими правовыми нормами. Он мог звать в артель только родственников по отцу („кагындаş“), и если почему-либо артель не могла организоваться по этому принципу, тогда допускалось позвать в артель родственников со стороны матери, обозначаемых общим термином для родства, „tugan“. Здесь несомненное свидетельство о силе влияния сложившегося отцовского рода, отсюда и предпочтение родственникам со стороны отца, как более близким.

Описанные коллективные охоты с большими сооружениями служат довольно ярким материальным выражением коллективного труда у шорцев, материальным выражением первобытно-коммунистических отношений. Подобные сооружения, в виде огромных загородей, могли возникнуть и существовать только в условиях коллективной собственности как на охотничью территорию, так и на данные сооружения, представляющие собой важнейшие орудия труда охотничьего производства того времени.

Остатком общности производства у шорцев следует считать также широко применяемое до последних дней артельное начало во время промысла. Даже при промысле пушного зверя, охота на которого по существу ведется в индивидуальном порядке, шорцы объединяются в небольшие артели. Количественный состав артелей непостоянен и колеблется от 2 до 6 человек. В возрастном отношении артель также разнообразна. В нее входят и старики, не принимающие непосредственно участия в охоте, и подростки, которые еще учатся стрелять. При разделе добычи все надеются полным паем. Продукты и огнестрельные припасы заготавливаются заранее. Огнестрельные припасы в некоторых артелях покупались сообща и составляли достояние всей артели, остатки их после охоты делились

¹ Местами, лет 30—40 тому назад, нашедший брод получал больше мяса, чем остальные.

поровну. У шорцев, живущих в системе р. Кондомы, продукты питания каждый приобретал самостоятельно.¹

Таким образом, в артельной охоте кондомских шорцев также нельзя не видеть пережиточных элементов бывшего коллективного производства. Последние более ярко выступают у охотников-шорцев, живущих в бассейне верхнего течения р. Мрассы. Здесь охотники объединялись на время зимнего промысла в небольшие артели, точно так же считая общим все добытое на промысле, и делили добычу уравнительным способом между участниками артели. Однако кроме этого архаические черты производства выступают здесь в самой организации указанных артелей. Охотничьи артели объединялись (*katyşlar*) по родственному принципу. У рода „ковы́“ объединение в охотничьи артели происходило предпочтительно из родственников по материнской линии. У родов „кызы́ га́я“, „кы́“ артели составлялись из сородичей по отцовской линии (*karındaş*). Более того, у рода „кы́“ в недавнем прошлом было предпочтительнее объединение наиболее близких родственников по отцу, членов одного и того же *töl*, т. е. фамилии. Иногда в артель включали и родственников по матери (*tugan*), но на это сердились и запрещали делать родственники по отцу, мотивируя тем, что родственники отца и матери принадлежат к разным родам, следовательно имеют различную охотничью территорию, и „пусть каждый у себя промышляет“. В предпочтении родственного принципа объединения артелей нам пришлось убедиться и у рода „kalar“. И. Д. Старынкевич отмечает это у шорцев улуса Кечин. Она сообщает, что шорцы данной местности составляют охотничьи артели из 6—8 человек, преимущественно родственников. В каждой такой артели раньше выбирался „ра́старь“ (руководитель, голова), который ведал распределением добычи.² Подтверждение последнего рода мы встретили у ряда родов. Так, например, у рода „кыза́й“ (*кызы́-га́я*), во главе артели стоял наиболее старший по возрасту охотник, называемый „*uluglar*“ или „*ulug kızı*“. Он руководил промыслом и делил добычу между охотниками. Делил поровну и сам получал точно такой же пай, как и другие.

У рода „ковы́“ охотничьим коллективом руководил обычно старик „*ulug kızı*“ (старший человек), который еще был в состоянии промышлять. Он указывал, какого зверя; где и как нужно бить, расставлял силы охотников; его беспрекословно слушались. Добытого зверя делили поровну, и только молодым охотникам здесь давали пай поменьше, хотя в том случае, когда молодой охотник в течение промысла удачно охотился и добывал много зверя, он получал размер своего пая наравне со старшими. У шорцев нижнего течения Мрассы руководитель артели нес

¹ В работе Ковалевского „Геогностическое и историческое обозрение частных золотых промыслов Алтайского края“ (Горный Журнал, 1836, кн. V, стр. 196) говорится, что одна из пещер на р. Кие называется „Общим станом“ „потому что татары, отправляясь на звериный промысел, всякий раз оставляли тут свои запасы и потом каждый приходил за ними...“

² Устное сообщение И. Д. Старынкевич.

такие же функции и назывался „ulug razъ“ (старшая голова). У рода „кѣ“ во время промысла артель во всех вопросах руководствовалась указаниями старшего (uluglarъ), которым обычно был старик или весьма пожилой, опытный охотник. Во время пребывания охотников на стане, на ночевках, каждый имел свое определенное место в охотничьем шалаше (odag или agъs) и не мог занимать место другого.

О месте и порядке размещения промышленников в охотничьем шалаше дает представление прилагаемый план, из которого следует, что порядок размещения охотников во время жизни в охотничьем шалаше связан с теми функциями, какие несет каждый охотник во время общего промысла, и отражает довольно определенное разделение труда, где не малую роль играет и возрастной момент. Согласно этому плану, артель размещалась равномерно по обе стороны огня, который раскладывали посредине почти по всей длине шалаша. Старший в артели помещался всегда в определенном месте, считаемом теперь почетным, от входа в левом дальнем углу. Обитатели каждой стороны охотничьего шалаша имели своего старшего по стороне, которому подчинялись только во время пребывания в стане и объединялись у общего котла. Руководитель артели одновременно являлся и старшим по левой стороне шалаша; старшим по правой стороне являлся наиболее взрослый и опытный охотник, который помещался всегда в правом от входа дальнем углу шалаша. Помимо общего руководства работой по хозяйственному обслуживанию охотничьего стана, на обязанность старшего возлагалось приготовление и распределение особого охотничьего, слегка возбуждающего напитка, называемого „abyrtkъ“, составлявшего весьма существенный элемент питания на промысле. Следующее место, считая от места старшего, ближе к входу, принадлежало помощнику старшего по стороне. На его обязанности лежала работа по приготовлению продуктов для варки пищи, особенно мяса. Последнее место находилось по обеим сторонам огня при входе. Его занимал младший член стороны по возрасту, на его обязанности лежала забота о поддержании огня, заготовке дров, воды и варке пищи. За ним весьма следили, чтобы он при варке пищи не перекипятил котел и не дал бы варящейся пище попасть на огонь. За это „повару“ делали строгие внушения, так как таким путем боялись упустить охотничье счастье, заключенное, по поверью, в котле. Всю дневную добычу отдавали старшему. Последний складывал снятые шкурки зверей в берестяную коробку (ерсеѣ) и перед уходом с промысла делил. Делил между всеми поровну. Ценную добычу, например, соболя, убивший должен был отдать старшему артели незаметно от других. Старший отдавал распоряжение варить лучше и обильнее пищу. На стане появлялось оживление, однако показывать и рассматривать такую добычу было нельзя. Снимали шкуру с такого зверя только накануне ухода, мясо съедали, а кости хоронили в тайге.

Сделанный обзор собранного нами материала в достаточной мере свидетельствует о недавней общности охотничьего производства у шорцев,

свежие следы чего еще бытуют буквально до наших дней. Так, еще и теперь охота на медведя, на выдру протекает в коллективной форме. Лет пятьдесят тому назад весьма обычной была коллективная ловля соболя при помощи сети, о чем есть определенное указание и у Адрианова.¹ Весьма важным обстоятельством следует считать родственный принцип организации охотничьих коллективов. Для определенных районов южной Шории (верхнее течение Мрассы) коллективный характер производства вращался в рамках рода, объединяющего своих членов по отцовской линии. Местами (род „кый“) коллективное производство ограничивалось более узкими пределами — пределами большой патриархальной семьи (təl),² а кое-где (род „кобий“) сохранились пережитки, указывающие на коллективное производство в прошлом в рамках материнского рода (предпочтительное объединение для промысла родственников по материнской линии). На ряду с этим нужно учитывать, что за последнее время родственный принцип организации охотничьих артелей не являлся исключаящим другие. Например, шорцы рода celei, живущие по правым притокам среднего течения Кондомы, собираясь в артель, руководствовались главным образом личными качествами охотников. Храбрость, неутомимость, знание тайги, долголетний опыт — считались качествами, ради которых пренебрегали родственным припципом.

Наконец, указания на былую общность охотничьего производства у шорцев можно пополнить ссылкой на существовавшие в недавнем прошлом некоторые охотничьи поверья. Ряд таких поверий запрещал во время коллективной охоты ссоры и ругань между охотниками, так как все это могло „разгневать“ „хозяина“ той горы или „хозяина“ той тайги, где протекал промысел, в результате чего охотников могла постичь неудача. При коллективном производстве ссоры и ругань между промыслиющими вместе охотниками, естественно, не допускались общинной этикой в интересах укрепления коллективного производства. С течением времени указанная этическая норма была зарегистрирована религиозными воззрениями в виде отмеченных поверий.

6) КОЛЛЕКТИВНАЯ СОБСТВЕННОСТЬ

Выше уже было указано, что коллективная собственность является конститутивным признаком первобытного коммунизма. Коллективная форма собственности является первоначальной формой собственности, которая сразу же выступает как форма развития чрезвычайно слабых производительных сил первобытно-коммунистического общества. Поэтому представляется весьма существенным установить у шорцев существование

¹ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 319.

² По сообщению шорца, аспиранта Инст. народов Севера Г. Ф. Бабушкина, в низовьях р. Мрассы, при коллективных охотах на выдру и медведя охотник, обнаруживший зверя, зовет на промысел ближайших родственников по отцу и не должен приглашать родственников по линии жены, что вызывает осуждение.

в прошлом коллективной формы собственности на основные средства производства. Таковыми у шорцев при господстве охотничьего производства являлись, несомненно, охотничьи угодья, представляющие собой горную тайгу, во всех направлениях изрезанную речками и в свое время изобиловавшую зверем.

До Октябрьской революции леса Горной Шории номинально составляли частную собственность царствующего императора, который на этом основании получал с шорцев ренту продуктами — ясак, вносимый пушным зверем. Однако, по смыслу закона Сперанского 1822 г., земли шорцев передавались во владение родовых старост с условием общинного пользования ими для всех шорцев. Юридически каждый шорец мог промыслять зверя на всей обширной территории Горной Шории. Русское законодательство не предусматривало распределения охотничьей территории между родами, обитающими в Шории. Тем не менее еще недавно такое распределение территории существовало помимо русских законодательных норм. Рассмотрение такого распределения охотничьей территории у шорцев, опиравшегося на нормы обычного права, и послужит предметом нашего исследования.

Еще Георги писал „о кузнецких татарах“: „Каждое колено (род. Л. П.) живет особо и в собственных своих рубежах“.¹

По преданию, записанному нами от 88-летнего старика Сафрона Тепчегешева из рода „кзыл-җор“,² в отдаленные времена охотничья территория Шории не была поделена между родными, и каждый промыслял, где хотел, и в Шории можно было промыслять кому угодно. Однако впоследствии это положение было изменено, и тайга была разделена. Когда и как это происходило, Сафрон не помнит, так как предание это он слышал в детском возрасте от своего деда. И это, вполне возможное по существу, положение невозможно установить за отсутствием источников. Одно из наиболее ранних сообщений по этому вопросу, относящееся к роду „кы“, обитающему в Шории, принадлежит Палласу и определенно указывает на разделение охотничьей территории. Паллас пишет: „Понеже в их дачах соболей промысел не корыстен, то чтоб заплатить ясак, подходят они в леса по ту сторону Енисея в Красноярскую волость. Однако Койбальцы, кои по некакому праву присваивают места сии к себе, им ловить тут мешками не дают, и коли поймают, то, отняв добычу или снасть и поколотив, домой отпускают“.³ В таком именно положении оказались шорцы, по рассказам стариков, выселенцы из Кузнецкой тайги на Таштып и его притоки лет 100—150 тому назад, когда абаканские охотники не пускали их в свои тайги, а кузнецкие в свои. И до сих пор шорцы, чаще всего род „кы“, стараются зайти на промысел в Абаканские тайги, и их

¹ Описание . . . народов, II, стр. 141.

² Живет около устья р. Узас, Колзаский с/совет.

³ Паллас. Путешествие . . . , ч. III, стр. 515.

гонят оттуда, как и во времена Палласа.¹ Подобный же материал находим у А. В. Адрианова. Он пишет: „Право каждого инородца промыслять орехи или зверя всегда строго ограничено известным местом; вся местность обитания черневых татар (т. е. северных алтайцев, в том числе и шорцев. Л. П.) разделена на отделы „тайги“, и в каждой хозяйничает тот или иной род (сёёк). Так, например, род таяшей (жителей Чегорала по р. Онзасу)² не имеет своей большой тайги, изобилующей зверем, и потому вынужден итти на промысел в тайгу, принадлежащую шелканам лебединским; за право охоты в чужой тайге таяши платят ежегодно от 50 к. до 1 руб. с каждого промышленника. В случае, если кто-либо заберется в чужую тайгу без спроса, у того отбирается все промышленное и кроме того виновный наказывается судом общества“.³ В другом месте Адрианов сообщает „Поколение Шелкан, живущее по Лебеди, не имеет своей тайги и удобных промыслов, кроме далеких вершин Абакана, поэтому оно охотится в соседней тайге, в верховьях Кондомы, и за то платит ее хозяевам — шорам ежегодную дань с каждой души, с каждого человека, отправившегося сюда на промысел“.⁴ Как пришлось нам лично убедиться из разговоров со стариками, каждый род промыслял только в своей тайге. Родовая собственность на охотничьи угодья строго охранялась. Вторжение в чужую родовую территорию рассматривалось как нарушение права родовой собственности и подлежало преследованию. В сеоке (роде) „selei“ нам рассказывали, как у них за подобное нарушение родовой границы били правонарушителя, отбирали добычу и выгоняли его из пределов своей территории. В улусе Ушкайбук (Кобырзинского с/совета) старик Василий Садучаков сообщил нам, что когда на охотничьей территории рода кызы-гаја заставляли промысляющих чужеродцев, их предупреждали о необходимости сохранять границы родовых промысловых угодий и просили отправиться в свою тайгу. Если первое предупреждение не достигало цели, приходили к этим охотникам в стан, требовали немедленно же убраться с территории данного рода, причем заходили в их шалаш и протыкали шилом берестяной сосуд, где находился напиток „абырткы“, выпуская его на землю. Если и после этого чужеродцы не уходили, тогда отбирали у них добытую пушнину, разрушали шалаш и прогоняли. По возвращении с промысла о случившемся заявляли своему паштыку (офиц. родовому старосте). Василий Садучаков отметил также, что паштыки поддерживали родовой характер собственности на охотничьи угодья, стыдили и наказывали розгами за нарушение прав родовой собственности, мотивируя это тем, что каждый род платит „alban“ (ясак), и если на его территории будут выбивать зверя чужеродцы,

¹ Н. Дыренкова и Л. Потапов, стр. 106.

² Таяш — род, обитающий в Шории.

³ Адрианов. Путешествие... стр. 316; Его-же. Кузнецкий край. Живопись. Россия, т. XI, стр. 292.

⁴ Кузнецкий край, стр. 292.

то добывание зверя в ясак будет весьма затруднено. Однако, — продолжал старик Садучаков, — в том случае, когда на территории какого-либо рода был неурожай зверя, члены данного рода обращались обычно за разрешением промыслять на территории другого рода. Обращались в тот род, где они больше всего брали женщин в жены, благодаря чему состояли в отношениях родства. Например, в неурожайные годы на зверя члены рода кы́ покидали свою родовую промысловую территорию, находившуюся в верховьях р. Абакана, и промыслили в верховьях р. Томи, на охотничьей территории рода „Кобы́“. Однако это разрешалось только тем членам род кы́, которые находились в отношениях родства с членами рода кобы́, т. е. имели среди кобы́ родственников (tugan). Если же данный человек из рода кы́ не имел родственников из рода кобы́, он прогонялся с кобы́-ской территории. Между прочим, по сведениям, собранным И. Д. Старынкевич, у шорцев „kesin“ захватчиков чужой охотничьей территории судил родовой суд. Старший в роде был судьей. Любопытно, что здесь, поймав на своей территории чужеродца, шорцы не отнимали у него добычи и не били его, боясь рассердить хозяина тайги.¹

Память о родовой собственности на охотничью территорию у шорцев еще настолько жива, что нам без труда удалось определить границы ее у ряда сеоков.

Так, например, промысловые угодья сеока кызыл-га́а находились в верховье р. Томи в местности, обозначаемой общим термином „şor tajga“, точнее же, угодья по речкам „kajtyrk“, „şor-sug“, „oj-разь“, в верховьи р. Tölber (так назыв. „Saryg-tajga“), Рьşкамсь, Ральктыг. Род „кобы́“ имел свою территорию в системе р. Томи по речкам Kozugol, „Tuzak-sug“, „Кы́-sug“, „Казык аштыг“, по р. Сың-zas. Так как род кобы́ имел довольно много родственников из рода кызыл-га́а, то многие из кобы́цев промыслили и на территории рода кызыл-га́а по речкам: „Ральктыг“, „Рьşкамсь“, „Şor-sug“. Некоторые кобы́цы пытались охотиться также в верховьях р. Кемчика и его притока Неени, но их часто прогоняли оттуда сойоты. Род „кы́“ считал своей тайгой места в верхнем течении Абакана по рр. „btyl“, „Tardaş“ „Кызас“. Охотничья территория рода „karga“ была расположена по р. Terek-sug, притоку Томи. Охотничьи угодья рода „кызыл-şor“ находились в верховьях Абакана по р. Kajly-sug, однако эту территорию считали своей шелканцы (роды, обитающие по р. Лебедь и ее притоку Байгол) и последние прогоняли отсюда шорцев. Шелканцы считали своей территорией верховья Малого Абакана и прогоняли оттуда роды „кы́“ и „кобы́“, предварительно отобрав пушнину. А. В. Адрианов сообщает: „Тайга в вершинах Кондомы принадлежит

¹ Ср. сообщение А. Янушевича: „Куда ходили деды, отцы, туда и новое поколение, постепенно закрепляя за собой определенные охотничьи угодья. Если в эти места приходил „чужой“, то его выгоняли или отбирали добытую пушнину и отправляли в свой улус на суд стариков“ („Обследование охотничьего промысла Горной Шории“. Материалы по изучению Сибири, т. III, Томск, 1931, стр. 93).

Шорам“,¹ имея в виду сеок „шор“. У рода „kalar“, обитающего в системе Кондомы, родовая охотничья территория охватывала группу вершин горы Мустага и до последних лет (даже после Октябрьской революции) каларцы гнали отсюда шорцев рода celei, обитающих в районе Среднего Челея. Данных примеров вполне достаточно, чтобы признать существование у шорцев коллективной родовой собственности на главное средство производства — на охотничьи угодья.

Равным образом, коллективная собственность существовала у шорцев и на кедровники, где собирали кедровый орех, промысел которого имел такое огромное значение. Собственность на эти угодья имела также родовой характер. Каждый сеок имел свое место для сбора кедровых орехов. Такое место носило название „ragla“, что означает собственно „место лазания (от глагола rak — лезть), ибо промысел кедрового ореха связан с лазанием по кедрам с целью сбивания ореховых шишек. Бить и собирать орех в чужом „ragla“ также считалось нарушением родовой собственности, родовые кедровники так же охранялись от чужеродцев, как и охотничьи угодья. В связи с этим не будет лишним привести несколько примеров родовой принадлежности тех или иных кедровников (которые, между прочим, довольно часто находились и в границах родовых охотничьих территорий). Сеок „кзыл-гаја“ имел родовые кедровники в верховьях рек Sajm, Porlug и на горе Kara-tag. Кедровники, находившиеся в верховьях р. Kobьrsu, считались родовой собственностью сеока kobьj.

На ряду с этим шорцы отрицают существование родовой собственности на водоемы для рыбной ловли, утверждая, что рыбу ловить можно было всем, где угодно. Это должно казаться вполне правдоподобным, если учесть, что Горная Шория изобилует речками, отличающимися богатым содержанием рыбы. Последнее обстоятельство при слабом развитии и узко потребительском натуральном характере рыболовства в Шории в достаточной степени разъясняет указанную форму собственности на водоемы. Эта форма коллективной собственности, вероятно, должна быть определена, как предшествующая родовой собственности, которая не получила своего дальнейшего развития в силу отсутствия для этого достаточно сильных экономических причин.

Иначе обстояло дело с собственностью на землю, занимаемую под посевы. Как известно из главы, характеризующей материальное производство, лесное мотыжное земледелие у шорцев играло важную роль в качестве подспорья при зверовом промысле, а для некоторых районов Шории имело в последнее время весьма существенное значение. Оставляя пока в стороне вопрос о различных формах собственности у шорцев на пахотную землю, ограничимся в данной связи указанием только на то, что и здесь коллективная собственность имела место.

¹ Адрианов, ук. соч.. 199; Его же. Кузнецкий край, Живопись. Россия, XI, стр. 292.

По сообщению стариков из урочища Ушкайбука (сеок кьзыl-гаја), до землеустроительной реформы 1913 г. горы и узкие долинки, пригодные к расчистке для посевов (kra salcъn ser), считались, также в пределах сеока, общей родовой собственностью. Каждый член рода мог беспрепятственно обрабатывать землю абылом (мотыгой). Обработка земли происходила отдельными семьями. Расчищенная из-под тайги для пашни земля считалась во владении обрабатывающей ее семьи до тех пор, пока данная семья не бросала этот участок. Обычно бросали поле после трех лет посева, ибо после этого срока оно настолько сильно зарастало таежной растительностью, что справиться с сорняком при существующей у шорцев технике земледелия не представлялось возможным. В верховьях Кобырзу старик Шулбаев из рода Кобыj утверждал, что до землеустройства в каждом сеоке была своя пахотная земля. Склоны гор, пригодные для земледелия (kra salcъn tag), считались собственностью сеока и каждый мог обрабатывать их под пашню, однако обработка производилась общими силами только ближайших родственников по отцу.

Рассмотрев конкретный материал, мы вправе теперь сделать совершенно аргументированный вывод, что еще недавно у шорцев фактически господствовала коллективная родовая собственность на основное средство производства — на землю, включая в это определение охотничьи угодья и пахотную землю. Номинально же земли Шории считались частной собственностью царя. К изложенному выше можно прибавить, что коллективная собственность распространялась и на крупные орудия труда (загороди и загоны), сооружение которых производилось коллективно, и даже на выслеженного или раненого зверя. В старину, говорил нам старик Шулбаев, если „кобыец“ находил медвежью берлогу, он оповещал об этом прежде всего родственников по матери, а на памяти Шулбаева уже только родственников по отцу. Еще не убитый медведь с этого момента уже считался общим и кто бы из родственников его ни убил, мясо делили поровну между всеми родственниками, оповещенными о нахождении берлоги. У сеока „kalar“ медведь, обнаруженный в берлоге, считался также общим для круга близких родственников по отцу. Нашедший медведя ставил „tanma“ (отметку, тавро) на близ стоящее дерево и извещал ближайших родственников по отцу: „азьг цязь ebir saldъm“ — ‘медвежью берлогу я окружил’; после этого шли поднимать медведя и делили его по тому же принципу, что и кобийцы. Кобийцы же сообщили нам еще такой факт. Когда на след одного и того же зверя нападали два охотника, то независимо от родственных отношений поступали следующим образом: если охотник, идущий по следу зверя сзади другого охотника, нагонял первого охотника еще до того момента, пока зверь был убит, в таком случае зверь считался общим и подлежал равному разделу независимо от того, кто убил его. Если второй охотник нагонял первого тогда, когда он уже убил зверя, добыча считалась принадлежавшей убившему охотнику.

В заключение отметим еще одну деталь из быта шорцев, так же свидетельствующую о широком распространении в прошлом коллективной собственности. По сообщению С. Е. Малова, у шорцев еще в 1908 г. находились в общей собственности снаряды, необходимые для выкуривания вина (распивание которого, надо сказать, происходит всегда коллективно, независимо от имеющегося количества). С. Е. Малов пишет об общественных заводах, представляющих собой „небольшое укромное место, обнесенное плетнем, около какого либо ручья с холодной водой. Здесь орудия для выкуривания вина: очаги, кубы, холодильники, кувшины — все предметы общественной собственности, предметы общественного пользования“.¹

в) КОЛЛЕКТИВНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Не менее яркие остатки первобытного коммунизма у шорцев мы находим и в области распределения и потребления продукта. Это вполне закономерное явление. Коллективное распределение теснейшим образом связано с коллективным производством и коллективной собственностью, составляя с ними неразрывное единство. Исчерпывающие исследования Маркса показали глубокую органическую связь между системой производства и системой распределения. Маркс посвятил данному вопросу специальный раздел в „Введении к критике политической экономии“, где с предельной ясностью установил зависимость способа распределения от способа производства. Это безусловно относится и к первобытно-коммунистическому способу производства, о чем у Маркса имеются прямые указания, например: „В общинах более древних работа производится сообща, и общий продукт, за исключением доли, откладываемой для воспроизводства, распределяется постепенно, соразмерно надобности потребления.“² В эпоху первобытного коммунизма у шорцев также господствовала коллективная система распределения продукта, с неизбежностью вытекавшая из коллективного характера производства и из коллективной формы собственности.

Нам надлежит рассмотреть остатки этого явления в их дошедшем до нас виде, чтобы на основании привлеченного фактического материала обосновать наше положение.

Шорцы-охотники верховьев Мрассы, объединяясь в артель, имели на промысле общее питание. Вся добыча перед уходом с промысла складывалась вместе и затем делилась между участниками уравнительно. Во многих случаях полным паем наделялись и подростки. Шкуры ценных зверей продавались и в раздел шли деньги. Деньги делились также поровну. Мясо крупных зверей, если его не успевали съесть на промысле, разрубали на равные части. У шорцев, живущих в среднем течении Кондомы, стрелок,

¹ Несколько слов о шаманстве у турецк. населения Кузнецкого уезда, Жив. старина, 1909, в. II—III, стр. 39.

² Архив Маркса и Энгельса, т. I, М., 1928, стр. 284.

сразивший ценного, крупного зверя, в виде привилегии получал голову зверя. Последнее самими шорцами объяснялось представлением об охотничьей удаче. Религиозные воззрения шорцев наделяли зверей „душой“. Считали, что „душа“ зверя находится в носу. Овладеть „душой“ зверя необходимо было для „обеспечения“ удачной охоты на этого зверя в будущем. Поэтому шорец, убивший соболя или лисицу, отдавал шкурку в общий раздел, но отрезал кончик носа и уносил его домой.

Довольно ярко выступает пережиток первобытно-коммунистического распределения у всех мрасских шорцев в обычае, по которому при коллективной охоте на какого-либо зверя наделяли паем и случайно присутствовавшего при этом, или случайно подошедшего человека. Вот почему некоторые шорцы, живущие в верхнем течении Мрассы, узнав, что в таком-то селении поймали крупного мясного зверя, шли за несколько километров, чтобы поесть и принести еще с собой мяса. Отказать было нехорошо, считалось стыдом, особенно если попросивший человек был сородич. И только за последнее время, добавил сообщавший нам эти сведения Захар Адьяков,¹ находились „жадные люди“, которые нарушали старое правило. Старик Карастай² сообщил следующий факт. Раньше, когда идешь с добычей по тайге и повстречаешь охотника, даже незнакомого, у которого добычи нет (ружье плохо бьет или заболел, стрелять не может, или молодой очень и плохо стреляет), обязательно дашь немного своей добычи. С другой стороны, был обычай для молодых охотников, состоявший в том, что при встрече в тайге молодого охотника со стариком нужно было обязательно подарить старику часть своей добычи, так как стариков раньше шибко уважали и звали *ulug kizi* (большой человек). Старик Шулбаев привел другой подобный же пример. Если в тайге встречались два охотника в такой момент, когда один из них стрелял зверя, в таком случае убитого зверя делили пополам.

Полным паем добычи наделяли стариков, которых брали на промысел специально рассказывать в долгие зимние вечера сказки, когда утомленные за день охотники соберутся вечером на стан. Делается это для того, чтобы снискать расположение духов — хозяев гор, которые любят слушать сказки и за полученное удовольствие расплачиваются зверем. По существу это нужно рассматривать, как магический прием, имеющий целью благоприятно повлиять на производство.

Магическое воздействие на производство считалось производительным трудом, поэтому выполнявшие данную функцию наделялись полным паем при разделе добычи.

Пережитки общего потребления сохранились у шорцев не только в совместной жизни охотников на промысле. Они имели место и по возвращении в селение. Это довольно ясно можно видеть в широко распро-

¹ Живет в улусе Пызас, из рода кзыл-гаја.

² Из рода кзыл-гаја, живет в улусе Таска Кобырзинского с/совета.

страненном обычае „sak“, который состоял в следующем. Ко дню прихода охотников с промысла из тайги в селении семьи охотников готовили встречу (sak),¹ для которой специально выкуривали вино из ячменной браги или из корней кандыка. Когда артель возвращалась в селение, все участники ее собирались сначала у старшего охотника. Старший охотник брал приготовленное вино, „угощал“ им сначала огонь, а потом своих спутников. Угостившись и выпив все вино у старшего охотника, шли к следующему старшему по возрасту и то же самое делали у него. Таким образом обходили всех охотников, и коллективное угощение затягивалось на несколько дней. Мясо крупных зверей, убитых на охоте, делили поровну, и каждый охотник, получивший свою долю, делился прежде всего с отцом и ближайшими родственниками по отцу. Разумеется, обязательность угощения для всех артельщиков и деление мяса с родственниками должны рассматриваться как пережиток первобытно-коммунистического потребления. Можно привести еще и другие примеры. Когда кто-нибудь из шорцев колол скотину, он всегда приглашал родню и соседей есть мясо. Особенно это являлось обязательным, когда шорец покупал и колол sogum'a (лошадь, негодная для хозяйственных целей). Наевшись, гости уходили со словами благопожелания: „Если будешь колоть второго согума, пусть жиру будет толщиной в три пальца.“ Еще в 1927 г. нам лично пришлось наблюдать в бассейне р. Кондомы, что мясо шорцы едят всегда при большом стечении народа. Вербицкий отмечает больше того: „Люди бедные, не имеющие у себя тутмаша (похлебка из кусочков вареного теста с добавлениями мелкой сушеной рыбы или кусочков мяса. Л. П.), идут ужинать в соседние юрты, где всегда принимаются как члены семейства. Замечательно, что если детям дать несколько сухарей, то они непременно разделят это лакомство со всеми находящимися в юрте“.² В этом же смысле пишет и А. В. Адрианов: „Если семья состоит из престарелых родителей и малолетних детей, ее содержат, ей помогают работой по хозяйству сородичи и соседи“.³ Проверяя эти факты у стариков, мы во многих случаях могли убедиться в справедливости их и пополнить их новыми. Например, кто намолотил осенью ячмень, обязательно делился с тем, у кого ячмень не родился, исходя из того, что в следующем году может случиться наоборот. Такая помощь носила название „edyške“ (букв. „заем“) и предполагала взаимную услугу в той же мере. Первый урожай хлеба также сопровождался общим угощением. Однако в ряде примеров, рассказанных нам стариками как факты родовой помощи, нельзя было не заметить искусно замаскированной формы эксплуатации. Такие случаи относятся к тем примерам, когда в отношении „edyške“ вступает зажиточное и бедняцкое хозяйство. А имущественное неравенство у шорцев было довольно отчетливо видно еще во второй половине XIX в., о чем будет подробно ска-

¹ Сак, буквально — „ожидание“.

² Заметки кочевого алтайца. Вестник ИРГО, 1858 г.

³ Адрианов, стр. 326.

зано ниже. Поэтому обычай „одушке“ по форме своей может быть отнесен к эпохе господства первобытно-коммунистических отношений, однако в позднейшее время в эту форму сплошь и рядом вкладывалось диаметрально противоположное содержание.

Установив на фактическом материале у шорцев наличие ярких пережитков первобытного коммунизма, мы должны все же отметить, что эти пережитки отражают собой различные стадии, различные ступени в развитии первобытно-коммунистических отношений. Последние не являлись застывшими, они постепенно развивались, изменялись. Поэтому рассмотрение изменений этих отношений у шорцев должно составить задачу последующих разделов нашей работы.

О ЧЕРК 2

1. ПЕРЕЖИТКИ МАТЕРИНСКОГО И ОБРАЗОВАНИЕ ОТЦОВСКОГО РОДА

Советские историки-марксисты, подробно и глубоко изучая теоретическое наследство Маркса, Энгельса, Ленина, установили два основных, неоспоримых положения. Первое: эпоха доклассового общества, т. е. эпоха первобытного коммунизма, рассматривалась классиками марксизма как социально-экономическая формация, которую К. Маркс называл „архаической“ или „первичной формацией“.¹ Второе положение: первобытно-коммунистическая, доклассовая формация прошла в своем развитии ряд стадий. Это сформулировано Марксом в следующих кратких словах: „архаическое образование общества вскрывает перед нами ряд различных типов, отмечающих собой последовательные эпохи“.² Чрезвычайно ценно также и то, что, систематизировав и документировав отдельные исследования и мысли основоположников марксизма об эпохе доклассового общества как социально-экономической формации, советские историки-марксисты восстановили и те основные стадии в развитии доклассового общества, которые были гениально определены Марксом, Энгельсом, Лениным.³ Таким путем установлены следующие основные стадии в развитии доклассового общества: 1) дородовая, 2) родовая, 3) окончательное разложение первобытного коммунизма, заключительным этапом которого чаще всего является образование сельской общины. Данные стадии имеют дальнейшее расчленение. Из них особенно ярко и полно исследована Энгельсом родовая стадия: ее возникновение (как формирование материнского рода), расцвет материнского рода, его разложение, возникновение отцовского рода, его развитие и разложение.

В рамках имеющегося в нашем распоряжении преимущественно этнографического материала по шорцам, мы имеем возможность остановить свое внимание только на пережитках материнского рода и более подробно

¹ См. Письма Маркса к В. Засулич. Архив Маркса—Энгельса, т. I. Москва, 1928.

² Там же, стр. 291.

³ Критический итог наших историков в этом отношении и характеристика современного состояния изучения данного вопроса даны в работе С. Н. Быковского „Доклассовое общество, как социально-экономическая формация“. Сов. Этнография, 1934, № 1—2; во время печатания настоящей работы вышла книга С. Н. Быковского „Ленин и основные проблемы истории доклассового общества“, изд. Акад. Наук, М. — Л., 1935.

на образовании отцовского рода и его разложении. Однако, этому предположим некоторую вводную часть, в которой постараемся изложить основные взгляды Маркса—Энгельса на более ранние периоды первобытно-коммунистической формации, когда еще материнский род не сложился. Здесь мы будем пользоваться классическим сочинением Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“, о котором Ленин в своей знаменитой лекции „О государстве“¹ сказал: „Это — одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала“.¹

В предисловии к I изданию этой книги Энгельс писал: „Согласно материалистическому пониманию истории, определяющим моментом в истории является в конечном счете производство и воспроизводство непосредственной жизни. Но само оно бывает двоякого рода. С одной стороны, производство средств существования, предметов питания, одежды, жилища и необходимых для этого орудий; с другой — производство самого человека, продолжение вида. Общественные порядки, при которых живут люди определенной исторической эпохи и определенной страны, обуславливаются обоими родами производства: степенью развития, с одной стороны, труда, с другой — семьи. Чем меньше развит общественный труд, чем ограниченнее сумма его продуктов, а, следовательно, богатство общества, тем безусловнее господствуют над общественными порядками узы родства“.²

Таким образом Энгельс считал, что в эпоху первобытного коммунизма соотношение этих двух моментов (производство орудий производства и средств существования и детопроизводство), обуславливающих общественные порядки доклассовой формации, было таково, что на наиболее ранних стадиях ее узы родства имели более решающее влияние на общественные порядки, чем способы средств производства и существования. И только с развитием производительности труда ослабевают и, наконец, распадаются оковы родовых уз. Противоречит ли сказанное марксизму, как это может показаться на первый взгляд? Действительно ли общественные порядки на ранних ступенях развития человеческого общества определялись отношениями детопроизводства, отношениями родства? Не есть ли это непоследовательность материалистического учения?

Надо сказать, что так думающие люди были и есть. Однако, это люди — или совершенно не понимающие материалистического учения

¹ В. И. Ленин. Собрание сочинений, изд. 3-е, т. XXIV, Партиздат, 1932, стр. 364.

² Вторую часть цитаты со слов „Чем меньше развит общественный труд...“ цитирую по исправленному переводу. См. Е. Ю. Кричевский. Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первобытного общества. ГАИМК, вып. 90, посвященный пятидесятилетию со дня смерти Карла Маркса. М.—Л., 1934, стр. 219—220.

Маркса, или сознательно извращающие его. К последней категории людей относится прежде всех Г. Кунов, который обвинил Энгельса в измене... материализму.¹ Кунов приписал сначала марксизму следующее положение: яко бы марксизм говорит, что в основе всех общественных отношений, в том числе семейных, лежат экономические отношения. На этом, придуманном самим Куновым, основании, он обвиняет Энгельса в измене материализму.² В известной работе: „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“ Плеханов, напротив, пытается утверждать, что Энгельс никогда не изменял экономическому материализму, тем самым объединяясь с Куновым в определении материализма.³ По этому же поводу злорадствовал народник Михайловский. Он радовался, что Энгельс признал для известного периода истории преобладающее значение детопроизводства, а детопроизводство фактор не экономический. С предельной ясностью на все это ответил Ленин в полемике с Михайловским. Ленин писал: „детопроизводство — фактор не экономический. Но где читали Вы у Маркса или Энгельса, чтобы они говорили непременно об экономическом материализме? Характеризуя свое миросозерцание, они называли его просто материализмом. Их основная идея... состояла в том, что общественные отношения делятся на материальные и идеологические. Последние представляют собой лишь надстройку над первыми... Что же, уж не думает ли г. Михайловский, что отношения по детопроизводству принадлежат к отношениям идеологическим?“⁴ Высмеяв Михайловского, Ленин четко и неопровержимо разъяснил, что марксизм нельзя отождествлять с грубым, вульгарным экономическим материализмом, как это охотно делает Кунов. Но Кунову это нужно для его борьбы против марксизма, для протаскивания фашистских идей в науку. Поэтому он, как и Каутский, неустанно фальсифицирует марксизм.

Следовательно, признав для весьма раннего периода человеческого общества определяющим общественные порядки материальный факт детопроизводства, Энгельс неуклонно следовал разработанному Марксом и им материалистическому учению. Понятно отсюда, почему Энгельс обратил внимание на изучение первобытных, древнейших форм семьи, ибо изучение этих форм раскрывало тайны данного общества. В данном вопросе, используя знаменитые исследования Моргана,⁵ которые так высоко ценили создатели марксизма, Энгельс внес большую ясность в древнейшие пласты человеческой истории.

¹ Н. Kunow. Die ökonomische Grundlagen der Mutterherrschaft, „Neue Zeit“, 1897—1898. Русский перевод первой главы, „Научное обозрение“, 1898 г., № 3, стр. 458—459. Ссылка сделана по Кричевскому.

² Н. Kunow. Marxsche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie, т. II, 1921, стр. 128.

³ Подробнее об этом см. цит. работу Е. Ю. Кричевского.

⁴ В. И. Ленин. Сочинения, т. I, изд. 3-е, стр. 70. Что такое дружба народа? Партиздат, 1932 г.

⁵ Л. Морган. Древнее общество. Нов. изд. Л., 1934.

Как известно, Морган, изучая ирокезов, обнаружил, „что действующая у них система родства противоречит их фактическим семейным отношениям. У них господствовал тот обеими сторонами легко расторгаемый брак, который Морган обозначает названием „парная семья“. Таким образом, потомство такой супружеской пары было всем известно и всеми признавалось; не могло быть никакого сомнения насчет того, кого следует обозначать названиями: отец, мать, сын, дочь, брат, сестра. Но этому противоречит фактическое употребление этих выражений. Ирокез называет своими сыновьями и дочерьми не только своих собственных детей, но и детей своих братьев, а они называют его отцом, между тем детей своей сестры он называет своими племянниками и племянницами, а они его дядей. Наоборот, ирокезка называет своими сыновьями и дочерьми, на ряду со своими собственными детьми, детей своих сестер, а те называют ее матерью. Детей же своих братьев она называет своими племянниками и племянницами, а сама называется их теткой“.¹ Такая система наименования родства, когда одним термином обозначается целая группа, целый класс родственников, противоречащая действительным родственным отношениям, вытекающим из существующих форм семьи, была обнаружена Морганом у всех американских индейцев, у дравидов южной Индии, у древнейших обитателей Индии. В чем же тут дело? Как это можно объяснить? „При той решающей роли, — пишет Энгельс, — какую играет родство в общественном строе всех диких и варварских народов, значение столь широко распространенной системы не может быть сведено на-нет одними фразами... Обозначения отец, дитя, брат, сестра — не просто почетные названия, а влекут за собой вполне определенные, весьма серьезные взаимные обязательства, совокупность которых составляет существенную часть общественного строя этих народов“.² И разгадка была найдена. На Сандвичевых островах (Гавайя) Морганом была найдена такая форма семьи, которая в точности соответствует системе, родства северо-американских индейцев. „Но удивительно! Система родства действовавшая на Гавайях, в свою очередь, не совпадала с фактически существовавшей там формой семьи. А именно там все без исключения дети братьев и сестер называются братьями и сестрами и считаются общими детьми не только своей матери и ее сестер или своего отца и его братьев, но и всех братьев и сестер своих родителей без различия. Если, стало быть, американская система родства предполагает уже не существующую в Америке более примитивную форму семьи, которую мы еще действительно находим в Гавайи, то, с другой стороны, гавайская система родства указывает на еще более первобытную форму семьи, наличности которой мы, правда, уже нигде не можем доказать, но которая должна (курсив Энгельса) была существовать, так как иначе не могла бы возникнуть

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, М., 1932, стр. 28.

² Там же, стр. 29.

соответствующая система родства. „Семья, — говорит Морган, — представляет собой активный элемент; она никогда не стоит на месте, а движется от низшей формы к высшей... Напротив, системы родства пассивны, лишь через долгий промежуток времени они регистрируют прогресс, сделанный семьей, и претерпевают радикальные изменения лишь тогда, когда радикально изменилась семья“. „И точно так же, — прибавляет Маркс, — обстоит дело с политическими, юридическими, религиозными, философскими системами вообще“. „В то время как живая семья развивается, система родства окостеневает“.¹ Реконструируя историю семьи, Морган предполагал, что самое первобытное состояние человека характеризовалось полной свободой половых отношений. Каждый мужчина принадлежал каждой женщине и каждая женщина принадлежала каждому мужчине.

Энгельс же считал эту форму половых отношений неупорядоченной постольку, поскольку еще не существовало ограничений, установленных впоследствии обычаем. Но отсюда еще отнюдь не следует необходимость смешения всех без разбора в повседневной практике. „Отнюдь не исключается существование временных одиночных пар, какие теперь даже в групповом браке составляют большинство случаев“.²

Древнейшая форма семьи, существование которой может быть доказано и местами даже еще изучаться по пережиткам, — это групповой брак. Групповой брак — форма „при которой целые группы мужчин и целые группы женщин взаимно принадлежат друг другу и которая оставляет весьма мало места для ревности“.³

У шорцев, несомненно, некогда существовал групповой брак. Лучше всего это доказывается тем, что у них не изжита еще классификаторская система наименования родства. Например, термином „ulda“ шорцы называют братьев отца, родных и боковых, деда по отцу; братьев, родных и двоюродных, старших дядей по отцу, младше отца, называют одним и тем же термином „aça“. Младших братьев и сестер, родных и боковых, обозначают общим термином „tuḡma“, этим же термином дядя по отцу называет своих племянников. Существование классифицирующей системы для обозначения терминов родства у шорцев есть свидетельство существовавшего некогда группового брака, ибо, как показали исследования известного этнографа Л. Я. Штернберга у гиляков, эта номенклатура родства вполне соответствует нормам полового общения. Возраст здесь не играет никакой роли: в одном и том же классе сплошь и рядом числятся глубокие старики и юные подростки.⁴

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи, частной собственности и государства, Партиздат, М., 1932, стр. 29—30.

² Там же, стр. 36.

³ Там же, стр. 35.

⁴ Л. Я. Штернберг. Гиляки. Отд. оттиск из журн. „Этнограф. обозрение“ за 1904 г., стр. 23.

Пережитками группового брака, очевидно, следует считать у шорцев обычай, по которому невестка не должна называть по имени, обязана избегать разговоров и вообще всякого общения с мужской родней мужа, старше его по возрасту.¹ У рода „kalar“ женщина не может ничего давать непосредственно в руки старшей мужской родни мужа. Общераспространенным был в Шории запрет, который назывался „calan baş“ (обнаженная голова), который не позволял невестке появляться с обнаженной головой в присутствии старшей родни мужа.

Невестка не может входить в юрту старшего брата мужа. По сообщению Дыренковой, этот запрет иногда нарушается в силу необходимости. Так, например, если в юрте старшего брата есть ручная каменная мельница, а у младшего нет, то тогда невестка может ходить туда. Однако запрет этот снимается своеобразной церемонией. После свадьбы невестка вместе с мужем шла к его старшему брату в юрту и несла ему в подарок выкуренное вино. В ответ на это старший брат мужа дарил ей что-нибудь: чашку, ложку и после этого невестка могла заходить в юрту старшего брата мужа.

Данные запреты говорят о том, что в отдаленные времена вся старшая мужская родня мужа находилась в одном брачном классе с мужем и имела право полового общения с его женой. С разложением группового брака появились и упомянутые запреты. В данной же связи мы должны рассматривать у шорцев не только допустимость, но и желательность, после смерти жены, женитьбы на ее сестрах младше по возрасту. Вступающий в брак со старшей сестрой имел право жениться на младших. Несомненно, это „остаток былой общности мужчин для целой группы сестер“ (Энгельс), что ведет нас опять-таки к групповому браку. Точно так же мы нашли у шорцев следы былой общности женщин для группы мужчин в обычае, известном под названием „левирата“. После смерти старшего брата младший брат женился на вдове, если даже она была и второй женой.²

Наконец, на бывшее существование группового брака у шорцев указывают запреты между зятем (kyze), тещей (kaz ene) и старшей сестрой жены (egeçi). „Так, зять не имеет права называть их по имени, садиться на скамейку, на которой они спят, братья с ними за руки; не должен снимать в их присутствии шапки, а если уж снимет, то дарит кольца и только после этого уже все время имеет право быть без шапки в их присутствии“.³

¹ Частично об этом сообщает и А. В. Адрианов. Путешествие на Алтай, стр. 326; см. также Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 79.

² О левирате есть указания у Вербицкого: Алтайские инородцы, стр. 85; Его же. Записки миссионера за 1862 г. Прав. Обзор., 1863, февраль, стр. 145; Дыренкова. Родство и психические запреты у шорцев. Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР, под. ред. Л. Штернберга, Л., 1926, стр. 261.

³ Дыренкова, стр. 262; Вербицкий. Записки миссионера за 1861 г.

Даже приведенных примеров вполне достаточно, чтобы не сомневаться в былом существовании группового брака у шорцев.

Рассмотрим теперь, какие же древние формы семьи и в какой последовательности предлагает считать Морган. Разумеется мы это сделаем с неперменным учетом всех комментариев и замечаний, сделанных по их поводу Энгельсом.

Морган считал на основании гавайской системы родства, что из неупорядоченных половых отношений должна была образоваться первая форма семьи, где разделение брачных классов происходило по поколениям. Морган назвал ее кровно-родственной семьей. Деды и бабки в пределах одной семьи являлись мужьями и женами, так же их дети, т. е. отцы и матери; таким же образом дети последних составляли третий брачный круг, а их дети, уже правнуки первых, четвертый круг. При этой форме семьи половое общение было запрещено между родителями и детьми, между предками и потомками.

Запрет полового общения между родителями и детьми был большим достижением данной эпохи.

Зато братья и сестры, родные и боковые, являлись между собой супругами. „На этой ступени семьи достаточно быть братом и сестрой, чтобы само собой разумеющимся являлось взаимное половое общение“.¹ Наука не успела зарегистрировать ни одного примера такой семьи, но „признать, что такая семья должна была существовать, заставляет нас гавайская, по всей Полинезии еще и по ныне остающаяся в силе, система родства, выражающая степени кровного родства, какие могли возникнуть лишь при этой форме семьи; признать это заставляет нас все дальнейшее развитие семьи, предполагающее существование этой формы ее как необходимой первоначальной ее ступени“.²

Второй формой семьи, последовавшей за кровно-родственной, Морган считал семью „пуналуа“, в которой ограничение кровосмешения получило свое дальнейшее развитие. Из полового общения были исключены братья и сестры, вероятно, сначала единоутробные, потом и боковые. Морган видел в этом прогрессе действие принципа естественного отбора. Энгельс, соглашаясь с ним, идет дальше: „А как велико было влияние этого прогресса, доказывает непосредственно им вызванное и далеко перешедшее за первоначальную цель учреждение рода, который образует основу общественного порядка большинства, если не всех, варварских народов земли“. Здесь мы подошли к чрезвычайно важному моменту, к моменту образования, возникновения рода. На этом следует остановиться. Возвратимся к семье „пуналуа“. „Согласно гавайскому обычаю, группа сестер, единоутробных и более отдаленных степеней (двоюродных, троюродных и т. п.), были общими женами своих общих мужей, из числа

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи . . . , Партиздат, М., 1932, стр. 37.

² Там же, стр. 37—38.

которых, однако, исключались их братья; мужья эти называли уже друг друга не братьями, какими они могли и не быть на самом деле, а „пуналуа“, т. е. близкими товарищами, так сказать, компаньонами. Равным образом группа родных или двоюродных и т. д. братьев имела в общем браке известное количество женщин, но только не своих сестер, причем эти женщины называли друг друга „пуналуа“.¹ Следовательно, наиболее существенными признаками этой семьи являлись: 1) общность жен и мужей внутри определенной группы, 2) из полового общения были исключены братья и сестры. Эта форма семьи в точности соответствовала американской системе родства, где форма семьи уже была иная. Но каким же образом из семьи „пуналуа“ возник род? Дадим слово Энгельсу: „Если мы теперь возьмем из семьи «пуналуа» одну из двух основных ее групп, а именно группу родных и более отдаленных сестер (т. е. происходящих в первом, втором и более отдаленном колене от родных сестер) вместе с их детьми и их родными и более отдаленными братьями с материнской стороны (которые, согласно нашему предположению, не состоят их мужьями), то перед нами будет тот именно круг лиц, из которых впоследствии составлялся род в своей первоначальной форме. Все они имеют одну общую родоначальницу, от которой, в силу своего происхождения, все женские потомки каждого поколения считаются между собой сестрами. Но мужья этих сестер уже не могут быть их братьями, следовательно, не могут происходить от этой родоначальницы, следовательно, не входят в состав этой, основанной на кровном родстве группы, позднейшего рода; дети их, однако, принадлежат к этой группе, потому что решающую роль играет единственно происхождение с материнской стороны, так как оно одно не подлежит сомнению. Лишь только установили запрет полового общения между всеми братьями и сестрами, а также между самыми отдаленными родственниками боковых линий с материнской стороны, группа, о которой говорилось выше, превратилась в род, т. е. конституировался точно очерченный круг кровных родственников по женской линии, не могущих вступать в брак; такой род отныне все более и более укрепляется другими общими общественными и религиозными учреждениями и отличается от других родов того же племени“.² Вот как рисуется Энгельсу возникновение рода. Возникший род первоначально был материнским родом, потому что при групповом браке достоверной из родителей могла быть только мать, — поэтому и родословная велась по материнской линии.

Таким образом, типичной чертой матриархата Энгельс считал высокое положение в первобытном обществе женщины, вызванное вполне материальными причинами. Материальной основой „повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщин“ являлись — счет

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи . . . , Партиздат, М., 1932, стр. 39.

² Там же, стр. 41—42.

родства по женской линии (отец был неизвестен) и „коммунистическое домашнее хозяйство, при котором женщины все или в своем большинстве принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины распределяются по различным родам“.¹

Материнский род создавался в условиях первобытно-коммунистического хозяйства. „Как только возникло представление о непристойности половых отношений между детьми одной матери, оно должно было проявить заметное влияние при таких дроблениях старых и при возникновении новых хозяйственных общин (эти общины не обязательно совпадали с семейными группами)“.² В эпоху материнского рода муж поселялся в общине жены и имел не только права в отношении жены, но и обязанности по добыванию пищи для ее общины.

Выяснив в основных чертах наиболее существенные признаки материнского рода, мы можем приступить к доказательству того, что шорцы не составляли исключения из общего правила и так же некогда пережили стадию материнского рода, о чем свидетельствуют у них довольно обильные пережитки, особенно в области семейных отношений и религиозных представлений. Однако, отголоски материнского рода сохранились у шорцев не только в области надстроечных явлений, отличающихся особой консервативностью, их мы можем уловить и в производственных отношениях. Например, в предыдущей главе мы приводили ссылку на шорцев из рода „кобы́“, которые в старину, если находили берлогу с медведем, звали на коллективную охоту родственников прежде всего по линии матери. У шорцев рода „кзыл-га́ја“, в случае неурожая зверя в своих охотничьих угодьях, обращались к родственникам по матери с просьбой разрешить охотиться на их территории и такое разрешение давалось. Род „кобы́“ допускал охотиться на своей территории мужчин из других родов (напр. из рода „кы́“, если они были женаты на женщинах „кобы́“. У рода кобы́ раньше, при объединении в охотничьи артели, составляемые из родственников, предпочтительным принципом было объединение родственников с материнской стороны. Все это несомненно отзвуки пережитого материнского рода. Если обратимся в область семейных отношений, то здесь особенно ярко бросается в глаза роль дяди по матери, называемого по шорски „та́й“. Дядя по матери признавался шорцами до последнего времени едва ли не роднее отца. Во всех материальных затруднениях племянник обращался к дяде и дядя был обязан оказывать племяннику материальную помощь. Стоило племяннику выкурить вино и приехать к дяде с целью чего-нибудь попросить, как дядя беспрекословно исполнял просьбу племянника, если у него к тому была возможность. Если племянник женился, он также в первую очередь обращался к дяде „та́й“. Дядя помогал племяннику выплачивать калым и в свадебном обряде он играл

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 49.

² Там же, стр. 38.

главную роль, как бы заменяя отца жениха. Молодым строили временное свадебное жилище-шалаш (*odag* в низовьях Мрассы и „*рукра*“ в верховьях). Дядя по матери добывал и разжигал в этом жилище первый огонь. Во время свадебного пира, если жених не имел родителей, первый стакан вина преподносился „*тай*“. В свою очередь, племянник относился к дяде с материнской стороны с отменным уважением. „*До tai* — никогда не дотрагивались руками, ругаться с *tai* — наибольший стыд — *yjat*“. ¹ Уже одного этого достаточно, чтобы совершенно уверенно заявить о переживании шорцами матриархата. Вспомним, как Энгельс расценивал соответствующее место у Тацита о значении брата со стороны матери у древних германцев. ² Между прочим, есть еще весьма характерная особенность свадьбы у шорцев, также говорящая о былом матриархате. В процессе свадьбы у шорцев устраивается 5 пиров (*paɣa*). Из них 4 устраиваются в доме невесты. Это говорит за то, что в прошлом брак у шорцев был матриликальным (т. е. жених переезжал после женитьбы в дом невесты), что весьма характерно для матриархата. Вероятно, на матриликальность брака в прошлом указывают и запреты между зятем, тещей и старшей женской родней жены. Надо полагать, что они возникли в связи с ограничениями группового брака в эпоху материнского рода, когда господствовал матриликальный брак. Наконец, о матриархате свидетельствуют и современное название сородича у шорцев. Сородич обозначается термином „*каьндаш*“, что значит единоутробный (от „*каьн*“ — утроба), хотя счет родства ведется у шорцев исключительно по отцовской линии.

Господство женщины в производстве, общественной и семейной жизни нашло свое отражение и в религиозных воззрениях шорцев, где оно выражается в существовании женских божеств. При этом характерно, что женскими божествами являются наиболее древние божества. Огромное значение огня в хозяйственной жизни первобытного человека давно породило обожествление этого явления: вокруг огня и его обычного местонахождения — очага вырос целый культ и в разряде прочих родовых божеств огонь играет первое место. Ему приносится первая жертва, в отношении его существуют многочисленные запреты, имеющие целью почитание огня.

И вот огонь в представлении шорцев рисуется в виде женского образа, как это следует из специальных эпитетов для огня, которые сопутствуют религиозным обращениям к нему:

1) *Otus paštu ot ene* Тридцатоголовая мать-огонь.

2) *Altyn tondu ot ene* В золотой шубе мать-огонь.

Другое весьма древнее женское божество у шорцев — *Umaj-ene* — покровительница детей, известное еще у древних турков в енисейско-орхонских надписях (VI—VIII в.). ³

¹ Дыренкова, стр. 265.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 137—138.

³ П. Мелиоранский. Об Орхонских и Енисейских надгробных памятниках с надписями. ЖМНП, 1898, июнь, стр. 226; Его же. Памятник Кюль-Тегина. Зап. Вост. Отд. арх.

Высшее светлое божество у шорцев — Ульгень не знает отца, но имеет мать. Наконец, охотничьи мелкие и многочисленные духи в виде различных „хозяев“ гор и рек, происхождение которых, надо думать, весьма древнее, представляются шорцам в образе голых женщин.¹

Приведенные материалы вполне достаточны для доказательства существования в прошлом материнского рода у шорцев. Помимо важности для реконструкции процесса исторического развития у шорцев, настоящее утверждение имеет и общетеоретическое значение в том смысле, что лишний раз подтверждает глубину научного мышления Энгельса и опровергает фантастические измышления буржуазных „ученых“. Фашистская „наука“, в лице ее наиболее преданных теоретиков Кунова и Каутского, в лице представителей так называемой „культурно-исторической школы“ (кардинал В. Шмидт, патер Копперс, Гребнер и др.), ведет яростную атаку против незыблемых устоев подлинной науки о доклассовом обществе. Среди объектов фашистской атаки находится и матриархат. Фашистская наука во что бы то ни стало пытается опровергнуть тезис Энгельса о матриархате, как о всемирно-историческом явлении, которое пережили все народы. Это делается для того, чтобы спасти „вечность“ буржуазной семьи. Признать матриархат — значит нужно признать и групповой брак. Признать групповой брак, значит согласиться с утверждением Энгельса об историчности буржуазной моногамной семьи, которая возникла на определенной исторической ступени общественного развития и так же должна исчезнуть, как исчезнут классы, государство и т. п. категории современного буржуазного общества. Последнего же более всего боятся буржуазные „мыслители“, и они, напротив, стараются доказать и обосновать вечность буржуазных категорий. Кардинал, в то же время этнолог, В. Шмидт упрямо заявляет: „Моногамия, крепкая индивидуальная семья — старейшее и осязаемое состояние человечества“.² Патер Копперс, соратник кардинала Шмидта, также и Гребнер доказывают, что матриархат был известен не всем народам, а лишь тем народам, у которых в хозяйственной жизни имело большое значение женское земледелие.³ Г. Кунов и К. Каутский не отстают в усердии от патеров и также кричат о матриархате, как о частном историческом явлении, связанном с земледелием и последовавшим за патриархатом, последний же признается всеобщим

о-ва, т. XII, вып. II—III, 1899, стр. 71; Н. Козьмин. Классовое лицо „атасы“ Йолыг-Тегина. Сборник в честь С. Ф. Ольденбурга. Л., 1934. Акад. А. Самойлович („Известия“ № 292 от 15 XII 1934) сообщает об „Умай“ в новой находке надписей; Н. Дыренкова. Умай в культуре турецких племен. Культура и письменность востока. Книга III, Баку, 1928.

¹ Л. П. Потапов. Охотничьи поверья и обряды у алтайских турков, стр. 129.

² Familie, Handbuch der Staatswissenschaft, 1926, S. 927.

³ W. Koppers. Die ethnologischen Wirtschaftsforschung. Anthropos, 1915—1916. H. 5—6. Gräbner. Die sozialen Systeme in der Südsee. Zeitschrift f. Sozialwissensch., 1908, S. 681.

и связывается с охотничьим хозяйством.¹ Так возникла легенда о земледельческом матриархате.²

И в этом вопросе Кунов и Каутский, прикрываясь марксистскими фразами, употребляют излюбленный прием полемики: сначала извращают Энгельса, затем борются против придуманных извращений, упрекая Энгельса в измене материализму. Как известно, Энгельс связывал матриархат не с той или иной хозяйственной формой, а выводил его происхождение из следующих материальных причин. Во-первых, из исключительного признания родства по материнской линии, в виду невозможности правильного определения родного отца при групповом браке. Во-вторых, материальной основой „повсеместно распространенного в первобытную эпоху господства женщин“ Энгельс считал „Коммунистическое домашнее хозяйство, при котором женщины все или в своем большинстве принадлежат к одному и тому же роду, тогда как мужчины распределяются по различным родам“.³ Признание и счет родства исключительно по материнской линии и домашнее коммунистическое хозяйство, означающее господство женщины, эти материальные причины с точки зрения Кунова — „идеалистическое понимание материнского господства“.⁴ Кунов, видите ли, более материалистичен, так как связывает матриархат (когда он его признает) с определенной хозяйственной формой и выводит его из нее. Нужно ли доказывать, что здесь мы снова сталкиваемся с попыткой свести материалистическое понимание к грубому „экономическому материализму“? Нужно ли доказывать, что та или иная хозяйственная форма сама зависит от общего уровня развития производительных сил и им определяется? Шорцы — наглядный пример этому. Выше мы видели, что с древнейших времен почти до наших дней ведущей отраслью производства у них являлась охота на зверя. Тем не менее матриархат шорцы пережили. Напротив, мотыжное земледелие у шорцев в условиях горной тайги, хотя и являлось женским занятием, возникло несомненно позднее охоты и уже, конечно, не могло обеспечить существования жителям тайги, ради чего охотники-мужчины при женитьбе селились бы в роде жены. У шорцев, в эпоху матриархата, женщина не принимала участия в охоте. Только в эпоху колониальной политики царизма вынуждалась порой пойти на охоту и женщина. Так, по крайней мере, говорят предания, приведенные выше (см. „Охота“). Кроме того, на это указывают религиозные запреты, согласно которым женщина еще недавно не могла притронуться к орудиям

¹ Н. Kunow. Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts- und Staatstheorie, Bd. II; K. Kautsky. Materialistische Geschichtsauffassung, Bd. I.

² У нас в вопросе матриархата некритически воспринял концепцию Кунова и Каутского московский этнограф С. А. Токарев и таким образом объективно оказался в плену у фашистской науки. См. его работу „Родовой строй в Меланезии“. Сов. Этнография, 1933, № 5—6.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 48—49.

⁴ Кунов, стр. 128—129.

охоты и рыбной ловли. Надо думать, эти запреты отразили разделение труда древнего шорского общества, когда промыслы были исключительно мужским делом. Так легко разрушаются эфемерные построения фашистов при соприкосновении с фактическим материалом. Одновременно обогащаются новыми доказательствами положения, высказанные классиками марксизма. И на примере шорцев мы можем убедиться в справедливости тех материальных причин, какие Энгельс положил в основу объяснения происхождения матриархата. Если у шорцев уже нет следов о счете родства и материнской линии, то мы видели, что признание родства шло только по матери. Термин „karɣndaş“, применяемый теперь для обозначения родственников по отцу, буквально значит — ‘единоутробный’. При групповом браке у шорцев, следы которого еще улавливаются, несомненно родство могло вестись только по материнской линии. Что касается господства женщины в прошлом, в коммунистическом домашнем хозяйстве шорцев, то здесь мы привели пережитки „матрилокальности“, яркого свидетельства данного положения. Напомним хотя бы еще недавно существовавшее у некоторых родов право охотиться на территории родственников жены, родственников матери. Или тот факт, что из пяти свадебных пиров четыре пира, еще недавно, происходили в доме родителей невесты.

Приведенные материалы вполне подтверждают существование матриархата у шорцев.

Выше мы видели, что материнская стадия рода характеризуется тем, что отношения по детопроизводству являются решающими. Труд на этой стадии как производительный труд развит чрезвычайно слабо. Это особенно относится к шорцам, обитавшим в условиях горной тайги. Охота на зверя, таежное рыболовство, мотыжное земледелие, собирательство не могли в полной мере обеспечить развитие производства. Производство вращалось в узких рамках. Пищу приходилось добывать изо дня в день снова. Естественно, что в таких условиях слабого развития труда узы родства и на стадии материнского рода играли первостепенную роль в общественных порядках шорцев.

В эпоху материнского рода зарождается новая форма семьи. Формируется так называемая „парная семья“, которая произошла в результате дальнейших исключений из полового общения кровных родственников. „При такой все растущей запутанности запрещений брака, пишет Энгельс, групповые браки становились все более и более невозможными; они вытеснялись парной семьей. На этой ступени развития мужчина живет с одной женой, однако так, что многоженство и эпизодическая неверность остаются правом мужчин, хотя первое, в силу экономических причин, редко имеет место; одновременно с этим от женщин на все время сожителства требуется, в большинстве случаев, строжайшая верность, и за нарушение ее они жестоко караются. Брачные узы, однако, легко могут быть расторгнуты любой из сторон, а дети, как и прежде, принадлежат одной матери“. Но самое важное в этой форме семьи то, что „парная семья,

сама по себе слишком слабая и слишком неустойчивая для того, чтобы вызвать потребность или только желание обзавестись собственным хозяйством, отнюдь не разрушает унаследованного от более раннего периода коммунистического домашнего хозяйства. Но последнее означает господство в доме женщин".¹ (Разрядка наша. Л. П.) Иначе и не могло быть. Парная семья еще не составляла экономической единицы, как это пытаются утверждать фашистские ученые Кунов, Каутский,² которым нужно доказать вечность буржуазной семьи, частной собственности, классов, государства, и главной задачей которых поэтому является борьба против признания наукой первобытного коммунизма. О какой же экономической самостоятельности парной семьи можно говорить, когда муж и жена этой семьи принадлежат к разным родам и каждый экономически связан со своим родом. У шорцев раньше при женитьбе род платил калым за невесту и род помогал невесте составлять приданое. Как только умирал муж, жена, если не могла выйти замуж за брата мужа, уходила в свой род, но имущество, принадлежавшее ее мужу, оставалось в его роде, более того, род умершего мужа требовал возврата калыма, уплаченного за жену покойника. Напротив, вещи, принадлежавшие жене, и приданое ее возвращали в ее род. Если же родственники вдовы не возвращали калыма, ее не отпускали в свой род и положение ее тогда в роде мужа было довольно тяжелым. Вербицкий определяет такую вдову „вечной невольницей своего свекра“. В этих отношениях нельзя не видеть пережитков парной семьи. Парная семья, по терминологии Моргана, характерна для эпохи варварства. „Для того, чтобы парная семья развилась дальше в прочную моногамию, — пишет Энгельс, — нужны были иные причины, чем действовавшие до сих пор. Группа была сведена путем парного брака к своей минимальной единице, ее двухатомной молекуле: к одному мужчине и одной женщине. Естественный отбор завершил свое дело путем все далее идущих изъятий из брачного общения; в этом направлении для него уже ничего не оставалось делать. И если бы, следовательно, не появились новые, общественные движущие силы, то не было бы налицо причины для того, чтобы из парного брака возникла новая форма семьи. Но такие движущие силы действительно появились".³ Парной семьей кончается такой период в развитии человеческого общества, когда основным, определяющим все общественные порядки, моментом являлись родственные узы и все „развитие семьи в первобытную эпоху сводилось, следовательно, к посте-

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи . . . , Партиздат, М., 1932, стр. 46, 48.

² Н. Kunow. Die Marxsche Geschichts-Gesellschafts- u. s. w., Bd. II; Kautsky, Materialistische Geschichtsauffassung. 1927, Bd. I. Критику фашистских извращений марксизма в вопросах истории семьи дал Е. Ю. Кричевский в работе „Марксизм и социал-фашистские извращения в вопросах истории семейных отношений первоб. об-ва“. Изв. ГАИМК, вып. 90, 1934 г.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи . . . , Партиздат, М., 1932, стр. 53.

пенному суживанию того круга, первоначально охватывавшего все племя, внутри которого господствует супружеская общность между полами. Путем последовательного исключения сперва более близких, затем все более отдаленных родственников, наконец, даже просто свойственников, в конце концов, фактически становится невозможным всякий вид группового брака, и в результате остается одна брачная пара, пока еще не прочно соединенная, та молекула, с распадением которой прекращается и брак вообще“.¹ Каковы же новые общественные причины, продвинувшие дальше развитие общества и семьи, развитие которой теперь управлялось новыми законами, так как естественный отбор сделал свое дело? Эти новые общественные причины заключались прежде всего в развитии производительных сил, в поднятии уровня развития производительных сил на такую ступень, когда производительность труда в производстве средств производства и средств существования повысила количество продуктов труда и увеличила богатство общества настолько, что родственные узы стали терять свое жизненно-необходимое значение. На арену выступили экономические отношения. Чем мы можем определить тот уровень развития производительных сил, при котором случился этот перелом? Мы уже видели выше, что для этого может быть признан только один измеритель — это разделение труда.

В эпоху материнского рода достигло четкого различия разделение труда по полу. Его описывает Энгельс: „Разделение труда — чисто естественного происхождения; оно существует лишь между полами. Мужчина ведет войну, идет на охоту и рыбную ловлю, добывает пищу в сыром виде и необходимые для этого орудия. Женщина работает по дому и занята изготовлением пищи и одежды, варит, ткет, шьет... Домашнее хозяйство ведется на коммунистических началах для нескольких, часто многих семей. То, что делается и используется сообща, является общей собственностью: дом, огород, лодка“.² Далее Энгельс рисует картину, как люди приручили животных, возникло скотоводство, пастушеские народы выделились из остальной массы варваров, и произошло „первое крупное общественное разделение труда“.³ Это не замедлило сказаться и в области семейных отношений. Скотоводство сделалось основой хозяйства. Оно во много раз лучше охоты обеспечивало потребности человека. Так как скотоводство являлось мужским занятием, это привело к перемещению центра тяжести общественного производства исключительно в область мужских занятий.

Последнее обстоятельство привело к тому, что роль женщины в общественной жизни упала, а мужчина выдвинулся на первое место. С переходом стад в частную собственность глав семей явилась необходимость передачи накопленного богатства детям главы семьи. При материнском

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 47.

² Там же, стр. 160.

³ Там же.

праве дети не наследовали имущества отца, так как они принадлежали к роду матери и после смерти отца оставались с матерью в ее роде, а родственники умершего отца делили его имущество. „Его собственные дети оказывались лишенными наследства. Таким образом, по мере возрастания богатства, они, с одной стороны, доставляли мужу более влиятельное положение в семье, чем жене, и порождали, с другой стороны, стремление использовать это упрочившееся положение для того, чтобы опрокинуть исконный порядок наследования в пользу своих детей“.¹ И это было сделано довольно легко, „ибо эта революция, — одна из самых решающих, какую пережило человечество, — отнюдь не должна была затрагивать интересы хотя бы одного из живых членов рода... Достаточно было простого решения, что на будущее время потомство мужских членов остается в роде, тогда как потомство женских членов исключается из него, переходя в род своего отца. Этим отменялось определение происхождения по женской линии и наследования по матери“.²

Таков общий ход ниспровержения материнского права, которое Энгельс называл *„поражением женского пола, имеющим всемирное историческое значение“* (курсив Энгельса).³ Однако, в зависимости от местных условий, процесс этот протекал в различных вариантах, примером чему могут служить шорцы. Это не уменьшает ни в какой степени значения только что изложенного анализа Энгельса. Закономерности этого перехода у шорцев были те же и только конкретные формы данного процесса имели здесь несколько иной вид. Ибо „один и тот же экономический базис, — писал Маркс, — один и тот же со стороны главных условий, благодаря бесконечно различным эмпирическим обстоятельствам, естественным условиям, расовым отношениям, действующим извне историческим влияниям и т. д., может обнаруживать в своем проявлении бесконечные варианты и градации, которые возможно понять лишь при помощи анализа этих данных исторических обстоятельств“.⁴ Этим ценным указанием Маркса мы и воспользуемся при выполнении нашей задачи — показывать конкретный путь образования отцовского рода у шорцев на основе закона роста производительных сил, обоснованного Энгельсом в его классической работе „Происхождение семьи“.

У шорцев не было скотоводства и плужного земледелия, которые, как мы могли убедиться из анализа материального производства, возникли очень поздно. Однако, процесс замены материнского рода отцовским родом здесь произошел, на что указывает существование ярких пережитков материнского рода в системе родовой организации у шорцев, построенной по отцовскому признаку. Случилось это довольно просто. Рост производительных сил в эпоху материнского рода здесь также привел

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 55.

² Там же, стр. 56.

³ Там же.

⁴ К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, Гиз, 1929, стр. 267.

к разложению матриархата. Поэтому нам предстоит рассмотреть в первую очередь, в чем конкретно выразился этот рост производительных сил.

В эпоху материнского рода шорцы добывали себе средства к жизни одним и тем же способом. Мужчины были заняты охотой на лесного крупного зверя, так как цель охоты состояла главным образом в том, чтобы получить запасы пищи, и охота на пушного зверя носила случайный характер, не занимая в экономике того общества сколько-нибудь выдающегося места. Женщины занимались частично охотой на мелких зверей, собиранием корней съедобных растений и, возможно, мотыжным земледелием, хотя археологический материал не дает указаний на наличие мотыги раньше того времени, как было открыто железо. Правда, в археологическом отношении Шория совершенно не изучена и будущие раскопки могут изменить наш взгляд. Женщины были, главным образом, заняты ведением домашнего хозяйства. Производство не было развито, и шорцы почти всецело зависели от природы. Все это вело к тому, что запасы пищи должны были пополняться каждый день, разумеется, с неодинаковым успехом. Богатство шорцев было поэтому весьма ограничено и состояло из примитивных орудий труда, грубой одежды, убогого жилища и скудной берестяной утвари.

Когда в Саяно-Алтайской области, особенно в Минусинской котловине, развилось скотоводство (второе тысячелетие до н. э.) и постепенно скотоводческие племена выделились из всей массы охотничьих племен, шорцы, как многие насельники таежных районов области, остались охотниками.¹ Племена, разводившие скот, обитавшие, главным образом, в степной полосе, открытых горных долинах, еще известное время занимались охотой. Однако охота потеряла для них хозяйственное значение, так как стада домашних животных обеспечивали их мясной и молочной пищей, а также шкурами. Кроме того, уход за стадом при примитивной технической вооруженности хозяйства поглощал много времени у скотовода и отвлекал также от охоты, которая не являлась теперь необходимой с хозяйственной точки зрения. Выделение пастушеских племен в связи с развитием скотоводства оказало влияние на характер расселения обитателей Саяно-Алтайского нагорья. Если в предшествующую эпоху население жило преимущественно по берегам больших рек, у нагорной таежной полосы (возможно, будущие раскопки покажут, что и в таежной полосе), занимаясь рыболовством и охотой, то с выделением пастушеских племен идет освоение степей, в том числе и горных, и долин, пригодных для скотоводства.

¹ Начало развития скотоводства в Минусинском крае мы относим к так называемой „андроновской стадии“ — второе тысячелетие до н. э. (1800—1200 гг.). Возникновение скотоводства относится к более раннему времени. Начало процесса первого общественного разделения труда, в результате которого произошло отделение скотоводов от охотников, мы связываем также с „андроновской стадией“.

На ряду с этим племена или роды, занимавшиеся охотой и рыболовством, не только оставались на прежних местах, но, повидимому, стали интенсивно осваивать горную тайгу. К этому побуждало их совершившееся первое великое разделение труда. Дело в том, что разделение труда с необходимостью влечет за собой развитие обмена. Маркс обращал внимание, что „кочевые народы первые развивают у себя денежную форму, так как все их имущество находится в подвижной, следовательно, непосредственно отчуждаемой форме, и так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов“.¹ Между скотоводческими и охотничьими племенами, связанными с лесом, с тайгой, возникает натуральный обмен. В обмен на продукты скотоводства от охотничьих племен стали требовать продукты тайги. Какие же продукты давали жители, связанные с тайгой? Большое значение здесь имели корни диких съедобных растений, имевших спрос со стороны скотоводов включительно до нашего времени. В разделе о материальном производстве мы видели, что шорцы до последних дней обменивали сушеные корни кандыка сагайцам на молочные продукты. Потребность в растительной пище у скотоводов заставляла их предъявлять спрос на растения тайги. Однако, наиболее ходким и ценным продуктом тайги была пушнина, которую требовали от лесников скотоводы.² Пушнина находила большой спрос у богатой скотоводческой верхушки как предмет роскоши, шедший на богатые одежды и украшения. С другой стороны, скотоводческие племена Саяно-Алтая, связанные с древними торговыми путями, соединявшими Китай со Средней Азией, приняли участие в торговом движении, происходившем между указанными странами. Наибольшее значение в древности и теперь имели два главных торговых пути: один, северный — вдоль южных склонов Небесных гор, через оазисы Хами, Турфана, Карашара, Кучи и Аксу; второй, южный — вдоль северных склонов Алтын-Тага, захватывая систему Тарима, через Чархалык, Черчен, Керия, Хотан и Яркенд. Оба смыкаются в крупнейшем торговом центре Средней Азии — Кашгаре.³ От этой главной торговой артерии ответвлялись пути на север в Саяно-Алтайскую область по верхнему Енисею и его притокам, по верховьям Чуи и Катунь и по Иртышу.

Шория входила в сферу влияния Минусинского края, а через последний стало быть и во влияние Западной Монголии. С Минусинским краем Шорию соединяли древние тропы, идущие от Мрассы и Кондомы через долину Таштыпа или по р. Томи на Аскыз и Уйбат. Минусинский край соединялся по Енисею (Кемчикская тропа) с Урянхайским краем и Монголией.⁴

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Гиз, 1930, стр. 44.

² Из таежных районов вероятно к кочевникам шел и олений волос, которым набивались седельные подушки, кабарговая струя и, вероятно, очень рано маралий сушеный рог, употреблявшийся в китайской медицине.

³ Н. Козьмин. Хакасы. Иркутск, 1925, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 2—3.

В обмен на китайские изделия скотоводы Саяно-Алтая стали доставлять ценную пушнину, получаемую от лесных племен. Археологические памятники Саяно-Алтайского нагорья, относящиеся к последним векам до нашей эры и первым векам нашей эры, свидетельствуют о проникновении сюда импортных китайских вещей, эквивалентом которых, надо думать, была только пушнина. В ханьскую эпоху, как свидетельствуют находки монет и предметов этой династии, в Забайкалье, Минусинской котловине, Северной Монголии и Алтае даже было развито денежное обращение в том смысле, что здесь имели хождение китайские монеты наряду с различными китайскими товарами.

В знаменитых курганах в горах Ноин-Ула (Северная Монголия) были обнаружены китайские шелковые ткани, зеркало ханьской эпохи, изделия, покрытые лаком, и ткани греко-бактрийского происхождения.¹

Для Шории, не затронутой археологическими исследованиями, у нас нет древних указаний на проникновение сюда китайских изделий. Но за то мы имеем такие свидетельства вообще для Алтая. Если нашумевшее богатое погребение в урочище Пазарык, относящееся ко второму веку до нашей эры, не содержит в себе импортных вещей, то мы находим их в богатых могилах по Урсулу (урочище Шибе), датированных началом н. э. В данном погребении были найдены остатки китайских деревянных изделий, покрытых лаком.² Китайские ткани известны по раскопкам В. Радлова на р. Катанде (I в. н. э.) и по раскопкам Гос. музея этнографии (1924 г.) по правому берегу Чулышмана (Восточный Алтай).³ Напомним также, что в VI—VIII вв. жители государства „Тукю“, простиравшегося от Хингана до Алтая, обменивали „голубых белок и соболей“. Они имели сношения не только с Китаем, но и с Византией. В 1569 г. турки — „тукю“ посылают посольство в Константинополь. Их посланцы имели знаком полномочия стрелу с позолоченным концом. В ответ последовало посольство от Византии к туркам во главе с Цемархом, которое владетель турков принял с царственной пышностью вероятно у подножья Алтайских гор.⁴

В середине VIII в. падает государство Тукю, в борьбе с арабами, на смену ему выступает туркоязычное государство уйгуров, которых в IX в. сменяет хакасское государство. Все эти турецкие государства,

¹ Краткие отчеты экспедиций по исследованию Северной Монголии в связи с Монголо-Тибетской экспедицией П. К. Козлова. Л., 1925, Изд. Акад. Наук СССР. Ханьская династия — с 206 г. до н. э. по 220 г. н. э.

² М. П. Грязнов. Раскопка княжеской могилы на Алтае. Человек, 1928, № 2—4, стр. 217—219; см. также коллекции Гос. музея этнографии, где хранятся эти вещи.

³ Radloff. Aus Sibirien, Bd. II. Leipzig, 1884. Отчет импер. Археолог. комиссии за 1865 г.; Захаров А. А. Материалы по археологии Сибири. Труды Гос. историческ. музея, в. I, Москва, 1926; Записки имп. Русск. археологич. о-ва, т. VII, Новая Серия. СПб. 1895; С. Руденко и А. Глухов. Могильник Кудырге на Алтае. Материалы по этнографии, т. III, вып. II.

⁴ Клеменц. Древности Минусинского края. Томск, 1886, стр. 71—72.

выступавшие на исторической сцене, вели борьбу за овладение торговыми путями в Средней Азии. Перечисленные государства вели крупную торговлю, в числе предметов которой наиболее видное место занимала пушнина, добывавшаяся в Прибайкалье, Забайкалье и Саяно-Алтайской области. Саяно-Алтайская область доставляла также металл (золото, медь, позже железо). Лесные районы Саяно-Алтайской области, в том числе и Шория, были втянуты в сферу торговли, происходившей по Средне-Азиатским путям, через местные торговые тропы, упомянутые выше.

Таким образом, в товарном обращении Саяно-Алтайского нагорья пушнина имела большое значение. Спрос на пушнину быстро рос и имел место долгое время включительно до нашего столетия. Еще посетившие Алтын-хана в 1616 г. посланцы Тобольского воеводы Куракина, казаки: атаман Василий Тюменец и десятник Ив. Петров с товарищами рассказывали, что Алтын-хан торговал с Китаем и государствами, лежащими на пути к Китаю: „А товар, де, у Алтына-царя в те государства покупают: лошади, соболи, лисицы, барсы, рыси, бобры и иную мягкую рухлядь; хвосты и гривы конские. А из тех государств идут к ним бархаты, атласы, камки, серебро, злато“.¹ Отсюда видно, что основным товаром у скотоводов была все же пушнина, которую они получали из лесных районов.

Обмен в Саяно-Алтайском нагорье был обязан своему развитию, как уже указывалось, разделению труда, ибо „не существует обмена без разделения труда, будь последний результатом естественных или исторических условий“.² Первое крупное общественное разделение труда в Саяно-Алтае с необходимостью повлекло за собой регулярный обмен. Регулярный потому, что „пастушеские племена производили не только больше, но и другие средства существования, чем остальные варвары. Они имели не только молоко, молочные продукты и мясо в гораздо больших количествах сравнительно с теми, но также шкуры, шерсть, козий пух и все возрастающее с увеличением массы сырья количество разных тканей. Это впервые сделало возможным регулярный обмен“.³

Необходимо указать, что развитие обмена между скотоводами и охотниками Саяно-Алтая чрезвычайно способствовало закреплению совершившегося разделения труда. Обмен стимулировал развитие пушной охоты, заставлял охотничьи племена заселять и осваивать горную тайгу и может быть стимулировал также и развитие техники охотничьего производства и ее изменение. Охота на пушного зверя выдвинула новые орудия труда. Вместо огромных загородей, охотничьих ям, развиваются мелкие деревянные ловушки, более пригодные для ловли пушного зверя (соболи, белка, горностай и пр.). Появляется тупой, утолщенный деревянный наконечник стрелы, не портящий шкурки при убивании зверя и т. д.

¹ Цитировано по работе „Путешествие Ник. Спафария в 1675 г.“. Зап. ИРГО по Отд. этнографии, т. X, вып. I, СПб., 1882, стр. 13.

² К. Маркс. К критике политической экономии, Гиз, 1929, стр. 34.

³ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 160—161.

Вскоре после появления обмена возникает, вероятно, еще более важный стимул для развития пушной охоты у лесных племен — это дань пушниной. Вслед за вовлечением в сферу обмена пушнины началось обложение данью лесных племен Саяно-Алтайского нагорья со стороны более сильных скотоводческих соседей и, как мы увидим дальше, шорцы в течение многих веков разделяли эту участь. Дело в том, что организация постоянных и частных сношений с далекими таежными районами для кочевников затруднялось трудностью путей сообщения. Далее, обмен с родами, ведущими натуральное хозяйство, естественно, не мог дать такого количества пушнины, как дань. Потребности натурального хозяйства уже не так то велики, чтобы развить интенсивную добычу пушнины с целью их удовлетворения. Между тем торговые пути, соединявшие Китай и Среднюю Азию, предъявляли большой спрос на пушнину кочевым племенам, доставлявшим ее. Отсюда сделалось более выгодно заставить лесников-охотников добывать больше пушнины методом внеэкономического принуждения, методом покорения их и обложения данью.

Так, в результате первого крупного общественного разделения труда в Саяно-Алтайском нагорье образовались сильные скотоводческие племена, потребители пушнины, связанные с торговыми путями юга, и подчиненные им, зависимые от них, лесные племена, от которых требовалась пушнина, сначала в обмен, а потом в дань.

Теперь посмотрим, что происходило под влиянием совершившегося разделения труда внутри шорского общества.

Указанные выше причины вызвали у них частичное разделение труда. Развивается охота на пушного зверя. Природные условия исключительно благоприятствовали развитию этой отрасли охоты. Горная тайга Алтая изобиловала ценным пушным зверем. Возникновение новой отрасли, выделившейся в охотничьем производстве, означало рост производительных сил. Охота на пушного зверя, которая до появления спроса на пушнину была скорее всего случайной, доставила шорцам новые богатства в виде ценной пушнины, которая променивалась на продукты скотоводческого хозяйства и на различные импортные предметы, привозимые из Китая.

Охота на пушного зверя, увеличив продукцию шорского производства, одновременно увеличивала и производительность труда. Увеличилось количество труда, приходящееся на долю охотников.

Пушнина быстро сделалась ходким предметом обмена. Роды, занятые промыслом пушнины, стали производить больше и становились экономически более сильными. Правда, охота на пушного зверя сделала шорцев и вечно зависимыми данниками, о чем подробнее скажем в главе об ясаке.

Однако, главное значение процесса разделения труда у шорцев, отразившее рост производительных сил, состояло в том, что оно, собственно, определило судьбу материнского рода.

Развитие пушной охоты означало в то же время развитие мужской области труда, так как охота являлась преимущественно делом мужчины.

Поднялось значение мужского труда в обществе и тем самым поднялось общественное положение мужчины. Новая ценная продукция, добываемая мужчинами, принадлежала им. Мужчинам принадлежало, очевидно, и все обмененное на пушнину. Надо думать, вначале новое богатство составляло собственность рода, ибо первоначально в меновых натуральных сделках с соседями выступала родовая община. Маркс писал по этому поводу: „Обмен продуктами возникает в тех пунктах, где приходят в соприкосновение различные семьи, роды, общины, потому что в начале человеческой культуры не отдельные индивидуумы, а семьи, роды и т. д. вступают между собой в сношение как самостоятельные единицы“¹ (разрядка наша. Л. П.). Весьма важно, кстати, замечание Маркса и о том, что кочевые народы первые развивают обмен, „так как образ их жизни постоянно приводит их в соприкосновение с чужими общинами и тем побуждает к обмену продуктов“.²

Мы полагаем, что не только обмен, но и уплата дани у шорцев вначале производилась усилиями всей родовой общины. Будучи постоянно объектом агрессивных предприятий со стороны кочевых соседей, шорцы уплачивали дань своим владельцам сообща. Первоначально платежной единицей являлась родовая община. Однако, это не могло длиться долго. „Обмен с чужими общинами является одним из главных средств к распадению естественной связи внутри собственной общины, благодаря дальнейшему развитию естественного разделения труда“.³ Именно так и случилось у шорцев. Необходимо предположить, что уже очень рано пушнина становилась личным достоянием добывшего ее охотника. Личным достоянием охотника становились, естественно, и все предметы, которые он обменивал на пушнину. Здесь проглядывал уже зародыш частной собственности. В какое время совершился этот процесс в Шории, — сказать трудно за отсутствием достаточного фактического материала.⁴ Подчеркнем лишь то важное обстоятельство, что охота на пушного зверя уже не требовала постоянного коллективного производства всем родом. Пушного зверя можно было бить небольшими группами и даже в одиночку. И с возникновением пушной охоты следует видеть созревание условий для образования индивидуального производства отдельных семей, которое, развиваясь, порождало тенденцию частного присвоения добычи пушного зверя, в то время как добыча мясного крупного зверя поступала в раздел (как это можно было наблюдать до последних лет). Частное присвоение продуктов пушной охоты сделало возможным накопление в отдельных руках новых богатств, ценность которых по мере развития обмена только выростала. Эти

¹ К. Маркс. Капитал, т. I, Гиз, 1931, стр. 264; Энгельс. Конспект первого тома „Капитала“ Маркса, Партиздат, 1932, стр. 44.

² К. Маркс. Капитал, т. I, Гиз, 1930, стр. 44.

³ Ф. Энгельс. Конспект первого тома „Капитала“. Партиздат, М., 1932, стр. 44.

⁴ Во всяком случае следует полагать, что этот процесс совершился хронологически до н. э.

богатства нельзя сравнивать с богатствами скотовода, заключающимися в обширных стадах, доставляющих обилие разнообразных продуктов, тем более, что при натуральном характере хозяйства, при натуральном обмене эти богатства не всегда имели устойчивое значение. Тем не менее, их было достаточно, чтобы шорец мужчины при материнской организации рода столкнулся с нежеланием обделить ими собственных детей. И, вот, та ведущая роль мужчины в производстве, которая появилась с новым разделением труда уже внутри охотничьих племен в соединении с желанием закрепить наследство на продукцию частного характера за детьми мужчины, по нашему мнению, и оказалась достаточной силой, чтобы отодвинуть женщину на второй план и установить счет родства по отцовской линии. „Та самая причина, которая обеспечивала женщине ее прежнее господство в доме, — ограничение ее труда по дому, — эта самая причина теперь утверждала господство мужчины в доме: домашняя работа женщины утратила теперь свое значение рядом с промысловым трудом мужчины: его труд был всем, ее работа незначительным придатком“ (Энгельс).

Картина превращения материнского рода у шорцев в отцовский была бы не полной, если бы мы не добавили еще одного существенного момента, весьма и весьма ускорившего данный процесс.

Рост развивающегося шорского производства в связи с первым крупным общественным разделением труда выразился еще и в том, что у шорцев возникла металлургия. Нам неизвестно, когда и как возникла она в Шории,¹ неизвестно также, знали ли шорцы способы получения бронзы и выделку ее. Несомненно только то, что в начале VI в. н. э. население Алтая (очевидно и шорцы) умели плавить из руды железо и им платили дань своим владельцам наряду с пушниной.² Более поздние сведения изобилуют указаниями на то, что в уплату дани шорцы, наряду с пушниной, давали много железных изделий.³ На ряду с этим указывается, что металлургия давала постоянную продукцию для обмена. Алтайцы скотоводы Юго-западного Алтая еще в половине XVIII в. ездили к шорцам „для смены тулупов и войлоков на котды и железные абылы, чем землю копают“.⁴ С этой же целью алтайцы везли к шорцам и лошадей.⁵ Из документа первой четверти XVII в. узнаем, что население северной Шории из железа делает „панцыри, бехтерды, шеломы, копья, рогатины, сабли и другие железные вещи, кроме пищалей. Панцыри и бехтерды меняют каамыкам на лошадей, коров и овец“.

Металлургическое и кузнечное дело было также занятием мужчины. И это окончательно давало перевес значению мужского труда, в силу

¹ В Минусинской котловине она развивается также в конце второго и начале первого тысячелетия до нашей эры.

² См. I главу, раздел „Кузнечное дело“.

³ См. главу о ясаке.

⁴ Материалы для истории Сибири. Чтения... 1866, кн. 4, стр. 85.

⁵ Там же, стр. 73.

его выросшей производительности, и приводило к снижению значения в обществе женского труда. Отсюда труд женщины, имевший столь большое значение в коммунистическом домашнем хозяйстве (в эпоху матриархата, когда женщины принадлежали к одному и тому же роду, а мужчины распределялись по разным родам), уступает теперь по значению несравненно более высокой производительности мужского труда. Таким именно путем, представляется нам, возник отцовский род в Шории. Стало быть развитие разделения труда, выражавшее собой рост производительных сил, послужило той причиной, которая в конечном счете легла в основу свержения материнского права и установления отцовского, идущего с зародышами частной собственности. Если непосредственным поводом к замене материнского рода отцовским было желание собственника отца оставлять наследство своим детям, чего нельзя было сделать при материнском роде, то нужно иметь в виду, что „институт наследства предполагает уже частную собственность, а эта последняя возникает только с появлением обмена. В основании ее лежит рождающаяся уже специализация общественного труда и отчуждение продуктов на рынке“¹ (разрядка наша. Л. П.). Именно так смотрели на роль разделения труда в процессе образования частной собственности Маркс и Энгельс, которые писали: разделение труда „подрывает совместность производства и присвоения, оно делает преобладающим правилом индивидуальное присвоение и тем порождает обмен между отдельными лицами“.² Появление новых отраслей производства, в связи с разделением труда в Шории, повлекло за собой рост производительности труда. Бывший охотник за мясным зверем теперь стал производить больше: он стал добывать пушного зверя и научился плавить и обрабатывать железо. Увеличилась продукция производства, увеличивалось, следовательно, богатство общества, но оно вскоре же стало сосредоточиваться в руках отдельных лиц. Новое разделение труда принесло прогресс и в технику производства. Техническая база производства расширилась, увеличилась. Появились новые орудия труда: плавильная печь, оборудование кузницы, железные наконечники стрел, копий, ножи, мотыги, корнекопалки и т. д. Все значение развивающейся общественной техники состояло в увеличении производительности труда. „Чем больше развивались экономические отношения, т. е. разлагался первобытный коммунизм и увеличивалась плотность населения, тем больше унаследованные издревле отношения между полами утрачивали свой первобытно-наивный характер“.³ „Материнское право уступило место отцовскому; этим появляющаяся частная собственность пробила первую брешь в родовом строе“.⁴

¹ Ленин. Сочинения, I, изд. 3-е, стр. 72.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 176.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 99.

2. ОТЦОВСКИЙ РОД И ЕГО РАЗЛОЖЕНИЕ

Насколько позволяют судить скудные этнографические сведения в литературе, а также наши собственные наблюдения, население, обитавшее в Шории в эпоху русской колонизации, делилось на различные роды, организованные на принципе счета родства по отцовской линии. Род по шорски носит название „sөөk“, что буквально значит „кость“. Каждый род имел свое название и вел свое происхождение от общего мужского предка. Так например, о происхождении рода „кьзај“ или иначе „кьзыл-гаја“ нам старики сообщили следующий рассказ. Давно по Мрассе, около современной реки Кобырзы, жили люди, которые теперь называются „кызыл-гая“. Вверху по Мрассе жили люди, впоследствии названные „кьј“. Кызыл-гая с кыйцами никак не могли землю разделить. Однажды решили это сделать. Кызыл-гая от места своего обитания поплыли вверх по Мрассе на лодках, а кыйцы с верховьев Мрассы, где они жили, поплыли вниз, навстречу. Через некоторое время кызыл-гая увидели кыйцев отдыхающими на берегу. Они ели мясо козла, ели сырым, так как огонь им не был известен. Кызыл-гая вышли на берег и узнав, что кыйцы не умеют добывать огонь, научили их этому. Один из стариков взял два камня и высек огонь. Кыйцы удивились и назвали старика „кызыл-гая“, т. е. красный камень (или 'красная скала'). От него и пошли люди кызыл-гая. Место, где кызыл-гая встретились с кыйцами, стало границей их земель. Вниз по Мрассе земля стала считаться принадлежащей кызыл-гаям, а вверх по течению — кыйцам. О происхождении рода Кобый старик Шулбаев рассказал, что кобийцы произошли от двух братьев по имени: Тебир-Криш и Кола-Криш, живших на устье реки Таяса. Братья были замечательны тем, что у них на пупах росла пшеница и они занимались земледелием. Предки кобийцев передали земледелие предкам кызаев, а предки кызаев дали предкам козлов кобийцев огонь, ибо до этого кобийцы ели мясо убитых сырым. С тех пор эти роды стали жить дружно. Приведенная легенда отражает также и передачу хозяйственных занятий, технических изобретений от одного рода к другому. Таким же образом объясняют свое происхождение от общего мужского предка и шорцы рода „Кечин“. В весьма давние времена жили три брата: Шипей, Тиин и Ептегеш. От Шипея и Ептегеша пошли люди рода Кечин, образовав в нем две фамилии: Шипеевы и Ептегешевы. Третий брат, Тиин (букв 'белка'), жил по соседству с родом Таяш и вошел в этот род, образовав в нем фамилию Тиингешевых. И только про род Себи, обитающий по реке Кондоме, предание говорит, что род произошел от женщины, которую нашел один охотник в тайге, вместе с двумя детьми. Охотник привел женщину домой и, опасаясь побега, первое время держал ее привязанной на железной цепи. От детей этой женщины и произошел род Себи.¹ Однако происхождение от

¹ Об этой легенде есть краткое указание у Вербицкого в Словаре, стр. 294 и у Потанина, Очерки Северо-Западной Монголии, т. IV, стр. 939.

женского предка даже в легендах у шорцев встречается редко. Материнское право уже давно уступило здесь место отцовскому. Это выразилось и в том, что наследование имущества у шорцев идет по линии отцовского рода. Умершему отцу наследуют его дети. Обычно наследует младший сын, который живет с отцом и женится самым последним, в то время как его братья по мере женитьбы выделяются отцом или в совершенно самостоятельное хозяйство, или же, во всяком случае, переселяются в особое жилище. После смерти отца дети оставались в его роде даже тогда, когда мать возвращалась в свой род, т. е. в род ее отца. Все члены данного рода считались родными братьями „карындаш“, и браки внутри рода строго запрещались. Однако этот принцип постепенно с разложением родовых связей утратил свое значение. Наиболее долго, почти до наших дней, экзогамия сохранялась в южной части Шории, где население было наиболее отсталым. Однако и там этот принцип стал нарушаться. Н. Дыренкова, работая у шорцев в 1925 г., отметила нарушение экзогамности для родов „Кобый“ и „Кый“, обитающих на юге шории: „Адора, старик 68 лет, из рода Кобый, рассказывал, что только отец его первый взял жену из своего рода, до этого брали из чужого, дед его еще брал жену из рода Кызай. Интересно то, что предварительно старики совещались по этому вопросу, съехавшись вместе“.¹ Территориальная раздробленность, экономическая разобщенность членов рода, в эпоху его разложения, весьма ослабили родовые связи и только родовое название, забывавшееся последним, иногда воскрешало в памяти эти связи. До последних дней, если встречались два незнакомых шорца и при этом выяснялось, что оба они „карындаш“, т. е. братья, сородичи, то этим определялись их дальнейшие отношения. Они угощали друг друга, обменивались незначительными подарками и приглашали друг друга в гости.

В старину члены одного и того же рода селились вместе. Например, род Кызай жил по реке Пызасу (левый приток Мрассы) близ устья вместе, но в один из голодных годов разбрелся по Мрассе и до сего времени живет разбросанно. Посетивший шорцев в 1881 г. А. В. Адрианов отмечает: „каждый род занимает какой-либо район, и если замешивается, врезывается в место обитания другого рода, то только отдельными семьями... У каждого рода есть своя тайга“.² Выше мы видели, что в недалеком прошлом каждый род в Шории имел свою родовую охотничью территорию, куда не пускали охотиться членов других родов. Род являлся юридическим лицом, и все члены его сообща владели общей собственностью на определенное охотничье угодье и территорию, занятую под селения рода. Для того, чтобы иметь право на общую собственность тех или иных родовых территорий, достаточно было принадлежать к данному роду и носить его название. Этим правом не обладали лишь замужние жен-

¹ Дыренкова, стр. 263.

² Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 325.

щины, которые приходили в род мужа, при соблюдении экзогамии, из чужого рода. Брак теперь, в связи с упрочившимся преобладанием мужчины и введением родства по отцовской линии, сделался патрилокальным (т. е. жена переселялась в род и в дом мужа, а не наоборот, как это было в предшествующую эпоху). Общая собственность всех членов рода в эпоху отцовского рода у шорцев признавалась только на основное средство производства — охотничьи угодья и земли, пригодные для возделывания пашни. Все остальное составляло собственность отдельных семей. С постепенным развитием и укреплением собственности отдельных семей разлагалась и родовая община. Общая родовая собственность и на основные средства производства стала заменяться собственностью отдельных больших семей, типичных для отцовского рода.

Члены рода, жившие вместе раньше (до эпохи русской колонизации), несомненно оказывали нуждающимся сородичам помощь работой, продуктами. Остатки былой общности производства и распределения продукта, расцвет которого приходится на эпоху материнского рода, были выявлены нами выше и повторять их нет надобности. Мы напоминаем о них, как об явлении, которое еще продолжает существовать и в эпоху отцовского рода. Даже 50—60 лет тому назад путешественник мог писать о шорцах: „между собой инородцы живут большей частью очень дружно. Помогать друг другу, в случае не только крайности, а просто надобности, каждый вменяет себе в обязанность и эта взаимная помощь возведена в обычай. Обыкновенно, если инородец не имеет достатка, а ему надо жениться, он оповещает об этом своих родных и знакомых, весть об этом разлетается, и к свадьбе новобрачному всякий что-нибудь тащит и везет и деньги и скота, и одежду, и съестное, кто что может, соображаясь со своим достатком. Нигде в такой мере не применяется пословица „с миру по нитке — голому рубашка“, как здесь“.¹ Нам также рассказывали старики, что раньше жители селения обычно составляли один „təl“ (поколение, разросшаяся большую семью) какого-либо рода и помогали взаимно друг другу. Кто первый собирал ячмень, тот делился с тем, у кого урожай погиб или еще не был собран. В следующий год получивший помощь помогал оказавшему ее. Такая помощь называлась по-шорски „əduške“. Старик Арбачаков из рода Кызай обращал наше внимание на такие факты: когда в семье болел основной работник, то во время приготовления пашни для посева этой семье помогали работать родственники по отцу и, реже, по матери.

Однако, к этим сообщениям следует относиться с известной осторожностью, как мы могли убедиться из фактов, которые будут сообщены дальше: иногда под родовой помощью скрывается искусно замаскированная эксплуатация. Это относится особенно к фактам, датируемым концом прошлого и началом нынешнего столетий, когда отцовский род

¹ Адрианов, там же, стр. 325.

в Шории был в состоянии сильного разложения, когда непрерывно шел процесс классообразования в связи с развитием и укреплением частной собственности, которая в свою очередь вырастала из разделения труда и сопутствующего ему обмена. В этом процессе формы родовой помощи постепенно становились формами эксплуатации, а слуги шорского рода превращались в его господ.

Отцовский род у шорцев в старину управлялся на демократических началах. Во главе каждого рода стоял „паштык“ — староста, который был раньше выборным. Каждый род управлялся независимо от другого своим паштыком, звание которого уже ко времени русской колонизации было наследственным. Родовая община в эпоху русского господства выбирала и помощников паштыков.

Шорские паштыки последнего периода эпохи русской колонизации ничего общего не имели с родовыми старостами в настоящем смысле этого слова. Это были уже типичные угнетатели, представители эксплуататорской верхушки рождающегося классового общества. Переход шорцев к отцовскому роду очевидно быстро способствовал превращению выборности паштыка по существу в наследственное право семьи и тем самым благоприятствовал возникновению знатной семьи. Выборы паштыка за последнее время сделались со стороны народа как бы обрядом, уже потерявшим свой настоящий смысл, а для паштыка — формальностью, за которую он все же должен был бороться, после того как царские чиновники отменили наследственность шорских паштыков. В большинстве случаев шорцы продолжали выбирать паштыка из одной и той же семьи. Но в самой церемонии выборов имеется момент, который весьма ярко говорит о том, что еще сохранились отголоски того времени, когда выборы паштыка были именно делом всех членов данного рода и протекали в обстановке полного демократизма. Мы имеем в виду следующий момент выборного собрания паштыка, который практиковался до 1912 г. Уже само название выборного собрания выражает сущность интересующего нас момента. Собрание называлось „paŕtyk tutarga sylg“ — т. е. „собрание держать паштыка“. В день выборов на общественные деньги покупалось мясо, угощали вином. Когда происходили выборы и называли кандидата в паштыки, о согласии кричали „sarar“. Выбираемый паштык по обычаю должен был отказываться от должности и бежать. Вслед за ним бросалось все собрание и ловило его. Поймавшие паштыка держали его, а остальные подбегали, и паштык до тех пор не давал согласия, пока не держалось за него большинство. Каждый из шорцев должен был „держать“ паштыка, хотя бы только касаясь его одежды. Когда избираемый паштык видел, что большинство держится, он освобождался от державших, снимал шапку, кланялся, говоря, что „воля ваша, буду паштыком“ и надевал на себя знак паштыка. Выборы считались оконченными. Начиналась гулянка. Вот это то „держание“ паштыка всеми весьма ярко подчеркивает былую демократичность выборов. Надо сказать, что еще в 60-х годах прошлого

столетия, когда путешествовал по Шории В. Радлов, положение шорского паштыка в некоторых местах едва ли особенно отличалось от рядового члена рода, как это вытекает из его описаний. Приведем описание встречи Радлова с паштыком: „Дом паштыка был едва ли не худший в деревне. Одежда этого, облеченного властью, лица была изорвана и висела на его теле лохмотьями. Вместо шапки, он повязал голову грязным, пестрым носовым платком“. Радлов обратился к паштыку с просьбой дать лошадей. „Паштык, настоящий образчик своей общины, тотчас же созвал к себе мужскую часть населения деревни, чтобы обсудить вопрос о поставке лошадей. Не прошло и четверти часа, как все приглашенные собрались. В середине собрания паштык занял место на обрубке дерева и с его высоты взирал на сидевших на земле членов общины... Когда паштык стал говорить в чем дело, все собрание взволновалось, со всех сторон поднялся крик. Чем более паштык призывал к порядку, тем сильнее волновался народ“.¹

Высшим органом рода было родовое собрание „сьльг“, на котором могли присутствовать только члены своего рода. Женщины и девушки на собрание не допускались — это результат победы отцовского права, ибо в эпоху материнского рода „в выборах участвовали все мужчины и женщины“.² „Сьльг“, собрание, решало все важнейшие общие дела: выборы паштыка, раскладка „албана“, а потом при русских „ясака“. Даже такие вопросы, как принятие христианства, кое-где не решались индивидуально. Так члены рода „кара-шор“ заявили миссионеру Вербицкому в 1881 г., что „они без совещания своей волости во время сбора ясака на это (т. е. на предложение креститься) решиться не могут“.³ На таких общих собраниях происходили и судебные разбирательства. Демократический характер суда, предусматривающий интересы членов рода, составляет особенность шорского судопроизводства, по описаниям 70-х годов. Если опять обратимся к Вербицкому, то из его заметок почувствуем это очень ясно. Он пишет: „однажды в Карабулуке мы застали большое собрание народа: судило общество, во главе с есаулом (помощник паштыка. Л. П.). Общество присудило виновника-юношу взять обольщенную им девицу за себя. Он решением остался недоволен, и тогда общество перерешило: заплатить за бесчестие девицы 12 руб. и два ведра вина поставить за хлопоты, что и принято было всеми без апелляции и тут же исполнено. В судьбищах инородцев, — продолжает Вербицкий, — особенно строго и ощутительно для кармана наказывается воровство. Если, например, отыщут преступника, укравшего улей с пчелами, или вырезавшего мед из улья на сумму три рубля, то он поплатится за это никак не менее 30 рублей, а именно 9 руб. (втрое) потерпевшему от воровства, четверем человекам, так называемым хожаным за башлыком, свидетелям и пр. по три рубля (12 руб.) и всему обществу за хлопоты и потерю времени вина на 9 руб. Такой приговор сей же час приводится

¹ Aus Sibirien, I, S. 344.

² Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 85.

³ Записки Вербицкого за 1861 г. Прав. Обзор., 1862.

в исполнение или взносом денег, или продажей скота, или же, наконец, отдачей любителя чужой собственности на год в работники достаточному инородцу.¹ Кроме финансовой тягости согрешающий... подвергается нравственной пытке. Украденные вещи или часть их, например от зарезанной коровы голова, привешиваются вору на шею, и его окружает толпа народа, предшествуемая впереди верховым, за которым следует инородец с печной заслонкой на шее и бьет дробь в роде барабана, по бокам вора два эзекутора, сзади второй верховой. Вся эта группа проходит по всем улицам улуса и перед каждым домом останавливается, где похититель должен предлагать хозяину дома купить у него поличное и выхвалять свой товар".² Приведенное описание является недурной иллюстрацией к положению о силе воззрений родовой эпохи у населения. Некоторые черты родового демократизма в суде нам удалось уловить и в рассказах стариков. Старик Шулбаев из рода Кобый говорил, что когда паштык приступал к суду, народ выделял от себя в качестве жюри шесть человек, большею частью умных стариков. Паштык самостоятельно не решал дело, судили вместе. О своем решении спрашивали присутствующих „сарар ба"? Все отвечали вместе. Если большинство говорило „сарар" — согласие было достигнуто, если не соглашались, — дело разбирали снова, пока решение не удовлетворяло большинство рода.

Выборные в судьи назывались „pašt'ktyŋ argyštary" (товарищи паштыка). Выбирались они на одно судебное заседание. Богатых старались не выбирать, ибо они „церемонились" (ulug kelyk).

До эпохи русской колонизации на территории Шории каждый род представлял собой самоуправляющуюся единицу во главе с паштыком, которых русские документы эпохи покорения шорцев и еще долго спустя называют „князцами". При покорении шорцев родовое устройство продолжало существовать. Царские воеводы управляли покоренными шорцами через своих чиновников, имея дело с князцами. Род являлся для них податной и административной единицей, исчисляемой количеством луков, т. е. количеством мужчин; способных владеть этим для того времени главным оружием. Когда произошло административное деление Шории на волости, то при этом делении родовое устройство все же пострадало. Образованные волости, по-шорски „соп" (река Мрасса) или „kalan" (река Кондома) представляли собой административные единицы, далеко не всегда совпадающие с прежним родом. В ряде случаев „соп" включал в себя один и реже два рода, как например, Мрасско-Изушерская волость (официальное название, а по-шорски „tajaš-kecin соп"). На ряду с этим некото-

¹ Возможно данная мера наказания — результат русского влияния, ибо указом царя от 12 ноября 1830 г. было утверждено положение комитета „об отдаче в работы сибирских казенных крестьян и инородцев по несостоятельности к платежу долгов частным лицам"; согласно этому положению, должника можно было на год отдать в работники. Полн. собр. зак., т. 5, стр. 374.

² Записки Вербицкого за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 23.

рые волости составились из частей нескольких родов. Это, разумеется, отразилось на общественной жизни родовых общин. Адрианов считал, что там, где „некоторые волости случайно совпали с родовым делением... в них наиболее цельно сохранились черты бытового самоуправления“... „другие волости раздробили поколения инородцев и составились из частей нескольких родов. Здесь уже не стало никакого порядка, раздробление вызвало разлад и несогласие между населением, лишило его силы, лишило почвы, на которой держалась община, и вызвало равнодушие со стороны инородцев к их волостным делам“.¹ Адрианов во многом безусловно прав. Но не надо думать, что разделение на волости было территориальным делением. Волость была административным учреждением. Состав ее определялся припиской населения к той или иной волости и, где бы ни проживал приписанный к данной волости, он платил ясак, обращался по судебным делам только в свою волость. Приписка к волостям происходила преимущественно по родовому признаку, группами во главе с паштыками. Естественно также и то обстоятельство, что при совпадении административной волости (соп) с родом, шорцы не усваивали официальных названий русской администрации, а называли волость своим родовым названием. Так, например, Кондомско-Карачерская волость, в состав которой входил род „Шор“, называлась шорцами „şor соп“, Кивийская — ковьј-соп, ибо в состав ее входил род „Кобый“, и т. д. Термин „соп“ — означал выражение нового качественного своеобразия. Он означал то, что все роды, обитающие на территории Горной Шории, являлись теперь не независимыми отдельными единицами, объединенными по признаку родства, не только отдельными группами родственников, обособленными от подобных же групп других родственников, а что теперь родовые группы представляли собой части единого административного целого, которое хотя бы формально, но все же скрепляло их. Поэтому, нам кажется, и привился термин „соп“, означающий по Вербицкому: общество, народ.² Фактически до 1912 г. „соп“, как уже указывалось, нередко включал в себя только одну родовую единицу; таковы были: кьзај соп, кьј соп, ковьј соп, celei соп, karga соп, şor соп и т. д. Каждый „чон“ управлялся по существу родовым начальником — паштыком. Каждый член рода независимо от того, где он проживал, был подчинен своему паштыку. Один раз в год, в летнее время, „чон“ собирался вместе. Там, где „чон“ совпадал с одним родом, на собрание могли явиться только члены данного „чона“ — рода. Там, где „чон“ включал в себя несколько родов, на собрании (сьльг) могли присутствовать только члены родов, входящие в данный „чон“. Так, например, по сообщению инструктора райкома ВКП(б) Шории Сандыкова, его дед, приехавший в Шорию из Сагайской степи, около 20 лет не принимался в „чон“ шорцев (по реке Мрассе), не имел права присутствовать на со-

¹ Адрианов. Кузнецкий край. Живопись. Россия, т. II, стр. 294.

² Словарь, стр. 27.

брании „чона“. Собирались только мужская часть рода, входящего в данный „чон“. Женщины и девочки присутствовать не могли. Объяснялось это стыдом (uĵat). На деле же, как мы указывали, это было выражением победы мужчины над женщиной. Собрание происходило под открытым небом. На этих собраниях совершалась ежегодная раскладка ясака, включались новые плательщики, достигшие определенного возраста, исключались состарившиеся. Разбирались спорные дела, происходили выборы паштыка и его помощников. Собрание заканчивалось пиршеством участников за счет волости. Администрация „чона“ и наиболее уважаемые старики рода покупали на общественные деньги лошадь или быка, а иногда и двух, для закола, и вино. Мясо купленной скотины варили в больших котлах специально выделяемые для этого люди (kazapcъ — ‘повара’). Сваренное мясо раскладывали на досках, положенных четырехугольником. Выкуренное собственным способом вино наливалось в большие цилиндрические сосуды из бересты (kuspak), вышиною от 1 до 1½ м. В каждый из них опускался берестяной черпак на деревянной черне. Купленная водка стояла в четвертях. Народ усаживался в круг. Лет 50—60 тому назад было принято, чтобы перед пиршеством родовой шаман произносил заклинание перед сваренным мясом и вином, если большинство собравшихся не были крещеными. Затем приступали к пиршеству. Усевшимся в круг повара разносили мясо, другие подавали вино. Мясо с костью считалось почетным куском. Такие куски раздавались старикам и мужчинам, платившим ясак. Подростки довольствовались менее почетными кусками.

Члены рода у шорцев были связаны между собой и общностью культа, носившего ярко выраженный родовой характер. „У каждого сеока есть свой фамильный бог“ — писал миссионер Вербицкий.¹ Замужние женщины не могли присутствовать на этих молениях, так как при соблюдении принципа родовой экзогамии они всегда для данного рода являлись чужеродками. На всех молениях ритуальный огонь зажигал всегда мужчина — старший в роде. Общие родовые моления чаще всего происходили весной, когда вскрывались реки, на деревьях набухали почки, и осенью, когда собирали урожай и готовились к промыслу. Так, жители верховьев реки Мрассы, шорцы рода Кый, устраивали моления горам и водам (taglarga, suglarga) с просьбами о благополучии, об обилии хозяйственной жизни. Моление совершал кам (шаман), за отсутствием кама старший в роде. Моление происходило под березовым деревом и называлось „şasъg“. Горам и водам приносилась жертва из ячменной браги (abyrtkъ), которой брызгали по сторонам с соответствующим персональным обращением к отдельным горам и рекам.² У обитающих по реке Кондоме членов рода „celei“ осенью перед

¹ Записки за 1865 г. Прав. Обозр. 1866 г., январь.

² О таких молениях есть упоминание у Вербицкого. Выписка из журнала миссионера за 1859 г. Христианское чтение, 1862, № 4, стр. 546. — Моление с целью получить удачу в ловле зверей и рыбы. В Отчете С. Е. Малова (Живая старина, 1909, вып. 1—3, стр. 40). Жертвенная брага названа „поза“, а моление „шачил“ или „шашил“. В словаре Вербицкого

зверовым промыслом устраивалось моление горе Мустагу и окрестным горам. Моление челейцы производили целым поселком. На лужайке ставилось в ряд несколько берестяных сосудов, в зависимости от количества гор, привлекаемых к обращению в предстоящем молении, из расчета, что для каждой горы, к которой предстоит персонально обратиться, должен быть отдельный сосуд с жертвенной брагой (ortko). Моление началось с обращения сначала к старшим и более сильным горам (например, Мустаг и его сыновья), потом к менее сильным младшим. На молении присутствовал шаман.¹ Необходимо указать, что для таких общих родовых молений с жертвоприношением продукты, требующиеся для жертвоприношения (толокно ячменное, ячмень, вино), и угощение несли из каждого дома и все это соединяли.

Таковы, вкратце, существенные черты отцовского рода у шорцев по данным, имеющимся в нашем распоряжении.

Восстанавливая по отдельным пережиткам картину отцовского рода в Шории, разумеется нельзя забывать, что род этот находился в движении, в развитии. В результате развития род изменялся, разлагался. Отцовский род в Горной Шории уже в себе самом носил зерно собственного разложения. Когда мужчина стал играть ведущую роль в общественном производстве, когда мужчина закрепил за собой право передавать накопленное имущество по наследству собственным детям (для чего и потребовался счет родства по отцовской линии), — это, как установил Энгельс, означало зарождение частной собственности, постепенное развитие которой и разложило род Шории и привело к процессу классовообразования. Русская колонизация с ее ясаком, с ее товарными отношениями, с ее торгово-ростовщической эксплуатацией только усилила и ускорила процесс разложения рода в Шории. Пушная охота, явившаяся результатом разделения труда, стала быстро развиваться с момента русского завоевания под влиянием усиленного спроса пушнины в ясак и со стороны торговцев. А развитие пушной охоты имело своим последствием индивидуализацию производства с окончательно укрепившейся тенденцией частного присвоения результатов индивидуального труда. Охота на мелкого пушного зверя уже не требовала соединенного труда и усилий больших охотничьих родовых групп, как это было при охоте на крупных мясных зверей. Следует учесть, что усилилась и техническая вооруженность охотничьего производства. В XVII в. в Шории появляется ружье—оно способствовало развитию индивидуальной охоты на пушного зверя. Теперь отдельная семья во главе с мужчиной, получившая впервые свое значение с момента, когда было введено право отца оставлять свое наследство в первую очередь детям (которые оставались в роде отца), получает большую хозяйственную самостоятельность. Отдель-

также „шачил“ (Весенний праздник у избранной березы с жертвоприношением от сеока), стр. 446.

¹ См. об этом Л. П. Потапов. Охотничьи поверия и обряды у алтайских турков, стр. 146—147.

ная семья получила теперь возможность охотиться самостоятельно и оставлять исключительно в свою собственность добытую пушнину. Часть пушнины нужно было вносить в ясак, а остальную можно было обменивать и тем самым получать в свое исключительное владение предметы, вымененные на пушнину, еще больше укрепляя свою частно-собственническую базу.

Само собой разумеется, нельзя себе представлять дело так, что все семьи в составе того или иного рода в Шории в один прекрасный день, словно по мановению волшебной палочки, отгородились друг от друга китайской стеной. Процесс этот протекал в течение долгих лет. Выше уже было указано, что печать былой общности совместного производства и потребления, коллективной собственности сохранялась в Шории в виде пережитков до наших дней. Вплоть до Октябрьской революции охотничьи угодья в Южной Шории составляли собственность определенных родов. Отправляясь на промысел пушного зверя, шорцы охотники временно объединялись небольшими родственными группами для совместного производства, с последующим уравнительным распределением добычи. Однако, добытая пушнина делилась только между непосредственными участниками промысла и после раздела составляла их частную собственность. После раздела охотник отдавал свою пушнину в ясак, продавал, словом, распоряжался ею на правах собственника. Не так обстояло дело с мясом убитого крупного зверя. Мясо делилось не только между непосредственными участниками охоты, но и в дальнейшем, когда охотники возвращались домой, их сородичи имели право на часть добытого мяса и им в этом не отказывали. В отношении же шкур пушного зверя этого не практиковали. Таким образом, несмотря на ряд существующих пережитков общности производства, общности распределения продуктов, коллективной собственности на охотничьи угодья [основное средство производства], в отношении пушной охоты все же ясно выступает тенденция индивидуализации производства (охота в одиночку, вдвоем), тенденция укрепления частной собственности по линии продуктов пушной охоты, вызывавшей накопление богатства в одних руках, путем обмена. Обмен, явившийся следствием разделения общественного труда, делался правом отдельных семей, и это чрезвычайно способствовало укреплению семейной собственности и имущественного неравенства.

Все это вело к тому, что отдельные семьи стали приобретать экономическую самостоятельность. Узы родства еще долго продолжают сознаваться, но значение их слабеет по мере укрепления экономической самостоятельности и хозяйственной обособленности отдельных семей. Так, развивающееся разделение труда в Горной Шории подорвало совместность производства и потребления, породило индивидуальное присвоение и тем самым обмен между отдельными лицами, а не родовыми группами в целом, как это было раньше. На сцену выступила семья в противовес роду. Последнее обстоятельство сказалось и на характере поселений шорцев,

что представляет существенный интерес и заставляет нас задержаться на рассмотрении этого вопроса. Уже из заметок Вербицкого, относящихся к 60 и 70-м годам прошлого века, мы составили себе довольно ясную картину расселения шорцев, которая подтверждается показаниями стариков. Население Горной Шории было в высшей степени редко. Поселения (а) состояли от одного до двенадцати жилищ, принадлежавших самым близким родственникам.¹ Более крупные населенные пункты, встречавшиеся по Кондоме и Мрассе и насчитывавшие десятки домов и юрт, в родовом отношении обычно являлись смешанными и название свое такое селение получало от имени данной местности (чаще всего речки или ключа, на котором располагалось данное селение). Из типов поселений преобладал первый тип, представляющий собой маленький поселок из нескольких жилищ-юрт во главе со старшим, по имени которого и назывался данный поселок. Это легко документировать. В Памятной книжке Томской губернии за 1871 г. опубликована ценная статья Вербицкого под названием „Кочевья инородцев Кузнецкого округа по р. Томи, Мрассе и Кондоме“. В этой работе Вербицкий дает список названий населенных мест по всем этим рекам и их притокам, начиная с верховьев реки и спускаясь к устью, сначала с правой стороны, потом с левой стороны. Кроме названия указывается количество домов и юрт, входящих в состав данного населенного пункта, и волость, к которой относится селение.

Изучая эти названия и дневники² поездок Вербицкого, мы могли с достоверностью определить, какое название из его списка означает название старшего родственника в селении и какое представляет собой название местности и содержит население, смешанное в родовом отношении. И в результате мы приходим к определенному выводу, что большинство населенных пунктов Горной Шории во времена Вербицкого относились к первому типу. Для примера сошлемся на некоторые названия селений первого типа, во главе со старшим: По р. Мундубашу (прав. приток Кондомы) Аил Якуша из 5 юрт;³ аил Сатлая из 5 юрт;⁴ аил Накпая из одной юрты.⁵ По р. Шортаны-гол (впад. в Мундубаш справа) аил Рыска из 2 юрт;⁶ аил Астама из 3 юрт.⁷ По левой стороне Мундубаша по р. Касу: аил Качора из 1 юрты;⁸ аил Накпая из одной юрты.⁹ По правой стороне Кондомы, по р. Колунчак аил Саракпана из 3 юрт, по р. Кычи аил Сарак-

¹ См. также Сибир. Приказн. Книгу, № 19, лл. 922—923. Приведено у Бахрушина С. В. Ясак в Сибири в XVII столетии, стр. 8, 1927 г.

² Опубликованы в журн. „Православное Обозрение“ за 1863—1869 гг.

³ Записки Вербицкого за 1862 г., стр. 149. Записки за 1864 г., стр. 155. Записки за 1874 г.

⁴ Записки за 1874 г.

⁵ Записки за 1862 г., стр. 151.

⁶ Записки за 1866 г., стр. 166, и за 1874 г.

⁷ Записки за 1874 г., и за 1865 г., стр. 74—75.

⁸ Записки за 1866 г., стр. 166.

⁹ Записки за 1866 г., стр. 167.

пана из 1 юрты, по р. Паспачак аил Санобая из 4 юрт;¹ по р. Шалыму аил Эбиске из 3 юрт;² по р. Манчай аил Астама из 3 юрт;³ по р. Карачулен (левый приток Кондомы) аил Астама из 3 юрт;⁴ по р. Пызасу (левый приток Мрассы) по правой стороне: аил Чакая из 2 юрт;⁵ аил Уванка (по р. Алзак) из 3 юрт;⁶ по р. Ускумнугол аил Пайдора из 7 юрт.⁷ По левой стороне Пызаса, по р. Мунзас аил Анашки из 1 юрты. По реке Мрассе с правой стороны, по р. Кийзасу аил Сельбенья из 8 юрт.⁸ Аил Сандра из 9 юрт; по р. Курумду-гол аил Сарка из 5 юрт.⁹ Аил Сандая из 8 юрт, аил Ондоря из 9 юрт; по р. Тазы-Гол аил Кезека 1-го из 6 юрт, аил Кезека 2-го из 12 юрт.¹⁰ Уже из приведенных примеров совершенно отчетливо выступает облик этих поселков аилов. Даже там, где, как например на р. Кобырзу, род (кобы) составлял волость и занимал всю долину р. Кобырзу, расселение кобийцев носило характер расселения семьями. Каждая семья состояла из нескольких юрт. Семьи расселялись по рекам и ключикам, впадающим в р. Кобырзу, следующим образом:¹¹

По р. Тузасу

1) Канай — 2 юрты	3) Маскай — 2 юрты
2) Пизенка — 3 юрты	

По р. Чалбак-кол, впадающей в Тузас

- 1) Очко — 2 юрты

По р. Толум, впадающей в Таяс

1) Салбран — 3 юрты	4) Пайбан — 1 юрты
2) Толкей — 3 „	5) Адачи — 2 „
3) Айбай — 2 „	6) Кодаш — 2 „

По р. Сарызут

1) Комыско — 4 юрты	3) Пурбай — 3 юрта .
2) Айбанчи — 6 „	

По р. Кобырзу

- 1) Пайбран — 4 юрты

¹ Записки Вербицкого за 1866 г., стр. 168.

² Записки за 1862 г., стр. 152.

³ Записки за 1865 г., стр. 74—75.

⁴ Записки за 1865 г.

⁵ Записки за 1856 г., стр. 169, и за 1864 г., стр. 261.

⁶ Записки за 1856 г., стр. 169.

⁷ Записки за 1864 г., стр. 261.

⁸ Записки за 1866 г., стр. 170.

⁹ Записки за 1856 г., стр. 174, и за 1864 г., стр. 264.

¹⁰ Записки за 1864 г., стр. 268.

¹¹ Записки за 1874 г., Томские губ. ведом. 1875 г., № 29.

1) Чаян — 4 юрты

2) Конак — 2 юрты

1) Тогу — 5 юрт

2) Маскачак — 2 юрты.

Таким образом и характер расселения шорцев внутри рода уже во второй половине XIX столетия выражал собой экономическое укрепление семьи, ее хозяйственную обособленность и тем самым выражал ослабление хозяйственных связей внутри рода. Какова же была новая семья, которая в отличие от всех прежних типов семьи представляла собой и экономическую единицу? Исследованиями Энгельса установлено, что такой формой семьи явилась патриархальная семья, которую он считал „переходной ступенью от возникшей из группового брака и основанной на материнском праве семьи к индивидуальной семье современного мира“. Для патриархальной семьи Энгельс принял следующее определение: она представляет „организацию некоторого числа свободных и несвободных лиц в семью, подчиненную отцовской власти главы семьи. У семитов этот глава семьи живет в многоженстве, несвободные члены ее имеют жен и детей, а целью всей организации является уход за стадами в пределах определенной территории“. „Исследования М. Ковалевского — отмечает Энгельс — доказали существование такой патриархальной общины или «большой семьи», как переходной формы к моногамной семье для культурных народов старого света, для арийцев и для семитов“.¹

Патриархальная домашняя община, по мнению Энгельса (на основании исследований Ковалевского), явилась и переходной ступенью к сельской общине — последнему этапу доклассового общества, этапу, означающему одновременно начало классового общества. Этого вопроса нам еще придется коснуться, когда мы будем говорить о разложении патриархальной общины, а теперь попытаемся восстановить по некоторым данным форму патриархальной большой семьи у шорцев.

Надо заметить, что задача эта весьма осложняется не только из-за отсутствия специальных описаний и исследований этого вопроса, но, главным образом, из-за почти полного отсутствия этнографических работ о шорцах дооктябрьского периода. Тем не менее, мы предпримем нашу попытку.

У шорцев, насколько нам удалось выяснить, теперь, кроме понятия „сөөк“ род, кость, существует еще понятие, выраженное термином *tөл*,² что означает, по их объяснению, понятие, аналогичное нашей фамилии. В пояснение нам указывалось, что каждый род состоит из нескольких *tөл*'ей. Например, сеок или род „*кобыј*“ состоит из трех *tөл*'ей: Шулбаевы,

¹ См. М. Ковалевский. Первобытное право, вып. I, Род., Москва, 1886.

² По Вербицкому: поколение, род, Төлдөнг — Төлге — потомство. Төліј йок — неплодный; Төлю — плодовый. Словарь, стр. 367.

Шишканаковы (приняты из другого рода), Сысканаковы. Все шорцы, носящие одну из указанных фамилий, считаются принадлежащими к роду „kobyj“; Шишканаковы когда-то принадлежали к другому сеоку и были приняты в сеок кобийцев по их просьбе. Какого сеока Шишканаковы, старик Шулбаев, говоривший нам об этом, не помнит, но твердо знает, что Шишканаковы „turan töl“. У сеока kыj были töl'и: Кузургашевых и Шалтрековых. Сеок kalar состоит из двух töl'ей: Ошкычаковы и Топаковы, причем фамилия Топаковых не является коренной для этого рода, а произошла следующим образом. Во время одного, довольно обычного, голода, часть шорцев переселялась. Одна из переселявшихся женщин потеряла обулки своего сына. Захватив с собой мальчика, она вернулась, чтобы найти обувь и заблудилась в тайге. Она поселилась в пещере на одной из лесистых гор, обрезала свои косы, из собственных кос наплела петель и ловила ими рябчиков, которыми, главным образом, и питалась. Однажды охотник из рода Калар (каларцы тогда все были Ошкычаковы) промышлял на горе и встретил женщину. Она рассказала ему свою печальную историю. Каларец пожалел ее, отдал ей свой пищевой запас. С тех пор он постоянно возил ей различные продукты. Его жена обратила внимание на то, что муж ее, проводя в тайге сравнительно небольшое количество времени, много тратит запаса. Она стала выпытывать у мужа, почему это так. Каларец признался. Тогда решили привезти женщину с сыном из тайги и поселить ее у каларцев. Так и сделали. Сын ее сделался родоначальником Топаковых, которые остались жить у каларцев и приняли их родовое название.

В сеоке „kesin“ насчитывали 3 töl'я: Ептегешевы, Шепеевы и Тингешевы.

Теперь считают, что töl Тингешевых перешел к роду tajaş, ибо основатель этого töl'я по имени Тиин примкнул к роду tajaş, где и остался жить, в то время как его родные братья Ептегеш и Шепей сделали основателями töl'ей рода „kesin“.

Приведенные материалы о раздроблении рода на более мелкие единицы (töl), вероятно, представляют собой следы былого существования большой патриархальной семьи, вообще типичной для отцовского рода. Собранные нами полевые материалы подтверждают это предположение.

Большая семья (töl) у шорцев в прошлом охватывала два-три поколения от одного отца с их женами. Селилась семья в одном месте. Селение называлось именем старшего в töl'е. Женатые члены töl'я обязательно имели отдельные юрты. Нам, обычно, называли для состава töl'я (род kыj) деда, отца, его братьев и сыновей. Указания на такие семьи есть у Адрианова и Вербицкого. Адрианов пишет о старом Сатлае, живущем со своими домочадцами и родичами, облюбовавшими себе никем не занятые новые привольные места на р. Кондоме в 40 верстах от Кузедеева. Аил Сатлая состоял из 4 юрт.¹

¹ Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 181—182.

Больше сведений об этом находим у Вербицкого в его дневниках. В одном месте он пишет об аиле Якуша (на р. Мундубаше), состоящем из 22 родственников (Якуш и три его брата с семьями), где Якуш был старшим.¹ В другом месте упоминает о Санабае, „который живет со своими сыновьями патриархально в четырех юртах, при р. Паспачак (приток Кондомы. Л. П.). Санабайты гостеприимны и зажиточны“.² В третьем месте у него говорится о родоначальнике Эникея, аил которого, в составе трех юрт, где жили его женатые сыновья, стоял на притоке Мундубаша и т. д.³

Женатые сыновья жили в отдельных юртах, но хозяйство вели вместе.

В литературе есть любопытное описание жилища, принадлежащего шорцу Ончупу, жившему при р. Бучунчи (лев. приток Мрассы), которое вещественным образом выражало социальное строение большой семьи, хотя представляло собой со стороны формы постройки смесь шорского с русским. Вот его описание: „в середине большая четырехстенная на моху юрта с чувалом (очаг. Л. П.) для самого Ончупа, по правую сторону дверь в избу с 4 окнами и битую из глины русскою печью — жилище сына Николая, влево другая дверь в такую же избу для сына Константина, и все эти три жилья: консервативное в середине с прогрессами по бокам покрыты под одну кровлю тесом“⁴ (разрядка наша. Л. П.).

Мужчины подобных больших семей сообща охотились на зверя, и вся добыча от охоты шла в общий котел, в общий доход, где каждый имел свою долю. Хозяйством управлял и руководил старший в семье, дед, или старший брат отца, или отец сам. Старший назывался „uluglarь“ или „ulugkizi“. Все члены tel'я должны были подчиняться ему и уважать его: ему, например, нельзя было пересечь дорогу, нужно было вперед пропустить его.

На большую власть старшего шорской патриархальной семьи указывает и то обстоятельство, что иногда старшие эти жили в многоженстве. Указания на многоженство изредка встречаются в литературе. Адрианов, например, пишет это про Шорца Шапанака, аил которого расположился на р. Качыбай при впадении ее в Кондому.⁵ „Многоженство“, пишет Энгельс про эту форму семьи, „было, очевидно, результатом рабства и ограничивалось исключительным положением отдельных лиц“. И действительно, у шорцев, как сообщает безымянный автор, „жен более одной имеют только богатые“.⁶ И, если Энгельс находил, что домохозяева больших семей, „по крайней мере в России, ... сильно злоупотребляют своим положением

¹ Записки Вербицкого за 1874 г., Томские губ. вед. 1875, № 17; Записки за 1862 г., Прав. Обозр., 1863, стр. 149.

² Записки Вербицкого за 1868 год.

³ См. Записки за 1874 г., Томские губ. вед. 1875, №№ 17, 23 и Записки за 1864 г., стр. 268.

⁴ Записки Вербицкого за 1876 г. Миссионер, 1877, № 21, стр. 171.

⁵ Адрианов. Путешествие, стр. 184.

⁶ Кузнецкие инородцы, Журн. мин. вн. дел, 1858, V.

в отношении более молодых женщин общины, особенно своих снох¹, то это правильно и в отношении шорцев.

В одном из дневников Вербицкого мы читаем о таком факте: „По глупому обычаю инородцев, они иногда женят сыновей своих еще в малолетстве. Так, инородец некрещеный Бергалов 9-летнего своего сына женил на 14-летней девочке, и через три года изнасиловал сноху и прижил с ней сына“.² А что такие случаи в более отдаленные времена были не единичны, красноречиво свидетельствует целая система запретов между свекром и снохой у шорцев. У шорцев сноха не может разговаривать со свекром, не может называть его по имени. Она не должна находиться в одном помещении со свекром. Если случайно окажется, что сноха зашла туда, где присутствует свекор, она немедленно выходит оттуда. Она не должна повернуться к свекру задом, и поэтому выходит из данного помещения, пятясь назад. Этого не делают теперь, но хорошо помнят. Еще недавно здесь был широко распространен запрет, называемый „*calan paş*“ („открытая голова“), который запрещал снохе появляться на глаза свекра с открытой головой. Сноха обязательно должна была быть в головном платке. Еще не изгладилось из памяти стариков, когда сноха не могла быть при свекре босиком. Однако, в виду практических неудобств, которые представлял этот запрет в повседневной семейной жизни, был придуман следующий выход. Когда невеста после свадьбы переезжала к мужу, свекор с кем-нибудь из близких мужчин насильно разувал сноху, и с того же момента с нее снимался этот запрет. В данной связи нельзя не вспомнить следующие слова Маркса: „Врожденная человеку казуистика — изменять вещи, меняя их название, и находить лазейки для того, чтобы в рамках традиций нарушать эту традицию, когда непосредственный интерес служит для этого достаточным побуждением“.³

Нам кажется, приведенные примеры вполне убедительны, чтобы свидетельствовать о силе старшего в семье. Женильба малолетних сыновей на взрослых девушках, вводимых в дом, очевидно, прежде всего как рабочая сила, являлась формой семейного рабства, где рабой выступала в первую очередь сноха, а рабовладельцем свекор.

От старшего в семье, от „Улуглары“ зависела и женильба холостых членов *töl'я*. Молодоженам ставили отдельную юрту. „Улуглары“ выделял им полосу земли под обработку, урожаем которой эта брачная пара пользовалась по своему усмотрению. От „Улуглары“ зависел и надел покосами в последнее время, когда стали разводить скот. Если „Улуглары“ был сердит на молодожена, он мог не дать ему покоса (род *кобы*). Доход от зверового промысла должен был поступать в распоряжение „Улуглары“. Надо сказать, что этот важный момент отмечен Вербицким в следующем виде: „Несмотря на то, что женатые члены семейства живут каждый в своей

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, М., 1932, стр. 60.

² Записки Вербицкого за 1864 г., стр. 272.

³ Цит. Энгельсом. Происхождение семьи..., стр. 56. Партиздат, М., 1932.

юрте, каждый располагает своею полосой, засеянной ячменем, для насущного пропитания, но только в этом он и полновластен, прочие же доходы от промыслов и другие все отдаются главе семейства. Таким образом, вдова остается при одном ячмене и вечной невольницей своего свекра, купившего ее как вещь, и который копейки не сбавит с нового покупателя, если бы таковой выискался. А так как калым дорог, то охотников на вдову вовсе не находится“.¹ (Разрядка наша. Л. П.) Почти то же самое говорит и В. Радлов: „Зависимость вдовы от свекра особенно тяжела благодаря тому, что каждому женатому сыну передается участок земли для посева ячменя, которым питается семья, но зато отец берет себе все доходы сына от охоты и проч. Если жена остается одна после смерти мужа, она должна сама возделывать свое поле и этим жить. Свекор же помогает ей лишь, сколько сам пожелает“.²

В этих указаниях очень важно отметить наиболее существенное обстоятельство, выражающееся в том, что, вероятно, экономической основой большой семьи являлась охота на пушного зверя, с общностью собственности на охотничьи угодья, носившие вначале родовой характер, а впоследствии, составлявшие собственность отдельных *təl'*ей внутри данного рода. Так, например, у сеока „*кьj*“ не только строго соблюдался принцип родовой собственности на охотничьи угодья и не допускались чужеродцы на эту территорию, но внутри самого рода коллективная собственность изменила свою форму, сузилась, расчленилась. Внутри рода *кьj*, как мы уже знаем, было 2 *təl'*я: Кузургашевы и Шалтрековы, и родовая территория для промысла была поделена между этими *təl'*ями, хотя люди обоих *təl'*ей считались между собой „*karьnpьdaş*“ (братья, букв. „единоутробные“) и между ними были запрещены браки. Шалтрековы промыслили на реке Тардаш, *təl* Кузургашевых по рекам Ытыл и Кызасу. Шалтрековы не пускали на свою территорию Кузургашевых, а Кузургашевы гнали со своей территории Шалтрековых. То же самое, в сеоке *cettiber*. *Təl* Тельгерековых, живший в селении Сыркаш, промыслил и собирал орех по р. Назас (приток Усы, которая впадает в Томь) и считал эту территорию принадлежавшей своему *təl'*ю и не пускал на нее никого других, даже и из сеока *cettiber*.³ Отсюда становится понятным, почему, отправляясь на промысел, *кьj*цы соединялись во временные небольшие артели не по принципу принадлежности к роду *кьj*, а составляли их из родственников по отцу из членов одного и того же *təl*. Бывали случаи, что в артель включали родственников по линии матери и вели их промысливать на свою территорию, но на это сердились отцовские родственники и запрещали это делать.

Вот почему мы находим возможным полагать, что первоначально *təl* появился в связи с развитием пушной охоты, которая теперь не требовала широкой организации и могла обслуживаться силами семьи, сначала боль-

¹ Записки Вербицкого за 1864 г. Прав. Обозр., 1865, № 2, 3.

² Aus Sibirien, I, стр. 356—357.

³ Этим сообщением мы обязаны Ф. К. Тельгерекову.

шой, представляющей собой коммунистическую группу родственников, потом все более и более суживающейся до одной брачной пары. Патриархальная большая семья разложилась у шорцев, вероятно, уже в период русской колонизации. Нас будут интересовать причины ее разложения. Они кроются, по нашему убеждению, все в большей и большей индивидуализации и парцеллизации производства. Производительность труда в пушной охоте, особенно с появлением шомпольного ружья, сначала кремневого, а потом и пистонного, все повышалась. Возрастающая ценность пушнины также во много раз увеличила производительность труда в пушной охоте. Вместе с производительностью труда развивалась и частная собственность и обмен. Введение подушного налога пушниной — ясака — царским правительством, проникновение русских торговцев (с первой половины XVII в.), — все это как нельзя более способствовало ускорению процесса парцеллизации охотничьих хозяйств. По рассказам стариков из рода „кы“, большая семья на их памяти выглядела уже несколько иначе. Хозяйством семьи управлял отец. Доходы от пушного промысла (т. е. пушнину) отдавали отцу только неженатые сыновья или еще не отделенные. Женатые, выделенные сыновья пользовались пушной добычей сами и давали отцу, по традиции, только мясо убитых крупных зверей (олень, лось, козел, медведь). Таким образом, выделенные сыновья превращались в мелкие, экономически самостоятельные семьи, в которых несомненно крепились частно-собственнические элементы и происходило частное накопление. Роль старшего, роль отца еще чувствовалась в том, что во всех хозяйственных вопросах отделившиеся семьи руководствовались его советами и указаниями, за которыми к нему и обращались.

Процесс разложения большой семьи нашел отражение и в характере поселения. Это можно было наблюдать в последние годы в южной части Шории. Поселения состояли из членов одного и того же *tel'*я, однако, каждый женатый член *tel'*я имел отдельное жилище.

Мы уже знаем по описанию Вербицкого и Радлова, что во второй половине прошлого столетия в патриархальной семье шорцев, когда велось общее хозяйство, женатые члены семьи единолично распоряжались продуктами, полученными с обработанной своим трудом родовой, семейной земли. Урожай с участка, обработанного трудом брачной пары, поступал в ее исключительное распоряжение и тем самым создавал известные предпосылки к ее экономической самостоятельности, развивал частно-собственнические элементы мелкой семьи, что, конечно, подрывало корни существования большой семьи. Роль развивающегося земледельческого труда в процессе разложения патриархальной большой семьи у шорцев довольно значительна. Земледелие, хотя бы в его мотыжной форме, как это мы видели выше, приобретает теперь новое и несравненно более крупное значение, чем это было раньше. Это объясняется весьма просто. С переключением основной отрасли производства, — звероловства, — на рельсы пушной охоты, что повелительно диктовалось новыми экономическими

условиями, обеспечение питания охотников снижается. Пушной зверь, как известно, дает мало мяса и преимущественно скверного качества. Пищевые запасы с ослаблением охоты на крупного мясного зверя резко сократились. Русские купцы, выкачивавшие пушнину, завозили к шорцам долгое время, главным образом, мануфактуру, кожу, ткани, железные изделия и безделушки, но не хлеб.¹ Недостаток пищевых продуктов компенсировался за счет производительности существующего земледелия, преимущественно путем возделывания новых земель, усиления собирания корней съедобных растений, оживления обмена с соседями — алтайцами и сагайцами, у которых выменивали скот на пушнину, на железные изделия (производство последних, кстати сказать, со времени русской колонизации стало быстро падать). Скот покупался не с целью его разведения, чему весьма препятствовали и природные условия шорской тайги, а как пищевой запас.

Возвращаясь к вопросу о том, что в период своего наиболее сильного развития пушная охота повлекла за собой, на первых порах количественный, а позже (с переходом к сохе и плугу) и качественный рост земледелия, мы должны указать на ту роль, которую сыграло земледелие в разложении большой семьи. При новом усилившемся экономическом значении даже мотыжное земледелие повело к тому, что на основе его стали быстро вырастать элементы частной собственности.

Еще в Анти-Дюринге Энгельс указывал: „У всех народов, которые перешли известную ступень первобытного состояния, общинная собственность начинает, по мере развития земледелия, сковывать производство. Она отменяется, отрицается и, после более или менее долгих промежуточных стадий, превращается в частную собственность“.²

Приведенное положение блестяще оправдывается на шорском материале. Рост элементов частной собственности при развитии земледелия шел здесь по двум направлениям: сначала по линии образования частной собственности на продукт обрабатываемой земли, затем и на самую землю. Пахотная земля, точнее, горные склоны, пригодные для обработки их под пашню (*kra salcyn ser*), по памяти стариков, для всего рода были общими. В каждом сеоке (роде) была своя пахотная земля, которой могли пользоваться все члены данного рода, ибо земля принадлежала всему роду. Каждый член рода мог беспрепятственно обрабатывать эту землю абылом (мотыгою). Не пускали только чужеродцев. Если земли, пригодной для вспашки, в данном сеоке не хватало, шли в другой сеок и там получали ее на определенных условиях, о которых сообщим ниже. Считаясь родовой собственностью, удобные для земледелия участки постоянно находились во владении сначала больших семейных общин, потом с разложением их — во владении мелких семей. По словам старика Димитрия Садучакова,

¹ См. главу „Торгово-ростовщич. эксплуатация“.

² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Маркс и Энгельс. Сочинения, т. XIV, Соцэкгиз, 1931, стр. 137.

из рода „кьзай“ (по рассказам его деда) землю раньше обрабатывали сообща отец, его братья, сыновья, племянники. Мужчины расчищали тайгу под пашню, работа была очень трудная, в ней принимали участие и женщины. Остальные земледельческие работы лежали преимущественно на женщинах. При хорошем урожае созревший ячмень (который являлся главной посевной культурой) делили поровну между всеми, и живущие в отдельных юртах получали свои пай и уносили к себе. Чаше же зерно хранили вместе на пашне, засыпав в большие берестяные сосуды (ulan) цилиндрической формы, ставя их на деревянных помостах. Если же урожай был плохой, его не делили, а весь хлеб поступал в распоряжение старшего или отца, который периодически выдавал его на подобие пайков. Позже женатые и выделяемые члены патриархальной семьи, как мы уже видели выше, получали от отца в пользование участок земли, пригодный к обработке. Землю эту сын обрабатывал самостоятельно и безраздельно пользовался урожаем. Получивший в пользование участок пользовался им 3—4 года и забрасывал, так как буйная растительность шорской тайги глушила посевы сорняком и молодым лиственным лесом (осинник, береза), а незнающая никаких удобрений почва довольно быстро истощалась. Расширение пахотной земли в отдельных семьях, в пределах данного рода, происходило за счет расчистки тайги. Расчищенные участки находились в семейном пожизненном владении семьи, приложившей труд к расчистке тайги, и даже передавались по наследству, на том основании, что они были расчищены трудом родителей. Здесь надо отметить большую роль, которую сыграл железный топор русского образца. До появления такого топора расчистка вековой тайги производилась только коллективно при помощи огня и несовершенных тесел, насаженных перпендикулярно к черню (которыми, чтобы срубить дерево, нужно было обрубать его кругом), и была чрезвычайно трудной и поэтому все естественные участки, пригодные под пашню, весьма ценились, так как они были редки. Пользование этими участками было только общим в пределах данного рода или большой семейной общины. С появлением железного топора стала возможной индивидуальная расчистка тайги под пашню и расчищенные таким образом участки земли переходили в пользование отдельных малых семей, передаваясь по наследству.

Иллюстрацией к семейному владению землей может служить рассказ старика Шулбаева (род кovyj) о том, на каких условиях, по его памяти, мог получить пахотную землю чужеродец. Чужеродец обращался не ко всему роду в целом, а к определенной семье, во владении которой находился тот или иной участок родовой земли. Просителю предоставлялась земля, которую он обрабатывал, засеивал на условиях „orta pelys“, т. е. из собранного урожая он должен был отдать владельцу участка половину ячменя за землю. Из урожая, подлежащего дележу, вычиталось то количество ячменя, которое пошло на семена. Недурной пример того, как шло накопление в семье, экономически независимой от рода. Здесь налицо,

по существу, уже зародыш феодальных отношений. Однако, к этому нам еще придется возвратиться.

Таким образом, с ростом производительности труда в пушной охоте, с развитием земледельческого труда, укрепляется частная собственность, развивающийся обмен становится правом отдельных семей. В результате мы имели все более и более усиливающееся хозяйственное обособление мелких семей, т. е. парцеллизацию, дробление производства на мелкие хозяйственные единицы. Каждое такое отдельное хозяйство развивает усилия для закрепления и увеличения того, что уже стало частной собственностью. Родовые связи теряют свое прежнее значение. Бывшие общие интересы превращаются в сугубо частные: „всякий боится, как бы частица его труда не досталась на долю другого“, — замечает случайно в своих записках Вербицкий.¹ Начинают приобретать большое значение не родовые, а территориальные, соседские связи. Однако, коллективный характер собственности на землю продолжает сохраняться, особенно в южной части Шории. Продолжают иметь место случаи взаимопомощи как родовой, так и соседской, сохраняется выборность должностных лиц. Но при всем этом бывшая семейная, общинная собственность превращается в частную собственность мелких семей. Каждая брачная пара имеет свой дом и хозяйство и обладает наследственным землепользованием в отношении пахотной земли, для получения которой она приложила собственный труд по расчистке тайги. Накопление частной собственности в таких отдельных семьях идет неравномерно, что еще больше способствует разложению родовых отношений, создает почву для эксплуатации, которая не замедляет возникнуть и развиваться. Появляется эксплуататорская верхушка, закабаляющая своих сородичей, соседей. В этом процессе огромное значение имела русская колонизация в смысле ускорения развития внутренних причин разложения родового строя и создания новых причин, действовавших в том же направлении. Такими причинами, вызвавшими ускорение процесса разложения отцовского рода с его большой семейной общиной являлись: 1) ясак, 2) торгово-ростовщическая эксплуатация, 3) земельная колонизация и земельная политика царского кабинета.

К рассмотрению перечисленных причин мы и приступим, с тем чтобы показать во что превратилась большая семья, общинные порядки у шорцев, в результате разложения отцовского рода.

¹ Записки за 1864 г. Прав. Обозр., 1865, № 2—3.

ОЧЕРК 3

1. ЯСАК

Ясаком называлась дань, а впоследствии и налог пушниной, которую собирало царское правительство с покоренных народов Сибири. До завоевания русскими шорцы точно так же платили дань различным владельцам (киргизские князья, Алтын-хан, джунгарский Контайши), которая называлась у них „alvan“ или „alman“.

Алман джунгарскому хану, а еще раньше Алтын-хану и киргизским князьям, шорцы платили в натуральной форме: железными изделиями и пушниной. По шорскому преданию, князек Аржан, живший близ горы Каракуш (современная Шория), владевший 12 волостями, был вассалом джунгарского или ойротского хана и платил ему алман железом и толокном ячменным (талканом).¹

Любопытный материал о предметах, идущих в уплату алмана джунгарскому хану, дает документ: „Розыскное дело о жестоких поступках б. Кузнецкого коменданта Б. Синявина“. Там говорится, между прочим, о том, как в 1713 г. джунгарский сборщик Дюренг, бежавший из Кумандинских волостей от преследования команды казаков из Кузнецка, второпях оставил часть собранного алмана, где оказалось: „660 белок подпалей, кошлока, 3 черевеси бобровых,² 66 котлов железных, 109 таганов, шестеры стремяна, железа конские“ (очевидно удила. Л. П.); кроме того Дюренгом было собрано: „900 стрельных железцов (наконечников для стрел), 100 железниц (? Л. П.), 2 пятна конских (тавра железных. Л. П.), две комзы (трубки, испорченное слово kaңza. Л. П.) и 60 ковшей железных“.³ Если сделать выборку предметов, собиравшихся джунгарами в алман, пользуясь цитированным документом от 1722 года, получим следующий список:

1. Пушнина

2. Котлы железные

3. Таганы железные

4. Стремяна железные

¹ Вербицкий. Записки миссионера, Кузнец. отдел. Алт. дух. миссии за 1865 г. Прав. Обзор. 1866 г.

² Кошлоками называли молодых бобров, а черевеями „брюшки“, т. е. мех, снятый с брюха зверя.

³ Указ. соч., стр. 313—314.

5. Наконечники железные для
стрел	11. Железницы (?)
6. Удила железные	12. Керки ¹
7. Тавра железные для лошадей	13. Полицы куяшные ²
8. Трубки (часто железные)	14. Наковальни железные
9. Ковши и поваренки железные	15. Молоты железные
10. Ножи железные	16. Щипцы железные.

Вообще говоря, джунгарские феодалы собирали алман самыми разнообразными предметами. Например, с барабинцев они брали лисиц, юфтовые кожи и орлиные перья, употреблявшиеся на опушку стрел. Кто не был в состоянии уплатить пушниной или кожей, того обязывали доставить 20 стрел и для опушки их 5 орлиных крыльев.³ Перьями и хвостами орла вносили алман и сойоты, называя его „куш-албан“, который заменял собой „mal alban“, взимаемый скотом.⁴ А по сообщению Клапрота урянхайцы, кочующие между Халхой и Джунгарией, платили в Улясутай дань, состоящую из пушнины, корней сараны (*Lidium bulbiferum*), *Polygonum viviparum* и других растений, употребляемых у них в пищу.⁵ Повидимому и шорцы, кроме перечисленных предметов, платили алман джунгарам орлиными перьями, ибо у шорцев про род „кы“ (живший в верховьях Мрассы) сохранилась насмешка: „кыйцы спорили об орлиных перьях“.⁶ О размерах ясака русским во времена двоеданства шорцев мы узнаем из рапорта кузнецкого воеводы Шапошникова от 10 августа 1745 г., где на ряду с указанием на размеры ясака двоеданцев тубаларов, шелканцев и кумандинцев, имеются сведения и о шорцах: „Итиберская волость: 34 человека, ясаку 2 сорока, 22 соболя, в Итиберской же волости 50 человек платят 3 сорока, 35 соболей. Елейская волость: 31 человек, ясаку 1 сорок, 38 соболей. Карачерская волость: 75 человек, ясаку 6 сорок, 14 соболей. Каргинская волость: 7 человек, ясаку 14 соболей“.⁷

В 1754 г. была произведена перепись двоеданцев, в результате которой количество двоеданцев показано гораздо больше: „А по ныне учиненным переписям детьми боярскими, Алексеем Бутримовым, Иваном Моксюковым, значится тех двоеданцев прежде платежных в казну ясака и вновь переписанных с ними, обще до сущего младенца, телецких 339 человек, тоутелеутских (горно-телеутских. Л. П.), канских и каракольских (юго-западный Алтай. Л. П.) 541 человек, да сверх оных из древних лет

¹ В документе говорится, что взято 5 керек. Скорее всего речь идет о кирках железных (мотыгах). Менее вероятно, чтобы под этим подразумевали железные тесла „kergi“, заменявшие в то время топоры.

² „Полицы куяшные“ очевидно палицы железные литые (от слова *kuj* — лить металл).

³ Чтения... 1866 г., кн. 54, Фишер, Сибирская история, стр. 44.

⁴ Адрианов. Путешествие на Алтай и на Саяны в 1881 г., стр. 347.

⁵ *Asia polyglotta*, Paris, 1823, стр. 147—148.

⁶ Вербицкий. Словарь, 158.

⁷ Материалы для истории Сибири. Чтения... 1866 г., кн. 4, стр. 88—89.

платежных в казну ее императорского величества ясак, кондонских в 10 волостях староплатежных и подростков мужского пола до 1400 человек, всего оных староплатежных и по новым переписям имеется до 2200 человек, не в защите и ни каких около их крепостей и форпостов, но прежде учиненной кузнецким дворянином Мельниковым описи, яко границ, не имеется“.¹

Выше мы уже говорили о поступлении в ясак России преимущественно пушниной. Однако, кое-где вместо соборей давали „лошаденками худыми или рогатым скотишхом мелким“. Например: „Ясашные люди горных волостей“ Томского уезда, князец Тайда с товарищи „за ясак дали 17 лошадемок, кобыл и жеребят“.²

По преданию алтайцев, при переходе в русское подданство кузнецы платили подать железом: каждый кузнец давал железа в казну величиной с человеческую голову, а вдовы по одному пузырю масла (кук сардү).³

О собирании в ясак железа свидетельствуют официальные документы. Железо брали в ясак с шорцев, так как железо было „потребно в Кузнецк на котлы, таганы и к печам на связи и на прочее употребление ко вновь начинающим строиться в Кузнецке винным и пивным заводам не малым“. В Кондомские волости был послан соответствующий указ и сборщикам велено было объявить о приеме железа „по цене в ясак“. Одновременно рекомендовалось внушить необходимость шорским „башлыкам“ об уплате алмана джунгарскому хану только пушниной, отнюдь не железом, после чего царский холоп, Кузнецкий воевода Шапошников, доносил рапортом генералу Киндерману, что в Кондомские волости послано распоряжение, в соответствии с предписанием указа об уплате ясака железом, а в Кумандинские волости послан нарочный с поручением проследить, чем будет уплочен ясак джунгарам в 1745 году.⁴

Однако, в основном шорцы платили ясак русскому царю пушниной. Из сообщения Вербицкого от 1858 г. мы имеем сведения о размере ясака вообще у „алтайцев“. „С каждой души положено взимать по три белки и 1 р. 85 к. серебром и сверх того 10 соборей с каждой волости“. И несколько дальше, относительно „черневых татар“ (в состав которых входили и шорцы) он добавляет: ясак тот же, только вместо соборей с каждой волости должно внести в казначейство 10 чернобурых лисиц. Если же лов лисицы будет неудачен, они заменяются белками за каждую

¹ Чтения... 1866 г., кн. 4, стр. 96. Опись Мельникова под названием „Реестр пограничным урочищам и рекам и прочим признакам“, представляющая собой проект описания российских границ, выполненный по указанию Екатерины II, опубликован нами впервые в работе „Очерк истории Ойротии“. Новосибирск, 1933, стр. 32—33.

² С. Бахрушин. Ясак в Сибири в XVII веке. Новосибирск, 1927, стр. 9. В Сенатском указе от 19 декабря 1766 г. подчеркивается необходимость принятия в ясак лосинных и оленьих кож, потребных для „мундирных и аммуничных вещей“ армии. Полн. собр. законов, т. 17, стр. 110—112.

³ Анохин. Материалы по шаманству у алтайцев. Л., 1925 г., стр. 128.

⁴ Материалы для истории Сибири. Чтения... 1866 г., кн. 4, стр. 68.

по 80 штук.¹ Ценный соболь был выбит, и в ясак стала поступать пушнина менее ценная.

Однако в XVII в. и еще долгое время спустя эквивалентом пушного обращения являлся соболь. Расклад ясака долгое время исчислялся соболями единицами. Вскоре же ясак стал уплачиваться и другими шкурами пушных зверей, причем ценность их приравнивалась к собольей единице. Из „Сборной книги ясаку 1692 г.“ мы имеем сведения о подобной расценке.² О размерах собираемого ясака в Кузнецке можно судить по царской грамоте кузнецкому воеводе Дементию Кафтыреву от 18 августа 1648 г.: „В нынешнем 156 году декабря в 13 день прежний воевода, Офонасий Зубов, прислал... со всех ясачных волостей и улусов нашего ясаку, на прошлой на 155 год 85 сороков, 6 соболей, 3 сорока 36 недособолей, 3721 пупок соболевых и недособолевых, 23 куницы в соболевое место, 15 лисиц красных без черев за 12 соболей, 3 бобра за 8 соболей, да 3 пластины соболя колотые ясачные, 3685 хвостов соболевых и недособолевых за 19 сороков за 13 соболей за недособоль“.³

По Вербицкому, ясашные Бийского и Кузнецкого округов в целом ежегодно платили: 243 соболя, 72 лисицы, 1041 колонков, 10 130 белок.

Однако, эти внушительные официальные цифры не определяют тех действительных, которые алтайцы уплачивали фактически, ибо весь чиновничий аппарат, начиная от сборщика, кончая воеводой, впоследствии „заседателем“, „кормился“ от ясака, хотя официально это запрещалось законом. Без особенного труда можно представить, каким тяжким бременем ложился этот двойной налог на производителя, который еще вдобавок вместо ружья охотился с луком. Понятно, что он постоянно находился в долгу и, несмотря на обилие зверя, голодал. Предания шорцев полны рассказами о изнурительных голодовках, которые участились с введением ясака. Не случайно в исторических документах встречаются указания в роде следующего: „и в отписке твоей написано на 148 г. Кузнецкого уезду с ясачных людей взято за двадцать девять соболей, лук телеский, шапка, да двадцать один таган железные и оставлены в Кузнецком остроге, а что тому луку и шапке и таганам кузнецкая цена, того в отписке твоей и в ясачных книгах не написано“.⁴ Это говорит за то, что неулов зверя или бедность плательщика не являлись препятствием к взиманию ясака, ибо в ясак брали даже необходимые вещи из обихода.

На сборе ясака наживалась вся без исключения администрация: джунгарская, русская, позже своя шорская. Из охотников производителей выколачивался не только прибавочный, но и необходимый для жизненного существования продукт. Сборщики алмана и ясака не останавливались ни

¹ Заметки кочевого алтайца. Вестник ИРГО, XXIV, 1858, стр. 91—93.

² Томские губ. вед., 1864, № 24.

³ Акты исторические, т. I—IV, стр. 53.

⁴ Царская грамота Кузнецкому воеводе Дементию Кафтыреву. Акты историч., т. III, стр. 374.

перед какими жестокостями для того, чтобы как можно больше его собрать. Например, в 1717 г. уже упоминавшийся посланец джунгарского хана Манзу „во всех ясачных волостях с ясачных татар велел готовить на контайшу алман, всякому человеку на 30 полиц куяшных, да по 30 стрельных железцов, по 2 горшка железных, по наковалну, по 2 молота, да по клещам, и в подгорной в Забийской волости ясачным людям угрожали: буде вышепомянутого алмана всего не изготовят и за то их ясачных хотели перевешать и хлеба их пожечь, и о том в Кузнецку от них ясачных иноземцев есть многие избиты, а именно: Кондомских Себиской волости (род Себи. Л. П.) Комзычана Куздеева, Горсоякова улуса Акбаша Шоурчина, Борсояцкой волости Козмачак Шоурчина“.¹ А проезжавший от джунгарского хана в 1710 г. за сбором алмана князец Байгорок „ясачных иноземцев Чеоктонов улус 6 юрт разбил, и ясачного татарина Чеоктона поймав, у живого глаза велел выколоть, и ременья из спины вырезали, и повесели на дерево“.² Список подобных жестокостей можно было бы удлинить.

Выше мы уже приводили примеры, что и русские казаки, сборщики ясака, мало чем отличались по методам сбора ясака от джунгарских сборщиков, и если у нас нет сведений о том, „что казаки резали“ „ременья из спины“ (хотя утверждать это довольно рискованно), зато мы знаем, как они „рубил в пень“ ясачных, оказывавших сопротивление при сборе ясака.

Когда царская Россия полностью покорила южную Сибирь и присоединила в русское подданство племена северного Алтая, эти земли особым указом от 1 мая 1747 г. были объявлены частной собственностью царствующего русского императора, и сбор ясака у шорцев был возложен на башлыков (paştyklov).³ Получение права сбора ясака башлыками или паштыками являлось для них огромной привилегией, открывающей почти неограниченные возможности эксплуатации своих сородичей. По закону ясак должны были платить мужчины в возрасте от 18 до 50 лет.⁴ Паштыки же облагали ясаком население с 15 лет и присваивали эти взносы себе. Собираение ясака составляло одну из наиболее прибыльных статей их обогащения.

Особенно увеличились злоупотребления со стороны паштыков с того времени, когда ясак стал исчисляться в денежных единицах. У нас нет

¹ Памятн. Сибирской истории, кн. II, стр. 319.

² Там же, стр. 310.

³ Именным указом Сибирского Приказа от 15 декабря 1763 г. ясачная мягкая рухлядь передавалась Кабинету царя. Это было подтверждено именным указом в 1782 г. от 31 декабря (Полн. собр. зак., т. 21, стр. 720). На основании именного указа от 21 июня 1827 г. в кабинет стала поступать и подавать с „инородцев“, переведенных „в оседлое состояние“, до этого плативших ясак (Полн. собр. зак., т. 2, стр. 547). С 1 ноября 1832 г. подушная подать „сибирских инородцев“ была передана из ведомства Кабинета в ведомство Казначейства (Полн. собр. законов, т. 7, стр. 816).

⁴ Полн. собр. законов, т. 2, стр. 548—549.

данных сказать точно, когда это случилось, но известно, что третья ревизия (Щербачева) исчисляла ясак в денежных единицах, хотя взнос его производился пушниной по соответствующей расценке. У шорцев нам удалось записать следующее предание, которое, как мы подсчитали со стариком Шулбаевым, относится ко времени приезда майора Щербачева в Сибирь (1763 г.). В это время приехал в Кузнецк чиновник по имени „Камыс“¹ переписывать шорцев, чтобы назначить новый ясак. Дальше Кузнецка этот чиновник не поехал и непосредственно у шорцев не побывал. Поэтому князек кобыйцев (растьк) по имени Очак (Осак) из тел'я Шулбаевых, живший по реке Кобырзе, решил лично повидаться с чиновником и поехал в Кузнецк. Чиновник в то время уже выехал из Кузнецка. Очака это не остановило, и он решил догнать его. Ему удалось нагнать чиновника около Томска. Очак повидался с чиновником и просил его о снижении „албана“ (ясака), мотивируя тем, что шорцы живут очень бедно и не могут платить ясак, которым они обложены. Очак сказал, что хлеба они сеют очень мало, так как мешает тайга, расчищать ее трудно и питаются они кандыком и сараной (Очак показал чиновнику эти корни, которые он предусмотрительно захватил с собой), что скотоводством шорцы совсем не занимаются, что у всех кобыйцев не насчитать 1 десятка лошадей, другого скота нет совершенно, что зимой ходят на лыжах, а летом пешком, лодки делать из осины очень трудно и лодки эти непрочны, не „дюжат“ и одного лета, так как в шорских таежных реках много острых камней. Чиновник выслушал это и сказал: „хорошо, теперь вы на деньги будете платить 1 руб. 70 коп. с души“. И долгое время кобыйцы так и платили.²

С переходом от натурального ясака к денежному большинство шорцев попрежнему продолжало вносить ясак пушниной. Паштыки продавали собранную пушнину на рынке и вносили в казначейство сумму, причитающуюся по окладному листу. Это создавало условия для новых способов обогащения паштыков, которые теперь выступали в качестве посредников по ежегодному сбыту пушнины на рынок. На этих посреднических операциях они наживали большие суммы.

Принимая пушнину в счет уплаты податей по казенной цене и дешевле, шорские паштыки, как и алтайские зайсаны, продавали эту пушнину по рыночной цене, а разницу клали себе в карман.

Взнос податей или ясака пушниной был явно невыгоден для производителя, потому что таким образом весьма обесценивалась добытая им продукция. Но это было очень выгодно для паштыков. Поэтому они не устанно внушали шорцам, что взнос ясака деньгами превратит их „в рус-

¹ Мы полагаем, что предание передает не собственное имя чиновника, а искаженное шорским произношением слово „комиссия“ — „камыс“.

² Согласно официальным данным ясачные сибирские губернии должны были платить до 1810 года денежную подать в размере 44 коп. с души. См. Полн. собр. законов, т. 32, стр. 748.

ских крестьян“, после чего русское правительство будет брать их на войну.

С другой стороны, чаще всего убыточность уплаты ясака пушниной во второй половине XIX столетия сказывалась в том, что шорцы, боясь денежных взносов по указанной выше причине, вынуждены были сами покупать пушнину по цене гораздо более высокой, нежели у них принимало казначейство. По этому поводу А. В. Адрианов писал о шорцах: „Как и прежде, они платят часть ясака, и непременно определенное количество, одни волости — только соболями, другие — белкой и колонком, смотря по тому, каким зверем чья тайга изобилует, а остальную часть доплачивает деньгами. Убытки терпят вследствие несоразмерной разницы между действительной стоимостью шкурки и ценой, по какой она принимается в казначейство. Так, соболей для ясака покупают, например: Кондомо-Борсоятская волость 20 шт. по цене от 9 до 25 руб., а в казначейство сдает... от 4 до 7 руб., Кондомско-Карачерская волость платит колонком, покупая его по 1 руб. за штуку и сдавая никак не дороже 50 коп.“¹ Надо заметить, что, согласно закона 26 сентября 1862 г., казначейство обязано было принимать в ясак шкурки зверей по цене, существующей во время приема в вольной продаже.² Очевидно, чиновники казначейства не выполняли данного закона и, пользуясь темнотой шорцев, наживали на приемке ясака целые состояния. Сам акт сдачи ясака был обставлен такими бюрократическими затруднениями и формальностями, рассчитанными на вымогательство, что по словам Адрианова „Рад-радехонек инородец, получивший квитанцию в приеме ясака, — рад, что ему удалось сдать по 7 руб. тех соболей, за которых родовичи платили по 18 р.“³ Особенно выгодна была подобная сдача ясака торговцам-шорцам и башлыкам, которые, благодаря такому обычаю (ими поддерживаемому), купленных у охотников за бесценок соболей продавали им же для ясака по невероятно вздутой цене. Совершенно прав был миссионер Вербицкий, когда он писал о причинах такого положения следующее:

„Взнос ясака пушным зверем, вместо денег, очень невыгоден для инородческих волостей, так как волость сама покупает соболей несравненно по высшей цене, нежели за какую они принимаются в казначейство. Почему же они не прекратят взнос пушнины, когда и полицейское начальство и мы постоянно внушаем им, что этот взнос не обязателен, его можно заменить и деньгами. Это, вероятно, потому, что башлыкам и сильным людям выгоднее сбывать своих соболей в ясак за самую высокую цену, которую они слупят с волости. Да и вообще ясак собирается вовсе не по ассигновке полицейского управления, всегда предшествующей, как и выше было сказано, сбору ясака, а гораздо выше, если не вдвое, ибо к ясаку же причитается: угощение всей волости и посторонних гостей в обильном

¹ Адрианов, Кузнецкий край, стр. 295.

² Полн. собр. законов, т. 37, отд. II, Дополнение, стр. 22 (собрание 2-е).

³ Адрианов, Кузнецкий край, стр. 300.

количестве вином, мясом конским и коровьим, поездка целой ватаги с ясаком, с платой каждому за себя и за лошадь, на содержание ясачников в дороге и городе, которые, конечно, не довольствуются уже, как дома, толканом, а на волостной счет кушают мясо и попивают вино сколько душе угодно.¹

Вербицкий справедливо указывает также, что ясаку собиралось гораздо больше, чем предусматривалось окладными листами.

Благодаря такой хищнической системе сбора, размер взимаемого ясака на деле в несколько раз превышал окладную сумму. Паштыки в Шории, как и зайсаны в Ойротии, кроме того, что клали себе в карман часть собранного ясака, еще собирали ясак с некоторым излишком, который шел на подарки русскому начальству г. Бийска и Кузнецка, куда возили сдавать ясак. Радлов так и писал про шелканцев: „Зайсан въезжая в Бийск, должен везде делать подарки, так как иначе его лучшие меха зачастую будут забракованы как негодные“.² Другой исследователь должен был констатировать: „Несмотря на то, что инородцы поставляли лучшие меха, да худшее у них и не принимали, несмотря на то, что эти меха они покупали у торговцев, ценные соболи все-таки часто не доходили по назначению и по этому поводу завязывалась между канцеляриями переписка, причем местные власти отписывались и отговаривались тем, что звероловство у инородцев уменьшается и на зверя был неулов“.³

Изложенное выше дает нам достаточно оснований рассматривать ясак, как всеобщую форму эксплуатации. Мы определяем ее для шорцев как ренту продуктами, как налог пушниной, взимаемый русским царем на основе присвоения им земель Шории в частную собственность. Обложив шорцев данью, томские воеводы построили Кузнецкий острог и с этого времени обширные Кузнецкие волости, где жило обьясаченное население, считались собственностью Российской державы. Стало быть ясак, вносимый шорцами, представлял собой одновременно ренту и налог, так как непосредственным производителям, шорцам, противостояло Русское государство не только как таковое, но и как суверенный земельный собственник. А в таком случае, как доказали исследования Маркса, „рента и налог совпадают, или, точнее, тогда не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы ренты“ (Капитал, т. III). Непосредственный производитель, шорец-охотник, пользовался землей, номинальным собственником (после акта захвата) которой являлось русское государство. Однако, охотник-шорец владел и собственными средствами производства. Поэтому выкачивание прибавочного продукта из него русским царем производилось принудительным путем, путем внеэкономического принуждения, путем установления личной зависимости охотника Шории от царственного

¹ Записки миссионера за 1874 г. Томские губ. вед., 1875, № 25.

² Aus Sibirien, I, S. 361.

³ Н. Ядринцев. Алтай и его инородческое царство. Исторический Вестник, 1885 г., № 6, стр. 624.

захватчика земли. Это внеэкономическое принуждение, личная зависимость населения Горной Шории от царя выражалась прежде всего в том, что шорцы являлись верноподанными „белого царя“, являлись его „ясачными, тягловыми людьми“, его крепостными, и еще в том, что они обязаны были платить налог пушниной — ясак, который мы рассматриваем как ренту продуктами. Но возникает вопрос, всегда ли ясак шорцев являлся рентой продуктами, налогом одновременно, как мы это утверждали выше. Всегда ли на протяжении трех столетий русского господства над шорцами под ясаком нужно понимать одну и ту же экономическую категорию. Мы полагаем, за указанный период ясак не являлся одной и той же экономической категорией. Первоначально, когда земли Шории еще не были присвоены номинально Россией, а позднее лично царствующим императором, обложение русским ясаком означало по существу обложение данью. Объясачивание выражало силу русского царя, уплата ясака свидетельствовала о признании силы и власти „белого царя“.¹

Казачьи военные экспедиции, проникая в Северный Алтай, налагали на то или иное племя или род, обитающие вне пределов Российской территории, определенную дань пушниной, захватывали с собой, в обеспечение этой уплаты, заложников и возвращались на свою территорию в свой острог или город, откуда они совершали свой поход. Но обложение данью в конце-концов неизбежно влекло за собой присоединение к России и территории ясачных, по принципу „где мои люди, там и земля моя“. По этому поводу один из историков Сибири заметил: „ясак, однажды взятый, влек за собой вечную обязанность подданства, сколько крат не изменили бы объясаченные. И за это правило Сибирь не щадила своей крови, и устояла в правиле“.² Точнее было бы выразиться, за обеспечение этого правила царское правительство не щадило крови объясаченных. Объясачивание, как мы видели выше, было крупнейшим доходом Московского царя, поступление которого обеспечивалось воеводским аппаратом. Военные операции русских казаков являлись своеобразной формой связи с кочевым и бродячим населением Сибири и имели первоначально целью получение пушнины, необходимой для царской казны и торговли. Шорцы-охотники являлись лакомой приманкой для царских воевод. Однако, объясачивание шорцев, как говорилось выше, было сопряжено с известными затруднениями, ибо шорцы были данниками киргизских князей и могущественного джунгарского хана. Долгое время племена Северного Алтая служили предметом споров между Джунгарией и Россией, пока Россия не воспользовалась благоприятным моментом, когда Китай разгромил Джунгарию в 1756 г., и не захватила упомянутых ясачных и их земли в безраздельное господство.

С захватом в собственность Российского государства земель ясачных — ясак из периодически накладываемой дани превратился в ренту про-

¹ См. Маркс и Энгельс. Сочинения, т. IX, Партиздат, М., 1932, стр. 82.

² Н. Словцов. Историческое обозрение Сибири, стр. 32.

дуктами, в регулярный налог пушниной, которую шорцы должны были доставлять русскому государству как собственнику главного условия производства. Теперь устанавливаются более или менее постоянные размеры ясака, определяются категории населения обязанных платить ясак, вводится индивидуальная ответственность каждого плательщика за своевременность и полноценность уплаты ясака, в противном случае плательщик рисковал своим имуществом, как скудно оно ни было бы, кроме того мог быть подвергнут телесному наказанию и т. п. Захват Российской державой новых территорий делал возможным изменение формы эксплуатации населения данных территорий. Непостоянная дань заменяется регулярным налогом, поступающим в той же пушнине. Замена ясака данью, ясаком-налогом, давало большое увеличение дохода царю. Теперь пушнину доставлял каждый производитель-охотник, способный ходить на промысел. Это заставляет ввести учет всего подведенного „под высокую руку царя“ мужского населения. С этой целью в Сибири производилась перепись ясачного населения. Правда, такие переписи происходили довольно редко, отличались крайней неточностью и весьма тяжело отражались на положении ясачного населения. Достаточно указать хотя бы на такую сторону дела, что по окончании переписи и раскладки ясака — ясачные платежные ведомости как бы застывали на долгое время, до следующей переписи. Жизнь шла вперед, люди старели, умирали, но это не находило отражения в окладных списках. За умерших и престарелых людей многие племена и роды платили ясак десятками лет только на том основании, что умершие и состарившиеся лица продолжали числиться в окладных списках. В царском законодательстве даже после принятия „Устава об инородцах 1822 г.“, составленного Сперанским, было сказано: „Само собой разумеется, что за людей умерших и иным образом выбывших после одной переписи подать до другой должна быть вносима сполна наличными в роде промышленниками по раскладке между собой“.¹ Мы располагаем указаниями о производстве подобной переписи племен Северного Алтая, в том числе и шорцев, в 1763 г., во время работы секунд-майора Щербачева, посланного в Сибирь по указу Екатерины II. Комиссия Щербачева, переписывавшая ясачное население Сибири для нового обложения ясаком-налогом, поступила следующим образом: „Каждый род ясачных по числу душ и по состоянию промыслов, иногда и по предварительному согласию родоначальников, обложен податью, исчисленной на деньги, но за тогдашней недостаточностью в деньгах он уровнен в той же окладной книге взносом определенного зверя, как-то: соболя, лисицы, белки и т. п.“² Каждый вид зверя при уплате ясака мог быть заменен другим видом по справочной цене.

Работа комиссии Щербачева, известная больше под названием 3-ей ревизии, по существу имела целью переобложение ясаком Сибир-

¹ Полн. собр. зак., т. 2, стр. 549.

² Н. Словцов. Истор. обзор. Сибири, стр. 31.

ских народов. Хотя в п. 4 инструкции и говорится: „существенное попечение в том и состоит, чтобы при платеже ясака никакой трудности они иметь не могли“, на деле под этим предлогом нужно было увеличить доходы истощившейся казны и, главное, устранить утечку ценной пушнины в руки многочисленных сборщиков, оценщиков, которые систематически и самым наглым образом наживали на сборе ясака состояния. Злоупотребления в данной области достигли таких размеров, казна терпела от них такие убытки, что стало невозможно об этом молчать, и сибирские канцелярии доносили: „ясачные по незнакомству с формами суда и по незнанию грамоты, яко степной и подлый народ... как оный начать не разумеют и потому в своих обидах без всякого удовольствия оставаться могут“. ¹ „Великие обиды и лихоимства“, творимые боярскими сынами при сборе ясака, нарушали прежде всего интересы казны и это заставило Екатерину II дать Щербачеву право на производство расследования и суда подобных лихоимств. Однако, вскоре же Щербачев был отозван в столицу и проведение инструкции, данной Щербачеву, было возложено на сибирского генерал-губернатора Чичерина. В. К. Адриевич замечает по этому поводу: „Переоброчивание ясачных, по распоряжению сибирского губернатора, сопровождалось большими злоупотреблениями и тянулось очень долго“. ² Выяснилось, что местное сибирское начальство всячески сопротивлялось проведению инструкции. Воеводы давали взятки чиновникам, производившим перепись, за то, чтобы те не ездили к ним в волости, как это выяснилось из дела Кузнецкого воеводы Афанасия Аносова. ³

С той же целью обеспечения бесперебойного и своевременного снабжения казны ясаком в инструкции предлагалось договариваться с родовыми старшинами, с князьями об установлении подушного ясака на род или племя, с тем чтобы ответственность за исправное поступление ясака в казну возложить на князцов и старшин и тем самым передоверить им право сбора ясака. Нужно ли говорить, насколько это выгодно было для князцов и паштыков, после того как мы выше привели к тому ряд доказательств. Между прочим, после ревизии 1763 г. следующая перепись была произведена в 1816—1817 гг.; за эти годы с ясачных брали ясак по книгам 1763 г. Результаты такого метода исчисления ясака хорошо показывает на примере Туруханского края аудитор Камаев, который свидетельствует, что за это время в Туруханском крае вымерло $\frac{3}{4}$ ясачного населения, а оставшаяся четверть должна была вносить ясак полностью по спискам 1763 г. за всех. ⁴

Такова, в общих чертах, картина обложения ясаком населения Горной Шории.

¹ В. Адриевич. Исторический очерк Сибири, т. IV, СПб., 1887, стр. 229.

² Там же, стр. 229.

³ Там же, стр. 230.

⁴ Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 571.

Нетрудно видеть из изложенного, какую роль играл ясак в экономической жизни шорцев. Он разорял трудящихся охотников, парцеллизовал хозяйство, истощал и пролетаризировал его. Ясак тормозил развитие производительных сил шорского хозяйства. Постоянная необходимость добывать пушнину задерживала здесь развитие форм хозяйства, связанных с оседлостью, мешала переходу к более высоким формам хозяйства. Ясак задерживал дальнейшее развитие общественного разделения труда. Ясак навязывал шорцам определенный круг деятельности, из которого они не были в состоянии выйти, чтобы не лишаться средств к жизни.

Чтобы скрыть подлинную сущность ясака, как особой формы эксплуатации, отвлечь внимание трудящихся шорцев от налогового гнета, момент сбора ясака обставлялся как можно пышнее, сопровождался обильным угощением вином и мясом, т. е. превращался в праздник. Миссионер Вербицкий следующим образом описывает пиршество по случаю сбора ясака, виденного им среди шорцев, отличавшихся исключительной бедностью: „в одной версте от жилищ, в березовой роще, была торжественная сдача ясака. Народа было мужчин и женщин до 600 человек. Огромные берестяные бураки, в 2 аршина вышины, были налиты аракою, и в каждом бураке помещался берестяной черпак на длинном черенке. Густой пар от кучи горячего мяса, изрезанного на куски, распространялся в воздухе (убито было 2 лошади и 1 корова). Народ разделился на группы, рассевшись на срубленные деревья, сложенные четвероугольниками. Шаман в красной шапке с пучком перьев филина подошел к араке и, зажав глаза, забормотал без бубна и орбы какое-то призывание. После призывания на араку, таковое же было произнесено и на куски мяса, разложенные в бересте, которую двое держали за концы перед самым носом шамана. Далее все стали пить, есть и петь, а наконец некоторые ругаться и драться. Все были сыты, пьяны и нарядны“.¹

Однако скрыть, замаскировать подлинную сущность ясака было довольно трудно. Доказательством тому служат многочисленные „инородческие бунты“, так часто вспыхивавшие в Сибири на протяжении XVII и XVIII вв. Сопротивление трудящихся охотников Северного Алтая беспощадной эксплуатации ясаком выливалось в две формы. О первой форме, форме активного сопротивления, свидетельствуют многочисленные вооруженные восстания, которые назывались в донесениях царю „бунтами“. Такими открытыми выступлениями особенно отличались шорцы или „кузнецкие татары“, как принято было их называть. Объяснение шорцев началось в 1607 г. В том же году они отказались от взноса ясака и подверглись „замирению“. Восстания повторились в 1609, 1614 и 1615 гг.² В 1615 г. шорцы были усмирены со всей жестокостью того

¹ Записки миссионера Вербицкого за 1876 г. Душеполезное Чтение, 1868 г., январь, стр. 150—160; Адрианов. Кузнецкий край, стр. 295—296.

Г. Миллер. Описание Сибирского царства.

времени и три года спустя для устрашения их и для облегчения сбора дани основывается казаками Кузнецкий острог. Постройка Кузнецкой крепости все же не прекратила вооруженных восстаний со стороны „ясашных татар“ — шорцев. Восстания возобновляются в 1621, 1629, 1651, 1710 гг. и т. д.¹ Одновременно, по историческим документам, устанавливается и вторая форма сопротивления (пассивная форма) — побеги, убегания целыми родами от уплаты ясака. В 1642 г. „Кондомские и Мрасские ясачные люди“, т. е. шорцы, убежали к киргизам (см. введение). В документах XVIII в. читаем также про побеги кузнецких ясачных людей: „Да 1714 г.... из Кузнецка, посланы были Кузнецкие сын боярской Андрей Ефремов с служилыми людьми в калмыцкую землю Контайшина владения к князю Бэконю для сыску беглых ясачных людей, которые бежали в 1713 и 1714 годах из разных Кондомских волостей, Боочин Чекван с товарищи, человек с 50. И он де Бэкон у себя ясачных оных сказал, а сыскивать их и ясаку с них брать не велел: и послал де оных служилых людей под караул в улус к князю Манзу Бойдоеву, и держал де их и морил голодною смертью многое время и потом он же Манзу бранил их всячески и называл собаками и свиньями и хотел бороды и брови оборвать.... Оне же калмыки ясачные иноземцев Карсагалцов и Таутелеут, которые платили его императорскому величеству ясак с давних лет, и тех укрывают у себя многие годы и ясаку давать не велят“.² Можно было бы предположить преимущество положения в киргизском или джунгарском подданстве, если туда бежали ясачные люди. На деле же положение охотников шорцев под игом джунгарских феодалов не было легче. Из рапортов казаков Шорохова и Пойлова, представленных Кузнецкому воеводе Шапошникову в 1745 г., мы узнаем об отдаче джунгарскими зайсанами прибывших беглецов из Кондомских волостей „лучшим татарам“ т. е. богачам, баям, у которых беглецы должны были жить на холопском положении, пока их не извлекали оттуда казаки, посланные Кузнецким начальством „для сыску беглых“.³ О тягости и невыносимости гнета джунгарских феодалов, сборщиков алмана, также красноречиво говорят те же самые убеги и побеги. Так например, известно, что один шорский башлык в Мрасской волости по имени Ебога, обязанный платить „алман“ джунгарскому хану, сумел в течение семи лет убежать со всеми своими подданными от сборщиков алмана.⁴ Те же факты известны по преданиям алтайцев, когда от гнета джунгарского хана бежали, случалось, и в подданство русского царя. В преданиях, записанных А. В. Анохиным, говорится: „Во время ойратского (джунгарского) владычества, когда жил шаман Чабаш от хана Нама вышло распоряжение сжечь всех шаманов, а с народа собрать алман

¹ Миллер. Описание Сибирского царства, Русск. историч. библиотека, т. 8, стр. 595—601; Памятники Сибирской истории XVIII в., стр. 92—96 и др.

² Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 11, стр. 322.

³ Чтения..., 1866, кн. 4, стр. 86.

⁴ Там же, стр. 67.

(подать) в таком размере: с сотни голов скота 10 голов. Кто не мог по бедности платить дань, тот должен за это работать в пользу хана. Народ встретил недовольством такое распоряжение и поднял бунт, кончившийся междоусобной резней. Чабаш со своими родственниками бежал от своих стойбищ и перешел в подданство русской государыни Екатерины II¹. Князя киргизов, джунгарский хан так же жестоко карали своих данников киштымов, как и русские воеводы. Известно, как Тубинский князь Каян напал на котов и отнял у них: „не токмо всю заготовленную мягкую рухлядь, но и весь домашний прибор и охотничьи снасти, не оставляя сим бедным людям не одной железной лопатки, чтоб можно было копать из земли на пищу лилейные корни, называемые в Сибири сараною и которые у всех тамошних народов в употреблении“². Стало быть побег от русских эксплуататоров к джунгарским или киргизским и обратно являлись скорее побегами от отчаяния. Доведенные гнетом тяжелой эксплуатации до состояния отчаяния, „киштыми“ или „ясачные люди“ Северного Алтая металась из стороны в сторону, надеясь таким путем выбрать наименьшее зло. Или же убегали в глухие, дикие горы, в дремучую тайгу, словом бежали „в камень и черные леса“ (йышда ташда), как говорится в подобном случае об их предках в Орхонских надписях.³

К концу XVIII в. „инородческая“ Сибирь была в основном усмирена и владычество русского царя укрепилось в Сибири.

Усмирив сибирских ясачных, царское правительство еще сильнее стало нажимать на выкачивание ясака. Ревизия и реформа Сперанского от 1822 г., разделившая „инородцев“ на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих, под видом облегчения налога, увеличили его по сравнению с обложением по 3 ревизии (1763 г.) в несколько раз.⁴ В счет ясака стали заноситься совершенно посторонние поборы и даже взятки. Это положение не улучшила и Ясачная Комиссия, работавшая в Западной Сибири с 1828 г. по 1835 г. Целью работы Комиссии явилось определение, к какому разряду отнести тех или иных „инородцев“, в соответствии с законом Сперанского, и составление окладных книг для кочевых и бродячих инородцев, к которым относились племена Алтая. Несмотря на то, что Комиссия была завалена жалобами „инородцев“ на тяжесть обложения налогом, несмотря на то, что в ряде случаев она признавала несоразмерность налогов и экономического состояния „инородцев“, все же Комиссия произвела новое обложение ясаком, увеличившее ясак, платимый „инородцами“ Западной Сибири в переводе на деньги с 19.169 р. 20 к. до 59.394 р. 60 к., т. е. увеличила ясак в 3 раза.

€

¹ Анохин. Материалы по шаманству алтайцев, стр. 128.

² Фишер, стр. 289.

³ См. Н. Козьмин. Классовое лицо „атасы“ Йоллыг-Тегина, стр. 273; ср. с позднейшими побегами „в камень и черные леса“. Акты историч., т. III, № 108; Пам. Сибирской истории, I; Козьмин. Хакасы, стр. 61—85.

⁴ Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 571.

Очевидно не случайно поэтому Кузнецкий исправник заявил: „некоторые из инородцев не желают учреждать у себя волостных управлений по совершенной бедности, другие по бедности, происшедшей от неурожая в прошлых годах хлеба и уплачивания более восьми лет податей и повинностей за умершие и престарелые души“.¹

Насколько же устраивало ясачных „мудрое“ введение Сперанским признака „оседлого состояния“, можно судить по следующему факту: В 1826 г. значительная часть ясачного населения Кузнецкого округа, „желая избавиться от обязанностей оседлого состояния, удалились в Алтайские горы“.² Перевод на оседлое состояние в окладных книгах означал увеличение ясачной тяготы. Вот почему так боялись такого определения ясачные и бежали от него.

Выкачивание прибавочного продукта трудящихся русским царем-помещиком в форме ренты продуктами — ясака — было заменено после шестидесятых годов прошлого столетия формой денежной ренты. Эта денежная форма ренты должна рассматриваться нами, на основании исследований Маркса,³ как форма превращенной ренты продуктами. Вместо уплаты ясака шкурками зверей шорец должен был вносить деньги, вносить цену этих шкурок. „Вместо продукта непосредственному производителю приходится здесь уплачивать собственнику земли (будет ли то государство или частное лицо) цену продукта“.⁴ Базис этой формы ренты тот же, что и при ренте продуктами. „Непосредственный производитель попрежнему наследственный или вообще традиционный в л а д е л е ц земли, который должен уплачивать господину, как собственнику этого существеннейшего условия его производства, избыточный принудительный труд, т. е. неоплачиваемый, выполняемый без эквивалента труд, принимающий форму прибавочного продукта, превращенного в деньги“.⁵ Все же замена натуральной ренты рентой денежной вносила новый момент в шорское натуральное хозяйство. Теперь охотник-шорец должен был произвести часть продукта для продажи, т. е. произвести как товар и затем реализовать этот товар, превратив его в деньги. Введение денежного налога, как ему не сопротивлялись шорцы, послужило одной из наиболее важных причин, вызвавших разложение в Горной Шории натурального хозяйства, ибо это способствовало товаризации производства и усилению обмена. Вместе с тем, денежная форма ренты резко ухудшила положение трудящихся шорцев, особенно в первый период. Как доказано исследованиями Маркса, денежная форма земельной ренты предполагает развитие торговли, товарное производство.⁶ У шорцев эти условия еще не созрели. Денежное обра-

¹ Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 582.

² Там же, стр. 582.

³ К. Маркс. Капитал, т. III. Генезис капиталистической земельной ренты.

⁴ Там же, т. III, стр. 574.

⁵ Там же, т. III, стр. 574. (Разрядка моя. Л. П.)

⁶ Там же, т. III, глава „Денежная рента“.

щение в Шории было весьма слабым, так как шорцы отдавали пушнину торговцам за товары и за долги. Поэтому большинство шорцев продолжало вносить паштыкам налог пушниной, что, как мы видели, весьма и весьма тяжело отражалось на экономическом положении производителя. Для паштыка и их помощников появились новые способы обогащения, основанные на посреднических операциях.

Денежная форма налога стимулировала и развитие ростовщичества у шорцев, причем ростовщиками делались бай-торговцы и паштыки.

К концу XIX столетия денежная рента была всеобщей формой эксплуатации, посредством которой из трудящегося алтайца выкачивался продукт Кабинетом царя. Это было особенно разорительно для мелких, технически отсталых охотничьих хозяйств. Всю тяжесть налогового пресса испытывали на себе трудящиеся шорцы, ибо паштыки, как увидим дальше, были освобождены от налогов, а бай, при уравнительной системе раскладки „подушно“, платили столько же, сколько любой охотник. Итак — ясак как в натуральной, так и в денежной форме, должен рассматриваться как натуральная, а затем и денежная рента, взимаемая с алтайцев русским императором, противостоявшим непосредственным производителям алтайцам „в качестве земельного собственника и вместе с тем суверена“ (Маркс). Из этого следует, как уже говорилось выше, что в таком случае „рента и налог совпадают“ или, точнее, в этом случае „не существует никакого налога, который был бы отличен от этой формы земельной ренты“ (речь идет о ренте продуктами. Л. П.). Когда ясак, бывший натуральным налогом, превратился в денежный налог, — это значило, что рента продуктами превратилась в денежную ренту, которая „как превращенная форма ренты в продуктах, ... есть последняя форма и в то же время форма разложения ... земельной ренты, ... как нормальной формы прибавочной стоимости и не оплаченного труда прибавочного труда, который приходилось доставлять собственнику условий производства“.¹

Рента продуктами — форма эксплуатации, характеризующая феодальные отношения. И, несомненно, что подданство шорцев русскому царю несло с собой и развивало именно феодальные, крепостнические отношения. Разложение родового строя в Шории получило сильнейший толчок в смысле ускорения этого процесса.

2. ТОРГОВО-РОСТОВЩИЧЕСКАЯ ЭКСПЛОАТАЦИЯ

Известное положение Маркса говорит: „Торговля повсюду влияет более или менее разлагающим образом на те организации производства, которые она застает и которые во всех своих различных формах имеют своею целью, главным образом, потребительную стоимость. Но

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, изд. 8-е, М., 1932, стр. 575.

в какой степени она влияет на разложение старого способа производства, это сначала зависит от его прочности и внутреннего строя. А к чему приводит этот процесс разложения, т. е. какой новый способ производства выступает на место старого, это зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства".¹ (Разрядка наша. Л. П.)

Исходя из этого положения, мы и ставим задачей для настоящей главы показать: как зародилась и в каких формах протекала в Горной Шории торговля, в какой степени она оказала влияние на дальнейшее разложение первобытно-коммунистического способа производства, начало разложения которого мы усматриваем с момента возникновения отцовского рода и патриархальной семьи.

Выше, когда речь шла об образовании отцовского рода и патриархальной семьи, в результате разделения труда, выразившегося в возникновении пушной охоты и металлургии, мы указывали на существование натурального обмена в Горной Шории с прилегающими к ней районами. Обмен этот явился следствием разделения труда между различными районами Саяно-Алтайского нагорья. Мы указывали также, что натуральный обмен у шорцев был развит еще в первой четверти XVII в., когда население Шории обменивало „калмыкам“ (вероятно южным алтайцам. Л. П.) панцыри и бехтерды „на лошадей, коров и овец“. Документы половины XVIII в. также свидетельствуют о существовании натурального обмена у шорцев, которые теперь меняют железные котлы и абылы (мотыги) на „тулупы и войлоки“ тем же алтайцам. Натуральный обмен несомненно разлагающим образом действовал на первобытно-коммунистические отношения. Он же породил первые формы денег. Возможно, до развития пушной охоты, функцию денег в районах северного Алтая выполнял лук и стрелы. Позже — единицей обмена сделались шкурки ценных пушных зверей.

В бассейне Телецкого озера меновой единицей почти до половины XIX в. являлась белка. Русская военно-торговая колонизация считала эквивалентом пушного обращения соболя. Нужно заметить, что и русская торговля в Сибири, в том числе и Шории, долгое время носила характер натурального обмена. Русские торговцы обменивали свои товары на пушнину.

На вопросе русской торговли в Шории мы должны специально задержать наше внимание в соответствии с задачами настоящей главы, ибо русская торговля сыграла здесь огромную роль.

Русская торговля имела в Шории особо благоприятные условия для своего развития, и только благодаря недостаточной исследованности Кузнецка и районов южнее его, русская торговля стала развиваться здесь сравнительно поздно, именно около половины XVII в. Известным тормо-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, М., 1932, стр. 232.

зом к ее развитию служили и те ограничения со стороны монопольного владельца пушных богатств Сибири — московского царя, о которых мы упоминали в главе об ясаке.

В чем выражались те условия в Шории, благодаря которым русская торговля в этом крае, по нашему мнению, должна была развиваться успешно? Нам кажется, они заключались в характере способа производства шорцев, в его слабых сторонах, именно, в слабом развитии земледелия, отсутствии скотоводства и почти полном отсутствии промышленности, немногочисленные проявления которой имели домашний характер. Ориентация шорского хозяйства на охоту за пушным зверем, под влиянием причин, уже неоднократно упоминавшихся выше, ослабляла источники запасов пищи шорцев. Мотыжное земледелие, при всем его напряжении, вполне понятно, не могло удовлетворить выросшие потребности. Скотоводство отсутствовало. Все это создавало в хозяйстве охотников большую брешь, которой воспользовался сначала русский, а потом и зародившийся шорский торговый капитал. Такой же брешью для шорского хозяйства оказался и домашний характер промышленности. Именно этими путями русский, а потом шорский торговый капитал проник в поры охотничьего хозяйства и овладел им, паразитируя на его теле.

Обратимся к вопросу истории русской торговли в Сибири.

Судя по проезжим грамотам, в половине XVII столетия в Сибирь ввозились товары из России (русские и европейские изделия) и из Средней Азии (кашгарские и яркендские товары). Русские товары направлялись, вероятно, через Верхотурье, ибо посаженные пошлины взимались здесь, и отсюда по воде, в дощаниках их сплавляли мимо Тобольского и Нарымского острога в Томск.¹

Из проезжих грамот 1640 г., выданных русским купцам на сумму 9374 руб. 80 алтын и 6 денег, можно составить представление о завозимых товарах. В указанном году были завезены следующие товары: 1) бумажные бязи, бухарские и арабские выбойки, 2) шерстяные сукна, в том числе и английские, 3) льняные и пеньковые холсты, 4) готовое платье („зипуны“ „полукафтанишки“), шапки, пояса, завязки рубашечные и т. п., 5) шелковые товары, 6) кожи выделанные и кожаные изделия (юфти телячьи, красные, сафьяновые, литовские, турецкие, обувь, рукавицы), 7) шубы, 8) зеркала: немецкие, хрустальные, ярославские, 9) металлические изделия и деревянная посуда (котлы, таганы, косы-горбуши, топоры, серпы, ножи, скобы, гвозди, колокольцы, бубенцы, иголки, петли; деревянные чашки, блюда, ложки), 10) жирные товары, москательные и проч.² Из проезжих же грамот за 1640 г. следует, что, несмотря на все ограничения, торговля в это время все же развивалась и из одного только Кузнецка в указанном году

¹ См. Материалы для истории торговли Сибири. Томские губ. вед., 1865, № 10.

² См. Материалы для истории торговли Сибири.

было вывезено 2973 соболя. Вообще же о вывозе пушнины из Кузнецка в 1640 г. дает представление следующая таблица:

Соболей, недособолей и вешних с хвостами и без хвостов	1770 шт.
Соболей, недособолей и вешних с пупками	1203 „
Соболей, недособолей, вешних голых и летних с пупки и без пупков	40 „
Пупков собольих, недособольих и вешних	1777 „
Хвостов собольих, недособольих и вешних	5210 „
Лисиц красных и недолисей	60 „
Куниц и подкуниц	90 „
Хвостов куньих	88 „
Бобров рыжих, карих, летних и вешних	75 „
Ярцов и кошлоков	31 „
Черевесей бобровых	1 пуд 30 ф.
Струй бобровых	1 пуд 17 ф.
Лапок лисьих	137
Лоскутья соболя на	1 рублев

Вывезено из Кузнецка в 1640 г. „По цене всей рухляди на 1844 р. 21 алт. 8 денег“.

Вывозилась из Сибири в это время только мягкая рухлядь и больше ничего, как можно судить из проезжих грамот. „Владельцы этой рухляди“ — по грамотам 1640 г. — были преимущественно: „торговые, промышленные и служилые люди и, между прочим, двое крепостных: один крестьянин вологодского архиепископа, другой Троицко-Сергиевского монастыря. Оба они ходили за соболями в Енисейск. Самыми крупными торговцами рухлядью были: торговый человек москвитин Исак Ревякин, три прикащика которого вывезли в 1640 г. на 2329 руб., что составляет почти половину всего вывезенного количества: прикащик торгового человека москвитина Кирила Босаго вывез на 665 р., торговый человек москвитин Толстоухов на 500 руб. и прикащик торгового человека Лалетина на 440 руб.“.

Приезжавшие для покупки пушнины торговцы имели с собой по несколько человек „для нартной тяги“, как указано в проезжих грамотах. В виду глубоких зимних снегов в Кузнецком и Томском крае, при слабом развитии скотоводства, передвижения зимой совершались, очевидно, на лыжах, и всякая кладь тащилась сзади на нартах, которые были широко распространены, хотя бы у тех же шорцев. Купеческие приказчики, закупая пушнину, укладывали ее на нарты и специальные возчики транспортировали нарты с пушниной на лыжах. Отсюда становятся понятными соответствующие места проезжих грамот. Например, в одной из них за 1640 г., выданной приказчику Лалетина, Мишке Тимофееву, сказано: „да с ним же Мишкою для нартные тяги промышленные люди Карпушка Важенин да

Васька Провов“. В другой, выданной крестьянину Федьке Михайлову, говорится: „да с ним же Федькою для нартные тяги гулящий человек Мишка Григорьев“.¹

Кроме торговых, промышленных и служилых людей, торговал в Сибири и сам царь. Грамота царя Алексея Михайловича от 16 марта 1666 г. предлагает в ряде Сибирских острогов, в том числе и Кузнецком, открыть торговлю вином.² Такая же грамота была повторена Петром I. В виду ее яркости приведем ряд выдержек: „1710 года августа... день, по указу великого государя-царя и великого князя Петра Алексеевича всея великия и малыя и белыя России самодержца, память таможенному, и заставочному, и кружечных дворов голове москвитину Василию Кулакову с товарищи. По указу великого государя и по грамотам из Сибирского Приказа, велено для умножения его великого государя казны Томского уезду в селах и острогах, или где пристойнее в урочных местах, построить кабацкие избы и погреба... для продажи государева горячего вина и пива, куда сколько ведер будет удобно... то вино и пиво продавать всякого чина людям настоящей указною ценою на деньги, а у кого денег не прилучится, а явится у них мягкая рухлядь — белки и горностаи, и лисицы, и соболи, и у них имать за вино и за пиво мягкую рухлядь недорогою повольною ценою... рухлядь объявлять в Приказной избе князю Юрию Ивановичу Гагарину, да дьяку Максиму Романову...“

Роспись, какого зверя и в которую цену за напойное вино и пиво брать: горностаи один за 2 алтына; десять белок по 2 алтына, по 2 деньги; красные лисицы по 26 алтын по 4 деньги, соболя по полтине“.³ (Разрядка наша. Л. П.) В этом документе весьма красочно выступает один из наиболее хищнических и гнусных методов русской торговли в Сибири, которая сделала водку наиболее ходким товаром и почти в течение трех веков спаивала коренное население Сибири. Не случайно, путешествовавший в 30-х годах по Алтаю Гельмерсен писал: „когда телеуты приезжают весною для промена звериных шкур, то их до такой степени упивают, что они в опьянении отдают весь свой товар за самую безделицу“.⁴

Установив время зарождения русской торговли в Шории, мы опишем ее по материалам, относящимся к XIX и XX вв.

Русские торговцы сосредоточивались в г. Кузнецке.

¹ Томские губ. вед., 1865, № 11.

² Исторические акты XVII столетия. Томск, 1890. Грамота Томским воеводам Салтыкову и кн. Мещерскому.

³ Томские губ. вед., 1864, № 31.

⁴ Горный Журнал, 1840 г., ч. I, стр. 258. Необходимо отметить, что Гельмерсен за телеутов принял, вероятно, кумандинцев, как это вытекает из описания быта, костюмов, а, главное, местообитания их. Гельмерсен пишет про население берегов р. Бии, а здесь жили и продолжают жить кумандинцы.

В виду исключительного бездорожья Горной Шории в течение круглого года русские купцы, обычно жившие в Кузнецке, не ездили вглубь Шории, а посещали ближние от Кузнецка шорские селения и здесь заводили из среды шорцев, чаще „абинцев“, знакомых, которых вскоре же превращали в своих агентов и уже эти агенты проникали в самые отдаленные уголки Шории, выкачивая ценную пушнину, а позже орех кедровый и мед.

Завязав знакомство в ближайшем от Кузнецка шорском селении, русский купец становился „танышем“, т. е. знакомым, приятелем. В дальнейшем отношения между ними развивались в следующем порядке: осенью шорцы таныши „являются к своим купцам с боченком вина и после благопожеланий с обеих сторон распивают его, без чего никаких операций торговых здесь не бывает и быть не может. По угощению, купец ведет танышей своих с их женами и детьми в свою лавку. Таныши набирают товар, какой приглянется, каждый от 100 до 300 руб. сер., укладывают во выюки, заходят опять в дом к купцу, справляются с боченком и на прощанье, кроме товара, еще получают денег рублей по 50 и более, смотря по состоянию, для собственных оборотов. Чем проще купец держит себя в обращении с инородцами, тем более у него танышей, а чем более последних, тем успешнее идет его торговля. Таныши, возвратясь в свои кочевья с деньгами и товарами, раздают и то и другое своим приказчикам в долг же“.¹ По окончании охотничьего сезона, собрав пушнину, таныши везли ее своим патронам в Кузнецк, и операция повторялась снова. Надо заметить, что все немногочисленные авторы, писавшие о шорцах на основании собственных наблюдений, указывали на танышество, которое являлось по существу посредничеством и распространялось не только на продукцию зверового промысла. В статье „Кузнецкие инородцы“ читаем: „Звериные шкуры и орехи кочевые инородцы, по заведенному издавна порядку, сдают своим зажиточным собратям по обоюдному условию, а те привозят и продают уже торговцам в Кузнецк“.²

Н. Ядринцев писал: „Около Кузнецка есть уже весьма зажиточные татарские селения (имеются в виду „кузнецкие татары“. Л. П.) и даже богачи из татар, усвоившие русский комфорт. Свои состояния они приобрели благодаря торговле и посредничеству с отдаленными и более чуждыми инородцами лесов“.³ Миротворцев говорил „о причинах зажиточности населения низовьев Мрассы в противоположность бедности обитателей верхнего течения той же реки. Благосостояние первых всецело создано эксплуатацией последних. Первые — торговцы-кулаки, вторые — вечные должники — покупатели“.⁴ В. В. Радлов еще в 70-х годах прошлого столетия объяснял зажиточность ряда селений (напр. Мыски, Красный Яр

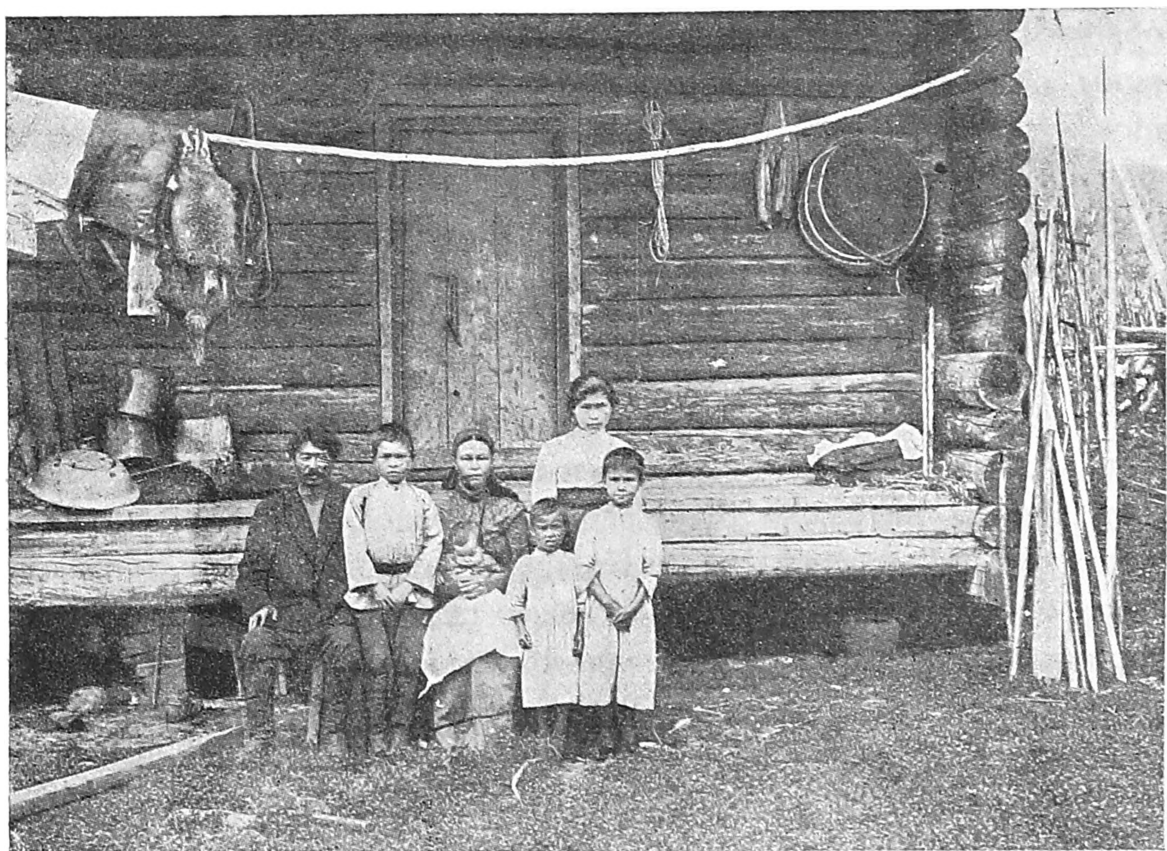
¹ Вербицкий. Алтайские инородцы, стр. 17.

² Журн. мин. вн. дел, 1858, V.

³ Сибирские инородцы, стр. 93.

⁴ Южная часть Кузнецкого имения Алтайск. округа. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайск. округа в 1910 г. Барнаул, 1911, стр. 26—27.

и др.) северной Шории посреднической торговлей их с югом Шории.¹ А путешественник Адрианов дал следующую характеристику деревне (шорской) Осинники: „Эту деревню знает вся чернь (т. е. тайга. Л. П.), потому что находится у нее в кабале; из года в год чернь работает и промышляет на осиновских татар, которые задают своим крещеным и некрещеным сородичам деньги под будущий урожай ореха по 60—80 коп. за пуд, с тем, чтобы за каждый недоставленный пуд орехов в срок, в будущем году доставить два; чаще всего и охотнее всего дают в долг не

Фиг. 26. Семья зажиточного шорца.

деньги, а такой ходкий у инородцев товар как водка, табак, порох и пр., разумеется по баснословной иногда цене, не дешевле, например, 40 коп. за бутылку разбавленной водки. Подобно орехам покупаются мед, воск, белки и вообще звериные шкурки и с такой же неустойкой“.²

Привлеченные материалы ценны тем, что не только показывают значение русской торговли со стороны кабального выкачивания продукции из Шории, но и говорят о влиянии ее на общественную жизнь Шории. Если в большинстве случаев торговля разоряла шорцев, то в некоторых случаях она давала известной части шорцев возможность обогатиться, развить собственные торговые операции и эксплуатировать самым бесстыдным и наглым образом своих же сородичей. Здесь бывшая родовая солидарность заменяется настоящей эксплуатацией, прикрывающейся той

¹ Aus Sibirien, Bd. I, S. 348.

² Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 174.

самой родовой солидарностью, которую она фактически на каждом шагу отрицает. Для нас весьма важно отметить, что русская торговля способствовала выростанию эксплуататорской верхушки шорцев, сосредоточившейся на севере Шории. Нам весьма важно знать, что большинство эксплуататоров торговцев явилось воспитанниками и учениками русских купцов. Этот путь происхождения шорских баев торговцев есть основной, хотя он и не исключает других случаев. Например, известно, что довольно популярный в низовьях р. Мрассы шорец бай Мишегешев, Николай Петрович, живший в селении Тетензу, разбогател следующим образом. Будучи обыкновенным охотником, он имел пару скотин. Задумав сделаться торговцем, он продал своих скотин, кое-какую одежду, взял деньги и пошел промыслять. После промысла не вернулся домой, а спустился из верховьев Томи в Хакасию, к Минусинским сагайцам и на имеющиеся у него деньги купил шкурок белок и соболей, затем возвратился домой и всю пушнину продал с некоторой прибылью своим Мысковским купцам, а впоследствии стал сдавать пушнину в Томск. Так он постепенно рас-торговался, промысел забросил, впоследствии стал ездить даже на Ирбитскую ярмарку.¹ Мишегешев всегда держал дома запасы хлеба, которым кредитовал охотников. А из Томска и из Ирбита привозил красный товар.

Вот эти-то питомцы русского торгового капитала, оперившиеся, окрепшие, хозяйничали в Шории. Крещеные и некрещеные, они заменяли здесь русских торговцев и находились с глазу на глаз с непосредственными производителями, „не уступая по жадности и бесцеремонности наживы самым отчаянным кулакам“.²

Приведем несколько характеристик шорцев-торговцев по материалам, собранным нами лично. В селе Осиновском, том самом, о котором так резко писал Адрианов, в прошлом столетии жил торговец-шорец Куртугешев Назар.³ Он был очень богат и на его средства в селе Осиновском была выстроена церковь. Рассказывают, что за усиленную поставку в Россию пушнины и ореха Назар Куртугешев имел от русского правительства золотую медаль, кроме того обладал званием купца первой гильдии.

Назар Куртугешев вел самостоятельные крупные торговые операции по закупке и сбыту ореха и пушнины. Сбывал продукцию Назар на Ирбитской ярмарке, куда он ежегодно выезжал для заключения торговых сделок с нижегородскими и московскими купцами.

Скупку пушнины и ореха Назар производил в Шории, в южной части. С этой целью он имел многочисленных приказчиков и работников, кото-

¹ Ирбитская ярмарка находилась в г. Ирбите Уральской области. Существовала с XV по XVI вв. Официально была утверждена в 1643 г. Съезжалось на эту ярмарку до 100 000 человек. Кроме российских и сибирских купцов сюда приезжали китайцы и представители западно-европейских государств (Германия, Англия). Еще в 1910 г. до 80% пушнины, составлявшей приблизительно половину всей продукции ярмарки, закупали иностранцы.

² Ядринцев. Сибирские инородцы, стр. 93—94.

³ О нем есть упоминание у Вербицкого, Алтайские инородцы, стр. 22—23.

рые за грошовое содержание (за 15 руб. в год) должны были скитаться по дремучей тайге, раздавая охотникам товары, выколачивая долги, закупая пушнину и орех.

Методы торговли у него были весьма просты и типичны. Он снабжал охотников шорцев всем необходимым (хлеб, конское мясо, соль, огнестрельные припасы, холст, табак, чай) в долг под добычу. Отпускал все продукты и товары он по высоким ценам, обязывая должников рассчитаться продукцией промысла по цене, назначенной им самим. Таким путем всякий охотник, хотя бы один раз кредитовавшийся у Куртугешева, оказывался в долгу, который неимоверно рос и выбраться из этой кабалы было довольно трудно. Механику нарастания долга можно пояснить на следующем примере. Отпустив весной тому или иному шорцу продуктов и товару на сумму 20 рублей, Назар обязывал шорца сдать ему осенью 40 пуд. кедрового ореха, оценивая орех по 50 коп. за пуд, причем за каждый несданный пуд в следующем году должник обязан был сдать 2 пуда. Осенью, предположим, шорец сдавал только 20 пудов ореха, по расчету Куртугешева он оставался ему должным до следующего года еще 40 пудов. Но это еще не все; шорец набирал еще товару у Куртугешева на зиму рублей на 20 на тех же условиях и таким образом долг его Куртугешеву орехом уже вырос до 80 пудов. Это заставляло должника удваивать, утраивать силы по сбору ореха и добыче пушнины, так как долг, не сданный орехом, переводил Куртугешев на пушнину, скидывая за это по 1—2 коп. на шкурку против цены, по которой он обычно покупал пушнину.

Богатство Назара Куртугешева находило свое внешнее выражение в больших, роскошно убранных внутри деревянных домах, огромных двухэтажных амбарах, в обилии скота. Куртугешев имел до десятка постоянных батраков, которые обслуживали его хозяйство, однако, в основном хозяйство Назара обслуживалось трудом должников, шорцев-промышленников, которые являлись к нему, чтобы отработать долги. А должников у Куртугешева было несчетное число. Местная шорская администрация, *раштык* и его помощник, всецело находились в распоряжении Куртугешева. Они всегда были готовы на деле показать ему свою преданность, и это весьма облегчало Куртугешеву дело выколачивания долгов с закабаленных шорцев. Н. С. Куртугешев был теснейшим образом связан и с царским правительством. Кузнецкое начальство находилось с ним в хороших отношениях. Куртугешев считал кузнецких чиновников (например, исправника) своими лучшими друзьями, что чрезвычайно сильно укрепляло веру шорцев в силу и могущество бая Куртугешева.

Само собой разумеется, что Назар Куртугешев не был одинок. В том же селе Осиновском жили шорцы, торговцы братья Куртугешевы, Иван и Алексей, имевшие большие дома и амбары. Много было баев торговцев и в с. Мыски, близ устья р. Мрассы. Таков был Тодышев, Федор Степанович, посещавший Ирбитскую ярмарку и имевший в Мысках

два дома и трехэтажный амбар в 40 аршин длиною. Он держал много скота, преимущественно лошадей, для транспортировки своих закупок. У него жило до десятка батраков-шорцев. Однако, хозяйство его обслуживали еще и должники-охотники, которых он принуждал за долги работать у него на покосе. В Мысках же жил Тодышев, Михаил Ильич, торговавший не только в Шории, но ездивший и в Ирбит. В одном из его больших деревянных домов в настоящее время помещается „радио-узел“. А рядом с ним стоит еще двухэтажный дом, занимаемый сельсоветом, который нажил торговец бай Тодышев, Иван Михайлович, кроме того имевший большой двухэтажный амбар. Этот представитель Тодышевых также был лично связан с Ирбитом. Наконец, можно упомянуть еще про Тодышева, Ивана Ильича, жившего также в Мысках, имевшего прекрасный, крытый железом дом (фиг. 27) и трехэтажный огромный амбар.¹ Нет нужды перечислять всех баев этого села, упомянем о некоторых баях-шорцах, живших в других пунктах, чтобы иметь представление, насколько широко раскинулись по Шории торговцы-ростовщики перед Октябрьской революцией. В поселке Красный Яр (р. Мрасса), почти сплошь состоящем из торговцев шорцев, был наиболее знаменит „коҗайн“ Акужаков, Егор Степанович. Шорцы называли торговцев термином „бай“, но если данный бай имел, кроме оперативной торговли по району, еще и постоянную лавку или магазин в каком-либо селении, его называли уже не бай, а „коҗайн“ (очевидно, русское слово „хозяин“). Так вот, Акужаков был „коҗайн“, так как имел в Красном Яре магазин. Он обладал двумя большими „крестовыми домами“ и амбарами, также ездил в Ирбит. В улусе Тетензу имел резиденцию уже знакомый нам бай Мишегешев Н.П. Он имел большое недвижимое имущество: двухэтажный крестовый дом, один трехэтажный амбар, три амбара одноэтажных, держал лошадей, коров. Посещал Ирбит. В улусе Балбынь пользовался известностью бай Чульжанов Опчун.

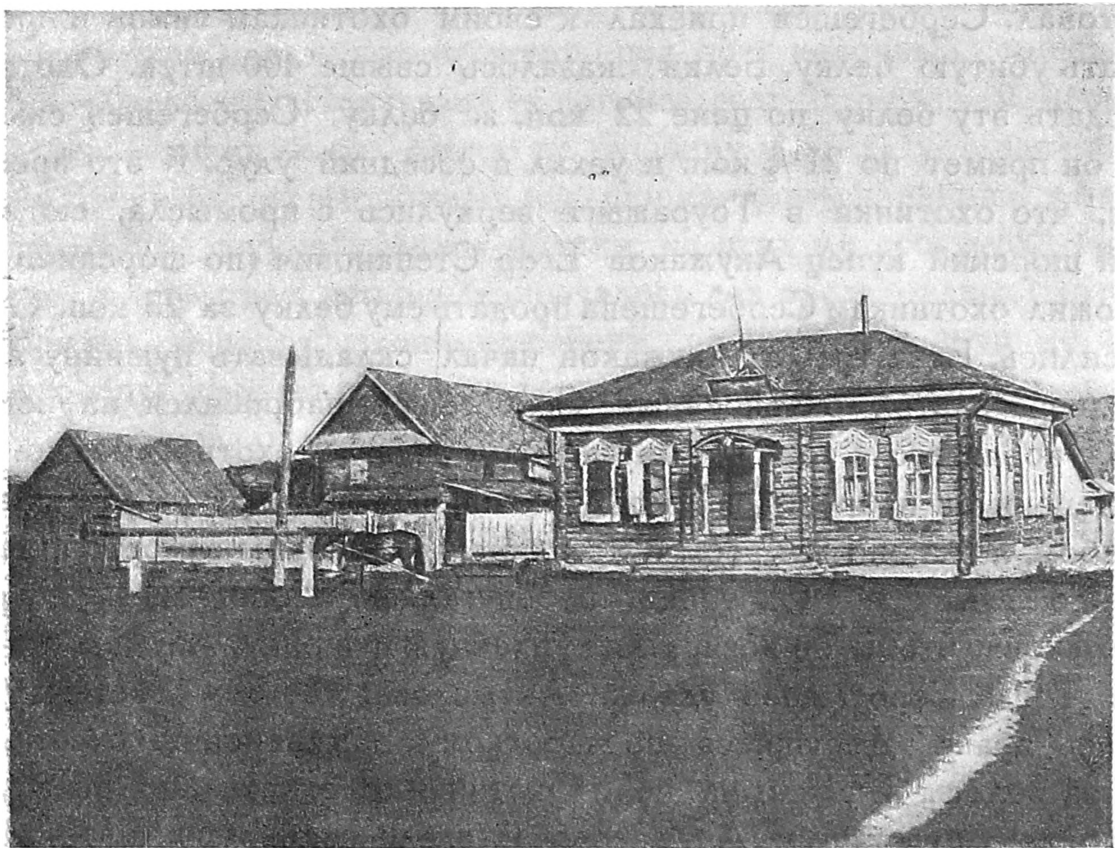
Но не только в северной части Шории свили себе паучьи гнезда шорские бай. Они, хотя и в меньшей степени, но все же были известны и на юге, среди отсталого охотничьего населения, за счет которого жили вообще все шорские бай. Так, в улусе Усть-Анзас (верхнее течение Мрассы) был известен своими торговыми операциями Кирсанов, Степан (жил несколько выше Усть-Анзаса в Ак-кае). В улусе Кечин-Качы — Мыколай, о котором еще будет речь впереди.

В улусе Усть-Кобырзу — Маскей, популярный своим богатством и большой пасекой. В улусах Таяш и Челейзу-Анзас — бай братья Ачай и Салбанок нажили двухэтажные дома, значительные суммы денег. Вначале они занимались перепродажей золота, которое скупали у рабочих с приисков, потом перешли на менее опасную и заведомо прибыльную скупку и продажу пушнины и орехов. Адрианов сообщает о торговце Тарыне,

¹ Об одном из баев Тодышевых есть упоминание у О. Троицкой. Вверх по Томи и Мрассу. Просвещение Сибири, 1927, № 2, стр. 93.

торговавшем пушниной, орехом и медом и жившем по долине Онзаса среди шорцев рода *tajaş* и *keciñ*.¹ В верховьях р. Кондомы жил бай Чугучак, державший население в своих руках через посредство торговых же операций.

Этот список шорских баев-торговцев можно было бы еще во много раз увеличить. Но и этого достаточно для составления суждения о том, как далеко зашел процесс разложения родового строя у шорцев до Октября. Фактическим хозяином в шорских поселках перед Октябрем был

Фиг. 27. Дом бывшего бая Тодышева (с. Мыски).

несомненно бай, притом бай из своих же шорцев. Уже перед империалистической войной в Шории не было русских скупщиков пушнины и ореха. Русские купцы сидели в городах. Только некоторые крестьяне-кулаки (русские) занимались скупкой меда, который они в большом количестве сбывали в г. Барнаул и в с. Сузун. Торговцы в Шории были почти исключительно из шорцев. Во избежание конкуренции, шорские купцы закрепляли за собой определенные районы шорцев-охотников, и каждый купец эксплуатировал „своих“ охотников, охотников „своего“ района и не имел права закупать пушнину у охотников другого купца. Охотники были поделены между купцами и закрепощены. Закрепощение это шло по линии постоянного кредитования одним купцом охотников определенного района. Купец завозил к своим охотникам все необходимое им для промысла и

¹ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 195.

жизни, и охотники эти находились у него в вечной кабале. Это не значит, что не было попыток или случаев, когда один купец пробовал покупать пушнину не у „своих“, а у „чужих“ охотников. Такие случаи были, и некоторые купцы на этой почве враждовали между собой, дело доходило даже до рукопашных схваток. Все это можно проиллюстрировать на конкретном примере. В улусе Мыски (по шорски „tom-azak“ — нога Томи) жил шорский купец Афанасий Сербегешев (по-шорски Апыяк). Однажды он поехал в улус Тоуражыг по реке Кызасу, где жили „его“ охотники, для которых он был „aľş periş raj“, другими словами, которых он постоянно кредитовал. Сербегешев приехал к своим охотникам зимой и предложил им сдать убитую белку. Белки оказалось свыше 400 штук. Охотники хотели сдать эту белку по цене 22 коп. за белку. Сербегешев сказал, что белку он примет по 21¹/₂ коп. и уехал в соседний улус. В это время, пронюхав, что охотники в Тоуражыге вернулись с промысла, сюда заехал другой шорский купец Акужаков Егор Степанович (по шорски Катыш) и предложил охотникам Сербегешева продать ему белку за 23 коп. Охотники согласились. Едва только Акужаков начал складывать пушнину в мешок, как в дверь влетел разъяренный Сербегешев, набросился на него с руганью, укоряя его в том, что он заехал к „чужим“ охотникам. Еще в большей степени он набросился на охотников, угрожая прекратить снабжение их хлебом, лошадиным мясом и пр., обещая голодом заморить, долги немедленно взыскать. Охотники перепугались. Сербегешев потребовал у Акужакова, чтобы он возвратил купленную пушнину. Акужаков не соглашался. Тогда Сербегешев ударил Акужакова, тот ему ответил тем же и началась драка. Дерущиеся по шорскому обыкновению схватили друг друга за волосы и упали на пол. Охотники окончательно перепугались, они забрали пушнину у Акужакова и сдали ее своему aľş-periş raj-ю Сербегешеву. Акужаков вынужден был уехать с пустыми руками.

Можно привести целый ряд примеров такого закрепощения охотников-шорцев:

У упомянутого бая Акужакова „свои“ охотники были по реке Пызасу, род Кызай.

У бая Сербегешева находился почти весь род кобыйцев — от Карчита, вверх по реке Кобырзу.

У Федора Степановича Тотышева по реке Мрассу до Усть Кобырзу (челей, таяш, порушка и т. д.).

Принцип закрепощения охотников был территориальным, а не родовым.

Шорские бай, надо сказать, не довольствовались эксплуатацией только своих сородичей. Они проникали для закупки пушнины и в Сагайскую степь, где также имели своих должников и откуда вывозили преимущественно соболей.¹

¹ Записки миссионера Вербицкого за 1863 г.

Теперь рассмотрим подробнее методы эксплуатации, которыми обычно пользовались бай-торговцы и о которых частично составилось представление из предшествующего изложения. Выше уже было указано, что наиболее распространенным методом являлась торговля в кредит. Например, шорские бай, особенно Тодышевы, ездили весной в степные районы и покупали там у крестьян негодных в хозяйстве лошадей, так называемых „sogum“. Платили обычно за такую лошадь рублей по 10. Затем пригоняли этих лошадей в северную Шорию, здесь откармливали их на подножном корму до июля месяца и в июле поправившихся „согумов“ гнали в тайгу, в районы промысла зверя, где продавали их на убой шорцам-охотникам в долг под пушнину, под орех кедровый, оценивая согума в 35—40 рублей. Получали за согума долг продукцией промысла, что при чрезвычайно низких ценах на пушнину и орех, устанавливаемых торговцами, еще более удорожало для шорца-промышленника и без того вздутую цену на „согума“. Между прочим, на этих же „согумах“ шорские бай завозили летом все, что предназначалось для кредитования охотников; таким образом „согумы“ экономили баям сравнительно крупные суммы, которые требовалось затратить на транспортировку товаров в тайгу.

Бай практиковали также следующий ростовщический прием эксплуатации, который помогал им закабалить производителей-шорцев. Когда той или иной шорской волости наступало время вносить ясак — подать (в деньгах), бай, по предварительному уговору с паштыком или его заместителем, вносили требуемую окладом сумму за всю волость своими деньгами, с таким условием, чтобы каждый платящий ясак-подать внес бы свою подать баю не деньгами, а пушниной. Пушнину эту бай принимал даже ниже той цены, по которой он обычно покупал ее у охотников. Кроме того бай за то, что давал волости деньги в долг, назначал 6—9% с рубля за сезон (различали два сезона „caskь согуг“ — весенний сезон и „kusku согуг“ — зимний сезон). Эти процентные начисления бай взимал с охотников также пушниной. Если охотник, уплачивающий 3 рубля подати, расплачивался с баем в первый же сезон, он должен был сдать ему пушнины на 3 руб. 27 коп. Шорцы указали, что такими операциями бай весьма укрепляли свой авторитет благодетелей, „выручающих общество“. Пример: Шапеев, Николай Осипович (Качы Мыколай по-шорски), единственный из грамотных шорцев-баев, вносил подать за свой „чон“ — „Кечин“ (он жил в верхнем Кечине, ниже Кыйзаса).

Бай, широко применявшие кредитные операции раздачи в долг товаров, назывались „aľş periş raj“ и слыли за благодетелей народа. К охотничьему сезону они заготавливали и снабжали производителей-шорцев холстом для одежды, кожей для обуви, мясом лошадей согумов, огнестрельными припасами, хлебом, чаем, солью, табаком. Весь выданный промышленнику товар исчислялся в денежном выражении (по цене, назначенной самим баем), и на эту сумму бай начислял ростовщический процент 9—12 коп. с рубля на сезон (согуг). Получивший от бая товара на 50 ру-

блей, в конце сезона должен был уплатить баю 56 рублей. Эта сумма принималась в возврат баем не деньгами, а пушниной, принимаемой баем по цене, им установленной. Если промышленник не мог уплатить баю в конце сезона долг, долг перечислялся на следующий сезон и на оставшуюся сумму снова начислялся баем тот же высокий процент.

Особенной жестокостью и мошенническими приемами был широко известен бай Тодышев Сергей Николаевич. Помимо того, что он брал за долги невероятно высокие проценты, он распространял на юге Шории русские иконы, за что пользовался благорасположением священников-миссионеров. Распространял иконы он весьма „оригинальным“ образом. Он заходил с иконой в жилище шорца-охотника и требовал купить у него икону за пушнину. Если охотник отказывался, он грозил наказанием божьим и говорил; „раз я занес в твое жилище икону, выносить ее обратно нельзя, а то значит ты от бога отказываешься, бога прогоняешь, и за это он тебя накажет, лучше бы ты меня не пускал сюда с иконой“. Таким образом Тодышев оставлял икону у охотника в долг за пушнину. Кроме икон, он возил с собой обыкновенные дешевые папиросы, называл их „божьими папиросами“, потому что их священники курят и разжигал желание охотника-шорца попробовать „святого“ табаку. В результате за каждую папироску брал по одной белке, за коробку спичек — тоже белку. Его торгашеская изобретательность была неисчерпаема. Он торговал даже обычными домашними тараканами. В южной Шории в то время домашних тараканов не было, шорцы-охотники их не видали. Тодышев привозил к ним тараканов в коробке, говорил, что это „божьи букашки“, если их держать на божнице и подкармливать сахаром, то они весьма способствуют благополучию хозяйства, особенно скот хорошо вести будет. И за каждого живого таракана он брал с наивных шорцев-охотников по одной белке.¹

Темнота, невежество и забитость угнетенных шорцев-охотников была основным источником обогащения Тодышева. Будучи человеком неграмотными, он возил с собой конторскую книгу, куда он будто бы записывал долги за теми или иными охотниками. (Тодышев вместо записей ставил бессмысленные каракули.) Впоследствии, когда наступало время сбора долгов, Тодышев увеличивал эти долги произвольно, ссылаясь на книгу записей. Охотники-шорцы питали к этой книге полное доверие и страх и не спорили о размере долга: „если в книге записано столько-то, значит правильно, нечего и спорить“ и покорно несли тяжкое бремя долгов.

Однажды он нанял шорца Улагашева Александра, как человека грамотного, к себе секретарем, чтобы вести учет и записи сбора долгов и потребовал от Улагашева той же методики записи, какую он практи-

¹ Эти материалы о Тодышеве были представлены шорским населением уже при Советской власти, когда Тодышева раскулачили.

ковал сам. И когда Улагашев, полагая, что Тодышев, как человек неграмотный, не сможет проконтролировать его записи, убавил по своей инициативе долг с охотников на 200 рублей — Тодышев тотчас же заметил это и прогнал Улагашева, настолько твердо помнил он, с кого и сколько решил содрать.

Тодышев давал деньги в рост. За один месяц он брал 10 коп. с рубля, за второй — 15 коп., за третий и дальше — 20 коп.¹

В большом ходу у шорских баев было спаивание охотников. Здесь торговец приобретал двойную выгоду: во-первых, он продавал вино на продукцию промысла, по баснословно высокой цене, во-вторых, с пьяными охотниками легче и выгоднее было вести торговые операции. Поэтому шорские баи завозили вино в районы охоты по реке Мрассе целыми лодками. Так, например, Тодышев, Федор Степанович, завозил вина к осеннему сезону по 3—4 полных лодки и все распродал.

Вербицкий пишет: „Желающий купить пчел у антропских инородцев приходит к ним весною непременно с вином и, по мере этой заманчивой в высшей степени для инородцев влаги, пользуется не только уступкой в покупке пчел, но весьма часто и значительными подарками оных“.²

Обвешивание было распространено настолько широко и казалось настолько обычным, что промышленники-шорцы, сдающие орех своим купцам, не обращали и внимания на это. Спорить о правильности веса было бесполезно. Вешали „безменом“, а чаще всего принимали орех мерой-пудовкой, сделанной из бересты. В эту берестяную коробку входили пуд ореха, едва касаясь краев, а купец принимал ее, насыпая с верхом, сколько войдет, и это шло за пуд.

У шорских купцов работали приказчики („рыркаш“) на процентах. Приказчики получали от хозяина деньги на покупку пушнины и ехали в район промысла зверя закупать пушнину. Покупали, например, белку по 18 коп., а сдавали хозяину по 19—20 коп. за штуку. Однако, нередко баи принимали от своих агентов ниже той стоимости, по которой они хотели у них принять перед сезоном закупки, мотивируя это тем, что из городов — Томска, Кузнецка — получены телеграммы о понижении цен на пушнину, и агенты вынуждены были сдавать белку не по 19 коп., а по 15 коп. Пойти сдать другому торговцу было нельзя из боязни потерять кредит у хозяина, да кроме того шорские торговцы в таких случаях держали связь и выступали дружно и, пользуясь фиктивными телеграммами, прижимали своих агентов. Последние, залезая в кабалу, пытались отыгаться на шорских охотниках, всячески стараясь дешевле купить пушнину и применяя при этом разнообразные жульнические приемы.

¹ Про мрасских богачей Вербицкий писал: „Общий их порок — лихоимство: без больших процентов не ссудят бедного“ (Записки за 1859 г.).

² Записки миссионера за 1865 г. Правосл. обозрение, 1866 г.

Шорские баи-торговцы, чтобы заполучить больше агентов-приказчиков, прибегали к такой уловке. Наметив шорца-промышленника, живущего более или менее исправно, ехали к нему и уговаривали взять у них в долг денег, чтобы начать самостоятельную торговлю. Однако, делали это не столько потому, что хотели увеличить количество торговцев в Шории или из желания обогатить данного шорца, а исключительно в своих эксплуататорских интересах, заполучая таким путем себе „приказчика“. Пример пояснит сказанное: Бай Михаил Ильич Тодышев, живший в Мысках, обратил внимание на шорца-охотника Мыйжакова, Михаила Петровича, который жил довольно исправно. Мыйжаков занимался зверовым промыслом, имел немного скота и „домашность“ некоторую (избу, амбар небольшой и т. д.). Тодышев приехал к Мыйжакову и уговорил его начать торговлю, доказывая ему прибыльность этого дела и преимущества торговли перед промысловым занятием. Тодышев уговорил Мыйжакова взять в долг для начала торговли 500 рублей и послал его покупать пушнину. Отправляя в разъезд Мыйжакова, Тодышев обязал Мыйжакова сдать пушнину, закупленную в тайге, ему (за то, что деньги дал) и сказал Мыйжакову, по какой цене какой вид пушнины он от него примет и посоветовал ему платить соответствующие покупные цены. Мыйжаков производил скупку пушнины в течение сезона, сдал ее Тодышеву по условленной цене, заработал на этой операции около 100 рублей и бросил охоту, твердо решив сделаться торговцем. На следующий сезон Мыйжаков сам попросил у Тодышева денег и взял уже 1000 рублей. Они снова условились о сдаче скупленной пушнины Тодышеву и обусловили цену. Мыйжаков целый сезон покупал пушнину, ориентируясь на цены, по которым он условился сдать ее Тодышеву. По истечении сезона Мыйжаков вернулся, а Тодышев на этот раз поступил с Мыйжаковым так, как он обычно и поступал в таких случаях. Тодышев показал Мыйжакову фиктивные телеграммы из разных городов на цены пушнины и отказался принять пушнину по условленной цене, назначив для приемки более низкую цену. Наивный Мыйжаков, не подозревая сетей, которые ловко расставил ему Тодышев, попался в эти тенета и вынужден был продать Тодышеву пушнину по цене более низкой, нежели он сам скупил. (Мыйжаков купил белку по 19 коп., а продал Тодышеву по 16 коп. и т. д.) В результате Мыйжаков потерпел значительный убыток и оказался должником Тодышева.

Чтобы как-нибудь расплатиться с Тодышевым и для того, чтобы получить от него денег на новую операцию, Мыйжаков предложил Тодышеву взять у него коня „Серко“, которого Тодышев незадолго перед этим торговал у Мыйжакова за 60 руб. Тодышев согласился и взял этого коня, но уже за 45 рублей. Постепенно Мыйжаков проторговался и снова обратился к зверовому промыслу. Он сначала было не терял надежды поправить свои торговые дела, но Тодышев, учитывая, что стоимость имущества, которое можно было бы взыскать за долги у Мыйжакова, невелика, так как Мыйжаков проторговался, не стал ему давать больше

денег. Баи давали денег для скупки пушнины только таким людям, у которых было некоторое имущество, достаточное, чтобы покрыть задолженность.

Однако, некоторые шорцы, будучи в приказчиках, все же богатели. Это те, как выразился один из шорцев, которые „похитрее“ были. Бай скажет: „покупай по 16 коп.“, а он старается по 12 коп. купить и вскоре сам начнет в город возить пушнину.

Мы считаем возможным ограничиться для характеристики торговцев приведенным фактическим материалом, ибо его вполне достаточно, чтобы уяснить их истинную сущность и роль в жизни Шории. Не случайно, в свое время, один из сотрудников Алтайской духовной миссии, священник С. Ивановский, вынужден был сделать следующее печатное заявление: „Эти выходцы (речь идет о торговцах. Л. П.) хищнически разоряют и эксплуатируют как самих инородцев, так и страну их. Они опаивают инородцев водкой, обманывают на ценах купли и продажи, пользуются безнаказанно их трудом и, свыкаясь с режимом беззакония, теряют и сами всякий культурный образ и своим примером растлевают остальное население страны. Их цель — одна нажива, а народ держать в безусловной покорности и не выпускать его из той грязи и унижения, в какой они находятся вдали от света и взоров людей, понимающих значение человеческой жизни“.¹ Следует все же заметить, что подобные характеристики торговли и торговцев со стороны миссионеров имели целью не уничтожение торговли совершенно, а были направлены против хищничества, истощавшего жизненные ресурсы края. Духовные опекуны шорцев и алтайцев были „за разумное ведение дел“.²

Из всего сказанного не трудно составить себе представление о положении непосредственного производителя, который в исключительно тяжелых условиях горной тайги, вооруженный примитивной техникой, изо дня в день добывал ценного пушного зверя, собирал орех, — все для того, чтобы отдать это за долги, рост которых далеко опережал добываемую продукцию; часто рискуя жизнью, здоровьем, постоянно голодая, трудящийся шорец выбивался из сил, чтобы удовлетворить ненасытную потребность бая, отдавая последнему не только прибавочный, но и необходимый продукт, обрекая себя на голодный режим. „Мед и орехи, — писал Адрианов, — при всем их изобилии в иной год, не служат для инородца пищевыми средствами — они составляют собственность кулаков скупщиков из своих же инородцев или русских“.³ С этим согласуется и замечание К. Миротворцева о том, что шорцы весь добытый орех тотчас же вывозят в улусы, где сдают торговцам за долги.⁴ Долг — это страшное слово. Долг — это бедствие, от которого может избавить только смерть, от которого люди,

¹ Записки его за 1894 г. Правосл. благовестник, 1895, № 10, стр. 75—76.

² Об этом см. Очерк истории Ойротии, стр. 136—137.

³ Путешествие . . . в 1881 г., стр. 307.

⁴ Указ. соч., стр. 25.

приходя в отчаяние, бежали в глухие уголки горной тайги, где еще не было человеческого жилья. Миссионер Вербицкий сообщает о шорце Чакае, который, будучи окончательно разорен кредиторами-торговцами, скрылся в тайге.¹

Долги взыскивались самыми решительными мерами. Нехватало продукции промысла — забирали даже скудное имущество, заставляли отрабатывать долги. Торговец Епченек (жил в Тузасе) ставил своих агентов приказчиков на таежные тропы, по которым шорцы возвращались с промысла. Приказчики силой отбирали у возвращавшихся охотников пушнину за долг, не давая ее донести до дома. Таким образом Епченек одновременно страховал себя от возможности сдачи его должниками пушнины другому баю. Как начислялись долги на охотника, мы уже знаем из предыдущего. Они с исключительной легкостью повышались баем. Неграмотный, невежественный и забитый охотник-шорец, записывающий свою задолженность баю зарубками (сыгъп) на дереве, не мог бороться против байской наглости и покорно работал на торгаша-ростовщика.

Мы можем теперь подвести и некоторые итоги по поводу изложенного, учитывая исследования Маркса по истории торгового капитала. Характер торговли в Горной Шории со времен проникновения туда русского влияния носит чисто посреднический характер. Неразвитость, отсталость шорского хозяйства служили той базой, на которой развилась и укрепилась посредническая торговля. Продукты становились в Шории товаром благодаря торговле. Поэтому и путь образования торговой прибыли, и сущность ее имели своеобразный характер. В Шории, как и в Ойротии, торговый капитал не являлся агентом промышленного, производительного капитала. Торговый капитал вел самостоятельное существование на базе неразвитого способа производства, подчинив себе производство шорцев. Русские торговцы и их агенты, шорские байы — таныши являлись здесь хозяевами производства.² Поэтому торговая прибыль купца в Шории заключалась в присвоении всего прибавочного, а иногда и необходимого продукта трудящегося охотника, отчуждаемого „за долги“. Торговая прибыль была здесь прежде всего „результатом обсчета и обмана“ (Маркс), результатом кабалы, личной зависимости и происходила из них.

Путь создания торговой прибыли не был сложным. Купец или его агент, приезжая в шорские селения, навязывал производителям охотникам товары в долг. По условию, долг должен был уплачиваться продуктом: пушниной, орехом, и т. п. Кредит, как правило, сопровождался высоким процентом, таким, чтобы производитель не был в состоянии уплатить

¹ Записки за 1866 г.

² Лишь немногие шорские байы, да и то уже за последнее время, сделались самостоятельными торговцами, выступая на ирбитской ярмарке, куда приезжали московские и нижегородские купцы.

долг в назначенный срок, и тогда купец перечислял долг на новый срок, с надбавкой нового процента, — так создавалась кабала охотника.

Заполучив должника, купец приобретал над ним личную власть, действовал путем внеэкономического принуждения и превращал по существу должника в своего рабочего, присваивая его труд.

Источник обогащения, торговую прибыль купцов в Шории составляло присвоение неоплаченного продукта охотников. Это достигалось: 1) созданием личной зависимости производителя, внеэкономического принуждения, путем предоставления кредита с высоким процентом, путем создания кабалы; 2) отчуждением неоплаченного продукта „за долги“ и превращением этого продукта (путем продажи) в товар, где продавался неоплаченный труд охотника, затраченный на производство отчужденного продукта.

Безусловно прав Маркс, который писал: „Торговый капитал, когда ему принадлежит преобладающее господство, повсюду представляет систему грабежа“.¹

Торговля в Шории, как и в Ойротии, состояла в выкачивании сырьевых продуктов. Завозимые русскими товары, в общем, не улучшали методов ведения шорского хозяйства, не подымали его технической базы на более высокий уровень. Русская торговля носила реакционный характер, поскольку она удерживала старые технические способы производства и выкачивала лишь сырье.

Это признавали и буржуазные исследователи. „Торговля и сношения с русскими, — писал Ядринцев про население лесов Северного Алтая, — не создали пока в лесах культуры, не придали силы дикарям, но, оставив их при прежнем положении, создали в инородце потребности, которые удовлетворить он не может при своих силах, и оплачивание этих потребностей, при возвышающейся все более цене на продукты, поглощает все его имущество и заставляет его истощать свои силы“.²

Кредитный, ростовщический характер торговли в Шории носил резко выраженный хищнический характер, истощавший сырьевые источники края. Купцы брали, вернее, выбирали за долг орех, пушнину. Это заставляло шорцев беспощадно выбивать пушного зверя, не совсем бережно обращаться с кедровниками и т. д.

Развитию кредитной системы торговли на Алтае способствовало отсутствие развитых рынков и сезонный характер сбыта продукции промыслового да и скотоводческого хозяйства. Наиболее значительное сырье, покупавшееся в Шории, сбывалось скупщикам в определенное время года, например, пушнина, орех.

Теперь ответим и на следующий основной вопрос настоящей главы. Какое влияние оказывала торговля, возникшая и развивавшаяся в эпоху царской колонизации Шории, на местный способ производства?

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, М., 1932, стр. 231.

² Сибирские инородцы, стр. 99.

Нужно напомнить, что, согласно исследованиям Маркса, иногда „внутренняя устойчивость и строй докапиталистических национальных способов производства“ ставит препятствия для разлагающего влияния торговли. Пример: Индия или Китай, где широкий „базис способа производства составляет здесь единство мелкого земледелия с домашней промышленностью“ и где „большая экономия и сбережение времени, происходящее от непосредственного соединения земледелия и мануфактуры, оказывают здесь самое упорное сопротивление продуктам крупной промышленности“, продуктам, которыми Англия наводняла Индию и Китай. Правда, Маркс признает, что и в этом случае английская торговля оказала влияние на способ производства, однако, „лишь постольку, поскольку они (англичане. Л. П.) дешевизной своих товаров уничтожают прядение и ткачество, исконную интегральную часть этого единства промышленно-земледельческого производства и таким образом разрывают общину“.¹

Каким же образом решается этот вопрос в условиях Шории, где базисом для производства являлась охота на пушного зверя, с подсобным мотыжным земледелием, в соединении с мелкой, домашней промышленностью (ткачество, обслуживавшее потребности семьи, и кузнечное дело, дававшее продукцию для натурального обмена)? Мы полагаем, как уже указано выше, данный базис шорского способа производства выражал собой слабость, неразвитость шорского производства, что и послужило благоприятной почвой для возникновения и развития здесь посреднической торговли. Русские товары, о характере которых мы говорили, быстро проникли в Шорию. В отсутствии достаточного земледелия и скотоводства, дающих более прочную и постоянную базу для питания, в слабом развитии, в домашнем характере промышленности заключалась наибольшая уязвимость натурального хозяйства шорцев. Именно эта слабость шорского производства мешала оказывать сопротивление проникновению русской торговли. Развитию и укреплению последней чрезвычайно способствовала кредитная система ее, вовлекавшая производителя в долги и вынуждавшая его постоянно иметь дело с торговцем.

Своеобразие данного вопроса в Шории заключалось в том, что, не встретив сколь-либо серьезного сопротивления со стороны шорского производства, русская посредническая торговля вскоре же овладела этим производством, не разрушая, тем не менее, его технической базы, а напротив, удерживая ее, как необходимую почву для своего существования.

В Шории не было необходимости конкурировать, вытеснять местное производство, напротив, из Шории нужно было выкачивать — и как можно больше — дешевого и ценнейшего сырья (пушнина, орех, мед и т. п.). Здесь не было нужды расширять и улучшать способ производства, подводить под него более высокую техническую базу, ибо здесь хозяйничал не

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, 1932, стр. 233—234.

промышленный капитал, а капитал торговый, посреднический, хищнический капитал, способный паразитировать при любом способе производства, ничего не производя, и высасывать из производителей не только прибавочный, но и необходимый продукт. Здесь торговля господствовала над промышленностью.

Но как влияла посредническая торговля на способ производства у шорцев? Оказывала ли она влияние на общественные отношения шорцев? Безусловно оказывала и влияла разлагающим образом на первобытно-коммунистические отношения. Влияние посреднической торговли выражалось прежде всего в ускорении процесса разложения этих отношений. Мы уже указывали, что во время русского завоевания шорцы, очевидно, переживали процесс разложения большой семьи, в результате которого образовывались более мелкие, экономически обособленные семьи, представляющие собой брачную пару и их детей. Укрепляющаяся частная собственность позволяла производить накопление внутри данной семьи. Накопление, естественно, происходило неравномерно, создавая и предпосылки и отдельные факты экономического неравенства. Однако рост накопления все же был довольно ограничен как неразвитостью самого производства, так и замкнутостью натурального характера хозяйства. Но вот появляется русская посредническая торговля. Она вскоре же оказывает сильнейшее влияние на этот процесс. Из среды шорцев русские купцы заводят себе танышей — агентов. Последние начинают предъявлять усиленный спрос на пушнину, позже на орех. Происходит интенсификация производства. Развивающиеся частно-собственнические тенденции производителя-шорца заинтересовывают его в более активном обмене. В свою очередь активизирующийся обмен укрепляет эти частно-собственнические стремления. Теперь в обмен втягивается масса производителей. Агенты русского торгового посреднического капитала — таныши — шныряют по всей Шории, втягивая в торговые операции как можно больше охотников. Охотник стремится как можно больше добыть пушнины, чтобы, уплатив ясак, иметь обменный фонд, на который можно приобрести в полную свою собственность новые вещи, продукты питания и т. д. Однако, кабальные методы посреднической торговли вскоре ведут к тому, что производитель охотник попадает в заколдованный круг, навязанный ему торговцем, из которого он уже не может выйти. Достаточно было совершить одну кредитную сделку, как шорцу-охотнику и его будущему поколению предопределялся определенный круг деятельности — охота на пушного зверя и вечная зависимость от торговца, перманентные долги. В результате среди самих шорцев мы наблюдаем усиленный рост экономического неравенства. С одной стороны, возникает и развивается торговая эксплуататорская верхушка шорских баев, преимущественно в северной части Шории, где возникают целые селения торговцев. С другой стороны, в Шории, особенно на юге ее, под влиянием хищнической, кабальной торговли быстро беднеет, разоряется большинство охотничьего

населения. Возникают новые отношения. Одна часть шорцев делает основой своего занятия не производственную деятельность, а торговлю, эксплуатацию чужого труда. Другая, большая часть шорских охотников, напротив, прикрепляется к своей производственной деятельности, в которую ей приходится все больше и больше погружаться, затрачивать все больше и больше усилий на тяжелый труд скитания по тайге в поисках зверя. Одна, меньшая часть шорцев, не занимаясь производительным трудом, становится господами, хозяевами положения, обладателями больших накоплений материальных ценностей, которые только усиливают их экономическое и общественное влияние. Другая, большая часть шорцев, занимающаяся исключительно производительным трудом, силой создавшихся новых общественных отношений вынуждена превратиться в простых рабочих для эксплуататорской верхушки, вынуждена усиливать свой труд так, что в результате отдавать не только прибавочный, но и необходимый продукт эксплуататорам. Тяжесть положения шорцев-охотников осложнилась. К эксплуататорам-колонизаторам во главе с „белым царем“ добавились новые, которые как сородичи, как „свои“ казались менее страшными, но по существу были такими же хищными, такими же наглыми и жестокими грабителями, и охотник-шорец должен был нести тяжесть двойного гнета эксплуатации.

3. ЗЕМЕЛЬНАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ И ДУХОВНАЯ МИССИЯ

Царская колониальная политика в Горной Шории ничем не отличалась от таковой по отношению ко всему Алтайскому округу, представлявшему частную собственность царствующего императора. Горная Шория составляла южную часть „Кузнецкого имения“ царя. В книге „Очерк истории Ойротии“ мы посвятили этому специальные главы и было бы нецелесообразно здесь повторяться. Поэтому ограничимся краткими замечаниями по затронутым вопросам с привлечением конкретного материала. Первоначально русская колонизация Шории имела военно-феодальный характер. Проникая и укрепляясь на территории Шории в начале XVII в., — томские и кузнецкие воеводы выполняли задачу покорения коренного населения Шории с целью обложения его данью — пушниной (ясак). Вслед за этим вскоре же появлялись купцы, которые усиливали выкачивание наиболее ценного сырья горной тайги.

Приводя шорцев в русское „подданство“, преимущественно силой оружия или иногда дипломатическими средствами, Кузнецкие воеводы выдавали шорским паштыкам, переходящим в подданство, владенные грамоты и указы, признающие и закрепляющие права шорцев на те или иные земли. В условиях еще не оконченного процесса покорения Южной Сибири, в условиях конкуренции с сильными противниками (киргизы и джунгары), еще раньше русского царя познавшими вкус ограбления лесных

племен Саяно-Алтая, подобный жест был необходим, он имел целью скрыть далеко идущие истинные намерения покорителей.

И в самом деле, вскоре после того, как Южная Сибирь была окончательно покорена царскими воеводами, земли, принадлежащие покоренным народам, объявляются частной собственностью царя.¹ С этого времени ясак, вносимый шорцами, по существу превратился в натуральный оброк земельному собственнику — царю-помещику. Владенные грамоты и указы, выданные в свое время перешедшим в русское подданство народам, сделались формальной помехой и поэтому они „по распоряжению Директора Экономии были разными мерами отобраны от инородцев на том основании, что акты эти выдавались не по царским грамотам, а по указам одной воеводской канцелярии, воеводами, не имевшим полномочий ни предоставлять в дар (! Л. П.) огромные земельные пространства лучших земель, ни раздавать их в безвозмездное пользование. По свидетельству А. Ваганова, в 1782 г. от инородцев было отобрано 483 владенных указа на землю (записка А. Ваганова „Инородцы Алтайского округа“).²

Реформа, касавшаяся сибирских инородцев, проведенная в 1822 г. при ближайшем участии графа Сперанского, разделившая „инородцев“ на три категории: оседлых, кочевых и бродячих, определила права аборигенов Сибири на их земли следующим образом: „кочующие инородцы для каждого поколения имеют назначенные во владение земли“... „разделение участков сих земель зависит от самих кочующих по жеребью или другим их обыкновениям“... „утверждаются во владении кочующих земли, ныне ими обитаемые с тем, чтобы окружность, каждым племенем владеемая, была, по распоряжению местного начальства, подробно определена“³ (разрядка наша. Л. П.). Царское законодательство прекрасно различало „собственность“ от „владения“. Поэтому закон Сперанского не противоречил царскому указу 1747 г., объявившему земли народов Южной Сибири частной собственностью царя. Являясь частным собственником данных земель, царь по Уставу 1822 (Закон Сперанского) давал их только во владение своим „верноподданным“.

Такое положение для Шории до известного времени было терпимо, ибо фактически землями распоряжались сами шорцы.

Земли Шории, в противоположность Ойротии, долгое время, до конца XIX в., не привлекали к себе русских колонистов-крестьян. Причины долгого игнорирования шорских земель колонистами лежали в суровых природных условиях заросшей тайгой Шории, не пригодной в то время для земледелия и скотоводства. На это обстоятельство обращал

¹ М. И. Струков. Краткий очерк Алтайского округа. СПб., 1896, стр. 1; Краткий исторический очерк Алтайского округа (1747—1897 гг.). СПб., 1897, стр. 1—3.

² Н. Овчинников. К вопросу о поземельном устройстве в Алтайском округе. Алтайский сборник, т. VIII, Барнаул, 1907, стр. 21.

³ Полн. собр. законов, т. 38, стр. 394—417, ст. 26, 27, 28, 29.

внимание в 70-х годах прошлого столетия миссионер Вербицкий. Отмечая быстрый рост русской колонизации по долинам рр. Бии и ее притока Лебеди, он писал: „Не то мы видим по рр. Кондоме, Мрассе и Томи. Здесь между горами нет пространных долин, а одни ущелья, в которые залезать крестьянину-земледельцу нет никакого расчета — он туда и не лезет“.¹ Это было отмечено и на съезде земельно-лесных чинов Алтайского округа в 1910 г. Обследовавший Шорию К. Миротворцев говорил на съезде: „Русское население... сравнительно незначительно, если не считать русские села в нижнем течении Кондомы и по Томи между устьями Мрассы и Кондомы... В горной же части района живут лишь немногие заимочники на Кондоме, Антропе“.² Больше всего русских было в бассейне р. Кондомы, но и то по данным экономического обследования 1900 г. русское население составляло 142 хозяйства с 373 душ. мужск. пола.³

Такое положение длилось в Шории до 1906 г., когда русских деревень было менее десятка (Кузедеево, Кандалеп, Калтан, Безруково, Подобас, Боровково, Кондомское).

В 1906 г. издается высочайший указ, предписывающий передачу на арендных условиях всех свободных и могущих быть свободными земель Алтайского округа в казну для переселенческого фонда. Легко понять, какие причины вызвали этот указ. Революция 1905 г., сопровождавшаяся аграрным движением, остро ставила вопрос перед царизмом о „крестьянской опасности“.

Царское правительство пыталось смягчить назревшие противоречия аграрных отношений во внутренних губерниях России путем разгрузки этих губерний от крестьян, путем переселения маломощной и беднейшей части крестьянства в Сибирь. При наличии свободных окраин, капитализм разрешает частично и временно свои противоречия, путем заселения этих окраин, указывал В. И. Ленин.⁴ Поэтому после 1905 г. переселенческий вопрос приобретает для царского правительства особую актуальность. Переселенческое дело становится плановой задачей особой организации — Переселенческого управления. Кабинет решается „уступить“ казне свободные земли Алтайского округа, уступить, разумеется, не даром и не отказываясь от них совершенно. Высочайше утвержденная Мемория Совета министров 18 IV 1906 г. характеризует причину необходимости землеустройства и передачи кабинетских земель: „В настоящее время одной из главнейших забот правительства является устройство безземельных и малоземельных крестьян Европейской Рос-

¹ Записки миссионера Кузедеевского отделения Алт. миссии за 1877 г., № 13, стр. 102.

² Отчет К. Н. Миротворцева. См. Труды съезда, Барнаул, 1911, стр. 27.

³ Горный Алтай и его население, т. IV, вып. I. Черневые инородцы Кузнецкого уезда. Экономические таблицы, Барнаул, 1903.

⁴ В. И. Ленин. Развитие капитализма в России. Сочинения, т. III, стр. 465, изд. 3-е.

сии, и потому представляются особенно своевременными меры для скорейшего определения могущего быть им предоставленного земельного фонда. В Алтайском округе, земли которого издавна считаются крестьянами за наиболее пригодные для водворения, одним из препятствий для отвода земель под новых выходцев из Европейской России является неустроенное положение ранее прибывших в округ самовольных переселенцев". (Разрядка наша. Л. П.)

В том же 1906 г., в связи с именным царским указом от 19 сентября об облегчении возможности переселения в Алтайский округ, переселенческое ведомство обратило внимание на восточную горную часть Алтайского округа, в том числе и на Шорию. Переселенцам в горные части округа давались различные незначительные льготы (освобождение на некоторое время от налогов и т. п.). В Шорию стали проникать русские переселенцы. Разрослись старые поселки, возникли новые: Шортонка, Бенжереп, Крутой, Юла, Усть-Дала, Средняя Дала, Верх-Дала, Казанкол, Широкий Луг, Антроп и мн. др.

Русские колонисты начинают притеснять шорцев. Последние вытесняются совершенно из с. Кузедеевского, Атамановского, Кондомского и других населенных пунктов.

Какую роль играли в Шории русские колонисты-заимочники (т. е. кулаки), видно из оценки, данной им К. Миротворцевым в упомянутом отчете о поездке по Шории в 1910 г.; он пишет: „Большинство русских заимочников вовсе не является хорошим культуртрегерским элементом... Это зависит от того, что многие русские занимаются торговлей и дают инородцам разные товары, хлеб и водку в кредит. Взыскивая затем долги продуктами инородческих промыслов (пушминой, медом и орехами), торговцы получают значительную выгоду, не занимаясь сельским хозяйством".¹ Насколько русское (имеем в виду русское кулацкое и торгашеское) население зарекомендовало себя в глазах шорцев, лучше всего можно видеть из сообщения Радлова о том, как в верховьях Мрассы шорцы убегали от всякого русского человека в лес, оставляя жилища.²

Методы обращения русских колонистов с шорцами в общем не отличались от тех, которые применялись к алтайцам и описаны нами для Ойротии.³ Шорцев обирали заимочники, таежные спиртоносы. Шорцев не только выживали с насиженных мест, но и разоряли их имущество, постройки. Для примера приведем один из случаев дикого издевательства над шорцами великодержавных колонизаторов, описанный путешественником А. Адриановым: „Сопровождавшие меня инородцы, — пишет Адрианов, — рассказали мне целую эпопею об исчезновении улуса Пакая (улусы носят имя основателя или старшего в роде). Когда на Камнаджи мыли

¹ Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа, Барнаул, 1911, стр. 28.

² Aus Sibirien, I, S. 350, 352.

³ Очерк истории Ойротии, глава „Основные этапы русской колонизации“, стр. 113—124.

золото, то приисковые служащие донесли заседателю Паутову..., что Пакай покупает золото у рабочих. Заседатель Паутов, разумеется, внял жалобам золотопромышленников и с 15 казаками и приспешниками с прииска нагрянул на улус; мужчины, женщины и даже дети были жестоко избиты нагайками, все имущество их растрепано, переломано и расхищено, а юрты улуса раскатаны по бревнам до основания. После этого погрома инородцы, конечно, разбежались по тайге, и от бывшего здесь прежде поселения не осталось ничего, кроме жалких развалин".¹ Подобные случаи в то время не являлись чем-либо исключительным. Известный золотопромышленник Асташев и его наследники, если находили где-либо золото, то принуждали шорцев выселяться из этих районов, заставляя бросать пашни, промыслы и т. д.

Золотопромышленность в Шории нужно рассматривать как одну из форм колониальной политики. До 1880—1881 гг. разработка золотоносных районов Шории находилась в руках Кабинета, но в виду плохой организации, массового воровства золота чиновниками, она приносила убытки. В начале восьмидесятых годов Кабинет допустил к разработке золота по системам рр. Мрассы, Кондомы и притокам Томи частных лиц. Образуется золотопромышленная компания во главе с генерал-майором Асташевым. Асташев сразу же почувствовал себя хозяином Шории. Помимо того, что он выгонял из золотоносных районов шорцев, он принуждал их работать для приисков с помощью полиции. Когда на приисках не хватало продовольствия, полиция сгоняла для доставки продуктов шорцев. Шорцев заставляли впрягаться в нарты и итти на лыжах за многие десятки километров за продуктами для приисков. Отрывая шорцев от работы по собственному хозяйству, заставляя их бросать освоенные в хозяйственном отношении места, золотопромышленники так же, как и торговцы, пролетаризировали, разоряли большинство трудящихся шорцев, усиливая тем самым экономическое неравенство. Шорцев заставляли за ничтожную плату (15—20 коп. в день) выполнять черные работы на приисках. Заготовка сажени дров для прииска оплачивалась 20 коп., копны сена 5 коп. И если шорцы пытались приняться за старательские работы, их жестоко за это наказывали, отправляя в ссылку в Восточную Сибирь.

Разумеется, на ряду с этим, отдельным шорцам удавалось богатеть возле приисков. Некоторые занимались покупкой краденого золота от приисковых рабочих. Разбогатеv на этой торговле, начинали скупку пушнины, ореха. Последняя несла огромное обогащение и не была связана с риском оказаться „пойманным“, ибо тайная покупка золота было строго воспрещена.

В системе царской колониальной политики в Южной Сибири весьма важную роль играла духовная миссия. В Шории было отделение Алтайской духовной миссии, задача которой состояла в распространении

¹ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 193.

и укреплении христианства среди алтайцев в целях скорейшего их ассимилирования и слияния с русским населением. История деятельности Алтайской миссии освещена нами в „Очерке истории Ойротии“, и здесь мы укажем лишь на особенности работы миссии в Шории. Они заключались прежде всего в методе работы. Если среди алтайцев-кочевников миссионеры вынуждены были собирать новокрещеных, составляя из них христианские селения, то у шорцев они поступали иначе. Шорцы „не столь подвижны: потому что здесь и кочевые имеют оседлое обзаведение... — писали миссионеры. — Поэтому-то в Кузнецкой черте приходится самые улусы некрещеных превращать в ограды христианства“.¹

Отделение Алтайской миссии в пределах Шории образовано в 1858 г. с учреждением Кузедеевского стана.² До организации Кузедеевского стана шорцы были в ведении Макарьевского стана (р. Бия). Вскоре вновь устроенный стан под начальством известного миссионера Вербицкого развивает свою деятельность. Среди шорцев возникает целый ряд миссионерских станов. Из шорской среды миссионеры готовили кадры в Бийском кахитизаторском училище, следуя указаниям знаменитого руссификатора Н. Ильминского.³

Каково же было отношение шорцев к миссии?

Надо сказать, что попытки обращения шорцев в христианство относятся ко времени, предшествующему образованию Алтайской миссии. Из архивных документов видно, что еще в 1751 г. русское начальство имело намерение обратить в христианство шорцев кондомских волостей. Однако, как следует заключить из рапорта полковника Киндермана (от 30 декабря 1751 г.), старшины кондомской волости Баштин и Акучай Итигечев объявили, что от этого они „имеют великое смятение и многие удалились неизвестно куда, поэтому старшины просят от крещения народ их освободить“. (Разрядка наша. Л. П.)⁴

По открытии же в Кузедеевском миссионерского стана паштык шорцев Эбиске заявил Вербицкому от имени всех шорских волостей о нежелании креститься.⁵ Однако, привыкший к подобному приему Вербицкий, несколько не смутившись, приступил к своему делу. Большую часть времени он проводил в разъездах по селениям шорцев, где, путем индивидуальной обработки уговаривал шорцев принять православие. Вербицкий пустил в ход испытанные приемы, которые не замедлили дать результаты. Ставка была сделана на обращение в христианство прежде всего паштыков, имевших большое влияние на своих сородичей. Одновременно в „лоно христово“ привлекалась беднота, которую соблазняли

¹ Записки миссионера Вербицкого за 1864 г. Правосл. обозр., 1865, № 2, 3.

² В. Вербицкий. Краткие сведения об. Алт. дух. миссии. Томские епарх. вед., 1886, № 19.

³ См. Очерк истории Ойротии.

⁴ Чтения... 1866 г., кн. 4.

⁵ Записки миссионера Вербицкого за 1869 г. Душесп. чтен., 1871, № 7, стр. 86.

различными льготами. Наиболее заметной льготой являлось освобождение новокрещенных на три года от ясака. Льгота была проведена законом (1832 г.) по инициативе миссионеров.¹

Разоренная торговцами-колонизаторами шорская беднота, не имевшая возможности внести ясак, нередко прибегала к крещению, как к временному выходу из тяжелого положения. Однако этому весьма противились паштыки, которые прекрасно сознавали, что с переходом их подданных в христианство они должны будут уступить свое влияние миссионерам и вообще русским властям. Паштыки агитировали шорцев против принятия христианства, запугивая главным образом тем, что с переходом в русскую веру шорцы будут превращены в русских крестьян, следовательно, должны будут также платить крестьянские подати, отбывать воинскую повинность и т. п. Льготы об освобождении новокрещенных от ясака паштыки старались не проводить в жизнь, возбуждая при этом против крещеных некрещеную часть населения, которая должна была одна нести тяжесть ясака. Миссионер Вербицкий жаловался, например, в своих записках за 1869 г., что новокрещенных „башлык Санок, из корыстных видов принуждает вносить ясак, а продавцы сугума (убойные лошади), посмотревши на печатные свидетельства от миссии, объясняют, что это бумаги о перечислении новокрещенных инородцев в крестьяне“.

Конфликты с миссионерами иногда принимали весьма острые формы. Земский заседатель 2 участка Кузнецкого округа писал кузнецкому окружному исправнику от 16 ноября 1893 г. за № 1124 между прочим следующее: „Нападения на миссионерские дома и церковь происходят частовременно и ныне производят таковые, как следует полагать, некрещенные инородцы, так как некрещеное население относится враждебно к миссионерству и его деятельности в распространении православия“.²

Но миссионеры не остались в долгу перед противниками православия. Неустанно твердя о желательности иметь начальство у шорцев и алтайцев из среды крещеных, миссионеры добились прежде всего отмены наследственного права паштыков и зайсанов (1880 г.). С этого времени должности паштыков и зайсанов становятся выборными сроком на 3 года. В 1897 г. миссия выхлопотала у томского губернатора Ломачевского распоряжение о выборности „родовой“ администрации из среды крещеного населения, что было подтверждено и следующим губернатором Гондатти в 1900 г.

Шорские паштыки вскоре же прекратили неравную борьбу и вступили в союз с миссией, спасая свое положение. И тот самый паштык Эбиске, который предупреждал Вербицкого о нежелании всех шорских волостей креститься, спустя десять лет принимает крещение сам, и о нем мы читаем в путевых записках Вербицкого: „Новокрещенный Илья (Эбиске),

¹ Полн. собр. зак. Росс. имп., т. 7, стр. 918—919.

² С. Ивановский. Записки Бочат. отд. Алтайской миссии за 1894 г. Правосл. благовестник 1895, № 12.

мой крестник, человек влиятельный и потому надобно полагать в его волости христианство будет распространяться успешнее“.¹ В другом месте у него читаем: „Оглашенный Николай тот [самый, который в прошлом году сделал нам допрос: «нашего ли царя вы люди? Из своей команды никому не позволю креститься», по благодати божьей принял крещение и уже того никогда не скажет, что говорил в идолопоклонстве. Да и прочие инородцы его волости не будут теперь ссылаться на башлыка: принимать крещение или нет“.² Вот почему спустя несколько лет Вербицкий печатно заявил: „Христианство в сопоставлении лицом к лицу с идолопоклонством видимо преобладает над последним — все лучшие люди, например, башлыки и другие непременно крестятся“.³ (Разрядка наша. Л. П.)

Связь миссии с административной верхушкой шорцев весьма и весьма облегчила дело христианизации шорцев.

Но не только с административной верхушкой была связана миссия. Она находилась в тесном контакте и с торговой верхушкой как русской, так и шорской. Последняя, воспитанница русского торгового капитала, разумеется не могла не симпатизировать деятельности духовной миссии. В свою очередь, миссия искала среди шорцев опоры в зажиточных людях: „Замечается, — писал тот же Вербицкий, — что если инородец живет поисправнее, он развитее и мягче, а следовательно и ближе к христианству“.⁴ И действительно, шорские баи, принимая православие, принимали и материальное участие в делах миссии. Знаменитый торговец Куртугешев строит на свои средства церковь в с. Осиновском. Торговец Тудегешев пожертвовал миссии 5000 рублей на постройку церкви в Усть-Кобырзе.⁵ Само собою разумеется, что миссия пользовалась финансовой поддержкой и русских купцов. В с. Спасском молитвенный дом построил золотопромышленник Асташев. Купец Данилов А. пожертвовал Мрасскому отделению миссии 500 пудов хлеба, а в постройке церкви в Кузедеево принимала деятельное участие представительница столицы — графиня Мария Адлерберг.

Обращение рядовых шорцев в православие часто сводилось к обыкновенной формальности. Мышление охотника-шорца-шаманиста не воспринимало христианские, буржуазные догмы, и для большинства шорцев они так и оставались недоступными. Нет никаких оснований верить миссионерским басням о внутренней убежденности и моральном стремлении шорцев к христианству под воздействием проповедей. Напротив, у тех же миссионеров мы находим подтверждение обратного положения. Приведем ряд примеров. В записках за 1863 г. Вербицкий „воз-

¹ Записки Вербицкого за 1869 г., стр. 86.

² Записки Вербицкого за 1869 г.

³ Записки за 1874 г.

⁴ Записки за 1866 г.

⁵ Отчет Алт. дух. миссии за 1914 г., стр. 27.

мущается“ шорцем Кукеем, который запросил за крещение 3 руб. сер.¹ Тот же Вербицкий указывает, что некоторые шорцы, уступая настоянию миссионера креститься, не соглашались на крещение своих дочерей, опасаясь, что крещеных будет трудно выдать замуж. В других случаях в ответ на аргументацию миссионера креститься, иначе бог накажет, шорцы давали миссионеру жертву для русского бога, но креститься отказывались.² Подход к христианскому богу здесь совершенно такой же, как и к шаманскому. Миссионеры часто жаловались, что их аргументация о необходимости крещения с целью очищения грехов оставалась непонятной для шорцев, так как последним было чуждо понятие „грех“. И вполне справедливо заявил посетивший шорцев академик Радлов: „Хотя они все христиане, но тем не менее почти ничего не знают об этой религии“.³

Мы имеем все основания утверждать, что христианские проповеди не были доступны мышлению шорцев, и крещение последних вызывалось экономическими соображениями или чувством страха.

На ряду с этим нельзя отрицать большого влияния христианизации на семейно-общественную жизнь шорцев, особенно там, где эта жизнь протекала при постоянном вмешательстве миссионеров и шла по пути обрусения... Крещение и обрусение ломали и разлагали обычный уклад жизни северных и южных алтайцев. Начальник Алтайской миссии С. Ландышев отмечает следующие обычаи, которые при содействии миссионеров стали исчезать из жизни новокрещеных: 1) многоженство, 2) разводы по капризу мужа, 3) получение калыма за дочь или родственницу и часто без предварительного назначения количества, каковой взыскивается у некрещеных, переходит даже к внукам (и производит фамильные распри, притеснения, грабежи и насилия), 4) запродажа малолетней (иногда еще находящейся в утробе матери) взрослому жениху и наоборот — женитьба малолетних мальчиков на взрослых девицах, 5) задерживание невесты у ее родных до тех пор, пока жених не заплатит или не заработает калым, 6) брать жену старшего брата или ближайшего родственника за себя после его смерти или снова продавать ее в замужество и без ее согласия; даже иногда выдавать вдову на родом за ближайшего из младших родственников умершего мужа ее без добровольного согласия жениха, 7) детей у овдовевшей отбирать в наследство ближайшему из старших родственников умершего, а с ними и имущество, а иногда делить их между родными, особенно девочек, как имение или родовой капитал, 8) считать женщину за рабочий продажный скот.⁴ (Разрядка наша. Л. П.)

¹ Надо заметить, алтайские миссионеры неоднократно выражали свое „негодование“ в печати против коммерческого подхода к крещению со стороны северных и южных алтайцев. См., например, И. Солодчин. Алтайская миссия. Домашняя беседа, 1860 г., стр. 910—911.

² Записки Вербицкого за 1860 г.

³ Aus Sibirien, I, S. 346.

⁴ Некоторые сведения о церковной Алтайской миссии. Творения св. отцов, в русск. переводе, год 14, кн. 4. Москва, 1856, стр. 691—692.

Все эти обычаи являются преимущественно выражением родовой организации, построенной по отцовскому признаку, с правовым преобладанием в общественно-семейной жизни мужчины над женщиной. Отсюда само собой очевидно, насколько влияла христианизация и сопутствующее ей обрусение на разложение родовых обычаев. Стало быть, русская колонизация не только подтачивала экономический базис отцовского рода, но и непосредственно его семейные, общественные устои.

4. ПАШТЫКИ

В разделе „Торгово-ростовщическая эксплуатация“ мы показали, как под влиянием русского торгового капитала у шорцев образовалась торговая эксплуататорская верхушка, вскоре же сделавшаяся хозяином шорского аила.

Теперь мы покажем, как под влиянием русской колонизации эксплуататорская верхушка шорцев обогатилась еще одной прослойкой. Мы имеем в виду шорскую родовую администрацию, т. е. преимущественно „паштыков“, которых русские власти именовали в старинных документах „князцами или «башлыками»“ (от слова «paštyk»).

У нас отсутствуют данные для характеристики паштыков до эпохи русского завоевания. В период русского завоевания, как позволяют судить некоторые отрывочные данные, встречающиеся в старинных документах, шорские паштыки являлись главами мелких родов, выполнявшими в необходимых случаях и функции военного руководства. Мы уже знаем, что при обложении ясаком шорцы оказывали упорное сопротивление русским казакам. Стало быть, шорцы располагали военной силой. Из кого состояла эта военная сила у шорцев, как она была организована, мы точно не знаем, но надо полагать, что вооружено было все взрослое мужское население, способное носить оружие. Специальных воинов не было, а в момент опасности все мужское население выступало с оружием в руках под предводительством „паштыка“.

Паштык хотя и был облечен властью, но с другой стороны столь же крепко был связан кровным родством со своей общиной, как и любой из ее членов.

Было бы чрезвычайно важно обладать конкретным материалом для суждения о происхождении „паштыка“. За отсутствием же таких данных мы можем ограничиться только следующим предположением. Исследования Маркса показали: „Труд верховного надзора и руководства не обходимо возникает всюду, где непосредственный процесс производства имеет форму общественно-комбинированного процесса, а не форму разъединенного труда самостоятельных производителей“.¹ Процесс производства у шорцев на ранней ступени их развития имел характер общественно-

¹ К. Маркс. Капитал, т. III, Партиздат, 1932, стр. 271.

комбинированного процесса. Вспомним облавные охоты на мясного зверя, расцвет которых, вероятно, относится к эпохе материнского рода. Облавные охоты, несомненно, влекли необходимость иметь руководителя, которым являлось то или иное лицо по выбору общины, выбиралось, вероятно, прежде всего в силу его личных качеств (опыт, ловкость, храбрость и т. п.). Нам представляется, поскольку осью хозяйственной деятельности шорцев являлась охота на мясного зверя, производимая коллективно, что руководитель производства охотничьей родовой общины со временем и сделался родовым старейшиной. Его руководство не ограничивалось только производственным процессом облавы, оно сделалось вероятным и не казалось недопустимым вообще в жизни родовой общины. Отсюда легко объясняется возможность соединения в руках родового старейшины и военных функций, поскольку они требуют почти такого же руководства, как и при больших облавных охотах на крупного зверя... Таким образом возникновение должности паштыков мы объясняем из необходимости разделения труда в облавных охотах, которые в древности у шорцев являлись основой их существования.

Должность паштыка вначале безусловно была выборной. Она сделалась наследственной, когда функции паштыка, как руководителя облавных охот, постепенно сошли на нет. Это произошло очевидно в эпоху отцовского рода, когда основной отраслью производства сделалась охота на пушного зверя.

Охота на пушного зверя не требовала организации больших коллективных облав. С развитием пушной охоты, повлекшей за собой и рост обмена, благодаря чему явилась возможность накоплений материальных ценностей в руках отдельных семей, семьи экономически более обеспеченные и сильные стали захватывать и общественные должности, каковой прежде всего и являлась должность паштыка, уже имевшая теперь значение не столько в специальных производственных процессах родовой общины, сколько в ее общественной жизни в целом.

Переход шорцев к отцовскому праву весьма способствовал постепенному превращению выборности в наследственное право семьи, чем и было положено начало знатной семьи внутри рода.¹ А экономическое превосходство данных семей (усиливаемое должностью) по сравнению с другими семьями делало их особенно устойчивыми и жизнеспособными.

Во всяком случае, в момент русского завоевания шорские паштыки являлись должностными представителями рода, с наследственным правом на данную должность (при котором выборы являлись формальной санкцией родовой общины этого права). Они были экономически наиболее обеспеченными лицами своей общины („лутчими людьми“ по объяснению русских архивных документов), облеченными политической властью, происходящей из факта занятия общественной должности.

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, 1932, стр. 144.

После русского завоевания происходит процесс ускоренного превращения шорских паштыков в эксплуататорскую верхушку. Русские власти в интересах бесперебойного и усиленного поступления ясака превращают шорских паштыков в своих представителей среди покоренных шорцев, превращают в своих чиновников.¹ Русское правительство, чтобы склонить на свою сторону паштыков, облакает их полномочиями власти, поручая им сбор ясака, наиболее влиятельных из них отмечает наградами. Непослушных, защищавших интересы своей общины, а не интересы русского царизма, смещали, на их место жаловали „за службу“ людей полезных для русской власти. Так, например, царь Алексей Михайлович в 1651 г. пожаловал „Кузнецкого уезду, Мраские волости князю, Кунестейку Изерекову да улускому человеку Карачайку Ишлычакову, за их к нам службы и за радение, в их улусе князю Кунестейку лутчим человеком князю, а улускому Карачайку в улусе улусным яскулом“.² В конце XVIII в. император Павел жалует большую золотую медаль на анненской ленте шорскому паштыку Токману. Награды эти следовали, разумеется, не даром.

Получив от русских властей право собирания ясака и разбора мелких дел, шорские паштыки тем самым приобрели источники легкого и скорого обогащения. Вот почему, когда наследственность паштыков была отменена, многие паштыки все же старались удержаться на этой должности. Им удавалось добиваться своей цели путем, в одних случаях, запугивания, в других, — задаривания, угощения, агитации своих подданных. Они напоминали своим подданным „исконные“ шорские обычаи об избрании паштыка из одной и той же семьи и пожизненно. Говорили о ломке их обычаев русскими. Все это, конечно, оказывало свое действие.

Перед выборами между паштыком и лицами, желающими занять данную должность, разгоралась ожесточенная борьба. Паштык и его соперники разъезжали по шорцам, обильно угощали членов данного соп'а, уговаривая на выборах голосовать за него.

Паштыка обычно выбирали из одного и того же *tөл'я*. Род „*kobyj*“, например, выбирал паштыка из *tөл'я* Шулбаевых.

В назначенный день выборов паштыка весь „соп“ собирался в определенном месте. Собиралось все мужское население, даже ребятишки. Собрание называлось „*paŋt'k tutarga sybg*“ („собрание держать паштыка“). Не допускались на все общественные собрания (*sybg*) только женщины. Быть женщине на собрании считалось позором, стыдом (*ujat*), девицы тоже не могли присутствовать на *sybg'e*. Это яркий результат победы отцовского права, с зарождающейся частной собственностью, над материнским.

¹ См. Устав об управлении инородцами от 22 июля 1822. Полное собр. законов Росс. импер., т. 38, стр. 394—417.

² Акты исторические, т. IV, стр. 148.

В день выборов на общественные деньги варилося мясо, угощали вином. Каждый из присутствующих на выборах, даже мальчишки, клали на стол деньги в пользу паштыка, богачи клали по сотне рублей. Гулянка длилась 2—3 дня. Паштык ставил вино теперь уже за свой счет. Старался поставить как можно больше вина, не считаясь со средствами, зная, что все потраченное на угощение ему вернется с лихвой.

В обязанности паштыка входило: раскладка ясака на общем собрании и соби́рание его; судебный разбор мелких дел членов своего соп'а, содействие и организация передвижения чиновников и миссионеров по краю. Паштык имел право наказывать штрафом и розгами. Паштык освобождался от всяких податей и повинностей, возлагаемых на его „соп“. Он не мог быть наказанным розгами.

На обязанности паштыка лежала и переписка с русской властью, в частности с полицейским управлением. Русские чиновники естественно писали паштыкам по-русски. Последним это доставляло много неприятностей. Во-первых, паштыки, за редким исключением, не владели русским языком — особенно суконным, бюрократическим, полицейским, во-вторых, паштыки были неграмотны. Секретарей или писарей паштыки не имели. Поэтому и получилось, как сообщает Вербицкий, что „Все башлыки и есаулы при свидании... представляют нам грудку предписаний, лежащих более года в их портфелях, согнутых из бересты, без всякого движения, и просят нас прочесть и наставить, что по ним делать, так как на все инородческое население Кузнецкой Черни грамотных причитается только 1 ученик, кончивший курс в нашей школе. И... есаул представил несколько бумаг. Тут были и злосчастные статистические таблицы, более трех лет вопиющие о самоскорейшей проставке цифр по известным данным. Но более всего было предписаний Кузнецкого окружного полицейского управления, где означено количество душ в их волостях, числящихся по последней ревизии и сколько им следует внести ясаку“.¹

Судебные функции паштыка, передоверенные ему русской властью, долгое время ограничивались в известной мере участием в них родовой общины. Выше уже говорилось о роде Кобы́, который на каждое судебное заседание выделял из своей среды 6 человек (paştyktyң argyştary), преимущественно стариков, которые во главе с паштыком и составляли родовой суд. При таком составе суда не имели места взятки и подарки. В северной Шории раньше при паштыке были выборные от „Соп“-а, „судьи“, в количестве 12 человек. Выбирались эти судьи на собрании из людей наиболее сметливых и активных. Судьи сидели во время суда вместе с паштыком за столом. Паштык посредине. Приговор выносился большинством голосов состава судей. Перед реформой 1912 г. многие паштыки в северной Шории производили суд самостоятельно.

¹ Записки за 1874 год.

Паштык на суде приговаривал к наказанию штрафом и розгами (şəbyk). Если бедный человек не в состоянии был уплатить штраф, за него вносил кто-либо позажиточнее, а он за это отработывал заплатившему. Если паштык присуждал розги, приговор приводили в исполнение сейчас же. Розги делались из черемухи и назывались „şəbyk“. Экзекуцию производило специальное лицо при паштыке „cazol“, который являлся исполнителем при паштыке. Присужденного к ударам клали на землю на живот и заставляли спустить штаны. Если такому шорцу было присуждено 25 ударов, то „cazol“ шел вырубать 25 розог. Принеся розги, „cazol“ приступал к экзекуции. Взяв розгу, он ударял наказываемого и откладывал ее в сторону, брал вторую, ударял и снова откладывал в сторону и так сменял все 25 розог.

Теперь посмотрим, какие доходы имел паштык. Главные его доходы были от сбора ясака и взяток от суда. Мужское население Шории согласно закону должно было платить ясак в возрасте от 18 до 50 лет.¹ Паштык брал подать с шорцев мужчин, начиная с 16-летнего возраста. Шорцы, достигшие 16 лет, платили 30 коп.; называлась эта подать „kalan paştady“ (начало подати), 17 лет платили „среднюю подать“ в размере 1 рубля „orta kalanga kirde“ („зашел в среднюю подать“) и с 18 лет платили полную подать — 2 рубля — „tyiuk kalan“ (полная подать).

Вот эта-то подать, носившая название „добавки“ (artık), собиралась паштыком почти целиком для себя. Не получая официального жалованья, паштык собирал добавочную подать, преимущественно деньгами. Этими суммами паштык распоряжался фактически бесконтрольно.

Паштык на общественные деньги нанимал работников для обслуживания своего хозяйства, мотивируя занятостью „общественными“ делами и невозможностью заниматься собственным хозяйством.

Особенно хорошо наживались паштыки на пушнине, поступавшей в ясак. В ясак (alban) выбирали самые хорошие шкурки. Белок брали чернохвостых (из 100 штук выбирали 10 штук), колонков самых крупных. Подать kalan в последнее время исчислялась на деньги — платили пушниной.

Часто паштыки продавали хорошую пушнину в городе по рыночным ценам, покупали хуже сортом и вносили ее в казначейство, оставшиеся деньги пропивали в городе, хотя им специально для поездки в город и покупки вина (себе, чиновникам) средства отпускались.

Некоторые паштыки давали деньги в рост под проценты („pağş“). Шорские паштыки последнего времени были отчаянные взяточники. Взятки брали деньгами, пушниной, орехами, медом, хлебом, золотом, товарами. Жалования они не получали, жили исключительно на взятки. Взятки брали по всякому поводу. Нельзя было приехать за чем-либо

¹ Свыше 50 лет не платили ясака. Когда исполнялось кому-либо 50 лет, он заявлял об этом роду, ставил угощение (вино обязательно) и просил исключить из списков плательщиков.

к паштыку без взятки, по какому делу ни ехал бы шорец. Даже самые бедные шорцы везли что-нибудь паштыку, хотя бы одну шкурку белки или немного самосидки. Особенно много дохода получал паштык от судебных взяток, так как суд находился в руках паштыка. Взятка называлась „сыј“. Если против кого-либо выдвигали обвинение, то паштык вызывал обвиняемого, говорил с ним с глазу на глаз и предлагал прекратить дело за определенное вознаграждение. Обвиняемый мог торговаться с паштыком, а сторговавшись и уплатив паштыку „сыј“, мог быть спокойным — паштык оправдывал его или чаще всего не допускал дело до суда. Иногда паштык в таких случаях „мирил“ стороны или же просто прекращал дело. Если дело было серьезным, — взятка была большой (150—200 руб.), причем в таких случаях паштык делился взяткой с урядником.

Взятничество особенно широко процветало в верхнем течении Мрассы. В миссионерской печати об этом писали следующим образом: „в Каргинском стане (Мрасского отдела) взятничество — порок всей языческой местности“.¹

Паштыки жили довольно зажиточно, но очень богатых среди них не было, так как накоплению богатств им мешало пьянство. Пили они много и часто, чем и приобрели широкую известность.

Хозяйство паштыков, как уже упоминалось, велось трудом работников. Например, шорец Оду Отыргашев жил работником в течение 18 лет у паштыка Малтачака, в улусе Осиновая гора. Временами же, особенно во время поездок в г. Кузнецк, в хозяйстве паштыка работали по очереди и бесплатно его сородичи или во всяком случае члены данного соп'а, так как считалось необходимым отблагодарить паштыка за заботы о делах соп'а.

Приведенные данные не оставляют сомнения о социальной сущности шорских паштыков предреформенного периода. Это были типичные эксплуататоры — продукт того ускоренного разложения родового общества, которое испытывало оно под влиянием колониальной политики царизма. Даже внешнее поведение шорских паштыков и их общественное положение среди рядовых шорцев выражало их социальную сущность.

Паштык требовал оказания внешнего уважения. Так, например, зашедший к паштыку шорец немедленно снимал шапку и клал ее подмышку и стоял у дверей, если паштык не приглашал его пройти и сесть. Нельзя было паштыку пересечь дорогу.

О паштыке и его помощнике „кандитате“ нельзя было скверно отзываться, нельзя про них было ничего плохого сказать; если кто так делал, тому плохо приходилось: засудит паштык и еще „под урядника подведет“. „Если паштык ругает тебя или ударит, держи только голову

¹ Миссионерство на Алтае и киргизской степи в 1888 г. Томские епарх. вед., 1886, № 7.

ниже“, — говорили нам шорцы, — „молчать надо было, а если будешь спорить, совсем плохо будет“.

Некоторые из паштыков отличались особенной жестокостью и грубым обращением с подчиненными им шорцами. Так, про паштыка Кучегешева, жившего в Тетензу (около Мысков, в 2 км), рассказывали, что он иногда зимой, когда ему нужно было попасть в Каргинскую волость (вверх по р. Мрассе), в виду того, что конных дорог не было, садился в нарточки, брал 3—4 человек шорцев и заставлял их везти себя в Каргинский район и обратно. Шорцы шли на лыжах и тащили за собой нарточки с паштыком.

В верховье р. Мрассы среди шорцев рода кы до сего времени не могут забыть жестокости и издевательства паштыка Сандра Кузургашева.

Все изложенное о паштыках дает нам полное основание рассматривать их в последний период русской колонизации не как представителей интересов разрушающейся шорской родовой общины, а как представителей эксплуататорской верхушки шорцев, как агентов русских колониальных чиновников-угнетателей. Надо заметить, что приблизительно такую характеристику паштыкам дал и буржуазный путешественник Адрианов, который, побывав в Шории в 1881 г., впоследствии писал: „башлык (т. е. паштык. Л. П.) потерял прежние прерогативы и сделался орудием в руках русской земской власти; звание башлыка или, попросту, старосты не наследственно теперь, а передается по выбору членов, входящих в состав волости, и притом несамостоятельно, а под давлением заседателя, писаря, исправника. Башлык настоящего времени не патриарх, не глава одной семьи, а послушное орудие в руках разных мелких властей, первый и злейший враг народа“.¹

5. ФОРМЫ ЭКСПЛОАТАЦИИ

В связи с процессом усиленного разложения родových отношений происходило превращение форм родовой взаимопомощи в формы эксплуатации. Весьма характерным является при этом стремление эксплуататорской верхушки шорцев сохранить и использовать родовую форму отношений для эксплуататорских целей. Родовые формы взаимоотношений наполнялись новым социальным содержанием и помогали маскировать сущность нового содержания. Привлечение конкретного материала поможет нам уяснить ход указанного процесса.

В разделах, посвященных вопросам материнского рода и характеристики отцовского рода, мы привлекли материал, свидетельствующий о коллективном труде, общей собственности и совместном потреблении продукта в древней общине Шории. Еще для раннего периода отцовского

¹ Адрианов, Кузнецкий край, стр. 294, 295. Ср. К. Миротворцев, Отчет (стр. 13), пишет про родовых старост, „родовых только по названию“.

рода взаимопомощь трудом, продуктом между членами одной и той же общины составляла обычную правовую норму, составляла обязанность каждого члена данного рода. Вспомним отношения „ədyške“, вспомним помощь больным, престарелым.

Иная картина раскрывается перед нами, когда мы обратимся к последнему периоду русской колонизации, периоду интенсивного разложения родовых отношений. Теперь также широко практикуется помощь, но она происходит со стороны зажиточных шорцев беднякам. „Беспрестанно можно встретить инородца или инородку, — писал Адрианов, — заехавших в юрту какого-либо состоятельного инородца с водкой или маленьким подарком; и угощение водкой и маленький подарок обозначают, что приехавший нуждается в помощи, и ему дают денег, хлеба, чего нужно, его отдаривают сторицей“.¹ Правильно отметив факт распространения помощи со стороны зажиточных шорцев нуждающимся, Адрианов не потрудился исследовать эти отношения до конца, остановился на половине и поспешил с выводом (отдаривание „сторицей“). На деле же все это выглядит иначе. Действительно, у шорцев существовал обычай приходить за материальной помощью к сородичу с каким-либо подарком-гостинцем, чаще же всего с вином. Подарок придавал визиту совершенно определенное значение. Хозяин распивал вино с прибывшим гостем, и если к тому была возможность, добавлял к угощению своего вина. Во время винопития гость излагал свою просьбу о материальной помощи и всегда получал согласие хозяина. Однако оказывал помощь зажиточный хозяин на определенных условиях, обычно на условиях, которые по-шорски назывались „orta pəlyş“ и были повсеместно распространены. Сущность отношений „orta pəlyş“ состояла в следующем. Бай (т. е. зажиточный, богатый человек) давал бедняку, согласно его просьбе, лошадь или лыжи, иногда ружье с огнестрельными припасами, для того чтобы бедняк мог отправиться на промысел зверя. За это добытую на промысле пушнину бедняк должен был разделить с баем пополам. Таким образом, по существу мы имеем здесь сдачу средств производства охоты баем в пользование бедняку из половины.

Нам рассказывали многие шорцы рода „kobyj“, что очень часто баи сами ездили по охотникам-шорцам в гости с вином и просили определенных охотников отправиться промыслять зверя на условиях „orta pəlyş“, обещая снабдить охотника ружьем, капканами, средствами передвижения (лошадь, лыжи, нарты), съестными и огнестрельными припасами. Кроме того обуславливали половину добытой пушнины, принадлежащую охотнику, также сдать этому же баю на товар или на деньги.

Отношения „orta pəlyş“ имели место и при рыболовстве. Баи давали сети, неводы порыбачить на время и за это брали половину улова, а иногда и больше.

¹ Путешествие на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 326.

На условиях „orta pəlyş“ баи нанимали шорцев-бедняков сеять ячмень. В последнем случае нанявшийся должен был расчистить пашню, вспахать поле, убрать и обмолотить ячмень и брал себе половину урожая (возвратив баю количество ячменя, ушедшее на семена — этот ячмень в раздел не шел).¹

Можно себе представить, как тяжелы были эти условия для бедняка, принимая во внимание первобытные способы обработки земли.

Приведенные примеры вскрывают сущность отношений „orta pəlyş“, трактовавшиеся шорскими баями, как отношения родовой помощи. На деле же мы имеем дело со своеобразной формой отработочной ренты, выросшей в условиях таежного звероловческого хозяйства и применявшейся также и в других отраслях шорского хозяйства. Отношения orta pəlyş необходимо должны быть эксплуататорскими отношениям, поскольку в отношения между собой здесь вступает, с одной стороны, бай, собственник средств производства, с другой стороны, малоимущий или бедняк, лишенный достаточных средств производства. И отношения „помощи“ со стороны бая выступают здесь по существу как отношения сдачи в аренду средств производства за отработку. Родовая помощь по форме, по существу же эксплуатация — вот наиболее подходящая формула для данных отношений.

Надо отметить, что отношения отработочной ренты в Шории не ограничивались только упомянутой выше. Шорцы рода „кзыл-гаја“ (р. Пызас) сообщили нам и другие факты. Старик Арбачаков рассказывал:

„Раньше у кого не было ячменя для посева, тот шел просить их к человеку побогаче, у кого семена всегда были. За это такому человеку вскапывал абылом пашню. За пуд семян копал два дня“.

Отношения отработок следует видеть и в устройстве зажиточными шорцами „помочей“ (по-шорски „рəвьş“ от русского ‘помочь’). Баи довольно часто практиковали устройство помочей при расчистке тайги, вспашке, уборке урожая. Бай делал „тутпаш“ с мясом или рыбой, ставил вино, собирались на эти помочи по 15—20 человек работников со своими абылами вскапывать поле. Прежняя родовая форма взаимопомощи „ədyşke“ сменилась байской помощью. Отношения „ədyşke“ не могли существовать между баем и рядовым шорцем, ибо бай никогда не шел отрабатывать заем трудом, а предпочитал или угостить чем-нибудь работающего, или оплатить его труд какой-нибудь натурой.

Так в верховьях Мрассы (род kəbyj), за последнее время перед революцией, многие зажиточные люди, занимавшиеся мотыжным земледелием, приглашали для обработки пашни абылом неимущих сородичей или бедняков из другого рода. Расчет с ними производили натурой, хлебом. Условия расчета были таковы: за „ударную“ работу платили пол-

¹ Верховья р. Кобырзу; р. Пызас; р. Колзас.

пуда ячменя в день. Стоимость хлеба в то время была в Таштыпе 12—13 коп. пуд., стало быть за „ударную“ работу платили в день 6 коп.

На ряду с указанными формами эксплуатации русская колонизация создала в Шории зародыши капиталистической эксплуатации в форме денежного найма рабочих для выполнения сельскохозяйственных работ.

В северной части Шории довольно значительное количество шорцев добывало себе средства существования путем продажи рабочей силы в зажиточные хозяйства, нанимаясь в работники. Работник по-шорски называется „салсь“. Среди них были различные категории сельскохозяйственных рабочих. Были месячные (*pir aj catkan*), которые нанимались к хозяину за 5—6 рублей месячной платы. Одежду они имели свою. От хозяина получали скудное питание. Они косили и убирали и возили сено, заготавливали и возили дрова, ухаживали за скотом, чистили скотские дворы, возили хозяина и т. д. Были и годовые работники (*салсь*), которые также работали на хозяина день и ночь, получая лишь кое-какое питание и 30—40 руб. годовой платы (оплачивались дешевле месячных). При крайне низкой оплате батраков кулаки-хозяева еще старались задерживать, а иногда и увильнуть от платы, прибегая для этого к различным мошенническим приемам. Вербицкий в записках за 1858 г. рассказывает о крещеном батраке Николае, хозяин которого вырезал у себя ночью колодку пчел и, обвинив в этом Николая, не выплачивал ему заработной платы. На ряду с этим было много поденщиков „*kun iştigen*“, которые выполняли различные сельскохозяйственные работы на своем питании за 20—30—35 коп. в день.

Наемный труд шорцев, как мы видели, оплачивался крайне низко. Тот же Вербицкий сообщает о заработке шорцев, переносящих на спине кладь в обход Мрасского порога (река Мрасса): „Между несущими бывают женщины, грудные дети которых роются в траве под наблюдением 6-летних нянек, и девочки 13—14 лет. Переносная цена за 5 верст по огромным камням серого граната от 20—25 коп. за мешок весом от 2 до 2¹/₂ пудов. Один старик, встретившийся с нами, за перенос 15 мешков взял 2 пуда ржаных сухарей и считал себя в барышах. В день делают по 4—5 проходов. Женщины и девочки не отстают от мужчин, а еще их превосходят“.¹ О такой же мизерности оплаты шорского труда говорит и другое сообщение Вербицкого: „Сатлай недавно перекочевал... с реки Перзеси, около 50 верст. Для перевозки ульев и домашности он расчистил дорогу от старого жилья своего, подрядивши 4 человек по 25 копеек в день, которые при помощи его самого с семейством в 4 дня сделали то, что казенным подрядом стоило бы не менее 50 рублей“.²

¹ Записки за 1874 г. Томские губ. вед., 1875 г. № 31.

² Записки за 1874 г. Томские губ. вед., 1875 г. № 31.

Значительное количество шорцев в летнее время, когда охота на пушного зверя прекращается, нанималось на сенокосно-уборочные работы на прииски, поддерживая свое существование продажей труда. Адрианов, проезжая летом 1881 г. долиной Кондомы, отметил в путевых записках: „От Спасского прииска раскидываются прекрасные луга, на которых в это время батраки-инородцы в разных местах косили траву для золото-промышленников“.¹

Через год такую же картину Адрианов наблюдал по реке Томи. „На лугах... косили траву татары из Усть-Мрасского улуса для приисков Мальцева по р. Веселой. Инородцы ставили сено по 14 руб. с сотни копен“. Нанимал шорцев косить русский зимовщик приисков, который сам заключал с прииском соглашение по 21 рублю с сотни копен.²

Рассказывают, что в улусе Красном Яре, бай-шорец Арбачаков, Яков Иванович, также применял наем рабочей силы. Арбачаков нанимал работников за деньги и посылал их рыбачить. Он снабжал их лодками и всеми необходимыми орудиями лова. Питание у рыбаков было свое. Нанимал, — подчеркивают шорцы, — своих бедных родственников и сородичей. Отправлял рыбачить в августе месяце вверх по реке Мрассы до Кыйзаса (приток правый, ниже Колзаса в 15 км.). Рыбаки-работники доставляли ему до 30—40 возов рыбы, которую Арбачаков засаливал, позднее морозил, держал у себя до масленицы и затем в это время, когда был усиленный спрос на рыбу, вез ее продавать в Кузнецк.

Некоторые шорцы низовьев Мрассы занимались извозом. Возили кладь шорским торговцам-баям из города Кузнецка до Мысков и из Мысков на Усть-Кобырзу и обратно. Извозом занимались в зимнее время по санному пути. Дорога шла по реке Мрассе и Томи.

Из Кузнецка возили хлеб торговцам Тотышевым по пять коп. с пуда. На воз клали 20 пудов. Стало быть за перевоз одного воза муки торговцы платили 1 руб. Шорец-возчик тратил на поездку в Кузнецк 3 дня, причем сено и питание у возчика были свои, что, конечно, еще уменьшало его заработок.

Из Мысков вверх по Мрассу везли муку, ячмень, соль, которые торгаши давали охотникам в долг. В Каргу ездили в оба конца в 6—7 дней. В Кобырзу совершали оба конца не менее, чем в 12—13 дней. За провоз в первый путь купцы платили по 15 коп. с пуда. Обратно везли скупленный торгашами орех. Если в первый путь клали на воз 20 пуд., то обратно грузили 25 пуд., так как дорога обратно была легче. Шорец-возчик, съездивший в Кобырзу, на одной лошади перевозил таким образом в оба конца 45 пудов клади, за которую получал 6 руб. 75 коп. Это все, что он мог заработать от бая за 13 дней утомительного, опасного зимнего пути, на своем продовольствии и со своим

¹ Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 190.

² Путешествие на Алтай и за Саяны в 1883 г., стр. 87.

сеном. Вот как низко оплачивался и этот вид труда. Если добавить, что нередко расчет производился торгашами натурой, то картина потрясающей эксплуатации возчика-шорца станет еще яснее.

Во время поездок вверх по Мрассе возчики ночевали в пути в „караулчуках“. Караулчук представляла собой убогую избушку, где можно было обогреться и переночевать. Содержатели караулчуков были обычно бедняки, которые выезжали на зиму в караулчуки и занимались преимущественно промыслом зверя. Содержатель караулчука заготавливал дрова, воду для чая, иногда летом запасал немного сена. Остановившиеся на ночлег возчики пользовались всем этим и платили за ночлег 3—5 коп. иногда калач хлеба. Первый караулчук, если ехать из Мысков вверх по Мрассе, находился в 63 верстах, известен был под названием „señmel“, второй находился по Мрасским порогам, третий выше порога в 18 верстах и представлял собой избушку на пасеке шорца „sanper“.

6. ОБЩЕСТВЕННЫЙ СТРОЙ ШОРЦЕВ ПЕРЕД РЕФОРМОЙ 1912 г. И КОЛОНИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРСКОГО КАБИНЕТА

Мы имеем возможность подвести некоторые итоги нашего исследования и возвратиться к вопросу о том, какую же стадию разложения родового строя переживали шорцы накануне землеустроительной и административной реформы 1912 г.

Основным признаком для решения этого вопроса является установление степени разложения родовой собственности на основные средства производства.

Какова же была собственность на основное средство производства — землю и, в первую очередь, на охотничьи угодья, поскольку охота на зверя имела ведущее значение в хозяйстве Шории, особенно в южной части? Мы знаем, что в интересующий нас период номинальным собственником земель Шории являлся русский царь, который на этом основании взимал с шорцев подать. Однако, для анализа внутренних общественных отношений в Шории мы отвлечемся от данного факта, так как до землеустроительной реформы право частной собственности царя было номинальным, на ряду с чем у шорцев действовали свои правовые нормы в отношении собственности, тем более что шорцы не признавали собственности царя на их землю, как это показала землеустроительная реформа, хотя и платили царю подати.

Рассмотрение форм собственности на охотничьи угодья у шорцев придется проделать отдельно для южной и северной части Шории, поскольку между ними имелись различия.

В южной части Шории в интересующий нас период еще преобладала родовая собственность на охотничьи угодья, хотя последняя находилась в процессе разложения. Характерной тенденцией процесса разложе-

ния ее было суживание, уменьшение круга собственников на данную территорию. Выше мы видели, что у некоторых родов охотничья территория была поделена между „фамилиями“, разросшимися большими семьями. Семейно-общинная форма собственности, которую Энгельс считал переходной формой к территориально-общинной собственности, еще не сделалась господствующей для охотничьих территорий родов, населяющих южную Шорию. На этой ступени развития собственности их застает землеустроительная реформа, которая, как мы увидим далее, сломала весь ход общественного развития шорцев и искусственно создала новые формы собственности. В отношении охотничьих территорий южной Шории мы можем применить характеристику Маркса, которую он дал клану кельтов, обитавших в горной Шотландии. Маркс писал: „Во всяком случае земля являлась собственностью рода, в среде которого, несмотря на кровное родство, существовали такие же различия в общественном положении, как и во всех древних азиатских общинах“.¹

Родовая организация в южной Шории покоилась на принципе общего владения охотничьими территориями группой родственников по отцу.

В северной части Шории развитие форм собственности на охотничьи угодья продвинулось вперед. Здесь охотничьи угодья были общими не для родовых, а для территориальных общин. Данное общество (например, Чувашинское, Мысковское) независимо от родового состава его членов имело определенные охотничьи территории, где могли охотиться лица, проживающие в данных селениях, входящих в состав данной территориальной сельской общины. В этой части Шории в качестве пережитка наблюдалась и семейно-общинная собственность (см. выше „Отцовский род“ о *töl'e* Тельгерековых сеока „*cettiber*“). На данной ступени развития собственности на охотничьи угодья застает северную Шорию землеустроительная реформа.

Теперь рассмотрим формы собственности на пахотную землю, сенокосы и усадебную землю.

Для южной Шории данная категория земель вообще не имела большого значения. Собственность на эти земли считалась родовой, однако обрабатываемые участки под пашню или покос находились в пожизненном владении отдельных семей, прилагающих к ним труд. Как только данная семья бросала обрабатываемую ею пашню или покос, так этот участок мог занять для себя первый желающий из сородичей, из них предпочтительно наиболее близкие родственники по отцу. Переделов земель не производилось. Большие территории южной Шории при редкой населенности не делали острым вопроса пользования землями данной категории.

Иначе дело обстояло в северной части Шории. Здесь больше было развито земледелие (даже плужное), больше разводили скота. Инте-

¹ Маркс и Энгельс. Герцогиня Сутерленд и рабство. Сочинения, т. IX, Партиздат, 1932, стр. 82.

ресующие нас земли находились в пользовании территориальных общин (Мыски, Чувашка, Кондомское, Антроп и мн. другие), а усадебные земли местами (по Антропу, Кондоме, около устья Казынка) в частной собственности и некоторые шорцы продавали их русским переселенцам.¹

Здесь мы имеем лишнее подтверждение Энгельса, высказанное им при исследовании германской общины-марки: „Первым земельным участком, перешедшим в частную собственность отдельного лица, была усадебная земля“.² Прочие же земли считались собственностью общин и когда они местами сдавались в аренду русским (например, аил Кузедеевский), то арендную плату получало общество данного селения.³

Считаясь общинной собственностью, пахотная земля и покосы находились в пожизненном и наследственном пользовании отдельных семей и не подвергались переделу, может быть опять-таки потому, что здесь имелись большие земельные участки при сравнительной редкости населения и ограниченности размеров плужного земледелия. Достаточно указать, что в наиболее земледельческом Кондомском районе в составе 6 волостей от 2¹/₂ до 5 га — заседало только 102 шорских хозяйства; от 5 до 10 га — 38 хозяйств и от 10 до 20 га — 3 хозяйства (1899 г.) На отсутствие переделов мы имеем указания и у К. Миротворцева.⁴

С другой стороны более вероятно, что на такой порядок оказали влияние природные условия и характер поселений шорцев, ибс, например, в Германии „существовали... села, где, кроме усадебных участков, так же и поля были выделены из общины-марки и переданы отдельным крестьянам в наследственное пользование. Но это бывало лишь там, где к этому, так сказать, вынуждал характер местности: в тесных горных долинах, на узких плоских возвышенностях, между болотами...“⁵ Характер местности в Шории весьма близко подходит к описанному.

Селение того или иного шорского рода занимало типичные для Шории узкие долины рек. Оно состояло из удаленных друг от друга на несколько километров поселков отдельных больших семей, состоящих из нескольких юрт. Вокруг жилищ каждой семейной группы были расположены принадлежащие ей клочки пашенных земель и сенокосов. Осуществить переделы при таком способе расселения было чрезвычайно трудно. Очевидно, по этой причине мы должны констатировать, что занятые родовые общинные земли только юридически принадлежали всей общине. Фактически же они находились в пожизненном и наследственном пользовании отдельных семей. Общине фактически принадлежали территории, являвшиеся главным видом общинного пользования, а также реки,

¹ См. Отчет К. Н. Миротворцева. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа, Барнаул, 1911, стр. 15.

² Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, Партиздат 1935, стр. 632.

³ По офиц. данным 1909 г. количество русских арендаторов земли у шорцев аила Кузедеевского исчислялось в 32 души. См. К. Миротворцев, Отчет, стр. 15.

⁴ Отчет, стр. 17.

⁵ Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. т. XV, Партиздат, 1935, стр. 633.

жедровники и хозяйственно не освоенные земли. „Право отдельных лиц на владение предоставленными им первоначально родом... земельными участками упрочилось теперь настолько, что эти участки стали принадлежать им на правах наследственной собственности“.¹ Если данной семье нужна была новая пашня или требовалось расширение старой, она могла приобрести ее путем расчистки родовой тайги, и расчищенные участки поступали также в наследственное пользование расчистивших их семей.

Но община давала о себе знать, как только то или иное лицо хотело продать свою пашню, сенокос или сдать в аренду. Как правило, русские арендаторы земли у шорцев платили аренду обществу, в черте которого они арендовали земли.

Возникает вопрос: каким же образом сложились шорские территориальные общины, в каких формах зародилось общинное пользование данных общин? Нет никаких оснований думать, что в этом отношении шорцы представляли исключение для той общей закономерности, которая действовала почти у всех народов. Согласно этой закономерности деление на роды и общая собственность на землю возникли естественным путем² (разрядка наша. Л. П.).

Оседание шорцев на тех или иных территориях происходило не случайно, а по родственному признаку. Выше мы видели, что каждый род у шорцев в отдаленные времена селился вместе, на одной и той же территории. Особенность характера поселения шорского рода в узких долинах рек, описанная выше, породила захватное пользование родовыми землями, может быть, правильнее сказать — примитивно-захватное пользование.³ Между прочим такое примитивно-захватное землепользование, превратившееся затем в наследственное, несомненно оказало влияние на неравномерность пользования землей и при уравнительности податного обложения послужило впоследствии одной из причин экономического неравенства среди членов шорской общины, построенной позже по территориальному принципу.⁴

С образованием русских волостей, которые в северной части Шории включали в себя не один, а несколько родов, с развитием хозяйственного обособления семей под влиянием пушной охоты, а в северной части Шории в связи с возникновением плужного земледелия, скотоводства и оживлением обмена, родовые связи слабеют и распадаются. При упрочившейся оседлости шорского хозяйства в северной Шории перечисленные причины делают более важными, более реальными территориальные

¹ Ф. Энгельс. Происхождение семьи..., Партиздат, 1932, стр. 168.

² Ф. Энгельс. Марка. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XV, стр. 629.

³ Этот термин принадлежит В. И. Ленину, который добавил его к наименованиям форм землепользования, установленным Марксом в „Капитале“. См. Ленин. Новые данные о законах развития в капиталистическом земледелии. Сочинения, т. XVII, стр. 609, изд. 3-е.

⁴ Захватное землепользование у шорцев отмечает и К. Миротворцев в упомянутом Отчете, считая его основной формой.

соседские связи, нежели родовые. Селения северной Шории, где долины рек расширяются, а почти безлесные горы ниже и положе, носят иной характер, приближаясь к типу обычной русской деревни. Многие из них в родовом отношении оказываются смешанными. Родовые названия, как и связи с сородичами, расселенными в других местах, сохраняются долгое время, но в конце-концов утрачиваются. В 1934 г., проехав по северной Шории, мы могли убедиться в том, что здесь в большинстве случаев родовые названия забыты совершенно, в то время как на юге Шории они еще чрезвычайно живы.

Семейная собственность отдельных семей превратилась в частную собственность этих семей. Дом, усадебная земля, земледельческие орудия, скот, — все это составляло в северной Шории частную собственность мелких семей. Выше мы указывали, что дом и усадебная земля шорцами нижнего течения Кондомы продавались уже накануне земельной реформы 1912 г. Общинной собственностью, но не родовой, а собственностью данной сельской территориальной общины являлась юридически вся земля. Однако фактически в общинном пользовании были охотничьи угодья, водоемы, выгоны для скота. Пахотная земля и сенокосы фактически перед землеустроительной реформой были накануне перехода в частную собственность отдельных мелких семей, ибо пользование данными земельными участками у шорцев было наследственным.

Таков в общих и кратких чертах был путь образования сельской общины в Шории. В отличие от прежней родовой общины, покоящейся на отношениях кровного родства по отцовской линии, сельская община у шорцев сделалась „первой социальной группировкой свободных людей, не связанных кровными узами“.¹ Следующее отличие сельской общины от родовой состояло в том, что „в сельской общине дом и его придаток, двор, принадлежат земледельцу в собственность“.² Вся остальная земля принадлежала общине. Пахотная земля и сенокосы находились в наследственном пользовании отдельных мелких семей, членов данной сельской общины, где каждый обрабатывал за свой собственный счет захваченные им поля и покосы и урожай присваивал себе в собственность. Стало быть накануне землеустроительной реформы шорцы в северной Шории находились на стадии развития сельской общины, которая, „будучи последним фазисом первичного образования общества, является в то же время переходным фазисом к вторичному образованию, т. е. переходным фазисом от общества, основанного на общей собственности, к обществу, основанному на частной собственности“.³

В более отсталой южной Шории процесс образования сельской общины не развился. Там еще господствовала родовая община, разложе-

¹ Письма Маркса к Вере Засулич. Архив Маркса и Энгельса, кн. I, Л., 1928 г., стр. 284.

² Там же, стр. 284.

³ Там же, стр. 285.

ние которой очевидно привело бы также к сельской общине, однако этому помешала землеустроительная реформа. Таким образом, шорцы переживали переходное состояние от доклассового общества к классовому. Развивающиеся разделение труда и его следствие — обмен и происходящая из них частная собственность породили у шорцев деление на бедных и богатых, породили отношения личной зависимости. Развитие торговли, денежного обращения, ростовщичества выделили у шорцев небольшую верхушку, которая сосредоточила в своих руках большие богатства за счет ограбления своих же сородичей. Шорский бай, писал Адрианов, „забыл об интересах, общих его роду, и знает только свой интерес, свое богатство, основанное на обирании своих собратьев, которые, живя в глухой тайге, еще не постигли этой премудрости. Сбывать в тайгу низкопробную водку, задавать вперед товар под орехи, пушнину, мед и воск и скупать их за бесценок или брать двойные неустойки, промышленять хищническим золотом — сделалось любимой его профессией. Он так сдружился с русским (кулаком-торговцем, конечно. Л. П.), что составляет с ним компанию, союз для обирания сородичей, служит ему переводчиком, помощником и самым надежным посредником, знающим обычаи страны. В крещении он нашел средство избежать кары за преступление, — он крестится, когда это выгодно ему“.¹ Новая общественная прослойка шорцев, представленная баями, торговцами-ростовщиками, не совпадала со старой родовой аристократией („паштыки“). Силой экономического, отсюда и общественного положения, которым теперь измерялось богатство, байская верхушка подчинила своему влиянию „родовую“ администрацию, превратив ее в защитницу своих интересов (например, с помощью паштыков байы выколачивали с шорцев фантастические долги. Это обстоятельство отразилось и в известной шорской поговорке: „rajba sarьglaşpa, kuştybe kereşpe — „с богатым не судись, с силачем не борись“.

Бай-торговцы и ростовщики, паштыки и прочая родовая администрация, а также известные грубыми и дикими приемами эксплуатации невежественные шаманы — вот та эксплуататорская верхушка, которая выделилась в результате разложения родового строя.

На ряду с этим непрерывно шло обеднение непосредственных производителей — шорцев. Большинство шорцев влачило нищенское существование, живя в первобытных жилищах, питаясь дикими корнями и одеваясь в лохмотья. Характерно, что большинство шорцев не считало своих баев эксплуататорами, напротив, называло их „благодетелями“, а кабальные ссудные и ростовщические операции их полагало за родовую „помощь“. По нашему мнению, это доказывает лишь степень сохранности воззрений родового строя, об укреплении которых весьма заботились байы, так как такие воззрения помогали им скрывать, маскировать свою эксплуататорскую сущность.

¹ Кузнецкий край, стр. 299—300.

Однако проблески классового самосознания бедноты кое-где очевидно уже имелись, например, в северной Шории. Вербицкий описывает любопытный в данном отношении случай, который мы приведем полностью: „Бедный инородец улуса Кузедеевского Михаил, еще юноша, пришел ко мне испросить благословение на добычу зверя. Он и товарищ его, расставляя ловушки для белок (кулемки), заметили берлогу медведя. Бедняки рады были бы вступить в борьбу со зверем без посторонней помощи: ясак их был бы обеспечен; но у обоих их было только одно ружье, и то порченное. Делать нечего; пригласили к себе в товарищи, с правом на равный дележ, еще двоих, с винтовками, а сами пошли с одними топорами указывать берлогу. При этом случае Михаил заметил: «вот так то все от нас к богатым переходит». — «За то бедным умирать легче», ответил я ему“¹ (разрядка наша. Л. П.). Здесь совершенно ясно выражено чувство классового сознания бедняка шорца о социальной несправедливости. Разумеется, миссионер постарался заглушить его.

Значительные изменения в связи с разрушением родовой общины произошли у шорцев в семье. Семья становится постепенно моногамной. Она представляет собой мелкую экономическую единицу, основанную на полном господстве мужа и подчинении ему жены. Вся тяжесть домашних работ целиком взваливается на женщину, превращенную в буквальном смысле в работницу. Кроме того женщина обязана была рожать детей. Бесплодную жену муж вскоре же прогонял. От жены требовалась супружеская верность. Дети были необходимы такой семье, ибо имущество теперь наследовали в первую очередь они и, за отсутствием таковых, близкие родственники умершего. Особенно радостно в простых семьях встречали мальчиков, так как мужской труд в семье играл главную роль. Рождение мальчика отмечалось семейным торжеством. К колыбели мальчика прибавляли миниатюрные лук и стрелу, эмблему будущего зверопромышленника. Рождение девочки особенной радости не вызывало. Наследниками имущества являлись дети, в первую очередь сыновья. Младший сын наследовал отцовское жилище. Возможно потому, что женить шорцы начинали всегда старших сыновей, которым при женитьбе ставили отдельное жилище. Младший сын оставался все время в доме отца, женился последним, очевидно поэтому именно ему доставался отцовский очаг и дом.

Так постепенно разрушилась родовая шорская община и заменилась в северной части Шории сельской общиной, внутри которой уже крепла частная собственность, развивалось экономическое неравенство. Этим было заложено начало классового общества в Шории.

Разложение родовых связей и замена их связями территориальными отразились в религиозных представлениях шорцев в форме замены культа родовых духов культом местных, территориальных духов. Общинная соб-

¹ Записки миссионера Вербицкого за 1861 г.

ственность на землю, являясь древним шорским правовым принципом, существовала под покровом царской помещичьей собственности. Это было возможно до тех пор, пока царь не превратил номинальное право в совершенно реальное право частной собственности. И когда явилась необходимость разгрузить европейскую Россию от разоренного и безземельного крестьянства, Кабинет царя решил предоставить значительную часть земель Алтайского округа, населенных коренными обитателями края — алтайцами в широком смысле слова (включая и северных: шорцев, шелканцев, кумандинцев, тубаларов) под колонизацию. Условия передачи земли в Переселенческий фонд были чрезвычайно выгодны, что делало Кабинет заинтересованным в данном мероприятии и по экономическим соображениям. Пункт 7 царского указа от 19 сентября 1906 г. гласил: „За передаваемые в казну переселенческие земли Алтайского округа государственное казначейство обязано уплачивать Кабинету вознаграждение в размере двадцати двух копеек с десятины удобной земли, ежегодно, в течение 49 лет“. По предварительным соображениям Кабинета в Алтае можно было выделить для сдачи в казну свыше 6 миллионов десятин. Однако, для этого нужно было произвести грабеж земли у племен Алтая, который официально именовался „землеустройством“. Нужно было так „устроить“ ясачное население, чтобы выгнать его с освоенных удобных земель, сбить в плотную массу и наделить небольшим душевым наделом, не взирая на экстенсивный образ их хозяйства, требующий большого количества свободных земель. Надо ли говорить о том, что участь алтайцев, в том числе и шорцев, в земельном отношении была решена?

Однако, для того, чтобы произвести грабеж коренного населения Алтая в крупных размерах, официально, необходимо было обойти некоторые законы, изданные раньше. К числу таковых можно отнести Устав Сперанского, по которому алтайцы владели землями, занятыми ими в момент издания данного закона. А главное нужно было отменить изданные царским правительством Правила 1904 года, запрещающие землеустройство у „инородцев Алтая“, как еще не созревших для этого.¹

Поэтому царский слуга, начальник Алтайского округа В. Михайлов, не раз форсировавший вопрос о скорейшем проведении землеустройства но безуспешно, лично отправился в Горный Алтай летом 1910 г., получив поручение от управляющего Кабинетом „ознакомиться с положением и жизнью Горного Алтая на месте, высказать затем свои соображения и определенный взгляд на поставленные вопросы о землеустройстве инородцев, колонизации края и хозяйственного использования земель, лесов и недр и наметить программу деятельности Кабинета в Горном Алтае“.²

¹ Правила 1904 года были изданы с целью ограждения „бродячих и кочевых инородцев Алтая от землеустройства, которое уже намечалось специальным законом 1899 г. Подробнее об этом см. нашу работу „Очерк истории Ойротии“, гл. 10 и 16.

² Отчет начальника Алтайского округа по ознакомлению с Горным Алтаем в лето 1910 г. Барнаул, 1910, Предисловие.

Другими словами, в целях развития арендного хозяйства Кабинета Михайлову нужно было доказать: 1) оседлый образ жизни у алтайцев; 2) что по условиям жизни они подходят под землеустройство, предусмотренное еще законом 1899 г. Михайлов задачу выполнил и представил специальный отчет управляющему Кабинетом. Михайлов посетил только современную Ойротию, а в Горную Шорию с аналогичными задачами командировал К. Миротворцева. Миротворцев также представил отчет о командировке, который был напечатан в Трудах съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа.¹

Названные отчеты — яркие документы царской колониальной политики — давали заключение о необходимости проведения среди алтайцев землеустройства. Михайлов считал: „Необходимым условием упорядочения земельных отношений, заселения края и хозяйства Кабинета... в Горном Алтае является территориальное размежевание. При наличии закона 31 мая 1899 г. размежевание должно влиться в форме поземельного устройства на основании названного закона всего инородческого населения Горного Алтая и той части русского населения его, за которым будет признано право на получение надела“.²

Одновременно Михайлов изложил программу экономической политики Кабинета. Программа предусматривала организацию хозяйства в округе на капиталистических началах. Во главу угла ставилось развитие арендного дела. Рекомендовалось немедленно же произвести землеустройство среди алтайцев и русских, живущих в горной части округа, по закону 1899 г. Автор отчета утверждал, что алтайцы вполне созрели для землеустройства, считая введение Правил 1904 г., приостановивших действие закона 1899 г., вредным заблуждением, которое отразилось на доходе Кабинета.

Михайлов категорически настаивал на землеустройстве, настаивал на внедрении в Алтае подворно-участкового буржуазного землевладения. Он обращал внимание на „до-нельзя экстенсивные хищнические формы хозяйства не только земельного, но и промыслового“, ведущегося в Алтае. Он жаловался, что „земли Горного Алтая используются крайне нерационально, беспорядочно и непроизводительно. Леса уничтожаются беспорядочной рубкой и главным образом пожарами. Промысловые угодья обесцениваются понижением урожайности орехов и убылью зверей“, между тем как „обильный естественными богатствами Горный Алтай пригоден к широкому хозяйственному использованию путем организации здесь скотоводческого, лесного и промыслового хозяйств“.

Михайлов предлагал немедленно же изъять от алтайцев „лишние земли“ и арендный фонд путем землеустройства. „Те 7¹/₂ миллионов десятин, — писал он, — которые они считают своими, никакой закон не

¹ Отчет К. Н. Миротворцева. См. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа, Барнаул, 1911 г.

² Михайлов, Отчет, стр. 222.

сохранит в их пользовании“.¹ „Необходимо самое быстрое, но планомерное заселение Горного Алтая элементом, наиболее приспособленным к условиям жизни и хозяйства в горной местности. Только таким путем эта отдаленная окраина может быть введена в хозяйственный оборот страны и тем же путем в крае создается русский оплот“.² Заселение должно производиться „главным образом на правах аренды для крестьян обширного района, прилегающего к горам... экономически сильных и вполне приспособленных к местным особенностям края... Уход их в горы освобождает земли в степном районе и по силе сложившихся условий земли эти переходят к переселенцам из Европейской России“.³ (Разрядка наша Л. П.)

Михайлов развивал программу кулацкой, буржуазной колонизации Алтая. Необходимо упомянуть еще одно мнение Михайлова, впоследствии принятое и Кабинетом, — это проведение землеустройства и сдачу высвобожденных земель в аренду произвести силами Кабинета без участия и без вмешательства Переселенческого управления.

Программа Михайлова была одобрена и принята Кабинетом.

Не имея возможности излагать взгляды Михайлова и методы его ознакомления с Алтаем подробнее, остановимся на отчете К. Миротворцева. Последний строго и неуклонно развивает и высказывает только те мысли, которые даны в отчете его начальника,⁴ но на материале Горной Шории.

Так же как и Михайлов, Миротворцев необходимость землеустройства обосновывает прежде всего „неясностью“ прав шорцев на занимаемые земли. Он ссылается на неясность, на неопределенность представлений шорцев о праве владения той или иной волости определенной территорией. И аргументирует тем, „что некоторые (шорцы. Л. П.) сознают ненормальность такого строя и ничего не имеют против объединения принадлежащих к различным волостям в более значительные административные единицы, сведенные территориально близостью местности“.⁵ Но ведь это заведомо неверное утверждение. Оно противоречит свидетельствам путешественников, которые в 80-х годах отмечали у шорцев четкое деление территории по родам.⁶ Можно возразить нам, что за истекшие 30 лет со времени путешествий Адрианова до поездки в 1910 г. Миротворцева шорцы успели утратить память о разделе родовых территорий. Однако нам удалось записать по их рассказам родовые территории в 1927 и 1934 гг.

¹ Михайлов. Отчет, стр. 147.

² Там же, стр. 220.

³ Там же, стр. 224.

⁴ Несколько подробнее об Отчете Михайлова у нас сказано в книге „Очерк истории Ойротии“.

⁵ Отчет К. Н. Миротворцева. См. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа, Барнаул, 1911, стр. 14.

⁶ См. цитир. выше Адрианова. Поездка на Алтай и за Саяны в 1881 г., стр. 325. Его же, Кузнецкий Край..., стр. 292.

Стало быть ссылка Миротворцева на неясность представлений шорцев о собственности на территории придумана для того, чтобы придать большую убедительность слабой аргументации необходимости землеустройства, а также подчеркнуть право частной собственности царя на эти земли.

Следующим мотивом для землеустройства являются жалобы на хищническое использование земель Шории и оспаривание права собственности на них у Кабинета шорцами: „Благодаря обилию земли инородцы могут вести экстенсивное земледельческое хозяйство, засевая одни и те же пашни без правильного севооборота и быстро истощая земли. Владелец же всех этих земель — Кабинет его величества — не может теперь оказать никакого влияния на более правильную эксплуатацию земельных богатств, так как нет никаких регулярных и ограничивающих землепользование инородцев правил. Таким положением вещей создается значительный фонд земель, удобных для сельскохозяйственного пользования, но или не эксплуатируемых совершенно или хищнически истощаемых. Вести арендное хозяйство на землях, фактически свободных, Кабинет не имеет возможности, так как всегда найдутся инородцы, предъявляющие свое право на эту землю“.¹ Данное положение также зиждется не столько на фактической основе, сколько на верноподданническом желании защитить добро государя. Разве можно придавать серьезное значение объяснению экстенсивности земледельческого хозяйства шорцев обилием земель. Экстенсивность шорского хозяйства зависела от низкого уровня развития производительности сил, от слабого развития труда, от жестокой бедности таежного хозяйства, от всего того, чему виновником являлась царская колониальная политика, которая на протяжении трех веков тормозила развитие шорцев, истощала их хозяйство, подрывала силы и здоровье производителей, но об этом благоразумно умалчивает автор Отчета.

„Обосновав“ таким образом целесообразность землеустройства в „общих“ интересах царственного собственника и его верноподданных шорцев, сочинитель Отчета, на основании личного ознакомления с лесными и прочими богатствами Шории, успокоительно заверяет: „Наиболее ценные в смысле возможного развития горнопромышленности — земли на Тельбесе и наиболее чистые пихтово-кедровые насаждения не входят в число земель, уступленных под колонизацию“.² Миротворцев в соответствии с мнением начальника Округа останавливается на вопросе желательности состава будущих русских колонистов Шории. Он также за кулацкую колонизацию, за колонизацию кулаками-заимочниками, которые оправдали себя как сильные колонизаторы, которые умеют использовать богатства тайги. „Нельзя, конечно, отрицать того, — признается автор, — что использование тайги идет путем экстенсивного характера, а отчасти и путем эксплуатации инородческого

¹ Отчет К. Н. Миротворцева. См. Труды съезда земельно-лесных чинов Алтайского округа, Барнаул, 1911, стр. 17.

² Там же, стр. 40.

населения, но интенсификации хозяйства нельзя ожидать и от переселенцев“¹ (разрядка наша Л. П.). Миротворцева не смущает то обстоятельство, что несколькими страницами выше в экстенсивном характере использования тайги шорцами он видел большое зло, искоренения которого он ждал от землеустройства и колонизации. Когда дело коснулось экстенсивного освоения тайги русскими кулаками, это казалось ему вполне допустимым.

В заключение Миротворцев предлагает произвести землеустройство инородческого населения — главного претендента на те же (присвоенные царем. Л. П.) земли и считает готовым к землеустройству в первую очередь население северной Шории и во вторую — население южной Шории.²

Вот вкратце программа ограбления шорцев, какая и была принята к выполнению. В период с 1911 по 1913 год в Шории произошло землеустройство (см. приложенную карту) и одновременно упразднение родовой формы управления и замены его обычным русским волостным управлением. Родовое управление с паштыками во главе отслужило свою службу царю и теперь упразднялось. Оно было полезно и необходимо, когда царю нужно было выколачивать ясак пушниной. Но ценная пушнина была выкачана. Встал вопрос об использовании с целью дохода земель Шории, что достигалось землеустройством, освобождавшим в распоряжение царя огромные земли, которые он мог выгодно сдать в аренду своему государству (казне) и своим подданным. В связи с новыми формами эксплуатации колонии паштыки с их родовым управлением становились тормозом для управления, и от них отказались.

Как же отнеслось население Шории к данной реформе? Если судить по миссионерским отчетам, то „спокойно, тихо, без конфликтов“. „Алтайцы землею довольны, обиженных землеустройством почти не встречается. Довольны землеустройством и церковные причты. Самые лучшие участки отведены церквям“³ (разрядка наша. Л. П.).

На деле же было иначе. Шорцы, например, с большим неудовольствием и не без сопротивления вынуждены были примириться с таким положением. Из тех же миссионерских отчетов видно, что кондомские шорцы „пытались было сопротивляться этой реформе, не отдавали печатей своих паштыков, но потом, по совету местного миссионера, подчинились распоряжению начальства и подписались под приговором. Насколько им не хотелось расставаться с прежним укладом жизни, видно из следующего факта. Когда все уже было кончено и крестьянский начальник уехал обратно, один из инородцев, представитель каларского племени, пришел в дом местного миссионера, получивши благословение, сел на лавку и, не говоря ни слова, залился горькими слезами. На тревожные вопросы: «Что с тобой? Что ты плачешь?» смог ответить только одно: «крестьянга кирип-

¹ Отчет, стр. 44.

² Там же, стр. 49—50.

³ Отчет Алт. миссии за 1911 г., стр. 49—50. Томск, 1912 г.

парды-бис» (крестьянами стали)“.¹ В Отчете Миротворцева также указывалось на сопротивление шорцев землеустроительной реформе. „Насколько велико нежелание некоторых инородцев — писал он — принимать надел с переселенцами, видно из того, что в верховьях Кондомы и на правых притоках Мрассы (по Пызасу) инородцы отказывались от всякого участия в землеустроительной работе переселенческой организации, даже препятствовали составлению списков, запрещали родовым старостам удостоверить их и т. д.“. Кроме того, Миротворцев отмечает ряд фактов пассивного сопротивления шорцев, выразившихся в переселении в более глухие места Шории, что весьма беспокоило автора с точки зрения, что „в поисках новых мест для поселения инородцы могут занять наиболее ценные площади, будут разделявать под пашни и сенокосы новые участки, не считаясь, конечно, с нуждами лесного хозяйства“.²

Настроение в Шории в момент реформы было весьма напряженное. Зашевелились шорские паштыки и бай, которые ясно увидели, что их, местами, почти монопольной эксплуатации наступает конец. Землеустройство несло с собой русскую колонизацию с ее кулацкими элементами, этими серьезными противниками, наглыми и изощренными в приемах эксплуатации. Реформа административного управления лишала шорских баев их ценных помощников (паштыков) в деле обирания производителей шорцев, а самих паштыков лишала основных источников обогащения. Борясь за объект эксплуатации, шорские бай и паштыки под маской защиты интересов всех шорцев вступили в борьбу против реформы, преимущественно в рамках легальных возможностей. Они писали многочисленные прошения, заявления, протесты уездному и губернскому начальству, ссылаясь на владенные грамоты, выданные их предкам воеводами, на указы Екатерины II. Использовали даже материал о легендарном Шуну-Хане, который якобы добровольно вступил в русское подданство с шорцами на условиях закрепления за шорцами занятых ими земель. В ответ на поток бумаг от шорской администрации, начальство неуклонно требовало от паштыков сдачи в архив дел и печатей. По воспоминаниям очевидцев борьба эта в Шории протекала следующим образом.³ Отчаявшись в губернском начальстве, паштыки Барсаятской и Бежбояковой кочевых волостей устроили в улусе Осиновском совместное собрание членов обоих соп'ов в 1911 г. (приблизительно февраль—март), где, обсудив создавшееся положение, решили обратиться непосредственно к царю. На общем собрании избрали двух делегатов (из Осиновского улуса Шуренков А. П., второй делегат из Тайлепа). На расходы по поездке делегации собрали денег (по рублю с годного работника), снабдили делегатов широкими полномочиями и отправили в Петербург. Через месяц делегаты вернулись и сообщили, что к царю их не допустили, а только приняли в письменном виде

¹ Отчет Алт. миссии за 1912 г., стр. 60. Томск, 1913.

² Отчет К. Н. Миротворцева, стр. 43.

³ Воспоминания записаны в Мысках, Чувашке, преимущественно.

их просьбу, на которую они так и не дождались ответа. Однако ответ вскоре пришел от Мин. внутр. дел, где в просьбе указанных волостей об освобождении их на правах старого самоуправления было отказано.

Вследствие того, что осуществление реформы об управлении в течение 1911 года задержалось, паштыки продолжали существовать. Но вот в конце года зашевелилось уездное начальство. В Мыски приехал становой пристав в сопровождении отряда полиции. Он приказал паштыку созвать сход. На сходе пристав спрашивал каждого шорца в отдельности, подчиняется он, или нет, новому закону. Ему единодушно отвечали: „нет“. Пристав арестовал несколько десятков шорцев и паштыка Тотышева, отправил их в Кузнецк, а сам забрал печать и делопроизводство „Казановой управы“. Освобождены арестованные были некоторое время спустя после того, как дали согласие на подчинение реформе. Месяцем позже приехал отряд полиции в улус Осиновский. Урядник Ястремский, возглавлявший отряд, явился к паштыку Борсоятской волости и потребовал выдачи делопроизводства и печати. Ему было отказано. Урядник взял все силой и арестовал паштыка. Затем также был созван сход, на котором поочередно опрашивались шорцы персонально о согласии подчиниться реформе. Так как и здесь последовали „нет“, то результатом были многочисленные аресты. Арестованных пешком отправили в Кузнецк. Доведя арестованных до ближней деревни Ашмариной, урядник снова учинил допрос на ту же тему. Среди напуганных арестом шорцев произошел раскол, наконец, большинство согласилось подчиниться воле начальства. Пользуясь случаем, урядник здесь же, в Ашмариной, на собрании провел выборы новой администрации: старосты, помощника, сотского, десятского. Арестованные были освобождены.

Таким путем постепенно в 1912 г. у шорцев была проведена административная реформа. Родовые соп'ы были ликвидированы, вместо них создали волостное управление. Например, в верховьях Мрассы было организовано Мрасское волостное управление с резиденцией в Усть-Кобырзе. В состав его вошли бывшие соп'ы: кобы, кы, кызы-гажа, таяш, карга, селей. В Кондомское волостное управление вошли: şor, kalar. В Кузедеевское: sarыg şor, uzyt şor, sebi. В Томское — cettiber, celei.

Землеустройство было проведено в 1913 г. Среди шорцев были распространены разговоры, что надо при землеустройстве меньше земли брать, иначе податями задушат. Некоторые совершенно хотели отказаться от наделов, но другие стали уговаривать их надел все же получить, ибо в противном случае придет русское население и шорцев выгонят совершенно, как безнадельных. Стали брать наделы, но боязнь больших наделов не оставляла шорцев. Это можно проиллюстрировать на примере. В улусе Чувашка, когда определяли границы улуса, уполномоченный от шорцев Всеволод Николаевич Напазаков с землемером отвел первоначально границу от Пыласа до Усть-Карагола по Мрассе, причем вглубь от берега граница захватывала 6 километров прекрасного леса. Однако из-за боязни

высоких податей на собрании во время обсуждения границы шорцы Чувашского улуса от леса отказались, и граница прошла берегом реки.

Надо сказать, опасения шорцев вскоре же сбылись. Платежи и повинности выросли в несколько раз. Теперь нужно было платить: 1) оброчную подать, 2) губернский земский сбор, 3) уездный земский сбор, 4) волостной сбор, 5) сельский сбор, 6) церковный сбор и т. п. Словом, в Северной Шории взрослый работник должен был платить всяких налогов и повинностей около 15 рублей. На ряду с этим требовалось брать платные билеты на рубку дров, на рубку леса для постройки, на сбор кедрового ореха.

Нам рассказывали еще о нескольких попытках шорцев, разумеется безуспешных, обратиться к царю.¹ В числе последних одна из делегаций имела целью ходатайствовать об освобождении шорцев от тыловых работ в прифронтовой полосе, куда их мобилизовали во время империалистической войны в 1916 г. Все делегации в столицу, сопряженные с большими расходами, не дали желаемых результатов. Шорцы платили возросшие денежные повинности, как оседлые крестьяне, мобилизовались для военных работ и т. п. Тяжесть ухудшившегося положения после землеустройства целиком легла на плечи трудящихся шорцев. Шорские баи продолжали торгово-ростовщические операции среди охотников и нанимали вместо себя на тыловые работы бедняков.² Баи постепенно налаживали хорошие отношения с новой администрацией.

Вот, в общих чертах, к чему сводилась и чего добивалась царская колониальная политика в Шории (как и во всем Алтае) перед империалистической войной, которая еще больше усилила колониальную эксплуатацию и обнищание трудящихся шорцев.

Оглядываясь назад, можно сказать, что архаический способ производства, господствовавший так долго у шорцев, не помешал царизму проделать то же самое, что в свое время проделали с колониальным населением острова Явы голландцы. По словам Энгельса, „Голландцы на почве древнего общинного коммунизма организовали производство государственным путем и обеспечили людям довольно удобное по их понятиям существование; результат: народ удерживают на ступени первобытной тупости, а в пользу голландской государственной казны поступает 70 миллионов марок ежегодно... между прочим, — это доказательство того, как первобытный коммунизм на Яве, как и в Индии и в России, образует в настоящее время великолепную и самую широкую основу для эксплуатации и деспотизма“³ (разрядка наша. Л. П.). Блестящее и убийственно меткое замечание Энгельса прекрасно иллюстрируется и шорским материалом.

¹ Например, одна делегация в составе бая Чеспиякова, Улагашева Николая (улус Акол), другая из баев Тотышевых и Чеспиякова.

² Баи: Тотышев М. М. нанял Михаила Номышкина из дер. Безруково; Тотышев В. М. — Сексека Ингечекова из улуса Косой Порог; Гавриил Сербегешев — Егора Чегачакова; бай Оттургашев Григ. из улуса Сосновая Гора нанял Табокова Муйчака из Казаса и т. д.

³ Письмо Энгельса Каутскому от 16 февраля 1884 г., Архив, 1 (VI), 1932, стр. 246.

Какова же была судьба шорской общины в условиях царизма после землеустроительной реформы? Общинная форма еще понадобилась при проведении землеустройства, когда шорцам выделяли душевые наделы целиком на данное селение с правом произвести разделы внутри своего селения в соответствии с нормами душевого надела. Однако это была лишь форма, не годящаяся для вмещения нового содержания общественных отношений в Шории. Судьба общины была окончательно предрешена. Маркс, характеризуя сельскую общину, говорил о том, что она носит в себе зерно собственного разложения, которое, согласно его исследований, заключалось в дуализме сельской общины. Дуализм же сельской общины выражался в соединении в ней общей (на пахотные земли, леса, выгоны) и частной (усадебная, дом, урожай) собственности. И Маркс писал: „Ее (общины. Л. П.) конститутивная форма допускает такую альтернативу: либо заключающийся в ней элемент частной собственности одержит верх над элементом коллективным, либо последний одержит верх над первым. Все зависит от исторической среды, в которой она находится“.¹ Конкретная же историческая среда в Шории — окружение развивающегося капитализма — вела шорскую общину прямым и скорым путем к ее гибели. Данная среда способствовала развитию частно-собственнического элемента шорской общины — это означало гибель общины. Община „остается возможною только до тех пор, пока ее члены отличаются друг от друга богатством лишь в ничтожной степени. Как только эти различия станут большими, как только некоторые члены ее станут рабами-должниками других, более богатых членов — община не может более жить“.²

Момент окончательного разложения шорской общины был предотвращен Октябрьской революцией. Нетрудно предположить характер классовых отношений, которые стали бы господствовать у шорцев, если бы Октябрь не освободил их от такой печальной необходимости. Судя по тем формам эксплуатации, которые там развились, и исходя из неразвитости капиталистических элементов экономики Шории, должны были создаться примитивные капиталистические отношения, опутанные элементами крепостничества, что еще более ухудшило бы положение трудящихся шорцев.

Таким образом товарные отношения, принесенные русскими в Шорию, в соединении с колониальной эксплуатацией, оказали огромное влияние на внутренний ход общественного развития шорцев. Они сломали естественный ход этого развития. Указанные причины ускорили процесс разложения родовой общины шорцев, сократили сроки существования не успевшей развиться повсеместно сельской общины и ориентировали шорское общество с зародышами классов на путь капиталистической дифференциации.

¹ Письма Маркса к Вере Засулич. Архив, I, изд. 2-е, стр. 273.

² Письма Энгельса Николаю — ему от 17 X 1893. Летописи марксизма, II—XIII, 1930.

Методы и приемы царской колониальной политики в Шории вели трудящихся шорцев не только к полному обнищанию, но и к физическому вымиранию. Разоренные и истощенные трудящиеся шорцы представляли благоприятную почву для развития различных болезней, уносивших их в могилу сотнями. Убыль населения шорцев может быть показана на примере хотя бы одного пятилетия. За период с 1827 по 1832 год население шорцев кочевых волостей убыло на 771 человек.¹ Адрианов, „проезжая по Мрассе... мог убедиться, что население черни вымирает и лишь слабеющей рукой держится за свое существование, только оттягивая срок своего исчезновения с лица земли“.²

Это не мешало все же буржуазным исследователям утверждать, что „в их нищете виновата... собственная лень и превосходство более культурного русского населения. Отступая от этой культуры, они все глубже уходят в негостеприимные горные леса и здесь погибают, так как они не вступают в борьбу за существование, а лишь безвольно опускают руки.“³ Нужно ли доказывать после изложенного тот великодержавный цинизм, какой проявлялся при обосновании колониальной политики буржуазными учеными? Впрочем, от них не отставали и миссионеры. Не кому иному, как миссионеру, принадлежит следующее печатное заявление относительно населения Кузнецкой тайги: „Когда смотришь на черного алтайца, не верится, чтобы эта апатичная натура могла когда-нибудь проявить искру энергии и желание лучшей цивилизованной жизни“⁴ (разрядка наша. Л. П.). Стоило ли задумываться и считаться с условиями жизни и труда шорцев какому-нибудь уряднику или приставу, если наука и православная церковь твердили, что бедность шорцев происходит от лени и нежелания лучшей цивилизованной жизни!

¹ Шашков. Сибирские инородцы в XIX столетии, стр. 627.

² Путешествие на Алтай и за Саяны, стр. 99.

³ Radloff. Aus Sibirien, Bd. I, S. 366.

⁴ Записки миссионера Серг. Ивановского за 1894 г. Православный благовестник, 1895, № 10. *

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1. Охотники шорцы.
 2. Моление с луком.
 3. Лук для охоты на бурундуков.
 4. Вспахивание пашни „абылом“.
 5. Жатва.
 6. Обжигание колосьев на огне.
 7. Веяние ячменя.
 8. Ручная мельница.
 9. Шорка с корнекопалкой.
 10. Стан рыболовов.
 11. Починка сети.
 12. Плетение „морды“.
 13. Приезд на место сбора кедрового ореха.
 14. Стан шорцев, собирающих орех.
 15. Собирающие сбитых шишек кедрового ореха.
 16. Изготовление горшка из глины.
 17. Орудия для изготовления глиняной посуды.
 18. Кожемялка.
 19. Шорское селение с угожьями.
 20. Жилище „odag“.
 21. Летняя юрта.
 22. Жилище бедняка.
 23. Дом шорца торговца.
 24. Сруб для хранения мяса и других продуктов.
 25. Амбар.
 26. Семья зажиточного шорца.
 27. Дом бывшего бая Тодышева (с. Мыски).
- Карта переселенческих участков бассейна р. Кондомы.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
<i>От автора</i>	3*
Введение	5

ОЧЕРК 1

1. Охота	19
2. Мотыжное земледелие и собирание корней	68
3. Рыболовство	82
4. Промысел кедрового ореха	89
5. Пчелование и пчеловодство	90
6. Скотоводство	94
7. Домашняя промышленность	98
8. Общая характеристика материального производства	115
9. Пережитки первобытного коммунизма	123

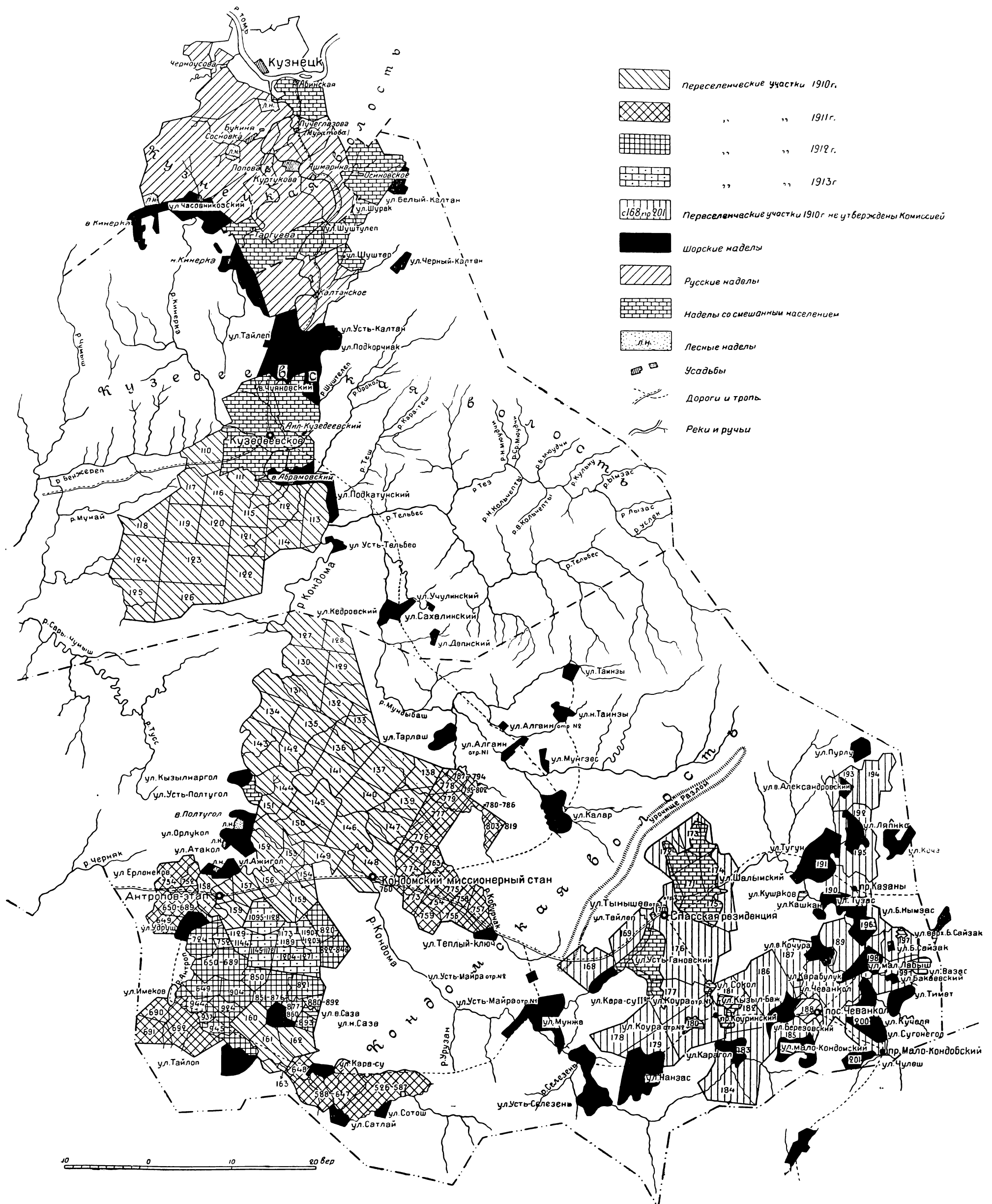
ОЧЕРК 2

1. Пережитки материнского и образование отцовского рода	141
2. Отцовский род и его разложение	165

ОЧЕРК 3

1. Ясак	186
2. Торгово-ростовщическая эксплуатация	201
3. Земельная колонизация и духовная миссия	222
4. Паштыки	231
5. Формы эксплуатации	237
6. Общественный строй шорцев перед реформой 1912 г. и колониальная политика царского кабинета	242

переселенческих участков бассейна р.Кондомы

Цена 9 руб.

Прием заказов и подписки

НА ВСЕ ИЗДАНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

ПРОИЗВОДИТСЯ:

1. В Отделе распространения Издательства Академии Наук СССР. Москва, Проезд Художественного театра, 2. Тел. 48-33.
2. В Ленинградском отделении Издательства. Ленинград, 164. В. О., Менделеевская линия, 1. Тел. 5-92-62.

465 К